

ДЖЕФФ МАЛГАН

САРАНЧА И ПЧЕЛА



ХИЩНИКИ И ТВОРЦЫ
В КАПИТАЛИЗМЕ БУДУЩЕГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Geoff Mulgan

The Locust and the Bee

Predators and Creators in
Capitalism's Future

PRINCETON UNIVERSITY PRESS

2013

Джефф Малган

Саранча и пчела

Хищники и творцы
в капитализме будущего

Перевод с английского
Инны Кушнаревой

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

МОСКВА · 2014

УДК 33
ББК 65.01
М18

Малган, Дж.

М18 Саранча и пчела: Хищники и творцы в капитализме будущего / пер. с англ. И. Кушнаревой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 400 с.

ISBN 978-5-93255-379-4

Недавний экономический кризис стал напоминанием о том, что капитализм может как создавать, так и разрушать. Это система, которая по самой своей природе стимулирует хищников и творцов, саранчу и пчел. Но кризис также предлагает историческую возможность выбрать радикально иное будущее для капитализма, которое максимизирует созидательные и минимизирует разрушительные силы.

Джефф Малган, известный специалист в области социальных инноваций, подробно рассматривает историю мирового капитализма, показывая не только вдохновлявшие его идеи, его утопии и антиутопии, но и его противоречия и возможности, а также то, как новые политические условия меняли капитализм в прошлом и как они будут менять его в будущем. Связывая идеи роста, эффективности и предпринимательства с реальной жизнью, он указывает на возможности повышения качества жизни. Здравоохранение, образование и «зеленые» отрасли становятся доминирующими секторами западных экономик, а области социальных инноваций, инициатив и инвестиций стремительно превращаются в мейнстрим — все это свидетельствует о необычайной жизнеспособности и адаптивности капитализма.

УДК 33
ББК 65.01

Все права сохранены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме с помощью каких-либо электронных или механических средств, включая изготовление фотокопий, запись, поиск и хранение информации, без письменного разрешения издателя

© Издательство Института Гайдара, 2014
Copyright © 2013 by Princeton University Press

ISBN 978-5-93255-379-4

Оглавление

Благодарности · 7

Глава 1. После капитализма · 9

Глава 2. Бесплодные и плодотворные кризисы · 28

Глава 3. Сущность капитализма · 43

Определение капитализма · 48; Капитализм как идея ценности · 52; Добродетель продуктивности и обязательства капитализма · 57; Капитализм и государство · 65; Капитализм как свобода и демократия · 70

Глава 4. Брать или делать: роли творцов и хищников · 75

Капиталистическая продуктивность · 76; Капиталистическое хищничество · 88; Средства разрушения · 101

Глава 5. Критики капитализма · 109

Капитализм дает сильным власть над слабыми · 111; Капитализм уничтожает то, что по-настоящему ценно · 115; Капитализм способствует бездумности · 118; Капитализм делает людей несчастными, а не счастливыми · 126; Капитализм угрожает жизни · 135; Натуралистические заблуждения у критиков и защитников · 137

Глава 6. Антикапиталистические утопии и неотопии · 141;

Глава 7. Природа изменений: как наша система становится иной · 155

Динамическая нестабильность · 159; Как изменить систему · 170; Четыре силы консерватизма · 172; Что движет переменами? · 178; Институционализация изменений · 184

Глава 8. Творческие и хищнические технологии · 190

Длинные волны перемен · 197; Научные системы · 210; Как технология следует за идеями · 220

Глава 9. Подъем экономики, основанной на отношениях и поддержке · 224

Здоровье, уход и экономика отношений · 229; Зеленая экономика · 236; «Гражданизация» · 244; Измерение социальной ценности · 253

Глава 10. Генеративные идеи капитализма · 259

Рост · 259; Коллективный разум, кооперация и эмпатия · 266; Идеальные рынки и идеальные сообщества · 271; Максимизация друзей и отношений · 276; Ценность, измерение и пустая трата · 284; Предпринимательство по ту сторону бизнеса · 287; Время, а не деньги как цель экономической жизни · 291

Глава 11. Новые приспособления, или Как общества (иногда) совершают скачок · 299

Мобилизация коллективного разума и творческого начала · 306; Сделать капитал слугой, а не господином и распространять собственность и контроль · 318; Поощрять переход к устойчивому, дружественному потреблению и объявить войну пустой тратой во всех ее формах · 326; Построить производство по модели замкнутого цикла и вырастить экономику сохранения и поддержания · 330; Рассматривать работу не только как средство, но и как цель (и игру как часть жизни) · 334; Перестроить образование, здравоохранение и социальное обеспечение с учетом не только практических целей, но и отношений между людьми · 338; Множественные системы обмена наряду с деньгами · 348; Утвердить норму, согласно которой богатство — это средство, а не цель · 352; Меры, которые имеют значение · 355; Культивировать вдумчивость одновременно как общественное и частное достоинство · 357; Как складываются приспособления · 360

Глава 12. Перерастающий капитализм · 363

БЛАГОДАРНОСТИ

ЭТА книга возникла из множества разговоров как с критиками капитализма и его горячими сторонниками, так и с игроками и наблюдателями. Одни погружены в деятельность крупных компаний и глобальных рынков, другие ведут кампании против них, а многие застряли посередине. Их диапазон простирался от социальных предпринимателей, подобных Мухаммаду Юнусу, до инноваторов — таких как Ди Хок (прозорливый основатель *Visa*), Розабет Мосс Кантер, Сэм Питрода и покойный Диого Васконселос (мой ближайший помощник в создании глобального движения за социальные инновации). Они включали таких представителей регулирующих органов, как Адэр Тернер (глава британской Комиссии по финансовым услугам), а также политиков, которые непосредственно столкнулись с недавним кризисом (в том числе премьер-министров Кевина Радда, Гордона Брауна, Дэвида Кэмерона и Джорджа Папандреу и Жозе Мануэл Баррозу из Европейской комиссии). Я многое узнал о капитализме из разговоров с моими интеллектуальными героями, включая покойных Чарльза Тилли и Дэниела Белла (оба помогли мне сформировать более последовательный взгляд на то, как происходят перемены), Мануэля Кастельса (его анализ взаимосвязи между финансами, коммуникацией и политикой оказал мне неоценимую помощь), Карлотту Перес (чье влияние очевидно во многих местах моей книги), Ричарда Сеннета (который сотрудничал по многим вопросам и разработал блестящее осмысление культуры современного рабочего места), Бруно Латюра (показавшего релевантность прагматической традиции и радикально иной способ размышлений о науке) и Роберто Магабейро Унгера (во многих обличьях постоянно напоминавший о пластичности мира). Уилл Хаттон и Мартин Вулф, исходя из разных политических точек зрения, показали, сколь пронизательной может быть лучшая журналистика.

Дэвид Гудхарт, тогдашний редактор *Prospect Magazine*, дал мне возможность обкатать некоторые из идей в печати на ранних стадиях, тогда как Бруно Гуиссани и Крис Андерсон позволили поделиться ими на TED. Многие другие институты по всему миру, от SITRA в Финляндии до университета Цинхуа в Китае и Лондонской школы экономики, дали мне возможность высказать свои идеи. Кармель О'Салливан помогла с подготовительными поисками материалов по главе 11. Эл Бертран из *Princeton University Press*, как редактор, проявлял твердость и в то же время постоянно оказывал поддержку. Я получил очень полезные замечания от Уилла Дэвиса и Рашанары Али среди прочих. Моя семья (Ровена, Руби и Финтан) и коллеги с пониманием относились к тому, что я слишком часто отвлекался: их поддержка очень ценна, немногие из нас могли бы писать без той заботы и терпения, которыми мы окружены. Любые фактические ошибки или ошибки интерпретации, конечно же, мои.

После капитализма

ВСЕГО несколько лет назад вопрос о том, что может быть после капитализма, постоянно откладывался и считался не более разумным, чем вопрос о том, что придет на смену электричеству или науке. Казалось, ничто не может бросить вызов капитализму. Глобальные рынки втянули в свою орбиту Китай и Индию. Сторонники Средневековья на периферии ислама и армии оборванцев, окружившие мировые саммиты, боролись друг с другом за то, чтобы быть последним, ослабленным противником капитализма. Нам говорили, что многонациональные компании управляли империями, превосходящими по размерам большинство национальных государств, и, по мнению некоторых, сумели привлечь на свою сторону массы при помощи брендов, когда *Coca*, *Nike* и *Google* пришли на смену красному флагу и сжатому кулаку. Религиозные институты трансформировались в высокодоходные предприятия, продающие верующим массу мультимедийных продуктов. Коммунистические лидеры в переживающих экономический подъем Шанхае и Шэньчжэне мутировали в инвесторов и предпринимателей. Приватизировалась даже природа, шла ли речь о ДНК редких насекомых или о тропических лесах в Южной Америке, а добыча полезных ископаемых переместилась с земли в океаны, а потом в космос.

Тот факт, что Китай удвоил свой ВВП за 10 лет, тогда как у США в XX в. на это ушло более 40, а у Британии в XIX в. — более 50 лет, говорит о том, что мировая экономика переживает радикальное ускорение и что система настолько превосходит своих конкурентов, что все споры должны прекратиться.

Недостатка в скептиках и недовольных по-прежнему не было. Но серьезные диссиденты и критики стали мар-

гиналами. Фидель Кастро, запертый на своем острове, старел, болел и стал никому не нужен. Аятоллы в Куме (Иран) в 1980-е гг. попытались было экспортировать свои альтернативы, но потерпели неудачу и теперь проигрывали битву за сердца и умы своей молодежи, устраивавшей тайные вечеринки в пригородах Тегерана. Контркультура, бросившая вызов капитализму в конце 1960-х гг., предложив любовь, мир и подлинность, была в основном кооптирована в бизнес-этику джинсов и расстегнутых рубашек, сочетающуюся с безжалостным вниманием к чистой прибыли. Кажется, война окончена и капитализм ее выиграл.

И все же урок самого капитализма состоит в том, что нет ничего вечного. Как выразился Карл Маркс, «все сословное и застойное исчезает». В капитализме поровну сил, которые его динамически подрывают, и сил, которые толкают его вперед. Созидательное разрушение — его природа, а не злополучный побочный эффект. Мы не можем легко предсказать, что будет с капитализмом. Но так же глупо делать вид, что он сохранится вечно.

На протяжении всех 170 лет использования термина «капитализм» не утихали споры о том, во что он может эволюционировать. Утописты предлагали подробные описания того, как может выглядеть общество будущего, без денег или без прибыли. Теоретики показывали, что капитализм был просто этапом в эволюции человечества, такой как феодализм, необходимой вехой, на который вам, однако, не захотелось бы застрять.

Эти споры в значительной мере поутихли после 1989 г. И если одной из причин этого был очевидный триумф капитализма, то другой причиной стал провал теории. 1989 год ознаменовал победу экономики над социологией и победу требований рынка как двигателя прогресса человечества¹. Однако, хотя интеллектуальные инструменты экономической науки хороши для объяснения того, как нерыночная экономика может стать капиталистической, а еще лучше

1. Гражданские движения, от «Солидарности» до «Гражданского форума», сыграли решающую роль в свержении старых коммунистических режимов, и немалое число выдающихся социологов тоже приняли в этом участие. Но их роль часто заслонялась ролью и привлекательностью рынка, рыночных механизмов, рыночного мышления и рыночного поведения.

подходят, чтобы показать, как происходят изменения внутри рынка через подъемы и спады предприятий, секторов и технологий, они мало что могут сказать о том, как капиталистическая рыночная экономика может эволюционировать в нечто иное.

Моя цель в этой книге — дать инструменты для размышлений о капитализме как системе, которая находится в движении, а не дошла до конечной точки в каких-то своих фундаментальных аспектах. Я приступил к ее написанию на пике рыночной эйфории в 2007 г. и продолжил во время кризиса, который начался в следующем году и конца которого пока не видно.

Мой основной посыл прост. Капитализм в своих лучших проявлениях вознаграждает тех, кто творит, производит и обеспечивает: людей и фирмы, которые создают ценные вещи для других (например, изощренные технологии и хорошую еду, автомобили и здравоохранение) и доставляют радость и удовлетворение. Его моральное притязание — создавать альтернативу хищническим тенденциям государств и феодальных правителей, подобных саранче. Он вознаграждает людей, которые, подобно трудолюбивым пчелам, много работают и создают инновации, и поэтому он приносит всем пользы больше, чем любая другая экономическая система в истории.

Но капитализм также вознаграждает потребителей и хищников, людей и фирмы, которые извлекают пользу из других, мало что отдавая взамен. Хищничество — часть повседневной жизни капитализма в ведущих секторах, таких как фармацевтика, программное обеспечение и нефть, где у людей ежедневно отбирают деньги, данные, время и внимание в глубоко асимметричном обмене. Это обычное поведение для домовладельцев в трущобах и ростовщиков, в порнографии и проституции. Там, где закон не действует, организованная преступность отбирает заработанные непосильным трудом деньги и подсаживает людей на наркотики. Там, где закон действует, разного рода асимметрии используются в значительной части финансовой деятельности для того, чтобы захватывать, а не создавать прибыль, и за последние 20 лет, когда капитализм стал получать основную часть своих доходов не от производства и инноваций, а от спекуляции, эта часть финансов выросла.

Это не новые проблемы. Историк Джордж Анвин связывает неспособность обратить динамику изобретений и предпринимательства в Англии XVI–XVII вв. в промышленную революцию с «лихорадочным самообманом спекуляции и эгоистической жадности монополий», которые заслонили честное предпринимательство и высосали ресурсы из новых технологий и производства². Адам Смит прекрасно осознавал двойственную природу капитализма и много писал о соблазнах сговора и эксплуатации, с которыми можно столкнуться на рынках. Два столетия спустя некоторые из самых прозорливых мыслителей в современной экономике пытались разобраться со сложностями «экономической ренты» и хищнического поведения и тем, почему оно получает все более широкое распространение в экономиках, основанных на знании и информации³. Политологи тоже показали повсеместное распространение хищнического поведения, а также то, что конфликт между продуктивностью и хищничеством многое объясняет в той непростой политике, которая всегда окружала капитализм, и почему либеральная мечта о рынках, которые будут сами собой управлять, превратилась в химеру⁴.

Но при этом большая часть написанного об экономике и капитализме либо игнорирует, либо забывает об этих конфликтах. Критики капитализма слепы и не видят его творческого духа, тогда как его самодовольные защитники воспринимают в штыки любое указание на то, что система может иногда вознаграждать хищника или что создание ценности для одних может привести к ее уничтожению для других.

По всему миру резкий рост асимметрии в распределении власти, богатства и вознаграждений, сопровождавший пе-

2. George Unwin, *Studies in Economic History: The Collected Papers of George Unwin* (London: Frank Cass, 1966).

3. Уильям Баумоль, неизменно один из самых вдумчивых экономистов, хорошо написал об этом в своей статье: William Baumol, «Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive», *Journal of Business Venturing* 8, no. 3 (1990): 197–210. Он, в частности, отмечает выгоду, связанную с направлением усилий на такие вещи, как лоббирование и судебные иски, а не на продуктивное творчество.

4. Хороший пример: Daron Acemoglu and James Robinson, *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty* (London: Profile, 2012).

реход к экономике, основанной на знании и информации, сделал общества богаче, но в то же время создал для них больше напряжения и неудобств. Капитализм еще никогда не был столь креативным, как сейчас. Но столь хищническим тоже не был. В итоге мы имеем пейзаж, где политика и экономика сталкиваются с проблемами, в корне отличающимися от тех, с которыми они имели дело на пике индустриальной эпохи, с проблемами, которые им нелегко признать, тем более решить.

Никто не вводил капитализм законодательным путем. Никто его не планировал. Даже само слово было придумано его критиками, а не защитниками. Капитализм, описанный Адамом Смитом, имеет лишь слабое отношение к сегодняшнему капитализму. Однако ввиду всех этих причин капитализм — общественное достояние, часть мировых ресурсов общего пользования, как литература, наука или великие религии. Это необыкновенно мощная система, и для нас всех должно представлять интерес, в каком направлении он движется. Как сказал о свободе английский поэт Мэтью Арнольд: на этой лошади хорошо скакать, но нужно выбрать направление, в котором мчаться.

Множество вещей распространились по всему миру благодаря модерну: рациональность науки, предсказуемое верховенство закона и беспорядочные, но в целом крепкие формы демократии. Тем не менее ни одна из этих вещей не является столь противоречивой и не вызывает столько споров, как капитализм, еще одна система, получившая распространение вместе с ними⁵. Капитализм неоднократно сталкивался с кризисами прибыльности. Но порой он сталкивался и с кризисами смысла. В любой капиталистической экономике есть антикапиталистические движения, активисты и даже политические партии в том смысле, в каком больше нет антидемократических движений, активистов и партий. Есть сотни миллионов скептиков и циников,

5. См., например, результаты исследования 27 стран, проводившегося «Всемирной службой Би-би-си» в 2009 г., из которого явствует, что большинство населения во всех странах желает увеличения государственного вмешательства. Едва ли хотя бы один человек из 10 думал, что система работает хорошо, в 2 раза больше человек считали, что она имеет неисправимые недостатки. (Исследование *Globescan* по заказу Би-би-си: http://www.globescan.com/news_archives/bbc2009_berlin_wall/).

с отвращением взирающих на наглую самоуверенность корпоративной рекламы, диссидентов в мыслях, хотя и не на деле. Вопреки всем достижениям в улучшении уровня жизни, капитализм почти в буквальном смысле слова не сумел создать цель не только для проигравших, но и для победителей. Несмотря на все свои успехи в удовлетворении того, что некоторые африканцы называют «меньшей жаждой» — жаждой вещей, он не смог удовлетворить «большую жажду» — жажду смысла.

Многочисленные кризисы прибыльности, которые пунктиром проходят через короткую историю капитализма, привели к приспособлениям и компромиссам главным образом с государством, а кризисы смыслов заставили капитализм искать компромиссов со своими критиками, чтобы выжить. Снова и снова капитализму приходилось перестраиваться, его энергию канализировали, сдерживали и направляли новыми способами, путем создания государств всеобщего благосостояния и государственной системы здравоохранения или путем принятия законов, запрещающих продажу некоторых вещей, от наркотиков до органов тела, от небезопасных продуктов до государственных должностей. Иногда он пытался выдать идеи своих критиков за свои, — например, представляя корпорацию в качестве религии или места, в котором перевернуты иерархии и отставлена бюрократия. Он позиционировал себя в качестве силы, борющейся за равенство, спасение окружающей среды и даже за решение мировых социальных проблем. Проблема всегда была в том, чтобы заставить это качество работать не только в узкоэкономическом смысле, но также в когнитивном отношении, как систему, которая обладает смыслом для людей, находящихся в ней.

У капитализма много разных вариантов будущего. Его хищнические наклонности могут стать более агрессивными вследствие образования новых монополий, связанных с энергоресурсами, природными ресурсами или интеллектуальной собственностью, с опорой на государственную власть, и из-за смещения центра тяжести на Восток. Капитализм может развиваться еще глубже, превращая в собственность все что угодно, от генов и мелодий до океанского дна. С повсеместным распространением данных и сетей каждый факт, каким бы интимным он ни был, может стать товаром в мире, где реальное и виртуальное сливаются воедино.

Но меня интересуют возможности приведения капитализма в более тесное соответствие с жизнью, так, чтобы она помогла ему укрепиться, обогатиться и ожить, преодолеть нехватку смысла и значения. Как я показываю, капитализм достиг расцвета отчасти благодаря радикальной двусмысленности определяющих его идей, которые предлагают огромные выгоды хищникам, но в то же время дают всем шанс творить, производить и обеспечивать. В латентном виде в нем заложены, как я предполагаю, совершенно разные идеи о росте, ценности и предпринимательстве, а также о любви и дружбе.

Поэтому в этой книге я предлагаю некоторые инструменты, при помощи которых мы могли бы думать и действовать в целях осуществления этого проекта. С методологической точки зрения это потребует переключения в разные масштабы — с микроуровня на макроуровень и обратно. Этот метод отражает то, что я считаю закономерностью социальных и экономических изменений — постоянный обмен между частным и общим, а также между дном и верхушкой общества, жизненным миром индивидов, организаций и миром агрегатов.

Кризисы ускоряют эти процессы обмена. Институты и народы поначалу реагируют на кризисы, обращая настойчивое внимание на симптомы, лежащие у них перед глазами: предприятия разоряются, рабочие теряют работу или люди лишаются жилья. Некоторые так и не доходят до борьбы с причинами, которые, как я полагаю, коренятся в том, что хищники и «безбилетники», стремящиеся захватывать ценность, которую они сами не создают, что выражается, например, в росте акций технологических компаний, цен на землю или дешевого долга, заходят слишком далеко. Но некоторые умеют извлечь из кризисов максимальную пользу, чтобы исцелиться, прибегая к лекарствам, которые в противном случае игнорировали бы. В самом деле, одно из определений лидера — способность использовать малейший кризис с максимальной эффективностью, и мы должны надеяться на то, что настоящий кризис породит новые приспособления, которые займутся устранением его фундаментальных причин.

И все-таки, когда большая часть развитого мира столкнулась с перспективой длительного периода низкого роста

и стагнации доходов большей части населения, лишь немногие политические партии смогли предложить достоверные объяснения того, откуда могут прийти процветание, счастливая жизнь и хорошая работа, если это вообще возможно. Этот провал рискует еще больше повысить и без того высокий уровень политического недоверия и вызвать крен в сторону популистского авторитаризма и поисков козлов отпущения, а не ответов на вопросы. Потребность в творческом подходе к политике и экономике велика, как никогда.

Никто не может предсказать, какие именно формы примут эти новые приспособления в глобальном, национальном и местном масштабе. Но есть возможность наметить элементы, на которые они могут опираться, и я надеюсь, что любой читатель к концу книги получит представление о возможных мирах, находящихся в зоне нашей досягаемости, и о том, как могут трансформироваться наши взгляды на то, что такое благосостояние, как оно создается и как его следует использовать.

Глава 2 подготавливает почву, описывая кризис, произошедший в конце 2000-х гг., и то, как он изменил мировую политическую экономику. Этот кризис, подобно многим другим, зародился на периферии капитализма, в жилищном и земельном секторе, и в наиболее шатких частях системы, чтобы после перекинуться на все остальные части, заморозив движение кредита в банках, а затем вызвав шквал банкротств. Оглядываясь назад, мы можем увидеть, что конец 1990-х гг. принес с собой историческое перемещение прибылей из производства в финансовый сектор, что, как любой переизбыток хищничества, в конечном счете нанесло ущерб жизнеспособности расхищаемой системы. Кризисы могут быть либо бесплодными, либо плодотворными. Но сам объем государственных субсидий и гарантий, потребовавшихся для предотвращения финансового краха, противоречивые результаты, к которым они привели, и тяжесть последовавшего налогово-бюджетного и политического кризиса увеличивают вероятность того, что со временем внимание переключится с лечения симптомов на более фундаментальную реформу.

В главе 3 описываются истоки капитализма и то, как он развивался. Капитализму давались разные определения — через его правила и законы, через ту власть, которой он на-

деляет инвесторов и предпринимателей, и через потоки денег, информации и товаров, который он поддерживает. Я определяю его как идею — упорную погоню за обмениваемой ценностью, которая становится формой жизни. В этом отношении он резко отличается от социальных систем, которые ставят на первое место захват территории, спасение души или человеческое братство. Но капитализм — это вопрос степени. Разные общества могут выбрать, насколько капиталистическими они станут, насколько далеко позволят капиталистической идее проникнуть в такие области, как здравоохранение или искусство. Любой реальный капитализм — нечистый гибрид, полукровка, смешанная с другими породами.

Эти компромиссы возникают на пересечении между тем, что я называю «живой ценностью» — ценностью пищи, домов, автомобилей или отношений, которая дана нам в опыте и в основе которой лежат наши потребности в выживании и процветании, и «репрезентированной ценностью» денег, акций, облигаций и кредитных карточек. Ценность обретает смысл только в жизни — в реальном времени и месте. Но ее репрезентации преодолевают время и место. Капитализм взорвал мир репрезентированной ценности, его сила заключена в абстрактном, универсальном характере этой ценности и применении математики во многих сферах деятельности. Но его многочисленные слабости также происходят от разрыва между живой ценностью и ее репрезентациями, включая распространение отчуждения и его уязвимость для кризисов (которые возникают, когда связь между живой и репрезентированной ценностью становится слишком натянутой).

В главе 4 дается более глубокое объяснение двойственного характера капитализма, его пчел и саранчи. Лицевая сторона капитализма — производительная, создающая продукты и услуги, от более эффективных станков для текстильной промышленности до более эффективных способов управления магазином. Эта его сторона трансформировала условия жизни при помощи миллионов мелких улучшений и тысяч более крупных. Самый яркий ее пример — инновации заводской системы, автомобиль, микропроцессор и мобильный телефон. Способность систематически создавать новую ценность через производство — самая поразительная особен-

ность капитализма как экономической системы, сделавшая его двигателем материального благосостояния. Не так давно она сделала из капитализма отличного мобилизатора материальных желаний, фантазий и мечтаний. Это капитализм надежды, обещавший превратить низкие металлы в золото, шлам — в медь, бедных — в богатых, а также мобилизовать миллионы изобретателей, предпринимателей и рационализаторов. Это капитализм, предлагающий честную награду взамен экспроприации государством-угнетателем или феодальными правителями.

Изнанка капитализма — лицо хищника, извлекающего ценность из людей или природы и мало что или вовсе ничего не дающего взамен. На протяжении всей истории люди отбирали урожай, скот и чужие жизни при помощи механизмов феодализма, рабства и империи. Финансовые хищники извлекали прибыль из наивных клиентов. Шахты извлекали ее из земли. Хищничество отнюдь не ограничивалось экономикой. Неслучайно, что ведущие капиталистические державы всегда были ведущими военными державами, с готовностью использовавшими силу для открытия новых рынков. В прошлом хищничество затрагивало вполне материальные вещи — пищу, дома или жизни. Но в мире, в котором господствуют репрезентации ценности, хищничество оказывается опосредованным, происходит без видимой связи между потерями одного и приобретениями другого. Более того, меняются формы хищничества: теперь они затрагивают умы и надежды не в меньшей степени, чем материальные вещи. Но сам факт хищничества при капитализме не изменился и объясняет его сомнительную легитимность. В капиталистической системе помимо надежды мы встречаем некоторые из самых первобытных наших страхов.

В главе 5 рассматривается методичная критика, которой подвергался и продолжает подвергаться капитализм на протяжении уже более чем двух столетий. Критики клеймили капитализм как заговор власть имущих, бестолкового врага сосредоточенных размышлений, разрушителя истинной ценности, природной или культурной, врага общности и крепких социальных связей и врага жизни. Этот последний пункт показывает, насколько капитализм отличается от рынка. Если рынки полны жизни и социального взаимодействия, места, в которых сконцентрирована власть ка-

питалистов, могут оказаться полной противоположностью жизни. Бездушные и тоскливые деловые кварталы, автоматизированные производственные линии на заводах или суровые абстрактные штаб-квартиры глобальных банков воплощают в себе эстетику, идущую вразрез с ярким, многообразным рисунком живых вещей — таких, как леса или коралловые рифы.

В главе 6 описываются радикальные альтернативы, которые можно найти в традициях утопической мысли, от Томаса Мора до Урсулы Ле Гуин, от Уильяма Морриса до Ивана Ефремова, предлагавших полностью сформированные варианты несовершенного настоящего. Утопии — один из способов, при помощи которых общество представляет себе альтернативные варианты будущего, кроме того, многие утопии претворяли свои идеи в жизнь, создавая островки будущего. Тогда, как и сейчас, они были здоровым противовесом ленивому пессимизму, утверждающему, что все попытки достичь прогресса обречены на неудачу. Если утопии — это миры, в которых хищники были уничтожены, дистопии, в свою очередь, — миры, в которых они завоевали господство. Но утопии одновременно и слишком много обещают, и слишком мало дают, поскольку сегодня, как и в прошлом, их самый большой недостаток — то, что они не знают, как могут произойти изменения, как мы можем попасть отсюда туда.

В главе 7 подхватывается этот вызов и приводится теоретический аппарат для того, чтобы понять, как может эволюционировать капитализм. Никто не может просто придумать и законодательно оформить совершенно новый вид экономики (хотя некоторые и пытались). Точно так же никто не может просто заявить об иных принципах и надеяться, что они станут реальностью. Фундаментальные изменения происходят только тогда, когда видно, что существующие системы потерпели провал, в том числе и по их собственным меркам. Часто это происходит из-за динамики внутри самой системы. Многие анализировали то, каким образом капитализм может стать своим собственным могильщиком, некоторые из этих способов уже дискредитированы историей, другие — ею оправданы. Они включают в себя давление, оказываемое производительностью (которое парадоксальным образом приводит к сжатию наиболее успеш-

ных секторов), изменение закономерностей спроса (который имеет тенденцию переходить от количества к качеству, от вещей к услугам) и то, что получило название «культурные противоречия капитализма» (конфликт между требованием пуританского тяжелого труда в производстве и гедонистических излишеств в потреблении).

Сам успех капитализма создает условия для изменений: прогнозы предсказывают трехкратный рост размеров мировой экономики и даже удвоение в старых экономиках Европы и Соединенных Штатов к 2050 г. Прошлый опыт подсказывает, что большее процветание влечет за собой изменение перспективы и корректировку взглядов на соотношение между работой и жизнью. Я предлагаю более широкий аппарат для осмысления такого рода изменений и того, как взаимосвязанные комбинации интересов, отношений и ментальностей могут оказывать сопротивление переменам или ускорять их по мере того, как новые истины проходят через стадии, описанные Шопенгауэром: сначала их игнорируют, затем активно им сопротивляются и, наконец, начинают считать самоочевидными.

В главе 8 я обращаюсь к широко распространенному мнению, что будущее капитализма лучше всего можно понять, если считать, что оно связано с большим числом лучших технологий. Сегодня наблюдаются совершенно беспрецедентные масштабы научной и технологической деятельности, гарантирующие поток новых знаний и вещей. С достоверностью можно предсказать, что глобальные расходы на научные исследования и разработки к середине этого столетия будут в 5 раз выше, чем теперь. Представители ряда «теорий длинной волны» пытались осмыслить длинные циклы экономических изменений и теперь говорят о новом виде экономики, складывающемся из экологических технологий, широкополосного Интернета, исследований генома и нанотехнологий. Но технологии всегда в одинаковой мере и формировались обществом, и формировали само общество, и мы должны ожидать начала борьбы за влияние на формирование науки и технологий — борьба, в которой государство и крупный бизнес часто будут противостоять обществу. Как я утверждаю, зрелые системы инноваций потребуют лучшего понимания наиболее важных проблем, с которыми сталкиваются общества, более совершенных способов направить

творческие умы на их решение и более эффективных каналов для претворения полученных таким образом идей в жизнь. В этой главе я также более подробно рассматриваю циклический характер творческого начала и хищничества в экономике и то, как взаимодействуют их циклы.

В главе 9 утверждается, что, хотя большинство из нас считает, что экономика состоит из вещей (новых автомобилей, консервов или ипотеки), во многих богатых экономиках автомобили и сталь, микрочипы и финансовые услуги перестают быть господствующими отраслями и на смену им приходят здравоохранение, образование, уход и неопределенная территория экологических отраслей и видов деятельности: все те сферы, где ключевое значение имеют отношения. Докапиталистические экономики были озабочены главным образом сохранением и поддержанием (*maintenance*), циклами сельского хозяйства, ремесел и производства, заботой о детях и доме. Огромная часть выполняемого труда была направлена на сохранение и поддержание — прополка, чистка, подготовка и приготовление пищи. Многие из этих операций были однообразными и вписанными в рамки отношений. Напротив, капитализм ввел в экономику линейность и идею кумулятивного роста, а также экономику, основанную на вещах, которые использовали, а затем попросту выкидывали, распространив на другие сферы то, что всегда было частично присуще экономике роскоши. Я полагаю, что в долгосрочной перспективе это убеждение может оказаться aberrацией, что большая часть нашей экономики снова станет циклической, озабоченной сохранением и поддержанием, хотя и значительно обогащенной знаниями и информацией. Домохозяйство снова станет важным местом производства и потребления. В материальной экономике мы все больше стремимся к гомеостазу и равновесию, подобно тому как мы стремимся к ним в наших физических телах. Но мир знаний, как и способности нашего собственного мозга, имеет потенциал для неограниченного роста. Соедините все это вместе, и тогда вы поймете, как наши идеи о росте могут измениться с «больше и крупнее» на «снова и лучше», в том же ключе, в каком мы уже представляем себе пищу и секс, дружбу и удовольствие.

Глава 10 обращается к теории, показывая, как кластер продуктивных идей мог бы придать форму новому миру

после капитализма, миру, больше подходящему для творцов, чем для хищников. Эти идеи я позаимствовал не из утопических традиций, марксизма или либерализма, а из собственных идей капитализма, содержащих в себе потенциал для его радикального преодоления. Они включают в себя более широкое понятие роста, теснее связанного с качеством жизни, а не с количеством потребления: я прошу читателя представить себе экономику, в которой весь существующий рост качественный, а не количественный, с меньшими затратами энергии, материалов и времени, которые дают большую отдачу, и где часто отдается предпочтение не экспансии (ожирению или расточительству, например), а сокращению. Я также рассматриваю здесь идею обмена. Капитализм позволил соединить крайне разбросанное население, которое стало участвовать в обмене друг с другом ради взаимной выгоды. На рынках эти обмены управляются деньгами, решениями о том, покупать или не покупать, продавать или нет. Это системы с крайне ограниченной пропускной способностью, больше озабоченные количеством, чем качеством. Но они позволяют нам представить более сложные системы, в которых обмен богаче и имеет больше направлений, качество в которых не менее важно, чем количество, а ценности не менее важны, чем стоимость. Я называю это идеалом совершенного сообщества, совершенной коммуникации и обмена внутри большого комплекса систем, в которых ограниченная пропускная способность рыночного обмена является частным случаем. Глядя сквозь эту призму, мы можем быть точнее в суждениях о моральных пределах капиталистического мышления. Я также обращаюсь к идеям максимизации и к тому, как можно представить себе максимизацию отношений, а не денежной стоимости, а также к расширению возможностей измерения. Рынки часто замечательным образом мобилизовали математику, остальное общество может сделать то же самое. Другие продуктивные идеи включают в себя идею предпринимательства, которая может найти применение не только в бизнесе, но и в политике, религии, обществе и искусстве⁶.

6. Заимствуя блестящую метафору Джеймса Бакэна из заглавия его книги «Замороженные желания»: James Buchan, *Frozen Desire* (New York: Welcome Rain Publishers, 2001).

В главе 11 объясняется, как теории применяются на практике, описываются те пути, которые ведут к радикально новым социальным и экономическим условиям в будущем. Я показываю, как в решающие моменты истории целые общества перестраивались при помощи трудных соглашений, позволявших капитализму эволюционировать, а не жестких революций. Новая Зеландия, Швеция, Соединенные Штаты, Южная Корея и Германия — это лишь несколько примеров из прошлого. Исландия может оказаться важной иллюстрацией из настоящего. Эти приспособления всегда брали идеи и организации, которые уже существовали, хотя и на периферии, и помещали их в центр; и они всегда имели очевидный моральный пафос. Реформаторы, радикалы и те, кого мы сегодня называем социальными новаторами, предоставляли набор опций, на основе которых можно было подготовить новые договоренности, и помогали капитализму стать более цивилизованным, давая людям возможность высказаться. Глядя вперед, я указываю на элементы, которые можно будет использовать в будущих приспособлениях, по-новому определив роль капитала, труда, производства, знания, благополучия и игры. Каждый из них воплощает изменившийся взгляд на то, что представляет собой благосостояние, как оно создается и как должно использоваться. Ответы могут принимать самые разные формы в зависимости от контекста: Маркс был прав, когда утверждал, что мы «заставляем обстоятельства плясать под нашу дудку». Но если история может служить нам проводником, то, по-видимому, будет присутствовать сильная тенденция к конвергенции, и здесь я намечаю элементы, на которые можно будет опереться при формировании политической программы на грядущие годы, которая бы усилила экономическую креативность и сдержала хищничество.

В главе 12 я завершаю книгу размышлениями о том, куда мы можем направить свой путь. Капитализм одновременно и создавал, и отбирал, был мобилизатором творческого порыва и труда и грабителем, продуктивным и деструктивным фактором. Он был могучим ускорителем кооперации, вдохновленной конкуренцией, мощным катализатором эффективности, которую подстегивали постоянное удвоение и трата. Неудивительно, что он оставил людей в парадоксальном состоянии, где им более чем достаточно того,

на что жить, но остро не хватает того, ради чего это делать, где у них есть более чем достаточные средства (means), но не хватает смысла (meaning). Как я предполагаю, эти парадоксы будут разрешены при капитализме иного рода, который будет больше ориентирован на жизнь и сотрудничество и заново свяжет репрезентации ценности с живой ценностью, стоящей за ними.

Существует много конкурирующих друг с другом историй о том, что может случиться дальше. Есть знакомая история о непрерывно углубляющемся триумфе капитализма, согласно которой он проникает на все уровни жизни, сделавшись здравым смыслом и отбиваясь от врагов — от коммунизма до ислама. Нам говорят, что этот триумф неизбежен, потому что капитализм укоренен в природе — люди по природе своей потребители, эгоисты, материалисты и рабы своих генов. Нам говорят, что другие системы не работают, потому что противоречат природе. Этот взгляд резюмирует фраза Маргарет Тэтчер «Альтернативы нет», и она неоднократно использовалась для подавления несогласия и скептицизма, как современная версия знаменитого описания Вальтером Беньямином картины «Angelus Novus». На картине в раю разразилась буря, которая дула с такой силой, что «он [ангел] уже не может их [крылья] сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, тогда как гора обломков перед ним поднимается к небу. То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал».⁷ Буря, кажется, сопротивляется уговорам или аргументам и предполагает либо подчинение, либо гибель, естественным путем приводя к историям об апокалиптической катастрофе, по-видимому, через финансовые или экологические катаклизмы.

Здесь я предлагаю иную версию, на которую повлияло то, что история рассказывает нам о других периодах, когда считалось, что то, что есть, то и должно быть. Два столетия назад миром правили монархии. Существовали случайные республики, в великих итальянских городах или в молодых

7. Walter Benjamin, «Theses on the philosophy of history» // *Illuminations* (London: Pimlico, 1999), 249; Вальтер Беньямин. О понятии истории // Беньямин В. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГГУ, 2012. С. 242.

Соединенных Штатах. Но революционная волна, начавшаяся в Париже в 1789 г., себя исчерпала, в результате чего многие пришли к выводу, что массовая демократия — это ошибка, эксперимент, который был испробован и провалился. Монархия укоренена в человеческой природе: люди по природе своей нуждаются в иерархиях, разделении на слабых и сильных, при котором сильные стоят во главе. Демократия означает власть толпы и хаос и обречена быть крикливой, грубой и жестокой.

Как мы знаем, каждая из составляющих этого благозвучного утверждения оказалась полностью ошибочной. Монархии казались всемогущими, но в действительности были началом того, что стало сперва медленным, а затем ускорившимся упадком, отмеченным революциями и парламентскими бунтами, в итоге чего ко второй половине следующего столетия они стали не правилами, а странными исключениями. Наследники могущественных императоров, царей и кайзеров стали туристическими достопримечательностями, роль которых свелась к участию в торжественных открытиях общественных зданий и присутствию на страницах желтой прессы и которых грубо ставили на место, как только они пытались оказывать влияние на правительство, часто позволявшее им сохранить свои титулы и регалии. В 1914 г. в Европе было 17 монархий, включая империи в Германии, Австро-Венгрии, России, Британии и Турции. Через пять лет из них осталась только одна.

Какие уроки мы можем извлечь из этого периода? Мы можем представить, что нечто очень похожее происходит с нашими внешне могущественными правителями, когда после периода триумфа, начиная с 1989 г., капитализм начал медленно отходить на периферию из-за сознательного выбора или, точнее, миллионов актов сознательного выбора. Допущение, что он опирается на неизменную человеческую природу, было в основном опровергнуто наукой, а также растущим осознанием многообразия нашей природы — кооперативной и эгоистичной, боязливой и полной надежд, жаждущей признания и обижающейся на пренебрежение. Допущение, что капитализм — конечная точка в истории, противоречит растущему осознанию того, что существует множество его разновидностей, которое частично связано с подъемом иных видов капитализма в Китае, Индии, Бра-

зилии и других странах⁸. В 1900 г. Европа производила 40% мирового ВВП, в 2000 г. — 25%, а к середине столетия ее доля может сократиться до 10%⁹. Эти прогнозы могут оказаться преувеличением, подобно тому как в прошлом оказались ошибочными прямолинейные прогнозы, касавшиеся роста СССР и Японии. Но многополярная экономика вполне возможна, и вероятность того, что какая-то из молодых держав станет подражать прежним лидерам гонки, столь же мала, сколь мало сходство между японским и английским капитализмом.

Карл Маркс полагал, что капитализм, сконцентрировав рабочих на фабриках, создаст ту самую общественную силу, которой предназначено его разрушить. Я утверждаю, что капитализм действительно может создать общественную силу, необходимую для того, чтобы выйти за его рамки, но совсем иным образом, чем представлял себе Маркс. Решающей силой будут связи (connectedness), а не концентрация: в конечном счете связи модифицируют интересы и восприятие, а связи в одной сфере, такой как торговля, проникают и в другие. Они проникают в личные отношения, в культурное, а затем моральное сознание по мере того, как инвесторы и потребители становятся заинтересованы в последствиях своих решений и действий. Именно это, как ни удивительно, предсказывали Адам Смит и другие на заре современного капитализма. Они предполагали, что рынок принесет с собой цивилизованность и даже эмпатию и будет сдерживать хищников: рост и взаимная выгода, как ожида-

8. Согласно распространенным прогнозам, развивающиеся экономики стран Е7 (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Турция, Мексика, Индонезия) к 2050 г. станут приблизительно на 50% больше экономик нынешней «Большой семерки» (США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия и Канада), тогда как Китай, как ожидается, обгонит США, став крупнейшей мировой экономикой, в 2020-е гг. См.: PricewaterhouseCoopers, «The World in 2050: How big will the major emerging market economies get and how can the OECD compete?» March 2006. В дальнейшем эти цифры подверглись существенному пересмотру.

9. Типовые прогнозы предсказывают долю в 15% к 2050 г. «Global Europe 2030–2050, State of the Art of International Forward Looking Activities beyond 2030», составлено для: European Commission, DG Research and Innovation (Social Sciences and Humanities), Annette Braun, включая участие нескольких членов экспертной группы «Global Europe 2030–2050», Dusseldorf, August 2010.

лось, будут близнецами-братьями. С их точки зрения, цивилизация означала и рост способностей действовать, и сокращение возможностей для эксплуатации.

Бернард Мандевиль написал одно из основополагающих произведений о современном капитализме под названием «Басня о пчелах» в начале XVIII в., за несколько десятилетий до Адама Смита. С тех пор пчела служила метафорой для обозначения лучшей стороны капитализма. Она тихо занята производством, принося пользу многим. Она также в высшей степени склонна к сотрудничеству и, подобно лучшим рынкам, наделена коллективным разумом, который в значительной мере превосходит сумму индивидуальных разумов.

Хищническую сторону капитализма олицетворяет саранча — паразит, хорошо приспособленный для того, чтобы наносить вред невинным. С бессмысленной жадностью она уничтожает все на своем пути. У нас есть веская причина бояться ее и не любить, и тысячи лет она обозначала силу, которая уничтожает все вокруг, упоминалась как в Библии, так и в Коране. Все сметающие на своем пути армии и алчные государства очень часто воспринимались как саранча, и, начиная с африканских вождей и кончая северокаорейскими чиновниками, поведение, напоминающее поведение саранчи, встречается повсюду. Капитализм должен быть альтернативой. Но очень часто его собственное хищническое поведение заставляет рвать и метать. Итак, что же можно сделать, чтобы поддержать пчел и остановить саранчу? На этот вопрос и пытается ответить настоящая книга.

Бесплодные и плодотворные кризисы

ВСЕ кризисы разные. Но все имеют общую черту — беспорядочное смешение оцепенения и адреналина, когда небольшое число индивидов наполняется энергией, тогда как другие оказываются сбиты с толку и парализованы.

У финансового кризиса, начавшегося в 2008 г., не было четкого начала, середины и конца. Вместо этого он развивался как серия сейсмических толчков. Его первая фаза была чисто финансовой. В 2009 г., по оценкам МВФ, американская банковская система столкнулась с убытками, превышающими 3 триллиона долларов¹. В Японии началась депрессия. Пульсирующая китайская экономика по крайней мере однажды дала сбой. Греция шла к банкротству; крошечная Исландия, которая когда-то была моделью образцового управления и государством, и экономикой, столкнулась с долгами, в 10 раз превышающими ее ВВП; Ирландия, которую некогда считали моделью дерегулирования с низкими налогами для развивающихся стран по всему миру, пережила драматический крах. Мартин Вулф, сдержанный сторонник глобального капитализма, описал один из самых напряженных моментов как «день, когда умерла мечта о глобальном свободном рынке». Затем на последующих этапах финансовый кризис породил и другие кризисы: бюджетно-налоговый кризис, заставивший государства резко сократить расходы; социальный кризис постоянной безработицы и нищеты; политический кризис, когда лидеры, а в некоторых странах даже целые политические классы, теряли не только доверие народа, но и последние крупницы веры в себя.

Как тогда мы должны понимать причины этих накладываемых друг на друга кризисов и что может произойти даль-

1. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/survey/so/2010/reso42010a.htm>.

ше? Были ли они кризисом внутри системы или кризисом системы? Были ли они похожи на кризис 1930-х гг., о котором Уинстон Черчилль сказал, что он настолько глубок и беспрецедентен, что не было такой карты, которая указала бы путь, да и компасы оказались сломаны? Или же это был просто поворот волны?²

Проще всего начать с людей, которые несут ответственность. Йозеф Шумпетер определял капитализм как систему, которая «отдает экономический процесс в управление частного бизнеса»³. Их престиж определяется прошлым успехом. Если эти бизнесмены совершают ошибочные, некомпетентные действия или действия, лишенные нравственных ориентиров, система дает сбой, как давали сбой монархии, когда было видно, что монархи глупы и корыстны, а не мудры и справедливы. Джефф Иммельт, председатель и исполнительный директор *General Electric*, пожалуй, самого успешного капиталистического предприятия современности, недвусмысленно заявил о своих взглядах. Кризис 2008–2009 гг., сказал он, частично стал результатом «скарденности и алчности» лидеров бизнеса. «Самые богатые люди сделали больше всего ошибок, но не понесли никакой ответственности»⁴. Банкиров в особенности ненавидели за жадность и безрассудство, и когда они в оправдание обвиняли регулирующие органы, которые должны были их сдерживать, это только подтверждало, что они тоже были растеряны. Чарльз Перроу, прославившийся своими тщательными анализами, показавшими, каким образом авиакатастрофы и происшествия, подобные ядерному бедствию на Три-Майл-Айленд, были вызваны системами, а не человеческой ошибкой, был уверен, что кризис стал примером безответственности индивидов и «сознательного злоупотребления», а не того, что системы вышли из-под контроля. Однако одной из отличительных черт кризиса было то, что никто не понес наказания (незадачливый премьер-министр Исландии Гейр Хорде был редким исключением): в целом злоумышленники пере-

2. «Когда волна схлынет, вы увидите, кто купается нагишом», — сказал Уильям Баффет, подразумевая предсказуемую волну, а не цунами.

3. Joseph Schumpeter, *Economics and Sociology of Capitalism* (Princeton: Princeton University Press, 1951), 189.

4. Речь в Вест-Пойнте 9 декабря 2009 г.

жили период публичного унижения, но сохранили свою власть, зарплаты, бонусы и самоуважение. Ни одна снежинка не несет ответственности за снежную лавину.

Еще одна группа объяснений сосредоточена на разных видах дисбаланса. Кризис связывали с перекосами на рынке высокорисковых ипотечных кредитов или дисбалансом между Соединенными Штатами и Китаем. Раздача кредитов людям с низкими доходами казалась мощной демократизацией финансовых инструментов, некогда монополизированных богатыми, но она зашла слишком далеко (точнее, некоторые страны занимались этим с осторожностью, тогда как другие игнорировали законы экономической гравитации)⁵. Другие считали кризис побочным продуктом излишней сложности финансовой системы, создавшей продукты и риски, которых никто не понимает. Причиной этого считали асимметрии (инвесторов награждали, когда рынки росли, но не наказывали, когда они падали), а также огромный рост в частном долговом секторе. Большая финансовая ликвидность обычно шла на благо капитализму, заставляя деньги больше работать. Но сейчас она, кажется, мутировала в фантастический мир, в котором одни цифры гонятся за другими, без всякой связи с деятельностью, которую они репрезентируют⁶. Объем торговли иностранной валютой в 11 раз превышал объем мировой торговли в 1980 г., а в 2009 г. превысил его уже в 73 раза. Деривативы торговли процентными ставками выросли с нуля до 390 миллиардов долларов. Объем торговли нефтяными фьючерсами в 10 раз превысил физическое потребление и производство⁷. Еще один взгляд приписывает кризис патоло-

-
5. M. Guidolin and E. A. La Jeunesse, «The Decline in the U. S. Personal Saving Rate: Is It Real and Is It a Puzzle?» *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, 89 (2007) 6: 491–514.
6. G. A. Akerlof and R. J. Shiller, *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy and Why It Matters for Global Capitalism* (Princeton: Princeton University Press, 2009); Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма*. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010; S. Green, *Good Value: Reflections on Money, Morality and an Uncertain World* (London: Allen Lane, 2009).
7. LSE, *The Future of Finance: The LSE Report* (London: London School of Economics and Political Science, 2010), 29.

гиям в реальной экономике. Финансовый кризис аукнулся наметившимся на горизонте кризисом, который проявился в поставках воды, энергоресурсов и продуктов питания. Так, в Китае потребление продуктов питания с 1990 г. выросло более чем в 2 раза, а, по прогнозам Всемирной продовольственной организации, спрос на продукты питания во всем мире к 2050 г. увеличится вдвое, что может привести к гораздо более ожесточенной конкуренции за ресурсы⁸. Жилищный бум и крах во многих странах (в 2006 г. строительный сектор составлял четверть ВВП Ирландии) выглядели как злая пародия на те физические проблемы, которые приходится решать миру, сталкиваемому со стремительным ростом населения и быстрой урбанизацией. (Одно время в 2000-х гг. Шанхай, как утверждалось, использовал 17% всех мировых строительных кранов и интенсивно занимался строительной деятельностью, тогда как Запад переживал глубокий спад в этой отрасли.)

Еще один взгляд напоминает нам, что это сущностный кризис, а не странная аберрация. Шумпетер описывал «стабильный капитализм» как «противоречие в терминах»⁹; и в начале 2000-х гг. Всемирный банк подсчитал, что в период с конца 1970-х гг. и до конца XX столетия в 93 странах произошло 112 системных банковских кризисов. Почти половина из них привела к потере 10% и более выпуска продукции. Многие из наиболее распространенных закономерностей можно связать с самой природой рынков, заставляющих людей вступать в долю, когда цены идут вверх, и надеяться на то, что они окажутся среди тех немногих мудрецов, которые успеют вовремя катапультироваться. Тяжесть кризиса может быть обусловлена большей степенью взаимосвязанности в экономике, где образуется небольшое число буферов, в которых зараза распространяется с все нарастающей скоростью. Мир без препятствий обречен быть более опасным миром. Компьютерные хакеры говорят о «поверхности атаки» на систему как единице измерения ее уязвимости, а поверхность атаки в современной

8. Global Footprint Network, *World Footprint: Do We Fit on the Planet* (GFN, 2010), http://www.footprintnetwork.org/en/index.php/GFN/page/world_footprint/.

9. *Business Cycles*, vol. 1 (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1939), 1011.

глобальной экономике сильно выросла. Различные исследования показали, что число связей и узлов в мировой экономике увеличилось в 10 раз, и кризисы стали случаться в 2 раза чаще, чем в период до Первой мировой войны. Действительно, с начала 1970-х гг. шансы той или иной страны столкнуться с денежным кризисом, банковским кризисом или с обоими сразу в тот или иной год стали составлять 1:8, почти в 2 раза больше, чем в период до 1970-х¹⁰.

Но причина уязвимости системы была также более глубокая. Финансы все больше отдалялись в своем развитии от реальной экономики. Оправдание рынков капитала состояло в том, что они направляли капитал на наиболее продуктивное использование. Но они больше этим не занимаются. Финансовые рынки мало что делают для того, чтобы финансировать производство или инновации. В Соединенных Штатах, например, большая часть технологических инноваций финансируется либо через внутренние фонды, либо из государственных средств. Фондовые рынки подключаются, когда такие компании, как *Facebook* или *Google*, готовы для первичного размещения акций, но не играют никакой роли в финансировании самих инноваций. Вместо этого их деятельность еще больше отделилась от повседневных ценностей. Цифры говорят об огромном дисбалансе. Общая стоимость мировой экономики составляет 75 триллионов долларов. Но финансовый сектор стоит на порядок больше. Рынки деривативов выросли примерно до 1200–1300 триллионов долларов¹¹. Шел трейдинг трейдинга, делались ставки на ставки. Риски пристально изучались, но в результате ситуация становилась менее, а не более безопасной.

Ведущие капиталистические финансовые круги склонны минимизировать буферы в системе, такие как банковские или энергетические резервы, потому что те связаны с некоторыми затратами. Ресурсы, привязанные к резервам, не могут использоваться для создания прибыли. Эти круги также склонны к увеличению числа петель обратной связи,

10. Michael Bordo, Barry Eichengreen, Daniela Klingebiel, and Maria Soledad Martinez-Peria, *Is the Crisis Problem Growing More Severe?* NBER, 2000.

11. P. Cohan, «Big Risk: \$1.2 Quadrillion Derivatives Market Dwarfs World GDP», *Daily Finance*, 2010, <http://www.dailyfinance.com/story/investing-basics/risk-quadrillion-derivatives-market-gdp/19509184/>.

потоков данных, анализа и корректировок, частично потому что на каждой стадии взимается плата. Но в результате первой тенденции периодические кризисы становятся более тяжелыми, а в результате второй системы — слишком чувствительными и склонными к панике. Базовая проблема, усиливающая оба эти недостатка, — растущий разрыв между реальной экономикой и ее репрезентациями — привела к деградации знания. Возможно, рынки и богаты знаниями и информацией. Но с каждой новой степенью отделенности людей, принимающих решения, от заводов, магазинов и складов, на которые эти решения влияют, эти люди знают все меньше об истинных перспективах или опасностях, связанных с любым финансовым продуктом или информацией. Фирмы полагались на алгоритмы, но эти алгоритмы использовали данные относительно стабильных времен и тем самым давали ложную научную уверенность там, где она была совершенно не оправдана. Они предполагали нормальное распределение рисков, тогда как в действительности рынки характеризуются тем, что в статистике называется «утяжеленный хвост» (*fat tail*) — большим количеством событий по краям, на концах, чем принято ожидать¹². Сама сложность системы означала, что людям, чьи деньги инвестировались (например, пенсионеры), и тем институтам, которым они поручили управление этими инвестициями (например, пенсионные фонды), просто не хватало знаний и твердости, чтобы держать в узде своих агентов — инвестиционных банкиров и др. И поэтому последние были склонны идти на излишне рискованные меры, получали гораздо большие прибыли, чем им было положено, и были заинтересованы в том, чтобы сделать систему еще менее прозрачной.

Практической дистанции между реальной экономикой и ее репрезентациями соответствовала моральная дистанция. Разрыв между инвестором и реальной экономикой расширялся, и по мере его разрастания любое чувство ответственности за последствия принятых решений еще больше уменьшалось. Таким образом, система стала не только

12. B. Mandelbrot and R. Hudson, *The (Mis)Behaviour of Markets: A Fractal View of Risk, Ruin and Reward*, (London: Profile Books, 2008). Мандельброт Б., Хадсон Р. *(Не)послушные рынки: фрактальная революция в финансах*. М.: Вильямс, 2006.

практически слепой, в том смысле, что те, кто принимал решения, были не способны разглядеть факторы, играющие критическую роль в правильности этих решений, но и слепой в моральном отношении. Какими бы умными ни были люди, система, частью которой они являлись, скатывалась в глупость (процесс, обратный тому, с чем можно часто столкнуться в природе, где неразумные создания, такие как муравьи или пчелы, живут в умных системах, способных находить пропитание, адаптироваться и эволюционировать). Как выразился один трейдер из *Merrill Lynch*, описывая накопившиеся ошибки, связанные с ипотекой, «мы попались в свою собственную ловушку»¹³. Даже если у индивидов и были моральные ценности, от них требовалось оставлять свою мораль за дверью каждое утро, когда они приходили на работу. Разрыв стал еще более очевидным у очень богатых, которые в буквальном смысле отделились от экономики, на которой разбогатели: согласно одному авторитетному докладу *Merrill Lynch* и *Gemini Consulting*, треть состояния самых богатых людей в мире — примерно 6 триллионов долларов — в 2000-х гг. находилась в офшорах¹⁴.

То, как интерпретируются кризисы, поможет определить, будут ли они играть какую-то полезную роль. В долгосрочной перспективе кризисы бывают либо бесплодными, либо плодотворными. Когда приходят бесплодные кризисы, самое большее, на что можно надеяться, — это возвращение к тому, что было. Но в случае плодотворных кризисов, как только проходит шок, люди смотрят, что лежит у них впереди, и отвергают возможность возврата к прошлому. Иногда это происходит в военное время, когда по возвращении домой солдаты требуют, чтобы им были даны новые права. Порой это происходит и с экономическими кризисами. Когда Великая депрессия 1930-х гг. все не кончалась, один ложный рассвет сменял другой, снова и снова прописывались неверные лекарства или лечебные процедуры, которые были хуже самой болезни, то подъем общественного мнения повлек за собой совершенно иной способ организации вещей, который со временем привел к радикальным уста-

13. <http://www.vanityfair.com/business/features/2010/11/financial-crisisexcerpt-201011?printable=true#ixzz16F7bRjсC>.

14. «World Wealth Report», Merrill Lynch and Gemini Consulting, 2000.

новлениям 1940-х гг., направленным на то, чтобы обществу больше никогда не пришлось столкнуться с массовой безработицей. В случае бесплодных кризисов воображение никогда не идет дальше борьбы с непосредственными причинами кризиса. При плодотворных кризисах люди копают глубже и стремятся вылечить лежащую в их основе болезнь общества. В главе 11 я описываю некоторые из наиболее плодотворных кризисов прошлого и новые общественные установления, к которым они привели, от «Нового курса» в Соединенных Штатах до создания социального государства в Новой Зеландии и Швеции. Прошлые кризисы также вызвали творческую реакцию интеллектуалов, например подъем идей современного менеджмента во время Долгой депрессии в конце XIX столетия¹⁵, и расцвет теорий управления человеческими ресурсами и маркетинга, а также политические идеи христианской и социальной демократии во время Великой депрессии.

Еще слишком рано говорить о том, были ли кризисы конца 2000–2010-х гг. бесплодными или плодотворными. Они, конечно же, были тяжелым потрясением для людей, глубже всего погруженных в систему. Хотя многие замечали растущий дисбаланс и непосильные долги, остальные оставались невосприимчивыми. Бен Бернанке, председатель Федеральной резервной системы, в середине 2000-х гг. регулярно читал лекции под девизом «Великое успокоение»: усовершенствованная денежная и налоговая политика позволила экономике достичь волшебного сочетания стабильности, низкой инфляции и роста. Мервин Кинг, управляющий Банком Англии, соглашался: благодаря инновациям риски «больше не сосредоточены в небольшом числе регулируемых институтов, а распределены по всей финансовой системе... что стало позитивным изменением»¹⁶. Циклы подъемов и спадов ушли в прошлое.

Нетрудно понять, почему они говорили о надежде. Капитализм зависит от надежды: надежды на рост, на будущую прибыль, на то, что каждый показатель в долгосрочной перспективе пойдет вверх, и на возможность рационально-

15. Например, Уортонская школа бизнеса была основана в 1881 г.

16. В речи, произнесенной на банкете, устроенном лордом-мэром для банкиров и предпринимателей лондонского Сити 20 июня 2007 г.

го контроля. Именно надежда заставляет людей рисковать нажитыми непосильным трудом деньгами. Модерн оптимистичен по самой своей сути, а не только в силу случайного стечения обстоятельств; суть его обещания — возможность постоянного улучшения в науке, экономике и уровне жизни. Но такая надежда периодически приводит к перегибам, и физические последствия подобного рода надежды можно увидеть в тысячах пустых офисов в Дубае (половина из которых стояла пустой в 2012 г.) и по всей Ирландии (где в том же году опустели 300 тысяч новых домов), все из которых финансировались в надежде на то, что сам факт строительства создаст покупателей. Это надежда, которая также питает спрос. Одно время американские финансовые компании агитировали за собственность на жилье как основу для получения еще больших займов под лозунгом: «Позвольте вашему дому взять вас в отпуск». Во времена успокоения оптимизм полезен для вашего здоровья и успеха в жизни; но во время серьезных перемен он ведет к гибели. То же самое делает надежда, необремененная опытом. Одна из странных черт современной экономики — то, что сам ее успех в достижении стабильности сеет семена нестабильности, поскольку люди начинают систематически недооценивать опасности и переоценивать возможности получения прибыли¹⁷.

Результатом стал кризис, который не вписывался в господствующие представления. Глава Европейского центрального банка Жан-Клод Трише заявил, что «когда наступил кризис... мы почувствовали, что традиционные инструменты нас покинули», а инвестор и филантроп Джордж Сорос учредил амбициозную программу по созданию нового вида экономики, ни больше ни меньше. Но в краткосрочной перспективе правительствам не оставалось ничего другого, как действовать, независимо от того, насколько неопределенными были их представления о том, какие именно меры сработают, и они действовали, оказывая экстренную финансовую помощь банкам, гарантируя вклады и вливая ликвидность в экономику, которая начала застывать на месте. Масштабы финансовой помощи и налогово-бюджетного стиму-

17. Это была ключевая догадка Хаймана Мински в его книге: Hyman Minsky, *Stabilising an Unstable Economy* (New York: McGraw Hill, 1986/2008).

лирования были невероятными. В Соединенных Штатах и в Китае они приблизились к 1 триллиону. Европейский центральный банк закачал 95 миллиардов евро в кредитные рынки для улучшения ликвидности. Даже швейцарскому правительству пришлось инвестировать 6 миллиардов швейцарских франков в UBS и освободить его от проблемных активов стоимостью 60 миллиардов долларов. Страх перед полным крахом, перед тем, что встанет сама кровеносная система развитой экономики, оправдывал меры, которые в обычные времена никто даже не осмелился бы себе представить. Наступил социализм, но, как сказали некоторые остряки, только для банкиров. Банки, при жизни хваставшиеся тем, что они международные, в момент смерти оказались прозаически национальными. Кредитные карты первыми в истории получили широкое распространение в качестве инструмента, репрезентирующего ценность¹⁸ безо всякого суверена или символа государства, и стали провозвестником финансовой системы, считающей, что она вырвалась из пут, накладываемых государством или национальными границами. Но во время кризиса банки побежали обратно к мамочке, чтобы она им помогла.

Многие боялись, что спад приведет к депрессии, лучшее ее определение — «спад, при котором политика не работает». Но принятые меры возымели эффект в краткосрочной перспективе, когда странное сочетание снижения налога с продаж и эффективных общественных работ (от школ в Австралии до электромобилей в Сан-Франциско и соборов во Франции) поспособствовало предотвращению краха¹⁹.

Однако самой поразительной чертой этих ответных мер было то, что они сочетали радикальную тактику и консервативную стратегию. Скорость и масштабы мгновенной реакции захватывали дух. Но проходили месяцы и годы, и становилось ясно, что у крупных стран нет стратегии, а там,

18. Мнения о том, должны ли кредитные карты считаться де-факто самостоятельной валютой или только инструментами для работы с валютами, разделились.

19. Ярчайшим примером является Австралия: налоговые стимулы и сильный спрос со стороны Китая помогли стране полностью избежать рецессии. Кризис также ускорил долгосрочный сдвиг в геополитической власти, заставив МВФ включить Бразилию, Россию, Индию и Китай в верхнюю десятку членов МВФ в том, что касается квот и права голоса.

где намеки на нее имели место, они были столь же робкими, сколь смелой была тактика. Многие из глубинных причин кризиса остались нетронутыми. Чрезмерное потребление в Соединенных Штатах и перепроизводство в Китае как никогда обострились из-за введенных в действие чрезвычайных мер. Доступный кредит был причиной кризиса, а затем стал предпочтительным элементом ответа на него: например, 40% американского стимулирования ушло на налоговые льготы для семей, чтобы подстегнуть потребление. Система, страдавшая от перекоса в сторону легкой прибыли в банковской сфере, испытывала отчаянное желание восстановить банковские прибыли²⁰. Пожалуй, в этом нет ничего удивительного, учитывая состав тех, кто принимает решения. Президент Обама, в отличие от Франклина Рузвельта, окружил себя инсайдерами с Уолл-стрит и стал в основном полагаться на них. Самые высокопоставленные члены его администрации впитали ценности и убеждения глобальных банков и старательно избегали мер, которые могли бы бросить вызов их богатству и власти²¹.

Некоторые из этих мер угрожали еще более тяжелыми кризисами в будущем. Один особенно креативный директор центрального банка придумал термин «петля фатума», чтобы предупредить о том, что неявные государственные гарантии банкам вызовут еще более рискованное поведение и со временем создадут вероятность еще более крупного финансового краха, который в конечном счете будет нести угрозу стабильности самого государства²². То, что случилось в Исландии, может случиться и в других странах. Вместо того чтобы сделать систему более безопасной, экстренная финансовая помощь со стороны государства увеличи-

20. См.: A. Beatty, «Chapter Closes on Vilified US Bank Bailout», *Economic Times*, 2010, <http://economictimes.indiatimes.com/news/international-business/Chapter-closes-on-vilified-us-bank-bailout/articleshow/6675895.cms>; A. Batsan, «China's Vanishing Fiscal Stimulus», *Wall Street Journal*, 2010. <http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2010/02/08/chinas-vanishing-fiscal-stimulus/>.

21. Поразительно, насколько жестче они были готовы поступить с автомобильной индустрией — и добились замечательного успеха в принудительной реструктуризации отрасли, казавшейся смертельно больной.

22. Piergiorgio Alessandri and Andrew Haldane, «Banking on the State», Bank of England, presentation to the Federal Reserve Bank of Chicago conference, 2009.

чила риск недобросовестности (*moral hazard*), предоставив банкам больше стимулов для того, чтобы идти на безрассудные риски, будучи уверенными, что государство заплатит по счетам, если они прогорят. Другие предупреждали, что даже если рост восстановится, он не приведет к созданию новых рабочих мест.

Банкиры и регулирующие органы сходились в одном: необходимо снизить риски. Более строгие правила в отношении увеличения резервов, конечно, были целесообразны, учитывая эксцессы 2000-х гг. Но это был слишком примитивный диагноз. Проблема была не только в том, что финансовый сектор шел на очень большие риски, а в том, что он шел на неправильные риски. Долгосрочные перспективы роста требуют не уменьшения рисков, а рисков иного типа. Рост зависит от готовности инвесторов вкладываться в рискованные инновации, новые технологии и услуги. Он зависит от того, удастся ли подтолкнуть инвесторов в сторону продуктивных рисков, а не в сторону непродуктивных по сути своей рисков финансового инжиниринга. Новые правила регулирования, которые повсеместно снижают риски, в одинаковой мере угрожали и хорошим, и плохим рискам.

Мерилом проблемы, которую требовалось решить, был отказ от производства и инноваций многих фирм, которые должны были стать первопроходцами новой экономики. В 2000-х гг. 50 компаний истратили 1,59 триллиона долларов на выкуп акций. И поэтому не вызывает удивления новость о том, что 8 крупнейших банков, получивших экстренную финансовую помощь от государства, потратили 182 миллиарда долларов за 10 лет, предшествовавших краху 2008 г. Но почему компания *Intel* потратила 48,3 миллиарда долларов, сумму, почти в 4 раза превышающую весь бюджет «Национальной программы по нанотехнологиям» в 2001–2010 гг., на выкуп акций? Почему *Cisco* потратила 126% своих прибылей, а крупные фармацевтические компании, такие как *Merck*, — более половины суммы, которую они тратят на научные исследования и разработки, на скупку своих собственных акций²³? Даже компании, тесно свя-

23. Эти цифры приводятся в работе Уильяма Лазоника, выполненной в рамках программы FINNOV в 2012 г. при поддержке Европейской комиссии: <http://www.finnov-fp7.eu/people/william-lazonick>.

занные с новыми технологиями, предпочитали финансовую перестройку продуктивным инвестициям. Потеряв веру в свою способность создавать ценности, они взялись вкладывать деньги в финансовую систему, в которой, как мы знаем, они вряд ли были бы реинвестированы в инновации²⁴. Совсем недавно эти компании просто сидели на больших кучах денег.

Многие страны, которые всего лишь урезают государственные расходы, сталкиваются с похожей проблемой. Сокращение расходов не просто грозит замедлить восстановление экономики после кризиса, проблема в том, что эти сокращения нанесут продуктивным инвестициям в здравоохранение, науку или образование, которые играют первоочередную роль в росте, такой же ущерб, какой наносит разбазаривание доходов. Здесь мы сталкиваемся с недостатком как государственной политики — отсутствием инструментов для различения категорий расходов, так и политических дебатов, в которых сокращение долга и дефицита часто рассматривается в качестве предметных категорий. Здоровые предприятия различают инвестиции, с одной стороны, и расходы на такие вещи, как заработная плата и дивиденды, с другой. Государство их не различает.

Эти многочисленные примеры неспособности иметь дело с фундаментальными проблемами означают, что медленный рост, неуверенный выход из кризиса и периодическое его возвращение могут оказаться в некоторых частях мира моделью на многие годы вперед. Более того, финансовый кризис породил вялотекущий бюджетный и политический кризис. По оценкам Международного валютного фонда, прямые затраты на экстренную финансовую помощь банкам составили менее 3% ВВП. Но не прямые затраты, связанные с этой помощью, превысили 50% ВВП, большая их часть при этом была приплюсована к государственному долгу, из-за чего страны одна за другой стали принимать

24. В экономической теории выкуп акций считается благом, поскольку он позволяет высвободить капитал для инвестиций в другие фирмы, у которых может оказаться больше потенциально продуктивных и прибыльных идей. Эта теория предполагает, что финансовые рынки дают средства на инновации, но, к сожалению, это не подтверждается фактами. Реальность больше не соответствует теории.

программы сокращения государственных расходов, и все это накладывалось на более глубокий бюджетный дисбаланс, связанный со старением населения. В Ирландии, например, типичная семья из четырех человек будет нести бремя государственного долга, который составит к 2015 г. около 200 тысяч евро, в основном из-за покрытия расходов на экстренную помощь различным отраслям, от недвижимости до банков, которые переживали самый большой бум и сильнее других утратили связь с экономической реальностью. По всей Европе к власти приходят технократы, нацеленные на то, чтобы сокращать расходы, и их скрепя сердце принимают граждане, которые верят в неотвратимость судьбы и боятся, что альтернативы будут еще хуже. Но повсюду есть ощущение того, что где-то тикает политическая бомба, когда к переживанию шока добавляются горечь и обида.

Никто не может предсказать, какие лекарства помогут. Но мы можем быть уверены, что, как и в случае многих других кризисов, в основе текущего кризиса лежит хищничество. Репрезентации чаще всего отрываются от реальности, когда хищнический склад ума оказывается на подъеме: когда люди пытаются создать ценность из ничего, будь то растущие цены на землю и жилье или эйфория, сопровождающая некоторые новые технологии. Это одинаково верно как для правительств, накапливающих долги (и хищнически поступающих по отношению к будущим поколениям), так и для банков, высасывающих прибыли из поставщиков товаров и услуг. Поскольку в итоге ценность реальна и дана в опыте в конечном времени и пространстве, нельзя получить что-то за просто так, и кризисы могут остановиться, только когда система приспособится и снова обратит внимание на реальную ценность и на неизбежный тяжелый труд по удовлетворению желаний и потребностей.

Мы понимаем другие системы через кризис: человеческое тело — через болезнь, мозг — через его повреждение, экосистемы — через их реакцию на засуху или наводнение. Мы понимаем силу и слабости политических систем через их способность справляться с давлением и конфликтом, и то же самое относится к экономическим системам. Но кризисы также ускоряют решения, приковывая внимание к новым возможностям и новым приспособлениям,

а лучшие из них оставляют после себя более жизнестойкие системы²⁵. Замечание Ницше «то, что нас не убивает, делает нас сильнее», возможно, и не совсем точное (не было таким для него самого, последние годы своей жизни он болел сифилисом, который не убивал его, но и не делал сильнее), однако порой даже самые болезненные кризисы пролагают путь прогрессу.

25. См.: F. Berkes, J. Colding, and C. Folke, *Navigating Social-Ecological Systems: Building Resilience for Complexity and Change* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003), где дается одно из лучших определений жизнестойкости: способность индивидуальной организации или системы абсорбировать помехи и реорганизоваться, меняясь таким образом, что изменения сохраняют или усиливают ее способности мыслить или действовать.

Сущность капитализма

...он состоял из разнобоя меняющихся, забегающих вперед, отстающих, сталкивающихся предметов и дел, из бездонных точек тишины между ними, из проторенных путей и бездорожья, из большого ритмического шума и из вечного разлада и сдвига всех ритмов и в целом походил на клокочущий кипяток в сосуде, состоящем из прочного материала зданий, законов, установлений и традиций.

Роберт Музиль. Человек без свойств (1930–1942)

ДЛЯ ПОНИМАНИЯ того, чем может стать капитализм, мы должны сначала понять, что он собой представляет. Это не так просто. Капитализм включает в себя рыночную экономику, но многие традиционные рыночные экономики не являются капиталистическими. Он вращается вокруг капитала, но египетские фараоны и фашистские диктаторы тоже распоряжались капиталами и прибылями. Он включает в себя систематическое стремление к технологическому совершенствованию, но небольшое число некапиталистических государств занималось тем же самым, и большая часть инвестиций, которые являются двигателем таких отраслей, как космическая или компьютерная, поступала от государства, а не от частных инвесторов. Он включает в себя торговлю, но торговля тоже появилась задолго до капитализма¹.

Этимология слова «капитализм» тоже не помогает. В конце концов, оно происходит от корня *kaput*, что означает «голова», и употреблялось применительно к скоту, рабам

1. Задолго до Римской империи существовали нейтральные офшорные перевалочные пункты вроде Гадира/Кадиса в Южной Испании или острова Иктис на юго-западе Британии, места для покупки металлов, согласно древнегреческому автору Диодору Сицилийскому.

или любому виду движимого имущества. В начале Средневековья это слово стало означать деньги или активы торговца, а к XVIII в. капиталистом стал называться всякий, кто был богат. Но капитализм — это не то же самое, что plutократия, правление богатых, хотя иногда он и близок к этому.

Французский историк Фернан Бродель предложил более полезное определение капитализма, описав его как серию слоев, надстраиваемых над повседневной рыночной экономикой, лука и древесины, сантехнических работ и приготовления пищи. Эти слои, местный, региональный и глобальный, характеризуются еще большей абстрактностью вплоть до вершины, на которой находятся развоплощенные финансы, обитающие в сияющих стеклянных башнях таких городов, как Лондон и Нью-Йорк, повсюду стремящиеся к прибыли, не привязанные ни к какому конкретному месту или индустрии и превращающие в товар все и вся.

Каждый слой черпает энергию из того простого факта, что ресурсы распределены неравномерно и потому не соответствуют запросам или потребностям. На низших уровнях рынки распределяют повседневные товары, такие как нефть, пшеница, вино, и навыки, на самых высоких уровнях — деньги или права собственности и знания; и с самого своего неопределенного начала капитализм ассоциировался с иерархией абстракций. Капитализм, зародившийся в Брюгге, Антверпене и Амстердаме, был озабочен главным образом международной торговлей, мало интересуясь фабричным производством и еще меньше сельским хозяйством, и его отличительной особенностью была торговля контрактами, а не самими товарами. Похожую иерархию, простирающуюся от осязаемых фактов повседневной жизни до полностью абстрактных репрезентаций глобальных рынков, мы видим и сегодня. Самые нижние слои можно встретить в «Желтых страницах» или их эквиваленте в любом большом городе. Там вы видите живую рыночную экономику ресторанов, сантехников, бухгалтеров и строителей, работающих в областях, обычно характеризующихся высокой конкуренцией, большим количеством игроков и невысокой маржой прибыли. Эта рыночная экономика появилась задолго до капитализма и не совпадает с ним. В самом деле, место компании в капиталистической экономике можно фактически определить по тому, что она не представлена на «Желтых стра-

ницах», но как будто отстает на шаг, предоставляя кредиты, большие бренды и большие распределительные системы. Вы не найдете там *Goldman Sachs* или *JP Morgan*. *Toyota* будет там представлена, но только своими дилерами. В развивающихся странах нижние слои отодвинуты еще дальше: неформальная экономика составляет почти 50%.

Если это нижние слои, тогда что же сказать о верхних слоях, развоплощенных командных высотах в терминологии Броделя? Удобная точка обзора — Всемирный экономический форум, который собирается на швейцарском лыжном курорте Давос каждый год в январе. Несколько тысяч участников присутствуют на этом форуме вместе с несколькими тысячами прилебателей на его периферии. На первый взгляд она выглядит как любая другая конференция с пленарными заседаниями, просто заседаниями, обедами и приемами. При более внимательном изучении, однако, выясняется, что одни «равнее» других. Есть уровни эксклюзивности, закрытые совещания, зоны, в которые можно попасть только по специальным пропускам. Была выстроена сложная иерархия. На самом верху находятся глобальные корпорации, банки и самые могущественные или престижные политические лидеры. Высший круг также включает в себя горстку мультимиллиардеров, окруженных своими приспешниками. Новички с Украины или Китая могут спонсировать мероприятия, чтобы привлечь внимание, стремясь купить респектабельность за деньги. На следующих уровнях находятся большие телекоммуникационные и нефтяные компании; за ними консультационные и бухгалтерские фирмы, а потом в самом удаленном кругу приглашенные ученые, журналисты и чиновники.

Это образцовая пищевая цепочка, иерархия, каких мало. И в то же время она испытывает потребность скрывать свои градации, поддерживать идею, что каждый может на равных разговаривать с каждым. Основные идеи форума гармонично сочетаются с интересами присутствующих на нем людей: поддержка свободных и открытых рынков, ослабление, а не усиление регулирования, уменьшение, а не увеличение налогов. Он инстинктивно выступает против партикуляризма или традиции, не говоря уже о социализме. Некоторые несогласные допускаются на форум, возможно, в соответствии с принципом, что своих врагов нужно знать в лицо.

Но это место, где капитализм говорит сам с собой, замеряет пульс политических и экономических настроений и примеряет новые идеи, например идею социальной ответственности корпораций или открытых инноваций, чтобы посмотреть, нельзя ли их подогнать под себя.

Похожие подвижные иерархии существовали на ранних этапах развития капитализма, когда торговцы и банкиры собирались вместе в Генуе и Венеции, Лондоне и Брюгге. Их можно было встретить в узнаваемой форме, когда великие арабские империи захватывали Средиземноморье и когда внутренняя торговля Китая переживала периодические подъемы. В самом деле, каждая великая империя освоила те же навыки, что и у выдающихся героев Давоса: контроль за экономическими связями, связями между отдельными рынками, арбитражные операции, превращающие новость или знание в прибыль. Даже ислам, который порой рисуют антикапиталистическим и реакционным, вырос из торговли, когда Мухаммед женился на дочери торговца и, поддавшись уговорам купцов, совершил решающий переезд в Медину.

Изменились масштабы. Иерархии теперь простираются значительно дальше и проходят через гораздо большее число посредников, поставщиков, финансистов и трейдеров, чем когда-либо раньше, когда капитализм в ходе своего развития вышел за рамки торговли и мелкого промышленного производства, создав большие синдикаты, пользуясь эффектами масштаба, основанными на массовом производстве и маркетинге, и столь же обширными рынками. 75 триллионов глобальной экономики включают в себя приблизительно 12 триллионов экспорта, соотношение в разы превосходящее все, что было раньше. Результатом стал растянутый и разбросанный капитализм, так что *iPad*, спроектированный британским дизайнером в Калифорнии, изготавливается кем-то из 300 тысяч рабочих в Шеньчжене (Китай), огромном промышленном комплексе, принадлежащем тайваньской компании (*Foxconn*), чтобы потом на нем запускал приложения, созданные в Финляндии, пользователь из Бразилии².

2. *Foxconn* печально знаменит многими вещами, включая режим труда, из-за которого 100 работников в начале 2012 г. угрожали массовым самоубий-

Никто не мог предсказать, что Шеффилд будет городом стали, Пакистан — крупным экспортером футбольных мячей, Тайвань — мировым лидером по микропроцессорам, а также по велосипедам, Дания — лидером в ветроэнергетике, Южная Индия — титаном программирования. Бангладеш — городом производства головных уборов, а Северная Италия — керамики. Но все они являются частью одной и той же истории об углублении взаимозависимости.

И везде — от 3 миллиардов людей, получающих менее 2 долларов в день, до тысяч долларовых миллиардеров — эта новая взаимозависимость имеет по крайней мере некоторые характеристики системы, а не просто серии связанных друг с другом рынков, и именно эта система, самые высокие уровни которой по-настоящему глобальны, находится сейчас перед нами и заставляет нас задаваться вопросом, какие ее части хорошие, а какие плохие.

Исторические данные подтверждают ее новизну. В докапиталистической экономике главную роль играли война и продовольствие; война — это то, на что собирались налоги; сельское хозяйство — это то, в чем было занято большинство населения. Сегодня военные расходы составляют лишь 2% ВВП, сельское хозяйство — 4%, а в развитых экономиках и того меньше. Докапиталистическая экономика была домашней, капиталистическая экономика — нет. В 1790 г., например, 80% одежды в Соединенных Штатах производилось на дому, столетие спустя 90% ее шьется за пределами дома. Докапиталистическая экономика имела небольшое число посреднических организаций: большинство транзакций были прямыми. Капиталистическая экономика наполнена посредниками, косвенно взаимодействующими с ценностями и деньгами. В 1790-х гг. в Соединенных Штатах было всего 3 банка, столетие спустя — 12 тысяч.

ством. Но это также симптом нового глобализованного разделения труда, при котором «все больший процент экономического роста, который порождают новые продукты, связанные с технологическими инновациями, потребляется не там, где он возникает, а в других местах». Dan Breznitz and Michael Murphree, *Run of the Red Queen: Government, Innovation, Globalization and Economic Growth in China* (New Haven: Yale University Press, 2011), 9.

Определение капитализма

Как мы должны определить капитализм, принимая во внимание изложенное выше? Можно ожидать, что у столь важной части современной цивилизации будет общепринятое определение. Но вместо этого идет борьба между радикально разными взглядами. Согласно некоторым описаниям, главное в капитализме — то, что в центре него стоят люди, наделенные способностью двигать жизнь вперед. Иногда это предприниматели, люди, которых в прошлые времена называли «undertakers» («unternehmer» по-немецки) и «projectors» (в Англии XVI в.), теорию которых впервые создал Жан-Батист Сэй. Йозеф Шумпетер приписал им главную роль в жизни капитализма, показав, что их погоня за ценностью обеспечила движущей энергией всю систему в целом. Их могут мотивировать деньги или то, что Шумпетер назвал «социальной дистанцией»³ Их действия не являются целиком рациональными. По словам Шумпетера, «успех всего зависит от интуиции, способности видеть вещи таким образом, который потом оказывается истинным, даже если он не может быть установлен в данный момент, и от способности схватывать самое существенное, отбрасывая несущественное, даже если они и не могут объяснить принципы, по которым они это делают»⁴. Не все их догадки оказываются правильными — вспомните замечание Александра Грэма Белла, что «однажды телефон будет в каждом городе в Америке». А самые успешные предприниматели редко бывают самыми смелыми новаторами: гораздо чаще первопроходцы сталкиваются с тем, что плоды их трудов пожинаят другие (например, больше всего на персональных компьютерах за-

3. Предпринимательство, по словам Дэвида Старка, — «это способность поддерживать в игре различные порядки ценности и использовать возникающую в результате двусмысленность». Оно зависит от неопределенности, а не от рассчитанного риска. См.: David Stark, *The Sense of Dissonance: Accounts of Worth in Economic Life* (Princeton: Princeton University Press, 2009).

4. Joseph Schumpeter, *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle* (New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1934); Шумпетер Й. *Теория экономического развития*. М.: Прогресс, 1982.

работал Билл Гейтс, а не DARPA или Xerox). Но можно было рассчитывать на то, что непрекращающаяся конкуренция между предпринимателями приведет к образованию динамичной и продуктивной экономики.

Согласно другим объяснениям, главную роль играют не столько предприниматели, сколько инвесторы. Выдающийся социолог и историк Чарльз Тилли определял капитализм как «систему производства, в которой держатели капитала, при поддержке закона и государственной власти, принимают ключевые решения, касающиеся характера и распределения труда»⁵ Согласно этому взгляду, характер системы в большей степени определяет инвестор, а не предприниматель, и обычно именно он получает наибольшее вознаграждение. В некоторых обществах держатели накопленных капиталов берут в свои руки бразды правления, подчиняя себе политиков (или порой сами превращаясь в них, как Сильвио Берлускони в Италии или Майкл Блумберг в Нью-Йорке). Опять-таки 50 лет назад было принято приписывать большую важность организациям, чем индивидам. Финансовые организации были относительно незаметны, будучи скромными прислужницами крупных промышленных комплексов, и капитализм означал правление корпоративной бюрократии IBM и *General Motors*, *DuPont*, *Coca-Cola* и *General Electric*⁶.

Еще один взгляд, популярный, возможно, в век программ и программного обеспечения, определяет капитализм через его продуктивные правила, коды и принципы, управляющие тем, кто что может делать и как. Генетический код современного капитализма можно найти в кластере концепций и законов: акционерное общество, рынок товаров, законы об интеллектуальной собственности или различные другие права собственности, которые были введены вместе с индустриализацией и подчинили себе более старые обычные права, как господские, так и те, чтобы были у простолюдинов. Влиятельная книга Карла По-

5. C. Tilly and C. Tilly, *Work under Capitalism: New Perspectives in Sociology* (Boulder, CO: Westview Press, 1997), 24.

6. Лучшим изложением истории возвышения крупных компаний считается работа: Alfred Chandler, *Strategy and Structure: Chapters in the History of the American Industrial Enterprise* (Cambridge, MA: MIT Press, 1962).

ланьи «Великая трансформация», посвященная рождению капитализма, описывает то, как менялись законы, усиливалась роль денег как универсального средства обмена, а труд превращался в товар, который покупается и продается. Законодательство было реформировано, чтобы одновременно освободить вещи и связать их новыми ограничениями. Неслучайно, что глобальные центры капитализма — Уолл-стрит или лондонский Сити — битком набиты юристами: капитализм очень сильно зависит от законов, судов и переменчивых суждений. Свободные рынки отнюдь не свободны. Расходы на юристов составляют где-то 2% американского ВВП⁷. Действительно, глобальные рынки работают, только если приняты юридические и прочие кодексы, и всякий, кто пытается экспортировать ящик яблок или партию автомобилей, вскоре узнает об этом на своем собственном опыте. Здесь мы узнаем, что свободный рынок зависит от правил: стандартизация была двигателем роста благодаря сменяющим друг друга согласованным общим языкам, делавшим возможной торговлю. Все начиналось с правил, управляющих почтой, телеграфом и телефоном в XIX в.; затем правила распространились на бухгалтерский учет, потом — на штрихкод, став ныне частью крайне изощренной системы отслеживания 40 миллионов продуктов под наблюдением некоммерческой организации *GS1*. Так же важны протоколы, лежащие в основе Интернета (*HTML*, *URL* и другие, которыми ненавязчиво руководит другая некоммерческая организация, *ICANN*), и стандарты для мобильных телефонов. Урок ясен: обмен зиждется на правилах; частное богатство — на общественных благах; конкуренция — на сотрудничестве.

Еще один способ понимания капитализма — через его циркуляцию, а не как тело, — можно показать на примере роли сердца и крови и сети синапсов и сигналов. Мануэль Кастельс, пожалуй, лучше всех сумел описать общества, которые теперь строятся вокруг «поточков капитала, потоков информации, потоков технологии, потоков организационного взаимодействия, потоков образов, звуков и симво-

7. Legal Newslne, «Tort System Costs Over Two Per Cent of GDP Yearly, Study Shows»; <http://legalnewslne.com/news/192567-tort-system-costs-over-two-percent-of-gdp-yearly-study-finds>.

лов»⁸. Подтверждением этого подхода являются 4 миллиарда телефонов и 2 миллиарда людей в киберпространстве, а также рост интернет-трафика на 50–60% в год⁹.

Потоки состоят из битов и пикселей, равно как из гаджетов и одежды. Рядом с законными потоками есть скрытые: 4 миллиона людей, которые тайком пересекают международные границы каждый год, и 500 миллиардов долларов, составляющие объем нелегальной мировой торговли. Есть потоки энергии, которые заставляют колеса вращаться, потоки пока еще преимущественно ископаемого топлива, которое, по всей вероятности, сохранит свое господство в ближайшие годы¹⁰, и потоки отходов, которых человек сегодня в среднем производит 45–85 тонн ежегодно, гораздо больше, чем в прошлом¹¹.

Возможно, еще более мощные потоки — финансовые потоки, формируемые алгоритмами: «черный ящик» и «алго-трейдинг», которые сталкивают одну группу блестящих умов с другой для создания невидимых паттернов торговли, а затем мер по противодействию этим паттернам. Это математическая гонка вооружений, в которой битвы происходят с умопомрачительной скоростью и далеко за пределами человеческого понимания.

Свободное течение — это одновременно и средство, и цель: средство для более оптимального размещения капитала или людей, и цель, поскольку разрушает связи с культурой и традицией, которые, кажется, препятствуют полной реализации человеческой продуктивности. По прогнозам Организации экономического сотрудничества и развития

8. M. Castells, *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. 1 (Oxford: Blackwell, 1996), 412; Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ — ВШЭ, 2000.

9. Подключенность становится все более важной чертой повседневной жизни. Но при этом мы все чаще узнаем о потребности ее ограничивать: в отличие от машин люди лучше всего работают, когда они иногда отключаются от общей сети.

10. По многим прогнозам, ископаемое топливо по-прежнему будет составлять 80% в структуре энергетики в 2030-х гг. U. S. Joint Forces Command, Center for Joint Futures: *The Joint Operating Environment (JOE) 2008*: <http://www.jfcom.mil/newslink/storyarchive/2008/JOE2008.pdf>.

11. E. Bournay et al., *Vital waste graphics 2. The Basel Convention*, UNEP (GRID-Arendal, 2006).

(ОЭСР), доля людей, родившихся в других странах, намного превысит настоящие значения, достигнув к 2050 г. 15–32% населения в большинстве европейских стран¹². В Соединенных Штатах меньшинства, которые теперь составляют одну треть населения, как ожидается, станут большинством детей в 2020-х гг. и большинством населения в 2040-х, если только не будут введены драконовские ограничения миграции¹³. Согласно одному из взглядов на будущее, повсеместно, и в особенности в каждом крупном городе, можно будет наблюдать фрактальный микрокосмос многообразного и космополитического мира, а капитализм еще больше станет обширной системой нагнетения и встряски, системой вещей в вечном движении. Анри Лефевр утверждал, что города невозможно понять через статические изображения или данные, но только через наблюдение за закономерностями и ритмами движения людей и вещей на протяжении дней и недель¹⁴. Если видеть вещи в движении, можно разглядеть истинный характер города. То же верно и для капитализма: каждый снимок обманывает, потому что даже такая банальная вещь, как сегодняшняя цена на пшеницу — продукт взаимодействия спроса и предложения, погодных условий и производственных технологий.

Капитализм как идея ценности

Здесь я предлагаю иной ответ на вопрос о том, чем по сути своей является капитализм. Я не умаляю важности того, что необходимо смотреть, кто стоит у власти, или на правила, культуру или потоки. Все это аспекты того, что мы называем капитализмом, и все они формируют его характер. Но капитализм легче понять, если разглядеть нечто простое, что

12. French MOD, Délégation aux affaires stratégiques: Geostrategic perspectives for the next thirty years, 2008; <http://www.defense.gouv.fr/das/content/download/138857/1207078/file/SYN.pdf>.

13. OECD, «The Future of the Family to 2030—A Scoping Report— OECD International Futures Programme», 2008; <http://www.oecd.org/dataoecd/11/34/42551944.pdf>.

14. Лефевр называл это «ритманализом». См.: Henri Lefebvre, *Rhythmanalysis* (London and New York: Continuum, 2004).

лежит в основе его проявлений. Исходно это идея, продукт воображения, способ смотреть на мир. Это маниакальная идея погони за ростом ценности или, точнее, ростом репрезентаций ценности, которые могут обмениваться на другие репрезентации.

Это хорошо передается описанием иерархии рынков у Броделя: каждое движение вверх по иерархии несет с собой более чистое воплощение идеи и большую дистанцированность от повседневной жизни. От этой идеи происходят многие другие, включая мириад правил, техник, организационных форм и инструментов измерения, которые образуют капитализм. От нее происходят ценности и идеалы, которые делают капитализм культурой, формой цивилизации, а также экономикой. И от нее же происходит логика власти, в соответствии с которой ею обычно обладают те, кто может накопить больше репрезентаций ценности.

Если ценность действительно так важна, тогда жизненно необходимо понять, что она собственно такое. Ценность кажется вполне надежной и материальной, особенно если она воплощена в твердой валюте или в золоте, лежащем в хранилище центрального банка. Но мы также знаем, что ценность может оказаться эфемерной и волатильной — и то, как терпят крах валюты и биржевые рынки или как оказываются фикцией счета компании, многое говорит об истинной природе ценности.

Ценность можно возвести к нашей биологической природе: мы ценим то, что помогает нам жить и процветать. Мы знаем, как отличить счастливое от несчастного, безопасное от опасного, удобное от неудобного. Мы ценим вещи, которые способствуют нашему выживанию и обогащают опыт, и наши предки, подобно нам, могли различать относительную ценность различных вещей, таких как топор или туши, с точки зрения того, как они помогают выживанию или достижению процветания. Это «живая ценность», ценность, являющаяся реальной и осязаемой в пространстве и во времени как часть жизни.

Совсем иной вид ценности существует в репрезентациях, которые абстрагированы от нашей повседневной жизни: деньги, золото, а с недавних пор изобилие инструментов — от акций и облигаций до кредитных карт. Их привлекательность в том, что они обещают живую ценность в будущем,

служат средством сохранения, а также измерения и обмена и, вероятно, обеспечивают чувство безопасности и гордости. Но репрезентации по природе своей радикально отличаются от ценности, которую репрезентируют. Репрезентации парадоксальным образом оживают в момент своей смерти, когда от них избавляются и обращают в реальные вещи. А ценность в конечном счете имеет смысл только в реальных местах и в реальное время: мы можем сидеть на раздутом банковском счете или на хранилище, полном золота, но его потенциал реализуется только тогда, когда мы потратим его на еду, жилье или путешествие.

Эти различия очевидны или по крайней мере были таковыми в свое время. Многие прошлые общества проводили различие между производством ценности, считающейся благом, и деланием денег, что представляет собой сомнительную добродетель (Аристотель использовал термин «ойкономия» для первого случая и «хрематистика» для второго). Для Фомы Аквинского справедливый обмен означал, что каждая сторона получает ровно то, что ей причитается, и он выступал против ссужения денег под проценты из-за того, что оно нарушает этот принцип. Более поздний автор XIV в. Николай Орезм резюмировал господствующие взгляды, когда написал, что «это чудовищно и неестественно, что... такая бесплодная вещь, как деньги, приносит плоды и размножается сама по себе»¹⁵. Эти идеи могут показаться причудливым анахронизмом в экономике, настолько зависящей от денег во всех их формах. Но мы упустили из виду что-то очень важное, поскольку современная экономика (в отличие от классической) стала испытывать неудобство в работе с любой ценностью, если она не монетизирована, пусть даже номинально. Это может быть связано с тем, сколько капитализм сделал для того, чтобы укрепить средства репрезентации ценности и упорядочить их всеми средствами — от бухгалтерии с двойной записью до управленческих счетов, от рынка фьючерсов до актуарных таблиц. Во всех этих случаях ценность сделалась абстрактной, удобной для манипуляций и потому легко поддающейся

15. Цит. по: Bruce Carruthers and Wendy Nelson, «Accounting for Rationality: Double-entry Bookkeeping and the Rhetoric of Economic Rationality», *American Journal of Sociology* 97, no. 1 (1991): 31–69.

ся творческим математическим операциям. Все это время предполагалось, что новые способы манипулирования репрезентированной ценностью приведут к увеличению живой ценности, и это действительно произошло. Обращение будущей ценности в цифры облегчает поиск оправданий для инвестиций; обращение знания в актив облегчает поиск обоснований для выделения ресурсов на исследования.

Но большая часть слабых мест капитализма тоже происходит от крайне нестабильных отношений между живой ценностью и ее репрезентациями. Они включают в себя значительные стимулы для хищнического поведения и «безбилетничества» и обыкновение кризисов выходить из-под контроля, когда репрезентации слишком далеко отходят от реальности, которую репрезентируют. Они также включают в себя кризисы смыслов при капитализме, возникающие вследствие ощущения того, что он знает всему цену, но не знает ценности, и из-за развращающей моральной амбивалентности, рождающейся из разрыва между решениями и их последствиями.

То, что я описываю здесь как живую ценность, не является чем-то исключительно материальным. С древнейших времен некоторые вещи становились репрезентациями ценности, хотя и не приносили прямой пользы: символы статуса, преемственности или магии имели когнитивную ценность, даже если не имели очевидной материальной ценности. Сегодня смыслы и ценности также нелегко различить: мы совершенно искренне получаем больше удовольствия от бутылки вина, если оно дорогое, или от произведения искусства, если предполагаем, что это не подделка. Мы ценим автомобили или одежду больше, если они семиотически богаче — а не только быстрее или комфортнее. И как пронизательно заметил Адам Смит, мы в равной мере восхищаемся красотой систем и институтов и той пользой, которую они приносят¹⁶.

16. См.: Adam Smith, *The Theory of Moral Sentiments*, part IV, chapter I. «Of the beauty which the appearance of Utility bestows upon all the productions of art, and of the extensive influence of this species of Beauty» (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); Смит А. *Теория нравственных чувств*. М.: Республика, 1997. Часть IV, глава I «О достоинстве, придаваемом видимой пользой всем человеческим произведениям, и о его широком влиянии».

Я также не хочу сказать, что репрезентации ценности свободно плавают. Они могут казаться абстрактными, но все деньги, и все репрезентации ценности, основаны на институтах и социальных связях. Орбита, на которой вращаются деньги, расширяется, когда есть сильные государства и сильные институты (такие, как банки, монашеские ордена или корпорации), и сужается во времена социального и политического кризиса. Но ключевой пункт, который следует подчеркнуть, состоит в том, что уникальность капитализма заключается в его обращении с репрезентациями ценности, даже если его полезность проистекает из способности создавать настоящую, живую ценность. Капитализм институционализирует взгляд, который сильно отличается от взгляда любой другой системы. Он видит потенциал для обмена ценностями, имеющийся в любой вещи, а также бесконечное число способов, при помощи которых ценность можно измерять, торговать ею и хранить. Возможность можно разглядеть в тех местах и вещах, которые в противном случае так и остались бы без движения. Все вещи можно измерить по степени их полезности и траты, и обо всех вещах можно судить не потому, что они есть или что означают, а по скрытой в них ценности, будь то поле, ждущее того, чтобы его превратили в фруктовый сад, месторождение, ждущее разработки, или мелодия или талант, ждущие своего покупателя.

Капитализм не видит всего остального: смысла, контекста, веры. В этом отношении рыночный капитализм является точным аналогом информационной теории (разрабатывавшейся Клодом Шенноном и другими), которая рассматривает всю информацию как эквивалентную и пригодную для манипуляций, передачи или хранения, но только при условии, что игнорируются все остальные аспекты: весь смысл, контекст или культура¹⁷. Информационная теория создала условия для всплеска новых средств коммуникации, от компьютера до оптоволоконного кабеля, точно так же, как чистая идея рынка создала условия для всплеска инноваций, связанных с деньгами и ценностью, напри-

17. Клод Шеннон, американский математик и инженер, известен как отец информационной эпохи главным образом благодаря работе «Математическая теория коммуникации», написанной в 1948 г. и опубликованной в том же году в *Bell System Technical Journal*.

мер применения сложных теорий вероятности к измерению риска.

За этим последовало нечто большее, чем инструмент, экономическая система, служащая практическим целям. И этот инструмент тоже формирует нас. Все, что мы знаем о мышлении, показывает, что мы переживаем реальность опосредованно. Мы создаем репрезентации реальности, при помощи которых взаимодействуем с окружающей средой. Большая часть нашей психической энергии уходит на поддержание их единства. Капитализм функционирует благодаря тому, что помогает видеть и осмыслять. Как и многие другие элементы цивилизации, он процветает, становясь частью нас, а не просто инструментом, так что мы видим вещи только через его репрезентации, через их потенциальную способность быть купленными и проданными, подобно исполнителю «Песни торговца» в опере Бертольта Брехта «Высшая мера»:

Как я узнаю, что такое рис?

Как я узнаю, кто знает, что это такое?

Я не знаю, что такое рис, я только знаю его цену.

Добродетель продуктивности и обязательства капитализма

Если капитализм предлагал взгляд на мир, который зачастую был оторван от морали повседневной жизни, он также выдвигал претензии на моральную цель. Сделать вещи продуктивными — вот какой была его моральная миссия: он отрицал праздность, излишества и потакание своим капризам. В более жестких проявлениях он был тесно связан с уничтожением непродуктивных пристрастий к танцам и карнавалу, изгнанием господ, чьи проступки отвлекали людей от их трудовых будней, и концом эпохи, когда даже церкви были наполнены светом, смехом и танцами. Ценность означала труд, порядок, самообладание и религиозную дисциплину. Если католическая теология часто представляла труд как наказание за грехи Адама, протестантизм считал его самоценным благом. Реализация ценности была нашим долгом, нашей самой главной службой Господу. Продуктивность

была самостоятельной моральной целью, а также несла с собой строгие обязательства. Рынки были местами сознательного морального самоограничения, где осмотрительность и дисциплина снова и снова превозносились как важнейшие добродетели. Считалось, что индивиды должны принять на себя ответственность за свои действия.

Этот принцип отображался в институтах. Когда в начале XIX столетия происходило упорядочение деятельности лондонских банков, все они, кроме Банка Англии, должны были стать товариществами, в которых пайщики, чье число не могло превышать шести, несли юридическую ответственность за обязательства банка (интересно пофантазировать, какой была бы недавняя финансовая история, если бы эти правила сохранились). Два столетия спустя взаимные гарантии стали основой для того, чтобы финансы потекли в наиболее конкурентоспособные в глобальном отношении фирмы Италии. В Германии за компаниями надзирали попечительские советы, ответственные за сохранение как ценностей, так и отношений. По крайней мере, это были попытки построить капитализм, свободный от продажности и истерической алчности и основанный на морали. Трезвость, продуктивность, ответственность шли рука об руку, образуя новый порядок, и путь, который они прокладывали, был путем добродетели, творчества, а не хищничества. Макс Вебер хорошо выразил эту идею божественного провидения, вмешивающегося в экономику:

Если Бог указывает вам этот путь, следуя которому вы можете без ущерба для души своей и не вредя другим, законным способом заработать больше, чем на каком-либо ином пути, и вы отвергаете это и избираете менее доходный путь, то вы тем самым препятствуете осуществлению одной из целей вашего призвания (calling), вы отказываетесь быть управляющим (steward) Бога и принимать дары его для того, чтобы иметь возможность употребить их на благо Ему, когда Он того пожелает. Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть¹⁸.

18. Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* (London: Routledge, 2005 [1930]), 108; Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 190–191.

Это воодушевление продуктивностью удачно сочеталось с другими идеалами добродетели и искусства. Описание назначения сэра Джона Суиннертона лордом-мэром Лондона в 1612 г. — ранний пример такого синтеза: на празднике была использована инсталляция с колесницей, на которой стояла фигура, изображавшая Добродетель, а вокруг нее были расставлены фигуры, представлявшие семь свободных искусств и показывавшие любовь к искусству, коммерции, науке и знанию, в виде «ступеней, по которым можно взойти к Трону Добродетели, единственной славы и опоры городов»¹⁹. Отныне больше не нужно было стыдиться конторы, напротив, это была «честь».

Это моральное качество не было всего лишь желательным приложением или своеобразным фиговым листком. Оно было важно, потому что капитализм, как и все человеческие институты, покоится не только на интересах; он зиждется также на соглашениях и обязательствах, вместе образующих плотную ткань, поддерживающую способность системы репрезентировать ценность. К ним наряду со многими другими относятся следующие обязательства: признавать деньги как таковые; возвращать долги, если деньги были позаимствованы; соблюдать контракты; делиться прибылями; признавать частную собственность. У каждого из этих обязательств своя собственная моральная логика, но по сути своей все они являются справедливым вознаграждением за продуктивное творчество.

Эти обязательства — примеры того, что философ Джон Сёрл называет «декларациями». Декларации не считаются фактуально ни истинными, ни ложными. Но, действуя так, как будто они истинные, мы подтверждаем их и строим социальные институты, которые могут выдвигать нам требования. Таким образом, капитализм зависит не только от явных правил, имеющих силу закона, например тех, что управляют рекламой и торговыми стандартами, запрещают детский труд или регулируют здравоохранение и безопасность. Он также основан на добровольно принятых ограничениях, на том, что люди решают сдерживать себя благодаря ожиданию большего вознагражде-

19. Lawrence James, *The Middle Class: A History* (London: Little, Brown, 2006), 75.

ния²⁰. Вкладчик сберегает вместо того, чтобы потратить, ради будущего вознаграждения; инвестор идет на риски в надежде увеличить будущее богатство; рабочий жертвует своим досугом и свободой ради дохода и возможности купить дом или автомобиль. Соблазн приобретения и алчность сдерживаются самодисциплиной и терпением — подчас именно в рамках организаций, скрепленных теми обязательствами, что придают форму и смысл событиям, из которых соткана наша жизнь²¹.

Ни один рынок и ни одно предприятие не могут выжить без деклараций, и голос морали, стоящий за декларациями и обязательствами такого рода, всегда присутствовал в истории капитализма. Недостаточно провозгласить власть эгоизма или заявить, что алчность — это хорошо. Всегда должна быть провозглашена еще и высшая цель.

Но сама двусмысленность этой высшей цели делает договоренности капитализма более противоречивыми и неудобными, чем многие из других договоренностей, сформировавшихся вместе с капитализмом, — таких, как подчинение результатам демократического голосования или согласие с решениями независимых судов. Погоня за чем-то ценным

20. Философ Юн Эльстер называет это «само-связыванием» (self-binding) и в качестве примера использует метафору Улисса и сирен. Улисс привязал себя к мачте своего корабля, чтобы противостоять соблазну сирен. Такие предварительные обязательства воплощают в себе «определенную форму рациональности во времени». Jon Elster, *Ulysses and the Sirens: Studies in Rationality and Irrationality* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979); Jon Elster, *Ulysses Unbound: Studies in Rationality, Pre-commitment and Constraints* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).

21. Если смотреть с этой точки зрения, капитализм сбивается с пути, когда эти ограничения слабеют: люди начинают слишком много покупать, влезать в долги, которые они не могут себе позволить, или перестают работать, чтобы максимизировать свое нынешнее удовольствие. Но это не всегда верно: как показал Кейнс, «парадокс бережливости» в том, что, если меньше тратить и больше откладывать, в результате можно оказаться беднее (а за два столетия до него Бернар Мандевиль выступил с параллельным — и шокировавшим публику — утверждением в «Басне о пчелах» (Bernard Mandeville, *Fable of the Bees*, London: Penguin, 1970; Мандевиль Б. *Басня о пчелах*. М.: Мысль, 1974), где показал, как частный порок может поддерживать общественную добродетель). Но трудно поверить, что, живи Кейнс сегодня, он бы счел излишнюю бережливость проблемой в двух странах, которые он лучше всего знал, — в Великобритании и Соединенных Штатах.

всегда сталкивалась с ценностями²² и порождала боязнь того, что капитализм вытеснит доверие, соблюдение обязательств и кооперацию, от которых он так зависит. В следующей главе я расскажу, как капитализм боролся с угрозой, исходящей от молодого бунтующего поколения с его неприязнью к труду или от менеджеров, противящихся любым иерархиям. Отсутствие прочного морального основания у капитализма означает, что в его морали постоянно происходят непредсказуемые сдвиги, поэтому сегодня мода, к примеру, на ретро (раньше сохранение старых вещей служило признаком бедности), на большие семьи у богатых, а не у бедных, на худобу, а не лишний вес, на усердный труд, а не на праздность. Вскоре, возможно, богатых будет характеризовать способность уклоняться от лишнего внимания, тогда как всего лишь несколько лет назад вездесущий *Blackberry* был символом статуса.

Если все остальные цели и мораль неустойчивы, деньги как репрезентированная ценность, по крайней мере, представляются более честным и надежным основанием для построения работающей экономики. Кредит происходит от латинского слова *credere*, то есть «верить», «доверять», и именно вера в деньги заставляет нас вести себя так, как будто кусочки бумаги или числа на экране представляют нечто реальное. Но это одновременно неестественная и сравнительно недавняя по происхождению вера. До XX столетия в большинстве передовых стран деньги развивались медленно и неравномерно, поскольку многие люди, жившие в сельских районах, использовали деньги только для покупки того незначительного числа вещей, которые они не могли изготовить сами. Древний Египет, как и большинство древних цивилизаций, обходился почти без денег. Римский денарий поднялся, став валютой на территории, охватывавшей тысячи миль, но потом пал. Китайская династия Мин изобрела бумажные деньги, но оказалось, что их трудно поддерживать. Испанская монета в восемь реалов была, пожалуй, первой мировой валютой, но она не превратила Испанию в первопроходца рыночной экономики и не ока-

22. Harrison C. White, *Markets from Networks: Socioeconomic Models of Production* (Princeton: Princeton University Press, 2001).

зала особого влияния на большинство населения. Фернан Бродель описывал появление в жизни крестьян монеты как противоречивое везение: «Что же она принесла? Резкие колебания цен на товары первой необходимости; непонятные взаимоотношения, в которых человек больше не узнавал ни себя, ни свои привычки, ни свои старые ценности. Его труд становился товаром, он сам — „вещью“»²³.

Но создатели денег все равно победили, поскольку преимущество оказалось на стороне тех, кто изобретал самые хитроумные новшества, чтобы заставить деньги циркулировать и приносить плоды, при этом сохраняя связь с реальным производством. Главным преимуществом Британии перед ее конкурентами в XVIII в. было существование банков, которые могли принять сбережения и мобилизовать их на финансирование производства, торговли и коммерции. То, что в Лондоне было «такое место, как Ломбард-стрит, где в любое время, за редким исключением, можно было получить деньги по хорошему поручительству или под будущие прибыли, [считалось] роскошью, которой до сих пор не было ни в одной стране»²⁴. Кредит питал и бизнес, и правительство, которое стало первопроходцем в деле увеличения долга (вопреки здравому смыслу и логике домашнего хозяйства, согласно которой долг — путь к гибели). Первоклассные ценные бумаги (*gilts*), например, были изобретены для финансирования флота. Чем больше денег будет в обороте, тем быстрее будут создаваться и расти новые фирмы²⁵.

Деньги продолжают скреплять систему, но теперь эти скрепы стали еще прочнее. Вплоть до краха в начале 1970-х гг. Бреттон-Вудской системы валюты поддерживались за счет

23. Fernand Braudel, *The Structures of Everyday Life: Civilization and Capitalism 15th–18th Century* (Berkeley: University of California Press, 1992); Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв.* Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 464.

24. Это слова Уолтера Бэджета, знаменитого английского экономиста и журналиста XIX столетия.

25. Эволюция капитализма неотделима от расширяющихся сетей ссуд и долгов, которые одновременно и питали рост, и довели столь многих до разорения и долговой тюрьмы: одна из странностей экономической истории в том, сколь многие торговцы были неспособны отследить свои собственные долги и активы.

активов, главным образом золота, которое давало буквальную гарантию ценности. Закрепленность денег в чем-то реальном рассматривалась как необходимая гарантия того, что им можно будет доверять и что репрезентации представляют нечто реальное. Теперь большинство валют чисто бумажные — грубые проявления самоуверенности со стороны государств, — и держатся они только на вере в то, что государства в крайнем случае смогут расплатиться по своим долгам. Государства до сих пор обладают золотом, и американское правительство по-прежнему поддерживает — на что приходится изрядно тратиться — золотой запас в размере около 300 миллиардов долларов; но никто не сможет справиться с действительным крахом доверия. И поэтому в этой системе все игроки заинтересованы в сохранении веры. Как сказал китайский премьер-министр Вэнь Цзябао, «доверие важнее золота». Но многие осознают, насколько хрупкими были бы денежные системы, если бы доверие сошло на нет, в особенности вера в основополагающую способность государства собирать средства²⁶. В 2008 г. в течение нескольких дней казалось, что финансовая система вот-вот остановится: банки перестали выдавать друг другу займы на межбанковском рынке, потому что утратили веру в способность друг друга платить по счетам. Все транзакции, все операции через банкоматы, все переводы по заработной плате и вся торговля могли бы резко остановиться, если бы центральные банки не выступили с решительными мерами по восстановлению доверия и ликвидности. Предупреждением послужила Исландия — маленькая страна, некогда считавшаяся образцом продуктивности, чье правительство занимало второе место в рейтинге компетентности Всемирного банка и чье население занимало верхние строчки в «Индексе развития человеческого потенциала ООН». В 2008 г. после периода агрессивной экспансии и приобретений все ее основные банки обанкротились и национальный долг в 5–10 раз превысил ВВП²⁷. «Hup», или падение, приве-

26. Эти страхи особенно обостряются, учитывая «балансовую слабость» Соединенных Штатов и Европы, погрязших в долгах.

27. Этот крах привел к падению стоимости исландской валюты на 60%, 40% домовладельцев стали банкротами. Преимуществами периода экспансии пользовался в основном 1% населения, тогда как расходы по борьбе с кризисом пришлось нести всем. Драматическое падение стоимости ва-

ло людей в недоумение; почти половина населения страны формально была признана банкротами. Однако один из уроков этой истории в том, что капитализм по-прежнему зависит от веры в способность государства обеспечивать деньги.

Если деньги — это чистая репрезентация, полезный социально сконструированный вымысел (который, однако, не пахнет, если вспомнить латинскую поговорку «*rescupia pop olet*»), отсюда следует, что именно так мы и должны их понимать. Чарльз Пирс, основатель семиотики, писал, что «знак не является знаком до тех пор, пока не может быть переведен в другой знак, в котором он получит более полное развитие», и то же самое относится к деньгам, по крайней мере в их более сложных проявлениях, таких как активы и инвестиции. Как и другие знаки, каждый индивидуальный знак существует в связи с остальными. Каждая из цен испытывает влияние всех остальных цен, каждое денежное обещание или претензия — влияние любого другого обещания или претензии. Они также испытывают воздействие систем коммуникации, которые их окружают: телевизионные программы, веб-сайты и комментарии влияют на них не меньше, чем резкие изменения и потрясения в реальной экономике. Слухи, моды и приступы истерии — такие же мощные факторы, как и технологии и связанные с ними расходы, вот почему даже сырьевые цены, например, на нефть переживают столь резкие колебания. Эта зависимость экономики от сетей, в которых циркулируют смыслы, почти не рассматривается в экономике как наука²⁸, но при этом она все сильнее бросается в глаза в кризисные периоды, когда доверие подорвано и главы центробанков пытаются предотвратить панику успокоительными речами перед камерами и лихорадочными мерами за кулисами, направленными на закачку в систему денег и ликвидности.

И все же, чтобы разглядеть хрупкость, требуется воображение. Потому что величайшее достижение капитализма,

люты в сочетании с контролем за капиталами, резким ростом налогов, высокими процентными ставками и твердым отказом платить кредиторам сдержали кризис и помогли сохранить доверие.

28. За редкими исключениями вроде *Spiritus Animalis* Акерлофа и Шиллера или «Капитала и языка» Кристиана Марацци (Christian Marazzi, *Capital and Language*, Cambridge, MA: MIT Press, 2008).

как любой социальной системы, — способность создавать видимость своей естественности: мы — люди, рожденные внутри этой системы, и мы с трудом можем представить себе мир без билбордов, кредитных карт и корпоративных брендов. Язык формирует людей сильнее, чем они формируют его, и то же относится к капитализму как форме жизни: став языком, призмой, сквозь которую смотрят и воспринимают мир, он превратился в нечто естественное. Формируя человеческую природу, он стал ею. Когда он стал естественным, его неестественность была скрыта, как была скрыта и уязвимость системы, которая, по сути дела, основана не на вещах, а на доверии и коллективных убеждениях. Но нет объективной причины для того, чтобы картина старого мастера, дом в Нью-Йорке или сотня тысяч тонн угля стоили 10 миллионов долларов, половину этой суммы или даже треть. Все они стоят столько, сколько стоят, потому что другие готовы верить — руководствуясь общим для всех них вымыслом, а не обоснованным фактом. И не стоит слишком уж верить в деньги: банки обладают способностью создавать кредит, которой они регулярно злоупотребляют, и точно так же правительства постоянно одолевает соблазн увеличить денежные запасы, оставив своим преемникам проблемы инфляции, девальвации и растущего разрыва между реальной ценностью и ее репрезентациями.

Капитализм и государство

Как же тогда бороться с этой уязвимостью? Один из ответов: капитализм защищает то, что не является капиталистическим. Ни одно общество и экономика никогда не были целиком капиталистическими в полном смысле этого слова, а некапиталистические части создают буферы. Когда рынки переживают крах, в дело вступает государство. Когда деньги исчезают, люди обращаются к своим семьям и сообществам. И уязвимость уменьшается, потому что на самом деле вместо чистого капитализма существуют запутанные и фрагментарные гибриды, в которых есть отдельные капиталистические ниши и срезы жизни, но не только они. Капиталистический дух особенно ярко проявляется в финансах, инвестициях и бухгалтерском учете, и мы мо-

жем распознать большинство капиталистических экономик по тому, что они отдают самые высокооплачиваемые и статусные роли людям, связанным с концентрацией финансового капитала, а не самым творческим, умным или продуктивным людям. Но везде, даже в предельно капиталистических обществах, принципы, лежащие в основе капитализма, не допускались в семью, религию, здравоохранение и искусство. Можно было бы проделать интересный мысленный эксперимент, вообразив мир действительно капиталистической семьи — он быстро подсказал бы нам, почему такой семьи никогда не было. Представьте себе родителей, выставяющих детям счет за потраченное на них время и предоставленное жилье или сдающих их в аренду за деньги (возможно, родители-менеджеры некоторых детей-знаменитостей именно этим и занимаются, но, как правило, они при этом теряют любовь ребенка). Представьте себе также, что работодателям пришлось бы полностью платить за воспитание и социализацию своих работников. По-настоящему капиталистическое общество было бы невозможной дистопией. Фридрих Хайек выступал за всеобщую «каталлаксию» рынков, и некоторые системы по поддержке решений (предоставляющие сравнительный анализ цен и рекомендации), похоже, этого добились. Однако попытки создать более масштабную систему такого рода регулярно терпят провал. Чисто теоретические выкладки вступают в противоречие с человеческой природой и жизнью. Системы-долгожители сочетают в себе многообразные, порой противоречивые элементы. Это гибриды, полукровки, мутные настои, адаптированные и усовершенствованные благодаря опыту. Их обширные сети, состоящие из связей и соединений, работают только потому, что сочетаются с автономными сферами, самодостаточными и часто непрозрачными структурами, такими как семья или фирма.

Самое поразительное свидетельство фрагментарности и гетерогенности капитализма — то, в какой степени он зависел от государств, игравших роли инвесторов, производителей и регуляторов. Рональд Рейган любил описывать взгляд государства на рынки так: «Если что-то шевелится, обложи это налогом, продолжит шевелиться, займись его регулированием. А перестанет шевелиться — субсидируй». Но хотя многие бизнесмены по понятным причи-

нам не любят отдавать свои заработанные тяжелым трудом деньги бюрократам, любой наблюдатель не может не заметить взаимосвязь между коммерческой и суверенной властями, предполагающую тесные союзы с государством как источником финансирования для технологий (например, 40% инвестиций на исследования и разработки в Силиконовой Долине являются государственными), жилья (*Fannie Mae*), крупных промышленных комплексов (как в Корее), странных гибридов меркантилистского коммунистического капитализма в Китае и капитализма с олигархами во главе в Юго-Восточной Азии²⁹. Один из показателей значимости государства — то, что в Соединенных Штатах 77 из 88 самых важных инноваций (по версии *R&D Magazine*, вручающего ежегодные премии за инновации) зависели от поддержки федерального правительства, которое страховало от рисков, связанных с новыми идеями, главным образом на ранних этапах, но не только³⁰.

Эта взаимозависимость — не новость. Современное банковское дело развивалось как ответ государству — от первых итальянских банков XIII в. до Банка Англии, основанного в конце XVII в. для финансирования военных долгов короля. Дефолт правительств был единственной главной причиной краха банков³¹. (Банк Англии брал с правительства 8% за первый займ, процент, в 2 раза превышавший тот, по которому он дисконтировал торговые векселя). Но со временем ситуация кардинально изменилась, когда государство превратилось в «финансиста банков на крайний случай», создав «одно большое различие между сегодняшним положением дел и средневековым. Тогда наибольший риск для банков исходил от суверена. Сегодня, вероятно, наибольший

29. См.: Na-Joon Chang, *23 Things They Don't Tell You About Capitalism* (London: Allen Lane, 2010). Седьмая особенность капитализма, о которой вам не рассказали: лишь немногие богатые страны добились благосостояния, следуя всем предписаниям экономики свободного рынка.

30. F. Block and M. Keller, «Where Do Innovations Come From?» // *State of Innovation: The U.S. Government's Role in Technology Development*, ed. Block and Keller (Boulder, CO: Paradigm, 2010).

31. C. M. Reinhart and K. Rogoff, *This Time Is Different: Eight Centuries of Financial Folly* (Princeton: Princeton University Press, 2009); Рейнхарт К., Рогофф К. *На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства*. М.: Карьера Пресс, 2011.

риск для суверена исходит от банков»³². Неудивительно, что Томас Джефферсон говорил про банковские институты, что они «опаснее для наших свобод, чем регулярные армии».

Но банки — это только один пример взаимопроникновения государства и рынка, которое повергло бы Джефферсона в ужас. От Швейцарии до Тайваня и Соединенных Штатов капитализм развивался в форме многочисленных гибридов, таких как Китай³³, где фермерам разрешается продавать свою продукцию на открытом рынке лишь после того, как они отдали положенную часть государству, а муниципалитетам позволяется иметь права собственности на местные предприятия в городах и деревнях — в качестве альтернативы собственности централизованного государства или капитала³⁴. Многие страны сохранили государственную собственность на капитал, используя ее как хороший источник дохода: в Чили, например, долго сохранялась государственная собственность на ведущую отрасль — добычу меди. Сегодня 9 из 30 крупнейших мировых предприятий базируются в развивающихся рыночных экономиках и включают государственную долю акций. Крупные инвестиции в спутники и ракеты не только в Китае и Индии, но также в Бразилии и Иране — классический пример правительств, работающих в тандеме с коммерческими фирмами и сочетающих стремление к престижу со стремлением к прибыли.

Эти гибриды — напоминание о том, что капиталистического общества никогда не существовало, а были только общества с ограниченными зонами капитализма. Англия и Соединенные Штаты являлись исключениями, а не правилом, единственными примерами того, что можно назвать орга-

32. Piergiorgio Alessandri and Andrew Haldane, «Banking on the State», Bank of England, presentation to the Federal Reserve Bank of Chicago conference, 2009.

33. Y. Huang, *Capitalism with Chinese Characteristics. Entrepreneurship and the State* (New York: Cambridge University Press, 2008).

34. Franklin Allen and Meijun Qian, *Building China's Financial System in the 21st Century* (Cambridge: Harvard University Press, 2003); Franklin Allen and Meijun Qian, «Will China's Financial System Stimulate or Impede the Growth of Its Economy?» // *China's Economy: Retrospect and Prospect*, Asia Program Special Report No. 129 (Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2005), 33–41.

ническим развитием капитализма, когда капиталистическая жизнь стихийно возникает из исходного социального бульона, и даже в них сохранились сильные государственные и гражданские институты наряду с рынком³⁵, а затем государство получило ведущую роль в развитии новых технологий, от реактивного самолета до Интернета, GPS и сенсорных экранов³⁶. Во всем остальном мире новую экономику приходилось получать при помощи генной инженерии, искусственно взращивать как ответ со стороны государств и аристократии, нацеленных на сохранение своей власти. В этом отношении идеи Фридриха Листа имели такое же долгосрочное влияние, как и идеи Адама Смита. Лист выступал за создание невероятной сети образовательных и исследовательских институтов, которые привели Германию к экономическому величию (хотя он и думал, что Германия никогда не сможет превзойти Британию). Он считал само собой разумеющимся тот факт, что конкуренцию необходимо организовывать и что капитализм должен находить опору в некапиталистических институтах, надежно защищенных от давления прибыли³⁷.

-
35. В работе Баумоля и соавт. (W. Baumol, R. Litan, and C. Schramm, *Good Capitalism, Bad Capitalism: And the Economics of Growth and Prosperity*. New Haven: Yale University Press, 2007) утверждается, что лучшая форма капитализма — смесь больших компаний и маленьких предпринимательских фирм, в которой последние создают идеи, а первые применяют их на практике. Баумоль — выдающийся экономист, однако его теории впечатляют не только тем, что в них учитывается, но и тем, что игнорируется: например, огромные государственные вложения США в науку.
36. Навигационная система GPS возникла из военной спутниковой программы NAVSTAR, мультиточечные сенсорные панели финансировались Национальным научным фондом и ЦРУ. Вернон Раттан показывает, в чем именно ключевые технологические комплексы США (система «массового производства», авиация, космос, информационная технология, Интернет и ядерная энергия) зависели от государственных инвестиций. См.: V. Ruttan, *Is War Necessary for Economic Growth? Military Procurement and Technology Development* (New York: Oxford University Press, 2006).
37. Christopher Freeman, Working Paper, International Institute for Applied Systems Analysis, WP 95-76, «History, Co-evolution and Economic Growth», 1995. Иногда императив индустриализации означал, что государства вступают в союзы с торговцами и производителями, но бывали времена, когда он требовал преодолеть их сопротивление, как в Японии XIX в. В других местах государство становилось помехой: в большей части Африки капитализм потерпел неудачу не только из-за относительной

Капитализм как свобода и демократия

Подобные взгляды не встретишь у новейших теоретиков капитализма, таких как Фридрих Хайек и Милтон Фридман, которые если и упоминали государство, то лишь как проблему, от которой нужно избавиться. Для них капитализм означал необузданную свободу, и они были правы в том, что капиталистическая культура благоприятствует избавлению от принуждения. Наемный труд означал освобождение от феодального господина. Самозанятость и начало собственного дела означали уход от босса (это по-прежнему наиболее распространенная мотивация предпринимательства). Предполагалось, что, если станешь богатым, все будет сходиться с рук, не придется извиняться и отчитываться. Для всех остальных капитализм означал по крайней мере возможность демократизации желаний: любое желание могло найти выражение, не спрашивая разрешений и не обращаясь к авторитетам. Резюме американской демократии, обнаруживаемое у Алексиса де Токвиля, может послужить удачным резюме духа капитализма: «то, что сегодня есть у немногих, многие потребуют завтра».

Обещание свободы означало передачу власти от государства и большой корпорации кормильцам и домашним хозяйствам, чья «власть выбирать» станет главным двигателем. Именно эта идеология лежала в основе современной экономической науки, которая все решения в экономике выводила из «выявленных предпочтений» индивидуальных потребителей. И это наделяло миссией и другие области, например дизайнеров, работавших над тем, чтобы сделать доступной роскошь. Так, модернизм Баухауса обещал использовать массовое заводское производство для того, что улучшить жизнь людей (как только он преодолел исходную привязанность к искусствам и ремеслам). Немецкий архитектор Петер Бе-

недоразвитости рынков, но и вследствие алчности сначала колониального правительства, а затем многих других правительств стран, получивших независимость. В результате на рынках так и остались господствовать неформальные сети торговцев и традиционных вождей, протянувшиеся через границы в диаспоры, а государство ведет себя как хищник, от которого нужно откупаться.

ренс осуществил ревизию маркетинга, заводов и продукции AEG и практически в одиночку создал новую область дизайна. Дизайнеры сделали хорошую продукцию доступной для всех, а потом, несколько поколений спустя, их преемники соединили массовое производство, цифровые технологии и ремесленное производство, чтобы выпускать широкую гамму оригинальных вещей по доступным ценам, что позволило дать отпор критикам отупляющего единообразия и стандартизации в массовом производстве.

Свобода покупать это еще не все. Всегда было нелегко купить или продать безопасность, любовь или дружбу. Но рынки попытались и их превратить в товар, так что можно купить их косвенным образом — через страховые полисы, службы знакомств или клубы, и всегда существовали индустрии, торговавшие удовольствиями, от проституции и наркотиков до ночных клубов. Большую часть древней торговли составляли предметы роскоши, включая золото, драгоценности, благовония и вино. В эпоху неолита отполированные топоры из гагата, изготовлявшиеся в Швейцарии, везли за тысячи миль, чтобы хранить как икону роскоши. Но капитализм сделал роскошь и гламур доступными для каждого. Технологии удовольствия теперь включают в себя техники погружения, а бизнес торгует не только сексом и наркотиками, но также риском и приключениями, от сплава на плоту по бурным водам далекой реки до прыжков с самолета. Согласно одному из прогнозов будущего капитализма, эта торговля психологическими состояниями станет еще более интенсивной, предельно изощренной и будет ловко связывать конкретный опыт и конкретные желания, сочетая фармакологические средства и технологии виртуальных миров. Если так, то мы оторвемся от скучного живого мира материальных вещей и будем исследовать далекие области нашего сознания. В Корее, например, уже есть 20 телевизионных каналов с прямой трансляцией турниров по компьютерным играм, и многие становятся мультимиллионерами благодаря успеху в таких играх, как *Counterstrike* и *Warcraft*.

Этот демократический этос, охвативший всё — от семейных автомобилей и ипотеки до компьютерных игр и отпуска за границей, сдерживал критиков капитализма. Если капитализм действительно может сделать так, что «имею-

щееся сегодня у немногих многие потребуют завтра», тогда остается ли место альтернативам? Распространение кредита на людей с низкими доходами, которое осуществлялось в таких странах, как Соединенные Штаты и Великобритания на рубеже тысячелетия, конечно же, сгладило раздражение по поводу растущего неравенства (а также сыграло свою роль в финансовом кризисе). Многие критики капитализма слишком легко дали загнать себя в угол, начав попуристански относиться к удовольствиям, отказывая беднякам в скромных удобствах и презирая новые зажиточные слои, когда те предпочитали гламур искусству, роскошь — красоте. В более радикальных случаях критики становились врагами всего. Теодор Адорно, ведущий мыслитель Франкфуртской школы, утверждал, что искусство должно делать нас несчастными. Оно должно критически относиться к несовершенному капиталистическому миру и готовить нас к тому, чтобы его изменить. Иначе мы всегда рискуем поддаться очарованию диктаторов и впасть в инфантилизм под влиянием Голливуда или «Переулка жестяных аллей» (места в Нью-Йорке, где велась торговля грампластинками). Это была последовательная в интеллектуальном отношении позиция, чей антидемократический привкус, однако, ограничивал ее привлекательность.

Некоторые из самых активных сторонников капитализма заявляют, что они победители в дарвиновском соревновании, в котором ищется самый приспособленный, умный и хитрый. Но другие утверждают, что живут в условиях более демократического идеала. Рынки жестоки, но честны. Они создают предельно однородные условия для конкуренции. Они вознаграждают деятельных, инновативных и эффективных, наказывая ленивых. Они открыты: любой может стать предпринимателем и добиться успеха. Они поощряют равенство: на рынке люди встречаются друг с другом как равные, заключая сделку, если есть взаимная выгода, не заключая — если ее нет. Рынок учитывает потребности любого, у кого есть деньги: он не спрашивает, кто были ваши родители, в какую школу вы ходили или в какой церкви молитесь. С этой точки зрения рынок совершенно не похож на мир иерархий и бюрократии. Он открыт и готов к новому. Альбер Камю говорил, что демократия существует, потому что мы не все знаем, и это тоже неплохой аргумент в пользу рынков.

Это представление о базовом равенстве также лежит и в основе современной экономической науки, дисциплины, которая развивалась вместе с капитализмом. Ее теории сегодня описывают мир равновесия, в котором покупатели и продавцы договариваются о честных ценах, а жесткая конкуренция гарантирует, что никого не эксплуатируют нечестным путем. В самом деле, цены справедливы на фундаментальном уровне — они отражают состояние спроса и состояние природы. Если кто-то терпит неудачу, это происходит от того, что он поставлял что-то ненужное или слишком дорогое. Это мир трейдера — мир контрактов, сделок, всегда стремящийся к взаимной выгоде, пространство для скупки или перепродажи ценных бумаг. В более радикальных вариантах рынок трактуется в качестве несказанно мудрого гения, способного считывать самые страстные желания человека и находить креативные способы их удовлетворения. Юджин Фама, автор теории «эффективного рынка» для цен на активы, дал подробное объяснение того, почему совокупность цен отражает всю имеющуюся информацию. В результате рынок стал рассматриваться как то, что с чем невозможно, да и не следует бороться. Тому факту, что рынки акций становятся неразборчивыми, обмениваясь и прокручивая свои инвестиции гораздо чаще, чем в прошлом, якобы следует не радоваться, а не скорбеть. Точно так же не страшно, если фирмы направляли все усилия на то, чтобы хорошо выглядеть перед случайными инвесторами, привлеченными красивой витриной, козыряя перед ними эффектными квартальными ставками дохода, вместо того чтобы заботиться о хорошо информированном инвесторе, который сможет понять, что они делают. Рынок достаточно мудр, чтобы получить оптимальный результат, не смотря ни на что.

И все же, если мы вернемся к определению капитализма как поиска пригодной для обмена ценности, станет ясно, что эти описания совершенно неполны. Основание для их неполноты во многом объясняет истинную природу капитализма, провоцируемые им реакции, а также то, почему через два столетия после своего рождения он по-прежнему вызывает такие сложные эмоции. Одна из ахиллесовых пят системы, основанной на раскрытии ценности во всех вещах, — ее неспособность разглядеть ценность в столь мно-

гих людях и местах. Массовая безработица в прошлом толкала к поддержке радикальных альтернатив капитализму, и сегодня нетрудно увидеть связь между более чем 40%-й безработицей среди молодежи в Судане, Сомали и Йемене и поддержкой терроризма³⁸. Места, обойденные или забытые рынками, легко впадают в фатализм и негодование.

Но еще одна его ахиллесова пята — это стремление капитализма брать, а не производить. В следующей главе я обращаюсь к этому двойственному характеру его природы.

38. Индивидуальные террористы, конечно, зачастую оказываются очень образованными людьми.

Братъ или делать: роли творцов и хищников

ЕСЛИ вы хотите делать деньги, вы можете выбирать между двумя фундаментально разными стратегиями. Одна состоит в создании совершенно новой ценности путем такого соединения ресурсов, чтобы они служили нуждам и желаниям людей. Другая — в хищническом захвате всего ценного, отъеме ресурсов, денег или времени у других, нравится им это или нет. Одним словом, выбор в том, кем быть — пчелой или саранчой.

Защитники капитализма видят только его продуктивный потенциал, блистательную «машину инноваций», замечательного генератора богатства и человеческой продуктивности, тогда как критики замечают только его хищнические тенденции. Эти зеркально отражающие друг друга взгляды просуществовали два столетия. Как объяснял Эндрю Бернштейн в своем «Капиталистическом манифесте»,

что касается гигантского успеха капитализма, одновременно морального и практического, в разных странах, на далеких друг от друга континентах, успеха, затрагивающего сотни вопросов, можно предложить следующий объяснительный принцип: капитализм — это самая передовая система высвобожденного потенциала человеческого мозга¹.

На противоположном конце спектра мнений мы видим Франсуа-Ноэля Бабефа, лидера левых во время Французской революции, которого очень любил Маркс:

Человеку удастся разбогатеть, только нанеся вред другим людям... все наши гражданские установления, все общественные

1. Andrew Bernstein, *The Capitalist Manifesto* (Lanham, MD: University Press of America, 2005).

связи — не что иное, как выражение узаконенного варварства и пиратства, при котором каждый обманывает и грабит своего ближнего²

К обеим цитатам можно подобрать дюжины похожих, высказанных за столетие до этого и столетие спустя.

Однако неправы ни те, ни другие. Обе стороны — творческая продуктивность и хищничество — присущи системе, нацеленной на открытие и реализацию выгоды. И обе являются неотъемлемой частью любого аспекта капиталистической экономики, от предпринимательства и инноваций до финансов и потребления.

Капиталистическая продуктивность

Основное притязание капитализма состоит в том, что он повышает благополучие и благосостояние. Как показал экономист Уильям Нордхаус, в XX в. улучшение здоровья внесло такой же вклад в повышение благосостояния, как и рост потребления³. Однако не приходится сомневаться в необыкновенной трансформации уровня жизни, которой капитализм помог добиваться в самых разных странах.

Этот продуктивный характер капитализма стал предметом множества теорий. В самом деле, его трактовка была главной заботой современной экономики, рассказывающей приблизительно такую историю: стимул разбогатеть мотивирует изобретателей изобретать, предпринимателей — начинать свое дело, инвесторов — инвестировать. Потребители больше платят за лучшие продукты. А поскольку капитал легкодоступен для творческих финансовых идей, рынок автоматически ведет к постоянному совершенствованию и улучшению способов удовлетворения наших потребностей и нужд.

Однако один из поразительных аспектов истории капитализма состоит в том, что понимание его продуктивной мощи оказалось столь пристрастным и зачастую запоздалым. Экономической науке удавалось гораздо лучше объяснять дина-

2. Ian H. Birchall, *The Spectre of Babeuf* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1997).

3. William Nordhaus, «*The Health of Nations and «Irving Fisher and the Health of Nations»*», *American Journal of Economics and Sociology* 64, no. 1 (January 2005): 367–392.

мику рынков, чем динамику экономики в целом. Ряд теорий пытался объяснить рост, но все они сталкивались с проблемой подозрительно большого количества исключений.

Одно время считалось, что количество капитала должно объяснять более высокий рост: больше вложений — большая отдача. Но большинство моделей роста, пытавшихся показать, как капитал и труд будут двигать ВВП, многое оставляли без объяснений (экономист Томас Балог иронически назвал этот третий фактор «коэффициентом неведения»). Инвестиции — необходимое, но недостаточное условие роста, причем и они, что странно, тоже могут оказаться неэффективными (столь разные экономики, как Японии в 1990-х гг. и Советский Союз в 1960-х, доказали, что можно закачивать большие деньги в инвестиции, не создавая реального роста).

Потом стали думать, что хорошее образование может в итоге привести к экономическому росту. ОЭСР утверждает, что за высокими оценками на экзаменах у пятнадцатилетних через несколько лет следует скромное, но осязаемое увеличение экономического роста. Хотя это отчасти верно, для этого тезиса тоже можно найти слишком много контрпримеров, в особенности в бывшем СССР или в Ирландии в 1980-х гг., и до сих пор не существует четкой корреляции между расходами на образование и экономическими результатами. Еще одна группа аргументов приписывает рост географии; умеренный климат без тяжелых болезней — вот где побеждает капитализм⁴. Не может быть сомнений в том, что климат и изменения климата могут драматическим образом изменить экономические судьбы: есть веские основания ожидать, что в результате климатических изменений произойдет экономический подъем в новых регионах, от Северной Канады до Сибири и Скандинавии, который будет сочетать преимущества сильных образовательных институтов, обширных глобальных связей и стремительного улучшения климата⁵. Но избитый

4. Экономист Джеффри Сакс объяснял различие в экономическом развитии отдельных стран мира воздействием климата и географии. См., например: D. Bloom, J. Sachs, and C. Udry, «Geography, Demography and Economic Growth in Africa», *Brookings Papers on Economic Activity* 1998, no. 2, 207–295.

5. В Сибири не хватает глобальных фирм и сетей других северных стран, но там есть старая традиция передовой науки (в таких местах, как Томск и Новосибирск), а также порты, такие как Мурманск, которые удачно

аргумент в пользу того, будто климат является первостепенным источником роста, не способен объяснить, почему так долго в истории умеренные климатические зоны оставались относительно отстающими или почему такие тропические области, как Малайзия или Гуандун, сегодня процветают.

Затем в определенной мере лидирующая роль приписывалась культуре. По мнению Макса Вебера, рождение капитализма объяснялось кальвинизмом и потребностью продемонстрировать добрую волю Господа. Пятьдесят лет назад в знаменитой книге шведского социолога Гуннара Мюрдаля объяснялось, что Восточная Азия обречена на медленный рост из-за конфуцианской культуры, выступающей против риска и инноваций и удушающей прогресс своим чрезмерным поклонением иерархии и традиции. Почти два десятилетия спустя во многих других книгах утверждалось, что та же самая преданность конфуцианской культуре образованию и усердному труду объясняет нынешнее процветание Восточной Азии.

Похожие аргументы приписывают рост благотворному влиянию культур предпринимательства: некоторые страны попросту более расположены к тому, чтобы идти на риск. Каждый год в Соединенных Штатах свой бизнес начинают больше людей, чем женятся и заводят детей, и нам говорят, что там легче оправиться после первоначальной неудачи или банкротства. Культура, в которой риск приемлем, скорее окажется благоприятной для инноваций и новых идей. Но здесь факты снова неохотно встраиваются в стереотипы. Наиболее предприимчивые страны — не те, которые обычно считают такими. Согласно последним и наиболее подробным анализам имеющихся данных, Соединенные Штаты — «третьи с конца, если речь о числе молодых предприятий на душу населения... и в середине по количеству создаваемых новых предприятий на душу населения»⁶. По мере роста экономики уровень предпринимательства имеет тенденцию падать (главным образом из-за растущих альтернативных издержек, связанных с уходом с оплачиваемой работы), и многие экономики, вероятно, росли бы медленнее, если бы люди оставляли свою

расположены, чтобы воспользоваться преимуществами потенциально го увеличения температуры в 2 раза выше среднемировых показателей.

6. Scott Shane, *Illusions of Entrepreneurship* (New Haven: Yale University Press, 2011), 16.

работу и пытались начать новое дело. Многие говорят, что открывают свое дело, чтобы не работать на других, и большинство предпринимателей — не технологические вундеркинды, а люди среднего возраста в типичных городах, начинающие предоставлять новые услуги. Какой бы ни была их мотивация, большая их доля терпит неудачу, и государственная поддержка стартапов редко имеет большой экономический смысл, даже если небольшое число предпринимателей сумели сильно разбогатеть. Предпринимательство, разумеется, играет важную роль в экономическом росте, но важнее качество, а не количество.

Еще одна группа объяснений (горячо поддерживаемых Дугласом Нортон) делает акцент на институтах: создайте правильные институты, с верховенством закона и отлаженными рынками, и за этим последует рост. В некотором смысле это верно, но защитники подобной точки зрения с трудом могут объяснить случай Китая, который в основном игнорировал предписания западных теоретиков и все равно переживает экономический рост (хотя китайские институты заметно изменились, они все равно до сих пор не дотягивают до конвенциональных предписаний). Китай и Индия также поставили под вопрос широко распространенный взгляд, что усиление коррупции несовместимо с быстрым и устойчивым ростом. Мы бы, скорее, предпочли думать, что история наказывает порок, однако факты показывают, что это не так.

Вместе с тем существует множество теорий, связывающих рост с технологиями и стимулами для изобретений. Полтора столетия назад Карл Маркс предсказывал, что продуктивной силой станет то, что он называл «общим интеллектом». Он представлял его воплощенным в машинах, но в той же мере он находит воплощение в людях, высококвалифицированных ученых, менеджерах или юристах. Приблизительно в то же время Фридрих Лист писал, что «накопление всех открытий, изобретений, улучшений и усилий поколений... образует интеллектуальный капитал наличной человеческой расы»⁷, и убедил Пруссию вкладываться не только в железные дороги, но и в институты технического образования и субси-

7. Цит. по: Christopher Freeman, Working Paper, International Institute for Applied Systems Analysis, WP 95-76, «History, Co-evolution and Economic Growth», 1995.

дии для бизнеса, дабы взрастить этот капитал, — стратегия, успех которой превзошел его самые смелые мечты.

Знание, очевидно, вносит решающий вклад в рост: новые продукты и большее разнообразие продуктов и услуг оказывают прямое воздействие на благосостояние людей⁸. Недавнее исследование показало, что увеличение экономической сложности национальной экономики на одно стандартное отклонение ведет к увеличению ее роста на 1,6% в год⁹. Признание важности общего интеллекта стало оправданием серьезного увеличения государственных субсидий на фундаментальные научные исследования и целого набора протекционистских законодательных мер для изобретателей. Китай тратит на исследования и разработки до 1,5% от ВВП и будет тратить 2,5% к 2025 г.; Индия планирует построить 800–1000 новых университетов и уже насчитывает 3 миллиона выпускников каждый год¹⁰. Все предполагают, что большие расходы на сферу знания стимулируют экономику. Но, невзирая на быстрый рост расходов на публикацию почти 3000 академических работ ежедневно, несмотря на то что каждый день в Патентное бюро США подается почти 2000 заявок на патент и что каждые два дня новых данных появляется столько же, сколько их насчитывается за всю историю до 2003 г., нет доказательств ускорения инноваций. Исследования и разработки находятся в скромной, но не сильной корреляции с ВВП на душу населения (хотя направление причинно-следственной связи непонятно), и нет ясной корреляции между ростом расходов на исследования и разработки и ВВП на душу населения¹¹. То же самое можно было сказать о фирмах в конце 2000-х гг., когда незадолго до своего почти фатального краха *General Motors* имела самый большой бюджет на новые разработки среди

8. William Nordhaus, *Invention, Growth and Welfare: A Theoretical Treatment of Technological Change* (Cambridge, MA: MIT Press, 1969).

9. Прекрасный пример картографирования продуктов в соответствии со сложностью процесса их производства: Ricardo Hausman, *The Atlas of Economic Complexity*. MIT Media Lab and Harvard University, 2011.

10. «800 varsities, 35,000 colleges needed in next 10 years: Sibal». *The Hindu*, March 24, 2010.

11. Есть более четкие корреляции между инвестициями фирм в инновации и продажами инновационных продуктов, и многие работы указывали на значительные частную и социальную отдачу от инвестиций в научные исследования и разработки.

всех компаний США (а в мировом отношении три из четырех рекордсменов по расходам на исследования и разработки — это именно автомобилестроительные компании)¹².

Нет тесной связи и между еще более изоциренным миром частных финансов и миром инноваций. Венчурный капитал обеспечивал значительный приток финансов для смелых и рискованных идей, но теперь финансирует лишь крошечную долю технологических стартапов, даже в Соединенных Штатах. В бизнесе в целом наиболее значительным источником финансирования инноваций является реинвестированная прибыль больших компаний. Кремниевая долина — типичный случай постоянной зависимости от государственного финансирования, и в других странах, которые завоевали сильные позиции в области технологии, таких как Тайвань, Израиль или Финляндия, государственное финансирование тоже сыграло существенную роль. Если изучить ситуацию в мире, можно с удивлением обнаружить, сколь незначительную роль рынки капитала играют в финансировании инноваций.

Большинство правительств смиряется с тем, что им приходится финансировать рискованные и пока не нашедшие подтверждения идеи. Но менее ясно, должны ли они финансировать фундаментальные исследования или технологии, близкие рынку. Когда ученые той или иной страны добиваются прорыва в генетике или в изучении полимеров, они, безусловно, приносят пользу всему миру, но это не является гарантией того, что их сограждане извлекут из их открытий больше выгоды, чем все остальные. В той мере, в какой исследования и разработки оказывают влияние на рост, это происходит как через людей, так и через кодифицированное знание — например, одаренные аспиранты идут работать в технологические компании. Однако во всех этих вопросах изъяны количественных оценок затрудняют формулировку окончательных выводов¹³.

12. Ron Hira and Phillip Ross, «R&D Goes Global», *IEEE Spectrum On-Line*, November 2008.

13. Мы знаем, что нематериальные вложения в обучение, программное обеспечение, брендиование и бизнес-процессы, как правило, превышают инвестиции в классические научные исследования и разработки, и знаем, что инновации, похоже, лучше работают в системах, выходящих за границы отдельных фирм и стран. Однако основная статистика из-

Еще более неопределенна роль интеллектуальной собственности как фактора, объясняющего продуктивность. Такая собственность одновременно и не слишком интеллектуальная (сложно вспомнить какое-нибудь важное интеллектуальное достижение, которое было защищено законом), и не совсем собственность. Теорию относительности, изобретение компьютера и открытие ДНК, конечно, не стимулировали и не награждали правами собственности. Пенициллин был открыт случайно и нашел коммерческое применение благодаря финансированию Фонда Рокфеллера. Интернет и Всемирная паутина были изобретены сотрудниками государственных лабораторий. Некоторые страны с относительно слабой законодательной защитой интеллектуальной собственности (например, Япония) оказались большими новаторами, и значительная доля важных современных исследований (таких, как исследование человеческого генома и генома рака) ведется в государственной сфере. Экономист Джон Кей заметил, что «доходы от интеллектуальной собственности шли не тем, кто обладал наибольшей способностью к созданию инноваций, а тем, кто лучше всех сумел воспользоваться судебной системой, чтобы истребовать права интеллектуальной собственности, — неважно, заслуженные или нет»¹⁴. Объектом защиты становится слишком узкая область, а сама защита слишком сурова.

Другие экономисты, в особенности Уильям Нордхаус, хотя и поддерживали тот принцип, что идеям и изобретениям идет на пользу законодательная защита, показали, насколько выгода от новых идей и технологий зависит от их «просачивания» к множеству людей, которые не платят за них напрямую. Любые правила, слишком сильно ограничивающие такое просачивание, препятствуют общественному благосостоянию. Точно так же защита некоторых видов знания может скорее помешать инновациям, чем помочь им: распространение американского патентного законодатель-

меряет традиционным образом определяемую деятельность (например, расходы на научные исследования и разработки или патенты), в границах одной страны.

14. John Kay, «Intellectual Property Protection: What Role in 20th Century Innovation» // Technology and Poverty Reduction in Asia and the Pacific, OECD Development Centre. OECD, Asian Development Bank, June 2002.

ства не только на изобретения, но и на открытия — такие, например, как ген рака груди BRCA1 — превращает инструмент вознаграждения творческого воображения в хищнический инструмент, блокирующий творческое воображение других. Права собственности, несомненно, играют важную роль в стимулировании инвестиций и усилий. Но по крайней мере в какой-то своей части недавняя экономическая история может пониматься по аналогии с литературой, в которой «секрет любого воображения — это кража», как писал романист Ричард Пауэрс. Все фирмы и культуры эволюционируют путем адаптации, а любые адаптации граничат с плагиатом¹⁵, что примечательным образом иллюстрирует замечание, обращенное Биллом Гейтсом к Стиву Джобсу, — оба они воровали идеи, чтобы заработать свои состояния («У нас обоих был богатый сосед *Херох*, и я ворвался в его дом, чтобы украсть телевизор, но увидел, что ты его уже стащил»)¹⁶.

Идея, будто коммерциализация университетских исследований будет подстегивать рост, также оказалась больше шумихой, чем реальностью, «карго-культом», как выразился один известный академический ученый¹⁷. В середине 2000-х гг. *IBM* зарегистрировала столько же патентов, сколько весь Калифорнийский университет, и в 20 раз больше, чем Массачусетский технологический институт, и только 197 патентов из 27 322, которыми владеют американские университеты, принесли более 1 миллиона долларов дохода. И снова второразрядные отрасли добились большего успеха, чем перворазрядные; скучные сектора росли больше, чем модные

15. Недавнее исследование показало, насколько неясными до сих пор остаются факты, касающиеся влияния авторского права на рост и даже на вознаграждение авторов; см.: Ray Corrigan and Mark Rogers, «The Economics of Copyright», *World Economics* 6, no. 3 (2005): 153–174. Очевидно, что независимые патенты имеют большое значение в некоторых секторах, хотя и не первостепенное. Например, из 140 миллиардов фунтов, инвестированных британским бизнесом в независимые патенты в 2008 г., 65 миллиардов были защищены правами интеллектуальной собственности.

16. См.: Walter Isaacson, *Steve Jobs* (New York: Simon & Schuster, 2011); Айзексон У. *Стив Джобс*. М.: АСТ, Corpus, 2012.

17. Alan Hughes, «Innovation Policy as Cargo Cult: Myth and Reality in Knowledge-Led Productivity Growth», Centre for Business Research, University of Cambridge Working Paper No. 348, June 2007.

(оптовая и розничная торговля внесла в рост производительности в США в 1990-е гг. больший вклад, чем телекоммуникации); а те, кто внедрял идеи в жизнь, разбогатели больше изобретателей¹⁸. Сегодня это хорошо видно на примере Китая. Через компании, подобные *Baidu*, аналога *Google*, Китай стремится бежать «как можно быстрее... чтобы оставаться на острие глобального экономического фронта, несколько при этом не сдвигая сам этот фронт»¹⁹.

Амбивалентное влияние прав собственности заставило некоторых совершенно иначе расставить акценты в понимании того, как знание способствует росту. Французский социальный экономист Ян Мулье Бутан пишет о способствующих росту «когнитивных экстерналиях»²⁰ и обществах, в которых наличие общего знания помогает перекрестному опылению идей, порождая тем самым более выгодные возможности. Отчасти поэтому инновации до сих пор обусловлены кластерностью. Густые сети в отдельных местах или горизонтальные кластеры, связывающие близкие фирмы, и вертикальные кластеры, объединяющие цепочку поставщиков, растут главным образом благодаря потоку знаний, защищенных законом.

Хороший пример — британское судостроение в середине XIX в.: в те времена существовала сильная культура общности и открытости, основанная на научных обществах и клубах, в которых тысячи инженеров делились друг с другом своими идеями, и при этом отличавшаяся принципиально враждебным отношением к правам интеллектуальной собственности. И там можно было встретить все черты «открытых инноваций». В результате возникла индустрия, получившая полное господство на мировом рынке судостроения²¹. Таким образом, инновации и рост возникают в первую очередь там, где

18. Еще один признак разрыва между риторикой и реальностью можно увидеть в цифрах инвестиций в инновации в Соединенных Штатах: венчурный капитал вложил 2,3%, 47,2% были внутренним финансированием от бизнеса; 23,9% пришло от меценатов, 3,9% — от университетов и 22,7% — от федерального правительства и правительства штатов. Alan Hughes, «Innovation Policy as Cargo Cult».

19. Breznitz and Murphree, *Run of the Red Queen*, p. 3.

20. Yann Moulier Boutang, *Le Capitalisme Cognitif: La Nouvelle Grande Transformation* (Editions Amsterdam, 2007). См. также: Y. Benkler, «Coase's Penguin: Or Linux and the Nature of the Firm», *Yale Law Journal*, 112 (2002): 69–446.

21. Это задокументировано в выходящем исследовании Сандро Мендосы, ра-

уже существуют элементы новых идей — в форме технологий или практик — наряду с квалифицированными посредниками, брокерами и организаторами, комбинирующими их новыми способами. Знание и коллективный разум с этой точки зрения — общественные блага, которыми можно делиться с минимальными затратами, их потребление одним человеком не уменьшает их доступности для всех остальных. Конечно, верно, что инновации порождают другие инновации, когда сочетание существующих элементов ведет к появлению совершенно новых. iPod, например, сочетает в себе идеи цифровых музыкальных гаджетов, выброшенных на рынок десятилетием ранее другими производителями, и программного обеспечения по сжатию MP3, разрабатывавшегося в Германии Институтом Фраунгофера, тогда как iTunes, программа, которая установлена на нем, использовала технику составления плейлистов, впервые представленную компанией *Napster*. Чем больше вокруг элементов, тем больше, скорее всего, появится новых идей. Чем глубже имеющиеся навыки, предназначенные для их формирования, тем больше вероятность роста экономики.

Вокруг этой идеи создавались новые индустрии и бизнес, которые уже не продают услуги или даже знания, но предоставляют платформы, на которых созданием знаний или услуг могут заниматься другие. *eBay*, *Google* и *Skype* — компании именно такого типа: большая часть того, что они предоставляют, отдается пользователям бесплатно, но их ценность обеспечивается не столько их изобретательностью²², сколько той ценностью, которая затем производится пользователями в сотрудничестве друг с другом и друг для друга. Эта цен-

ботающего в Исследовательском отделе научной политики при Сассекском университете.

22. *Google* опирался на существующие технологии поиска. Самая важная из них — *Hypersearch*, на которой был основан механизм *PageRank*, была разработана Массимо Маркьори; бизнес-модель была позаимствована у другой компании, *Overture*, и даже патент на технологию *PageRank* принадлежал Стэндфордскому университету. Однако *Google* добился успеха благодаря мастерству, везению и оперативности, а затем и невероятным преимуществам экономики масштаба. То, что доля его дохода, поступающего из одного источника — рекламы в поисковой машине, — оставалась такой высокой, составляя около 96–98%, означает, что он в лучшем случае не уверен, что сможет сохранить свое господство.

ность зависит от когнитивных способностей пользователей в гораздо большей степени, чем в случае предшествующих инфраструктур, таких как автомобильные или железные дороги: действительно, все эти новые индустрии процветают благодаря совместному творчеству, которое сильно отличается от классической экономической идеи потребления. Вместе они создают цифровую базу для экономической инфраструктуры, дающую возможность постоянной обратной связи между экономикой и обществом, самосознание которых растет. *Google* в этом отношении на полпути к тому, чтобы стать общественным достоянием, более близким по духу к коммуникациям или университетам, хотя его также можно рассматривать как и гораздо более эффективное средство для организации рекламы (и более 96% его прибыли поступает от одной, блестяще реализованной идеи — таргетированной рекламы, привязанной к поиску)²³. В любом случае вызывает беспокойство то, что более рефлексивная, умная экономика так мало может сделать для создания новых рабочих мест: *General Electric*, сравнимый по капитализации с *Google*, имеет в 10 раз больше рабочих мест²⁴.

Какие выводы мы можем сделать? Мы знаем, что технология играет непропорционально важную роль в росте²⁵; в общем, мы знаем также, что знание в широком смысле имеет решающее значение и, возможно, становится еще важнее. Но мы не совсем знаем, как именно это происходит, и мы не можем рационально измерить ни вклады в систему знания, ни отдачу от нее, поэтому предпринять можно лишь неопределенные действия, составляющие больше ремесло, чем науку.

Другие вопросы, не менее важные для природы капиталистической продуктивности, также остаются нерешенными. Когда-то считалось, что бедные страны будут расти быстрее, чем богатые, как только сумеют запустить процесс роста,

23. Некоторые находят примечательным, что Интернет, технология, выросшая на идеалах сотрудничества, в итоге должна очутиться во власти компании, которая открыла секрет превращения Интернета в огромный мозг, занятый рекламой.

24. Оба стоят около 170 миллиардов долларов. На *General Electric* работает около 300 тыс. человек, в *Google* — около 30 тысяч.

25. Важную статистику и интересные аргументы см. в работе: Erik Brynjolfsson, Erik Saunders, and Adam Saunders, *Wired for Innovation: How Information Technology Is Reshaping the Economy* (Cambridge, MA: MIT Press, 2009).

воспользовавшись высокими технологиями, разработанными на богатом Западе. Но в 1960–2000-х гг. богатые страны росли быстрее бедных. Затем стали думать, что неравенство — один из факторов, придающих капитализму энергию, — он создает больше стимулов для того, чтобы добиваться успеха и избегать провала. Но некоторые из наиболее успешных игроков — это страны с относительно незначительным уровнем неравенства, и иногда они даже извлекали выгоду из радикального перераспределения богатств и земли (пример — Южная Корея). Поэтому, вероятно, равенство помогает росту: богатые могут быть более склонными к непродуктивным инвестициям, чем бедные (вспомните о демонстративном потреблении); развитие человеческого капитала бедных, а не богатых, может принести больше плодов, потому что больше вероятность того, что их таланты останутся непризнанными, а спрос бедняков может оказаться в большей степени связанным с местными товарами и услугами²⁶. Здесь опять-таки нет определенной закономерности и, конечно, нет ясной корреляции между равенством и неравенством и уровнями инноваций.

Бывший американский министр финансов Ларри Саммерс однажды сказал, что законы экономики универсальны. Однако нет абсолютных законов, которые оставались бы неизменными во времени и пространстве. Более высокие цены должны означать уменьшение спроса — но предметы роскоши доказывают обратное, и есть много примеров, когда фирмы поднимают цены и находят больше потребителей. Более низкие процентные ставки должны означать уменьшение сбережений, но постоянно снижающиеся ставки возымели обратное действие — либо потому, что клиенты нацелены на будущую норму прибыли, либо потому, что они начинают больше бояться будущего. Экономическая наука сумела блестящим образом выявить закономерности, предложив строгий метод осмысления поведения человека и контринтуитивных причинных отношений. Но там, где она находит закономерности, они оказываются случайными, ограниченными отдельными эпохами и местами, а не такими же универсальными, как законы физики.

26. P. Aghion, E. Caroli, and C. Garcia-Penalosa, «Inequality and Economic Growth: The Perspective of the New Growth Theories», *Journal of Economic Literature* 37 (1999): 1615–1660.

Точно так же теоретики капитализма оказались не слишком успешны в своих прогнозах. Взять только один пример: кто предсказывал столь невероятный подъем посредников, сопровождавший экономический рост? В период 1870–1870 гг. транзакционный сектор американской экономики вырос с 25 до 45% ВВП, поскольку экономика научилась работать с неопределенностями не только физической, но и человеческой среды. Роль посредников выросла, потому что их влияние на производительность перевесило издержки, замечательным образом опровергнув многочисленные прогнозы о том, что капитализм станет свидетелем радикального исчезновения посредников. Шумпетер называл бюрократию покорной прислужницей демократии. Но она также оказалась покорной прислужницей капитализма, который, возможно, способен переплюнуть даже коммунизм в том, что касается объемов бумажной работы, фиксации, бухгалтерского учета, а теперь еще и обширных хранилищ данных, за которыми следит процветающая армия надзирателей — информационных менеджеров, бухгалтеров, аудиторов, юристов, инспекторов и страховщиков.

Если все традиционные объяснения продуктивности капитализма оказываются в лучшем случае частичными, то всегда есть запасной путь объяснения — через божественную волю. Джон Д. Рокфеллер видел в росте большого бизнеса «всего лишь развитие закона природы и Божьего закона». Когда столетие спустя председатель совета директоров *Goldman Sachs* Ллойд Бланкфейн сказал, что его компания занимается «божьем трудом», он не приобрел много друзей. Но это объяснение по крайней мере имеет то преимущество, что его трудно опровергнуть²⁷.

Было бы натяжкой сказать, что капитализм является загадкой для капитализма. Капитализм видит себя через мутное стекло, и он готов удивить своих собственных экспертов.

Капиталистическое хищничество

Если капиталистическая продуктивность и созидательность не так очевидны, как кажется, что можно сказать о его другой стороне — хищническом характере? По поводу хищничества существует не так уж много теорий, но оно всегда было ча-

27. http://articles.businessinsider.com/2009-11-09/wall_street/30054567_1_blanckfein-goldman-sachs-year-end-bonuses.

стью человеческой жизни. В природе хищники убивают свою добычу, устраивая на нее засады, отравляя или изматывая ее. Это бинарный мир, в котором один живет, а другой умирает, и даже хищники сталкиваются с большой конкуренцией. У гепарда существует 50%-я вероятность того, что добычу у него отнимут другие хищники, и 90%-я — что его потомство будет убито в первые недели жизни леопардами, львами и гиенами.

На протяжении всей нашей истории и в доисторические времена нас также осаждали хищники. Когда-то это были саблезубые тигры, звери, таившиеся в темноте, тогда как сами люди ютились вокруг огня. Когда люди занялись сельским хозяйством, еще большей угрозой стало нашествие саранчи. Но с самых древних времен к хищникам относились также и другие люди. Общество предполагало, что собака пожирет собаку, человек — человека. Как говорил Плавт, а позднее Томас Гоббс, «человек человеку волк» («*homo homini lupus*»). Исторические хроники полны историй о полностью разоренных деревнях и общинах, с массовыми захоронениями, безжалостно убитыми и обезглавленными мужчинами, женщинами и детьми. Так и развивалась наша история, время от времени пытавшаяся остановить хищничество, чтобы защитить нас друг от друга. Мы научились расширять принципы небольшой группы и семьи, в которой делимся друг с другом и делаем всё по очереди и где сильный не начинает тут же издеваться над слабым. Историю можно рассматривать как непрекращающуюся борьбу за общество, свободное от хищничества, от наживы одного за счет другого, от эксплуатации рабочих фирмами, от политиков, которые набивают себе карманы.

Как я показал, защитники капитализма претендовали на создание альтернативы хищническим инстинктам как феодализма, так и сильных государств, тогда как критики клеймили его за легитимацию жадности спекулянта и алчности фабриканта. С этой точки зрения речь идет о дисбалансе власти, и этот дисбаланс неизменно используется победителями для того, чтобы раздавить побежденных. Чем больше концентрация власти, тем больше возможностей для хищничества; чем менее заметны властные отношения, тем больше возможностей пользоваться другими²⁸.

28. В апреле 2005 г. немецкий политик Франц Мюнтерферинг (из социал-демократической партии) использовал термин «саранча» для описания

У ортодоксальной экономики совершенно противоположный взгляд на это. Она была склонна описывать все обмены как происходящие между равными. Мы выходим на рынок, чтобы продать свой труд, конкурируя с другими, но лишь при наличии выбора. Мы выходим на рынок как потребители, чтобы свободно тратить наши деньги, как нам захочется.

Хищничеству, конечно, отведено свое место в экономической теории, но это строго ограниченное место, определяемое как исключительный результат монополии, а не как правило. Если одна фирма имеет монополию на рынке, она будет ее эксплуатировать — увеличивая прибыли, поднимая цены и, возможно, снижая качество (чем оправдывается вмешательство антимонопольных органов, которые могут расформировать фирмы или запретить практики, мешающие конкуренции). Не все монополии плохи: какое-то время они могут быть результатом предпринимательского гения — способности сыграть на опережение. Но, по крайней мере, признается, что чрезмерная власть ведет к злоупотреблению²⁹.

Другая точка зрения, с которой экономическая наука рассматривает хищничество, — исследование способов извлечения фирмами и другими агентами экономической ренты, то есть «совершенно непроизводительной деятельности, направленной исключительно на извлечение прибыли», по определению Джагдиша Бхагвати³⁰. Такое употребление слова «рента» для описания хищнического поведения восходит к Адаму Смиту, различавшему три типа дохода: прибыль, заработную плату и ренту. Его исходная посылка гласила, что прибыли, подобно заработной плате, возникают в результате взаимовыгодной торговли, тогда как ренту рождает асимметрия и эксплуатация активов, которые сами по себе не являются производительными (например, ренту получают землевладельцы, хотя только обработка их земли

частных инвесторов, частных паевых фондов и инвестиционных банков. См.: *Time Magazine*, May 15, 2005.

29. В экономике уже давно ведется спор между логикой равновесия, согласно которой на рынках с идеальной конкуренцией не должно быть прибылей, и более динамичными взглядами австрийской экономической школы, которая рассматривает рынки как пространство, где постоянно возникает дисбаланс и перекосы.

30. Jagdish N. Bhagwati, «Directly Unproductive Activities», *Journal of Political Economy* (1982): 988–1002.

делает ее полезной). С этой точки зрения прибыль — это хорошо, а рента — плохо.

Хотя земля играет гораздо меньшую роль в сегодняшней экономической жизни, всевозможные ренты, как утверждается, приобрели еще большее значение, и с 1970-х гг. выражение «погоня за рентой» стало использоваться для описания любой стратегии извлечения дохода иными средствами, нежели создание ценности: лоббированием, манипуляциями стандартами и правилами, блокированием новичков на рынке³¹. Ведущий современный эксперт по государственным финансам, высказываясь по поводу 70 000-страничного американского федерального налогового кодекса, отметил:

Странные и незаметные прежде специальные налоговые льготы, стоящие миллиарды долларов отдельной отрасли или даже компании, проникли в этот закон и время от времени всплывают наружу, удивляя всех, кроме тех, кто их туда включил или пролоббировал³².

Мансур Олсон утверждал, что погоня за подобной рентой во многом объясняет, почему некоторые страны переживают стагнацию: привилегированные группы фирм, профсоюзов и других участников рынка используют свою власть, чтобы высасывать ценность из по-настоящему продуктивной экономики³³. То же самое можно сказать и о происходящем в политике: в теории общественного выбора, применявшей экономические концепции к государству, хищничество тоже представлено как повсеместно распространенное явление. Чиновники и политики, получившие монопольную власть над выдачей лицензий или государственными поставками, будут забирать себе большее вознаграждение или вступят в сговор со сложившимися привилегированными кругами. Государства будут

31. Более полную дискуссию можно найти в: E. C. Pasour, «Rent Seeking: Some Conceptual Problems and Implications», *Review of Austrian Economics* (1987): 123–143.

32. Vito Tanzi, *Governments versus Markets: The Changing Economic Role of the State* (Cambridge: Cambridge University Press, 2011).

33. Мансур Олсон утверждал также, что длительные периоды стабильности неизбежно ведут к стагнации, потому что могущественные группы заинтересованных лиц становятся все более успешными хищниками, монополизировав любые прибыли. Mancur Olson, *The Rise and Decline of Nations* (New Haven: Yale University Press, 1982).

устанавливать слишком высокие налоги, в то время как агентства — завышать плату, и в любом случае будет тормозиться конкуренция или свободный поток информации.

Погоня за рентой и хищничество чаще встречались в одних отраслях, чем в других: добыча нефти и полезных ископаемых, например, организована вокруг монопольных лицензий на разработку, бурение и добычу, тесных связей с правительствами и сильно картелизированной системы дистрибуции. Фармацевтика строится на временной монополии патентного законодательства, а также на тесных связях с государственными органами, которые финансируют большинство фундаментальных исследований и покупают многие лекарства, получаемые в результате исследований³⁴. Даже внешне динамичная область биотехнологии порождает свои собственные формы хищничества: недавние исследования показали, например, как часто биофармацевтические компании приносили большие доходы инвесторам и руководителям, чья заработная плата зависела от акций, даже когда сами фирмы оставались нерентабельными³⁵.

Розничная торговля и банковское обслуживание физических лиц — еще одна отрасль, которая часто дрейфует в сторону олигополии и ренты отчасти потому, что создает локальные монополии, тогда как информационная технология также стремилась к монополизации, частично из-за эффектов масштаба, связанных с программным обеспечением (*Microsoft*), микропроцессорами (*Intel*) или поисковыми сервисами (*Google*). Некоторые правительства опирались на экономическую теорию, чтобы блокировать хищничество, проводя агрессивную антимонопольную политику, которая обычно оставляла без внимания эффективные фирмы. Но огромные суммы денег, которые многие отрасли тратят на лоббирование, свидетельствуют о том, что они часто получают от близости к власти гораздо большие доходы, чем от обслуживания своих клиентов.

34. Mariana Mazzucato and Giovanni Dosi, eds., *Knowledge Accumulation and Industry Evolution: The Case of Pharma-Biotech* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006).

35. W. Lazonick and M. Sakinз, «Do Financial Markets Support Innovation or Inequity in the Biotech Drug Development Process?» Paper presented at the DIME workshop, Innovation and Inequality: Pharma and Beyond.

Действительно, в отсутствие строгих правил, которые бы им мешали, богатейшие индустрии будут в прямом смысле покупать политиков и их партии: неслучайно, что Уолл-стрит и лондонский Сити играли такую важную роль в финансировании ведущих политических партий, а бывшие лидеры часто получают доходные должности в инвестиционных банках и в их окружении³⁶.

Экономист Уильям Баумоль убедительно показал, что способы организации общественных институтов определяют то, на что именно пойдет их предпринимательская энергия — на создание истинной ценности или на погоню за рентой, законной или незаконной. В некоторых контекстах лоббирование выгодно, как и агрессивные тяжбы. Многие прошлые общества вознаграждали тех, у кого лучше получалось добиваться милостей короля или придворных, а не тех, кто лучше умел создавать полезные технологии или услуги, и в итоге такие общества поплатились своим процветанием³⁷. Масштаб судебных исков и юридической индустрии в развитых капиталистических обществах — один из симптомов продолжающегося преобладания хищничества; но то же самое можно сказать о способности некоторых фирм обеспечить себе привилегированный доступ к ключевым рынкам или источникам капитала, забирая себе львиную долю прибылей от инновационной деятельности других.

В теории за последние 40 лет сделаны большие шаги в понимании феномена хищничества. Но в повседневных описаниях рыночной экономики и в допущении, что рынкам полезнее всего максимальная свобода, о нем все по-прежнему можно услышать лишь изредка. Однако эти идеи экономики помогают нам дать более точное определение хищничества, которое удивительным образом сходится с фундамен-

36. Тони Блэр, мой бывший босс и бывший премьер-министр Великобритании, якобы зарабатывал 3,5 млн фунтов в год в качестве советника *JP Morgan*, 0,5 млн фунтов, консультируя *Zurich Financial*, 1 млн фунтов за консультации в Кувейте и еще одну, не раскрываемую сумму, консультируя паевую фирму *Khosla Ventures*. Он человек больших талантов. Но мы можем с уверенностью сказать, что платили ему не за экспертные услуги по разработке финансовых продуктов.

37. R. Sobel, «Testing Baumol: Institutional Quality and the Productivity of Entrepreneurship», *Journal of Business Venturing* 23/6 (2008): 641–655. Эта работа проверяет и подтверждает теорию Баумоля.

тальными идеями этики. Одно из оснований большинства моральных систем, включая иудаизм, буддизм, христианство и ислам, — это золотое правило, то есть принцип, по которому вы должны поступать с другими так, как хотели бы, чтобы они поступали с вами. На идеальном рынке люди действуют согласно золотому правилу, это и есть моральный фундамент свободного рынка: он основан на свободе и взаимности. Согласно формулировке Адама Смита, прибыль подчиняется золотому правилу; рента его нарушает.

Золотое правило — не требование равенства; наоборот, оно может привести к очень неравным результатам; иногда мы бываем готовы платить за чужое время гораздо больше, чем можем заработать сами, если считаем такую плату справедливым признанием времени, потраченного на то, чтобы стать врачом, интеллекта, сделавшего кого-то юристом, или таланта, благодаря которому другой человек стал блестящим музыкантом. Тогда как хищническая торговля или сделка таковы, что этот принцип нарушается, поскольку в этом случае транзакция не является взаимной.

Это простой и интуитивно понятный принцип. Однако определенное таким образом хищничество не всегда легко выявить. Неудивительно, что экономика прилагала большие усилия для того, чтобы отличить прибыль (результат свободного обмена) от ренты (результата неравенства в распределении власти), потому что лишь немногие реальные рынки предполагают равенство власти и информации. Хищничество зачастую легче разглядеть задним числом, чем заранее (и это, конечно, верно и в отношении технологий, к которым я обращаюсь в главе 8). Когда, например, вытеснение мелкой розничной торговли супермаркетом благодаря более низким ценам и более агрессивному маркетингу становится хищничеством? Когда хищническим становится требование группы учителей, чтобы все учителя имели учительскую квалификацию? Во всех этих случаях ценности пересекаются с поддающейся измерению ценностью.

Это далеко не единственная проблема. Учитывая то, что все ресурсы распределяются неравномерно, не может быть точного определения, что считать эксплуатацией, а что просто защитой своего интереса. Максимально выгодное использование того, что вам дано, по сути своей, не является хищничеством или эксплуатацией. Так что существует мно-

жество оттенков серого между двумя крайностями — раздачей всех своих ресурсов, как это делает святой, и таким их использованием, которое наносит вред, унижает и лишает силы других, кто нуждается в ней больше вас. Принцип, требующий обращаться с другими так, как они, по вашему мнению, должны были бы обращаться с вами, оставляет большое поле для дискуссии, и мы, как правило, принимаем тот факт, что тот, кто наделен талантом или нефтяной скважиной, должен получать некоторые непропорциональные выгоды, даже если такие владения всего лишь счастливые стечение обстоятельств: хищничество и эксплуатация относятся к крайним способам использования преимущества, которые с большей очевидностью нарушают золотое правило.

Есть еще один двусмысленный аспект хищничества, к которому я вернусь позднее, но здесь важно о нем упомянуть. По крайней мере, некоторая часть предпринимательского духа — хищническая, хотя и создает настоящую ценность для других. Лучшие предприниматели охотятся за возможностями и любят азарт этой охоты. Их голод и аппетит способствуют переменам и творчеству, выступая своеобразным аналогом жажды художников и ученых, следующих за своими озарениями и любопытством.

Параллелью к хищничеству является сходный феномен «безбилетничества». Очень часто можно получать ту же выгоду, что и хищник, действуя иначе. «Безбилетники» зарабатывают, не внося своего вклада. Они могут быть частью команды или семьи, в которой остальные делают тяжелую работу. Ясно, что их действие или его отсутствие нарушает золотое правило. Учитывая, какая часть нашей истории была прожита в небольших группах или семьях, неудивительно, что мы очень чувствительны к «безбилетничеству» и быстро на него обижаемся или наказываем за него. Но в сложных капиталистических обществах «безбилетничество», возможно, заметить тяжелее всего. Рантье XIX в., жившие праздной жизнью на доходы от своих акций, были очень заметным примером «безбилетничества», нарушавшим капиталистические добродетели продуктивности и тяжелого труда. Домовладелец со средним доходом, выигрывающий от роста цен на жилье, или владелец акций, который просто отслеживает рынок, строго говоря, тоже являются «безбилетниками», но кто теряет, когда они выигрывают, увидеть труднее. Схожие во-

просы вызывает и проблема наследства: система, чьи моральные основы составляет продуктивность, создает группы людей, которые вовсе не обязаны работать, но наслаждаются как плодами тяжелого труда своих родителей в прошлом, так и, по сути дела, тяжелым трудом всех других людей, которые обслуживают их потребности в настоящем.

Хотя экономика дала четкое определение хищничества как монополии и погони за рентой³⁸, немногие экономисты выступали против хищнической стороны капитализма и ее хитростей. Одним из исключений был Торстейн Веблен, который рассматривал экономику в категориях эволюции, обусловленной человеческими инстинктами подражания, любопытства и родительской привязанности, равно как и хищничества. «Теория делового предприятия», опубликованная в 1904 г., изображала безостановочную динамику, направленную на создание трастов и комплексов, двигателем которой был эффект масштаба, присущий новым промышленным процессам. По мнению Веблена, в новом промышленном капитализме бизнесмены были хищниками, тогда как истинными творцами были инженеры. Естественно, что эти две группы часто вступали в конфликт. Глядя в будущее, Веблен боялся, что хищнический аспект может распространиться за пределы группы бизнесменов. Со временем он может «стать привычной и приемлемой духовной позицией», и схватка может «стать главной нотой в нынешней теории жизни».

Современный капитализм, конечно, полон хищничества, равно как и исключительной продуктивности, и большая часть хищничества не находит адекватного отражения в экономической теории. Органы финансового регулирования прилагали усилия к тому, чтобы сдерживать многообразную погоню за рентой, которую ведут банки, хедж-фонды и поставщики деривативов, пользующиеся асимметриями в знании все более усложняющихся финансовых продуктов. Они также стремились удержать от соблазна хищничества, получивший такое распространение в отношении земли и собственности, которые, как может показаться, обещают прибыль без особого труда или даже риска, а затем снова и снова становятся источником системных кризисов, когда цены падают.

38. Gordon Tullock, «The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft», *Western Economic Journal* 5, no. 3 (1967): 224–232.

Хищничество в неприкрытой форме также можно увидеть в отношениях между финансами и остальной экономикой. Когда финансисты сталкиваются с давлением со стороны акционеров, требующих заметной прибыли, для них рационально действовать хищническим образом, извлекая максимально много и максимально быстро. В 1947 г. финансовый сектор представлял всего 2,5% американского валового национального продукта. В 2006 г. он вырос до 8%, примерно в тот момент, когда 2 доллара из каждых 5 долларов корпоративной прибыли в Соединенных Штатах стали приходиться на финансы. Трудно представить убедительное объяснение того, как финансы могли обеспечить такую высокую долю настоящей ценности: систематическое, хотя и сложное, хищничество — единственный способ понять эти странные искажения. Конечно, хищничество делает некоторых людей очень богатыми: две трети всего роста доходов в период экономического бума (с 2002 по 2007 г.) пришлось на 1% населения, когда 50 топ-менеджеров хедж-фондов и фондов прямых инвестиций получали в среднем 588 миллионов долларов ежегодной компенсации, более чем в 19 тысяч раз больше, чем средний американский рабочий³⁹. В довершение ко всему они платили более низкий подоходный налог (15%), чем их уборщицы и секретари. Это не было вознаграждением за создание ценности для других. Вместо этого здесь нашла отражение сложная модель, в которой меньшинство получило возможность эксплуатировать асимметрию власти и информации.

В большей части мира необходимость в инвестировании продуктивной деятельности должна быть удовлетворена потоком наличности, тогда как на финансовых рынках деньги просто циркулируют, оторвавшись от реального использования. Неудивительно, что Пол Уолкер (бывший глава Федеральной резервной системы) заметил: «Хотел бы я хоть одним глазком взглянуть на доказательства того, что финансовые инновации полезны для экономики» (единственное исключение, которое пришло ему в голову, — это банкомат).

С хищничеством можно также встретиться в отношениях между работодателем и работником. В марксистской кри-

39. По оценкам Бюджетного управления Конгресса, с 1979 по 2007 г. у верхнего 1% доход вырос на 275%, тогда как доходы среднего класса выросли всего лишь на 40%.

тике капитализма то, что внешне представлялось честным и свободным обменом, позволяло капиталисту забирать у работника прибавочную стоимость. Для того чтобы гарантировать условия для эксплуатации, капиталист должен был построить систему, в которой у массы людей не было иного выбора, как принять работу в условиях эксплуатации. Вот что говорил Карл Поланьи об идеологии либералов XIX в., которые помогали создавать социальную систему, позволявшую промышленности процветать:

Если пауперам из соображений гуманности следовало помогать, то безработным — в интересах промышленности — помогать не следовало. То обстоятельство, что участь безработного не была его собственной виной, значения не имело. Суть вопроса заключалась не в том, мог бы он или нет найти работу, если бы действительно постарался, а в том, что если не поставить его перед реальной угрозой голода, с единственной альтернативой в виде ненавистного рабочего дома, то вся система наемного труда рухнет и общество будет ввергнуто в бездну хаоса и нищеты⁴⁰.

Социолог Пьер Бурдьё утверждал, что «precarité», или прекаритет, — это модус господства: вот почему политики и лидеры бизнеса так часто намеренно говорят о ненадежности и неизбежности перемен. Их цель — вселить страх. То же самое относится к «резервной армии» безработных, помогающей поддерживать дисциплину среди работающих. Она может показаться пустой тратой, лишенной всякой функции. Однако одна из ее ролей — препятствовать свободе выхода, праву выбора, праву ускользнуть от каждодневного беззакония эксплуатации, грабежа рабочего его боссом.

Это неполные объяснения, и они не могут с легкостью объяснить растущий уровень оплаты, улучшение условий труда и длительные периоды, в течение которых современные экономики поддерживали почти полную занятость. Но в них содержатся важные истины, и любой работодатель знает, что играет со своими работниками одновременно в игру с положительной суммой (в которой большая продуктивность вы-

40. Karl Polanyi, *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time* (Boston: Beacon Press, 2001), 224; Поланьи К. *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. М.: Алетейя, 2002. С. 244.

годна обоим) и в игру с нулевой суммой (в которой более высокая оплата работников означает меньше доходов для инвесторов и боссов).

Возможно, еще более очевидной сферой хищничества является домашнее хозяйство. Капиталистическая экономика была построена на фундаменте семьи (и корни слова «экономика» изначально отсылали к домашнему хозяйству). Но женщины, работавшие дома, воспитывая детей и кормя своих мужчин, не получали никакой платы и оставались невидимыми и для работодателей, и для последующих поколений мужчин-экономистов. В обществах, в которых жены отдали свою собственность мужьям, они были подвергнуты двойному лишению власти и отчуждению, поскольку их время и их свобода им больше не принадлежали. Статус замужней женщины — это юридическое положение, подчинявшее жен мужьям, которое господствовало и в Британии, и в Соединенных Штатах на протяжении всего периода индустриализации, и, по мнению некоторых историков, именно этот неоплачиваемый и непризнанный труд стал для промышленной революции не меньшей подпиткой, чем испанское золото и британские изобретения⁴¹.

Наряду с хищничеством дома был еще один, возможный, еще более опасный вид хищничества — похищение разума, захват внимания и мыслей. Угроза ментального хищничества много обсуждалась в середине XX в., когда начался подъем рекламы и бизнес стал экспериментировать с новыми способами, которые бы побудили людей покупать его продукцию. Пятьдесят лет спустя после того, как в «Тайных манипуляторах» Вэнс Паккард выступил с предупреждением о действующей на подсознание рекламе, выросли целые индустрии, использующие психические слабости и аддикции. В экономиках с почти свободной информацией гораздо большей ценностью, за которую идет интенсивная борьба, стало внимание. Житель типичного города может ежедневно видеть свыше тысячи рекламных образов, борющихся за его внимание, сеющих идеи или неудовлетворенность — и колонизирующих психическое пространство, которое в противном случае было бы отдано друзьям, семье или Богу. Иногда мы хотим увидеть эти рекламные образы, но большинство

41. Эту тему, среди прочих историков-феминисток, исследовала Герда Лернер.

из них нарушает золотое правило, и чем больше мы их понимаем, тем меньше хотим с ними сталкиваться и подвергаться манипуляциям. Намеренное навязывание сообщений часто ведет к намеренному исключению конкурирующих сообщений. Управляемые частным капиталом общественные площади, торговые центры и пассажи, размножившиеся в современных городах, обычно запрещают любого рода гражданское действие или коммуникацию, например петиции, баннеры или киоски. «Зона исключения брендов» на Олимпийских играх в Лондоне в радиусе километра вокруг Олимпийского парка пошла еще дальше, став особенно причудливым утверждением прав собственности: в ней была запрещена реклама брендов, конкурирующих с официальными спонсорами Олимпиады, а также зрителям не разрешалось носить одежду, демонстрирующую конкурирующие бренды.

В таких случаях, как рабочее место и дом, хищничество становится возможным благодаря дисбалансу во власти, а затем само его усиливает. Но оно также может привести к извращенной зависимости, загоня добычу в интимные отношения с хищником. Крайним вариантом этого является стокгольмский синдром, при котором жертвы похищения начинают идентифицироваться со своими похитителями; домашнее насилие — более приземленный пример. Обычно жертву загоняет в эти отношения страх изменений или неизвестного. Иногда это «добровольное рабство» привычки, формирующееся, когда добыча умеет организовываться не так хорошо, как хищники. Но все мы уязвимы перед хищничеством, потому что человеческий труд часто предполагает овладение любовью, привязанностью и временем других с целью, которая им чужда. Те самые качества, которые соединяют людей друг с другом, делают возможной их эксплуатацию; наше желание быть частью общности, быть признанными, быть частью чего-то большего делает нас уязвимыми, и мы можем полностью избавиться от хищничества, только поселившись в пещере.

Иногда жертвы даже берут на вооружение идеологию хищников. Это идеология, восхваляющая охотников, победителей и господ. Это мировоззрение выразил Ницше. Выразил его и нацизм, а также более жесткие течения неолиберализма, как и неоконсерватизм Лео Штрауса. Айн Рэнд перевела похожие идеи на язык, более понятный людям из бизнеса, сохранив то же самое презрение к слабым, неудачникам,

тем, кто лишен способностей, и презрение к философии сострадания, идущей от христианства и других великих религий. В соответствии с этим взглядом кроткие отнюдь не блаженны. Кроткие — это просто слабаки.

Ясно, почему такая идеология может привлекать победителей. Макс Вебер говорил о «теодицее богатства» — о том, как успешные люди хотят чувствовать, что заслужили этого, даже если они лишь «безбилетники», а не творцы своего богатства. Он также предложил зеркальное понятие «теодицея страдания», которое объясняет проигравшим, неудачникам и бедным, почему они страдают и почему должны принимать жестокость мира. Маркс называл это «ложным сознанием»: мы все, конечно, очень нуждаемся в том, чтобы верить в то, что в мире есть смысл, и это вызывает у тех, кто находится на стороне подчинения господству, желание принимать мир как естественный, даже если другая сторона нашей природы восстает против несправедливости.

Средства разрушения

Ни одно описание прогресса в средствах производства не является полным, если оно не объясняет его тесную связь с прогрессом в средствах разрушения. Когда Сэмюэль Джонсон в XVIII в. пожаловался, что «век, как безумный, гонится за новизной», в качестве примера он привел место для казней «Тайберн, который не свободен от страсти к новшествам»⁴². Несколько десятилетий спустя гордостью Франции стала гильотина (а столетие спустя одним из участников конкурса, в результате которого была построена Эйфелева башня, была огромная модель гильотины). В Америке символом прогресса стали выборы. Логика современного заводского производства по большей части была позаимствована из военного дела. Мориц Оранский разработал детали движения солдат, 32 специальных жеста для стрельбы и перезарядки ружья, а также постоянную муштру — подход, который оправдывался одновременно и выдающимися успехами на полях сражений, и как кальвинистское решение проблемы праздности в армейской жизни. Подобно тому как воен-

42. James Boswell, *The Life of Samuel Johnson*, vol. 4 (London: Routledge, 1859), 133.

ное дело предвосхитило механизацию в промышленности, то же самое произошло с автоматикой. Компьютеры родились из решения военных задач создания противовоздушных орудий и разгадывания шифра. В новейшие времена военные расходы, направлявшиеся через Агентство по перспективным научно-исследовательским оборонным разработкам (DARPA), позволили создать Интернет.

Неслучайно, что каждая ведущая экономическая держава также была ведущей военной державой. Венецианцы, голландцы, англичане и американцы сочетали умение торговать с мастерством на суше и на море. Торговцы нуждались в защите от капризных правителей или от пиратов. Но роль военных выходила далеко за рамки защиты. Завоевание открывало рынки, и военные могли управлять условиями торговли. Капитализм распространялся в тандеме с необычными — в историческом плане — сверхдержавами, Объединенными провинциями (Нидерландов), Объединенным Королевством (Британии) и Соединенными Штатами (Америки), чьи названия указывали на то, насколько они отличались от традиционных империй, построенных вокруг одного центра власти. В каждом случае богатство не только зарабатывалось, но и масштабно захватывалось. Ранние теоретики капитализма, возможно, высказывались об этом честнее поздних. «Утопия» Томаса Мора оправдывала колонизацию — как средство повысить плодородие земли, тогда как Джон Локк защищал правомерность отъема недостаточно используемой земли, даже вопреки желанием тех, кто на ней живет. Джон Дэвис, главный защитник колонизации Ирландии (чьи идеи стали толчком для того, чтобы моих предков прогнали с их земель в Донеголе), верил в данное Богом право или даже обязанность сделать землю максимально продуктивной. Все они представляли продуктивность и поиски доступной для обмена ценности как моральный императив: грубый, даже жестокий, но все равно часть высшего предназначения человечества.

Империя и колонизация были первостепенной заботой и для Адама Смита. Его книги наполнены подробным анализом торговли на дальние расстояния такими вещами, как тюленьи шкуры и шерсть, и анализом действий банковской системы, которую он называл «воздушной дорогой». Поскольку он писал во времена непрекращающейся войны

с Францией, он осознавал связь между военной мощью и богатством настолько же остро, насколько он был невосприимчив к разворачивавшейся вокруг промышленной революции.

Военная власть не всегда использовалась в экономических целях с умом — бесспорное военное господство Соединенных Штатов если и служило коммерческим и прочим стратегическим целям, то слишком уж в лоб. Империи стремятся к излишнему расширению, становясь жертвой своей жажды славы. Но сегодня, как и в прошлом, трудно увидеть, как одна страна могла бы господствовать с экономической, а другая — с военной точки зрения. Представим себе, например, что Китай радикальным образом обогнал США по ВВП, тогда как Соединенные Штаты сохранили военное превосходство. Как каждый из них будет использовать свою власть? Будет ли Китай вкладываться в военные технологии? Будут ли Соединенные Штаты использовать свою мощь для того, чтобы перекрыть Китаю доступ к рынкам или к сырьевым ресурсам?⁴³

Если военную мощь и хищничество трудно отделить от динамики рынка, хищничество другого рода может иметь даже большее значение. Это более тонкое, порой незаметное, расхищение всей экономической системы, от которой зависит экономическая жизнь. Экономике кажутся самодостаточными и в экономической теории представляются как закрытые системы циркуляции. Действительно, радикальный разрыв, совершенный современной экономической наукой, состоит в представлении о существовании сферы про-

43. Тесная связь между экономической властью и военной мощью изучалась Иммануилом Валлерстайном, который описывал капитализм как единую интегрированную мировую систему, при этом включающую множество культур и политических единиц. Глобальная система разделяется на центр, высокотехнологичный, высококвалифицированный и капиталоемкий, и периферию, которая являет собой его полную противоположность. В этой модели центр силен как в военном, так и в экономическом отношении и присваивает львиную долю прибавочного продукта всей экономики, но динамика системы, постоянно поглощающая все новые регионы мира и становящаяся все более интенсивной, в конечном счете прокладывает путь к мировому социализму. Такой вывод может попросту указывать на то, что это объяснение из разряда тех, что находят слишком много порядка, закономерностей и смысла в запутанной реальности. См.: I. Wallerstein, *World Systems Analysis: An Introduction* (Durham, NC: Duke University Press, 2004; Валлерстайн И. *Мировосистемный анализ. Введение*. М.: Территория будущего, 2006, и многие другие его работы, начиная с 1970-х гг.

изводства и потребления, которая принципиально отделена от социальной реальности и может пониматься так, как будто она автономна. Но реальные экономики не автономны, особенно если их рассматривать в долгосрочной перспективе. Они зависят от потоков, поступающих от других систем. Один из наиболее важных потоков — это научное знание, которое может быть организовано либо в форме общего пользования, либо как частная собственность, но которое последние несколько столетий развивалось именно как ресурс общего пользования, подчиненный стремлению к истине, а не к собственности. Еще один жизненно важный источник для экономики — это семья, производящая детей, готовых к труду, социализирующая их, прививающая им мораль и поддерживающая способность работать в команде. Рабство исчезло еще и потому, что производство людей — это не самое выгодное занятие, даже при минимальной плате и максимальной власти в руках у работодателя.

Возможно, еще важнее, чем все вышеуказанное, — природные системы, из которых происходит большая часть ценности, появляющейся в экономике. Если бы бизнесу пришлось платить полную цену за свежий воздух, воду, управление природными отходами и сельскохозяйственное производство, его бизнес-модели попросту исчезли бы. Мысль о том, что экономика зависит от природного капитала так же, как от финансового и человеческого, впервые появилась в 1950-е гг., а затем постоянно получала все большее признание⁴⁴. Кеннет Эрроу и Парта Дасгупта — одни из ведущих экономистов, которые попытались измерить эти закономерности, исследуя «полное богатство», учитывающее уровень образования, с одной стороны, и природный капитал, с другой⁴⁵. В этом свете положение многих развивающихся стран за последнюю четверть XX в. ухудшилось. Бизнес и государство взяли больше того, что произвели, а, по недавним оценкам, падение при-

44. Fairfield Osborn, *Our Plundered Planet* (Boston: Little, Brown, 1948); William Vogt, *Road to Survival* (New York: William Sloan, 1948). A. Leopold, *A Sand County Almanac and Sketches from Here and There* (New York: Oxford University Press, 1949).

45. Kenneth Arrow, Partha Dasgupta et al., «China, the US, and Sustainability: Perspectives Based on Comprehensive Wealth», Stanford Center for Sustainable Development, Working Paper No. 313, 2007.

родной ценности составляет примерно 2–4 триллиона долларов в год, то есть величину того же порядка, что и потери от финансового кризиса.

Экологические возможности по природе своей ограничены, тогда как человеческие запросы — нет. И поэтому там, где потребление вступает в конфликт с «планетарными границами»⁴⁶, наше поведение может привести к хищническим последствиям, какими бы благими ни были наши намерения. Эти несбалансированные отношения между экономикой и природой можно понять по примеру ускоренного истощения конечных запасов угля, нефти и газа, ведь, по прогнозам, мировой спрос на энергоресурсы в ближайшие 25 лет должен возрасти примерно на 50%, так как экономический рост и рост потребления энергии по-прежнему тесно связаны друг с другом⁴⁷. Эколог Мюррей Букчин связывает и человеческое, и природное хищничество с иерархией и господством; люди, которые верят в то, что обладают правом эксплуатировать других людей, точно так же будут рассматривать планету и экосферу в качестве ресурсов, которые можно эксплуатировать. «Разграбление человеческого духа рынком сопутствует разграблению земли капиталом» — идея, более знакомая по массовой культуре, чем по академическому анализу. Фильм 2009 г. «Аватар», например, изображал туземный народ, чьи земли оказались под ударом со стороны передовой технологической корпорации, холодной и жестокой, которая собиралась не только разграбить их природные ресурсы, но и разрушить их общество. Это распространен-

46. Йохан Рокстрэм из «Стокгольмского центра жизнестойкости» определил 9 планетарных фронтиров: озон в стратосфере, изменения в землепользовании, использование питьевой воды, биологическое многообразие, окисление океанов, выбросы азота и фосфора в биосферу и океаны, концентрация аэрозоля и химическое загрязнение.

47. Это расхищение природных систем способствовало появлению некоторых узнаваемых паттернов, которыми завершился период подъема капитализма: глубокая вовлеченность западных держав (и их соперников) в дела на Ближнем Востоке и готовность воевать за то, чтобы сохранить доступ к нефти; все более активная скупка природных ресурсов в Африке, Австралии и в других регионах с неприкрытым намерением стать монополистом, устанавливающим цены на «редкоземельные элементы» в последующие десятилетия (например, 88% платины, важнейшего ресурса для производства топливных элементов, поступает всего из двух шахт в Южной Африке).

ный троп в культуре: ясно, что миллионам людей легко идентифицироваться с существами, которые в буквальном смысле становятся добычей грабительской корпорации.

Хищничество, имевшее место в каждой из этих областей, не является иррациональным; часто, как в «Аватаре», оно гиперрационально. Если цель предприятия — максимизация прибыли, оно должно стремиться к тому, чтобы извлечь как можно больше из других систем, а заплатить как можно меньше. Маршалл Маклюэн, знаменитый теоретик масс-медиа, определял искусство как «все, что может сойти вам с рук». Хищнический капитализм тоже можно так определить.

Это уродливый аспект современной экономики, который экономисты часто игнорируют, пользуясь эвфемизмами вроде «экстерналий» и «ренты». Но такого рода хищничество уже давно господствует в политике. Правительства и законодатели, под давлением общественности, пытались сдерживать такие пороки, как эксплуатация детского труда и разрушение биосферы. Правительства и сами не мешкают, когда требуется стать хищниками: но большая часть их легитимности проистекает из способности защищать людей от других хищников, будь то полевые командиры и банды или хозяева-эксплуататоры.

В будущем вероятно появление новых возможностей для хищничества. Некоторые из них возникнут, когда экономическая и военная мощь станут усиливать друг друга — действиями снова обретших уверенность в себе России и Китая, извлекающих выгоду из изменения условий, на которых они поставляют наиболее ценные сырьевые материалы и открывают рынки для своих товаров. Хищничество также идет через сети, от синдикатов организованной преступности до торговли валютой. Некоторые из наиболее злонамеренных примеров хищничества — это кибератаки, вроде Stuxnet⁴⁸ в 2010 г., часто неясные по происхождению и потенциально опустошающие по последствиям. Но в условиях верховенства закона есть также и новые возможности для использования интеллектуальной собственности в хищнических целях, вроде сомнительных, но энергично заявляемых претензий на владение человеческим геномом. Огромные

48. <http://www.stuxnet.net/>. Stuxnet, как оказалось, родился в США.

прибыли получают сетевые агрегаторы, предоставляя контент, для производства которого они ничего не сделали, — это хороший пример классической монополистической власти в новом обличье.

Все это бросает новый теоретический вызов, в особенности для экономической науки. Величайшим триумфом экономической науки было успешное создание в 1930-х гг. систематической концепции функционирования экономики. ВВП был изобретен как средство для всестороннего измерения экономики. В 1920-х гг. у правительств просто не было способа узнать, растет или сокращается их экономика, они могли посмотреть цены на акции или на объем грузоперевозок по железным дорогам, но в общем и целом действовали вслепую. ВВП дал инструмент для измерения как выпуска продукции, так и дохода. Параллельно группа экономистов, вдохновленная Кейнсом, разработала теоретические модели для иллюстрации динамики макроэкономики, зачастую контринтуитивной. Со временем они были взяты на вооружение современными правительствами, став незаменимыми инструментами для поддержания роста экономики.

Нам по-прежнему нужна экономика, чтобы овладеть динамическим взаимодействием сбережений и инвестиций, потребления и торговли, спроса и предложения (а ВВП нуждается в постоянном совершенствовании — например, если мы хотим учитывать продуктивность общественных услуг, которые в данный момент измеряются в соответствии со своей стоимостью, а не тем, что они производят). Но, возможно, нам еще острее нужна экономическая наука, которая может мыслить систематически в более широком смысле и внести сопоставимую строгость во взаимодействия между экономикой и системами, от которых она зависит: например, поняв взаимодействие между жизнестойкостью экономики и жизнестойкостью природных систем или поняв, что происходит, когда семьи испытывают слишком большое давление. Энергичная работа над новыми индикаторами (такими, как измерение экологического капитала или благосостояния), проводимая для того, чтобы адаптировать или дополнить ВВП, пересекается с новым осмыслением динамики, которую можно найти на границах систем, например, в исследованиях временных счетов. Проведенное исследование, анализирующее природные системы как производителей

ценности, предоставляющих такие услуги, как чистая вода или удаление отходов, представляет другую часть картины: проект ООН «Оценка экосистем на пороге тысячелетия» привлек более 1300 ученых со всего мира в попытке установить ценность таких вещей, как производство пищи, воды и опыление растений⁴⁹. Другие оценки продемонстрировали радикально иные способы осмысления ценности экосистем, показав, например, что мировая рыболовная отрасль не добывает 50 миллиардов долларов по сравнению со своим потенциалом при экологически более безопасном управлении. Ценность пчел, согласно оценкам, в 5 раз превышает прямую ценность их продуктов, тогда как измерения того, что в экономике называется «ценностью существования» (то есть нашей готовности платить только за знание о том, что нечто существует), подсказывает, что европейские семьи были бы готовы заплатить по 46 долларов в год за сохранение гектара бразильских тропических лесов⁵⁰.

Это по-прежнему скорее наброски, чем точные оценки, которыми можно руководствоваться в политике. Но они дают совершенно иной взгляд на мир и на отношения между системами.

49. Millennium Ecosystem Assessment (МЕА), *Ecosystems and Human Well-Being: Synthesis* (Washington, DC: Island Press, 2005).

50. Последнее исследование рассматривало готовность платить в Великобритании и Италии. Эти и другие упомянутые исследования взяты из публикаций 2010–2011 гг. проекта ТЕЕВ (Экономика экосистем и биомнообразие) под эгидой ООН.

Критики капитализма

Что будет, если отложить мечту?
Осядет ли она,
Как тяжкий груз,
Или взорвется?

Лэнгстон Хьюз. Отсроченная
мечта (1926)

В XVIII в. было много капиталистов, когда это слово означало людей с деньгами, но было на удивление мало страстных защитников капиталистического мира. Адам Смит проповедовал добродетели свободных рынков и государственную политику в стиле *laissez-faire*, но в его картине нет места для крупных фирм или концентрации накопленного капитала. Идея капиталистической системы появилась гораздо позже, и ее обычно приписывают французскому социалисту Луи Блану¹. Для Блана слово «капитализм» означало особо отвратительный вид зла. Все болезни, которыми страдает общество, можно объяснить давлением конкуренции, из-за которого сильные припирают к стенке слабых. Капитализм стал самым последним, но наиболее опасным примером. Он восстал против природы и, главное, против лучшего в человеческой натуре. И он заслужил отпора со стороны политики, дающей для этого наилучшие средства. Именно поэтому Блан требовал уравнивания заработной платы и слияния личных интересов в общем благе — «à chacun selon ses besoins, de chacun selon ses facultés» («от каждого — по способностям, каждому — по потребностям»), — и он придумал схемы и планы, при помощи которых можно отобрать власть у богатых и отдать ее бедным.

1. Происхождение слова «капиталист» можно проследить до XVII в., и оно широко применялось в XVIII в. Давид Рикардо активно пользовался им в начале XIX в. Но Блан первым написал о капитализме, выступая против капиталистов.

Оказавшись в правительстве в результате Революции 1848 г., Блан внезапно получил возможность осуществить свои идеи на практике. Итак, он ввел право на труд и лоббировал создание сети кооперативных мастерских, которые должны были стать первопроходцами новой экономики, финансируемой за счет железных дорог, тогда считавшихся дойными коровами складывающейся промышленной экономики. Его планам не суждено было осуществиться, когда надежды, связанные с 1848 годом, оказались растоптаны в результате успешно скоординированной мести императоров и монархов. Но все же взгляд Блана на капитализм в XIX в. получил широкое распространение. Его превосходно передает знаменитая карикатура конца века под названием «Пирамида капиталистической системы», изображавшая систему жесткой иерархии, на вершине которой — огромное богатство, а в самом низу — жалкая нищета. На верхнем этаже находятся монархи («Мы правим вами»), далее следуют священники («Мы дурачим вас»), затем — армия («Мы стреляем в вас») и на самом обширном этаже располагается буржуазия («Мы едим за вас»). У самого основания пирамиды — рабочие. Удивительно, насколько малопривлекательной система была для тех, кто являлся объектом капиталистической власти, пусть даже перспектива заработной платы или жизни в городе зачастую была лучше жалких альтернатив. Мало кому из тогдашних капиталистов была по нраву идея всеобщего избирательного права, которая позволила бы рабочим решать, при какой системе они будут жить. Система, приносившая капиталистам столько выгод, едва ли была бы свободно избрана большинством, которому она была столь невыгодна. Вот почему для защиты своих интересов фабриканты и торговцы обращались к просвещенным деспотам или парламентам, основанным на имущественном цензе.

Для остальных капитализм означал хищничество. Весьма последовательные аргументы против капитализма дожили до сегодняшнего дня, подпитываясь энергией у сменяющих друг друга поколений активистов и интеллектуалов. Критики менялись по мере того, как к христианам, луддитам, шеркерам, социалистам и анархистам, а также консервативным монархистам и церковным деятелям присоединялись экологи, поклонники нью-эйджа и антиглобалисты. Но сама эта критика почти не изменилась, когда капитализм эволюцио-

нировал, перейдя от мастерских и текстильных мануфактур к киберпространству и сверхзвуковым самолетам. Критика, которой два столетия назад подвергались наука, демократия или закон, сегодня звучит как анахронизм. Критика капитализма, наоборот, очень похожа по содержанию, если не по языку, и в отличие от критики науки и демократии часто имела успех. Известное замечание о социалистах: они умеют хорошо бороться, но в основном друг с другом, а не с капиталистами, — может найти более широкое применение. Однако критики выиграли львиную долю битв за ограничение эксцессов капитализма. Здесь я опишу пять групп взаимосвязанных критических аргументов, устойчивость которых не только определяет их внутренний интерес, но и показывает возможные варианты будущего развития капитализма.

Капитализм дает сильным власть над слабыми

Критика первого вида, сегодня уже хорошо известная, нападает на капитализм как на заговор власть имущих против тех, кто лишен власти. Все его претензии на равенство и открытость — лицемерие, призванное запутать, наделив успехи хищников легитимностью. Обычно эти идеи обыгрываются в изображениях капитализма: на них мы видим толстых котов и жирных свиней, кормящихся за счет бедных, — это эмблемы жадности, обжорства и неумеренности. В кино и художественной литературе могущественные обезличенные корпорации представлены как заговор, готовый разрушить жизнь обычных людей, живущих в гармонии с природой, — он олицетворяет смерть как противоположность жизни, уродство как антипод красоты, силу как антитезу любви.

С этой точки зрения экономика — игра с нулевой суммой. Если одни получают больше, значит, другие — меньше. Чем выше прибыли, тем ниже зарплаты. Чем больше особняки богатых, тем меньше лачуги рабочих. Усугубление неравенства — это системное явление, а не просто неудачный побочный продукт рыночной системы².

2. Один из наиболее дискуссионных вопросов последних десятилетий — выросло или уменьшилось глобальное неравенство. Неравенство между

В более утонченных вариантах этих аргументов внимание уделяется тому, как устроен этот заговор, а не его последствиям: тайным сетям власти, скрытым за фасадами корпораций (так, в недавнем исследовании 43 тысяч транснациональных компаний, проведенном специалистами по теории систем из Федерального института технологии в Цюрихе, было показано, что менее 1% компаний (большинство из которых — финансовые) контролируют 40% остальных компаний)³. Другие изучают совмещенное членство в советах директоров, обмен услугами и инсайдерской информацией, охотников за головами, которые подстраивают и реагируют на то, кто в игре, а кто — нет. Также обращается внимание на союзы, заключенные между революционными силами капитализма с реакционными силами иерархии, такими как институционализируемая религия, армии и государство (почти всех их можно найти на ранее описанной карикатуре с пирамидой капиталистической системы), потому что это обычные союзники, позволяющие распространяться капиталистическим формам жизни.

Большинство ведущих теоретиков капитализма, хотя и не все, инстинктивно придерживались консервативных взглядов. Адам Смит, например, писал, что обществу необходимо, чтобы люди уважали внешний статус, иерархию и формальные должности, потому что благодаря этому социальный порядок более устойчив, чем если бы он зависел от признания таких невидимых добродетелей, как мудрость и способность суждения. Трудно найти какие-либо примеры движений бедняков или обнищавших масс, требовавших больше капитализма. Даже в застойных коммунистических обществах самые ревностные энтузиасты быстрого перехода к капитализму были инсайдерами, которые видели в рынках и приватизации более быстрый путь к обога-

разными странами возросло, но общее неравенство, согласно некоторым замерам, сократилось, в основном из-за быстрого экономического роста в Индии и Китае, хотя разрыв между самыми богатыми и самыми бедными увеличился. Нет надежных данных для сравнения опыта всего населения мира. Однако одно можно сказать наверняка: небольшая глобальная элита получила непропорциональные выгоды от роста, извлекая из него непрерывно увеличивающуюся долю дохода.

3. <http://www.newscientist.com/article/mg21228354.500-revealed-the-capitalist-network-that-runs-the-world.html>.

щению и получению статуса, чем те, которые мог предложить им коммунизм. (И сделки, придуманные банкирами, чтобы дать правительству Бориса Ельцина деньги в обмен на долю в российских сырьевых отраслях, представляют собой один из величайших моментов хищничества в современной истории.) Верно, что крестьяне и рабочие приветствовали более открытые формы рынков продовольствия и стремились к большей свободе. Но они, а также группы или партии, представлявшие их интересы, всегда крайне скептически относились к тому, что какая-либо концентрация капитала может служить их интересам.

Если рассматривать развитые капиталистические общества как системы организованного хищничества, вряд ли нас удивит, что они приняли ту форму, которую мы видим. Можно было бы ожидать, что рыночная экономика будет порождать прибыли в соответствии с нормальным распределением: наверху — немного богатых, основная масса населения — посередине, а внизу — немного бедных. Таково приблизительное распределение талантов или способности к тяжелому труду. Но так выглядит лишь незначительное число рыночных экономик. Напротив, большинство капиталистических обществ похоже на вытянутую слезу с крошечным меньшинством, получающим почти магическое вознаграждение, вверху, основной массой населения где-то чуть ниже среднего уровня и большой группой очень бедных внизу. В периоды экономического изобилия распределение становится еще более неравным. В США в период 1979–2005 гг. чистые доходы после уплаты налогов для верхнего 1% увеличились на 176%, для всего верхнего квинтиля — на 69% и для самого нижнего квинтиля — на 65%⁴.

Иногда указывают на то, что все это — плод информационных технологий и коммуникаций. В мире, где все места связаны друг с другом, лучший певец или инженер может увеличить свои доходы. Это привлекательный аргумент, который подразумевает действие мощной меритократии. Но закономерности вознаграждений не подтверждают этот тезис. Он не объясняет, почему некоторые из наиболее глобализированных компаний отличаются меньшей диффе-

4. T. Smeeding, «Public Policy, Economic Inequality, and Poverty: The United States in Comparative Perspective», *Social Science Quarterly* 86 (2005): 956–983.

ренциацией дохода, чем другие (обычно причина в том, что их штаб-квартира находится в стране вроде Германии, Японии и Швеции, культуре которых свойственна неприязнь к большим разрывам). И он не объясняет, почему так много людей, принадлежащих к 1 или 0,1%, унаследовали свое богатство.

Столетие назад Вилфредо Парето предположил, что неравное распределение отражает природу, а если точнее, что распределения доходов следует степенным законам. Степенной закон существует, когда частотность события или значения изменяется как степень какого-то другого значения. Так, число городов с определенной численностью населения, как оказывается, изменяется как степень от размеров населения. Такие степенные законы встречаются в природе повсюду — от величины запасов нефти до размеров файлов, передаваемых по Интернету. Парето заметил, что распределение богатства также следует степенным законам (принципом Парето считается утверждение, что 20% населения должны владеть 80% богатства), и предположил, что это природный факт. Однако любой детальный анализ конкретных обществ тут же опровергает представление о том, что такое распределение происходит автоматически. Статистики показывают, что коэффициенты Джини — стандартные оценки неравенства в доходах — значительно варьируют, тогда как историки говорят, что для поддержания неравного распределения в течение длительного периода времени нужны весьма сложные механизмы. Как любой серьезный заговор, они требуют огромного труда, четкой координации и сбалансированного компромисса, и многим правящим классам не удавалось решить все эти задачи, поэтому они теряли свое привилегированное положение, будь то из-за распри, перенапряжения или чрезмерной эксплуатации.

Даже щедрость может рассматриваться как часть заговора, как прикрытые для хищничества. Оскар Уайльд с вызовом написал в «Душе человека при социализме», что

равно как самым вредоносным оказывается тот рабовладелец, кто мягок к своим рабам и потому мешает угнетаемым ощутить порочность системы, а тем, кто настроен критически, — осознать суть порока, так и при нынешнем строе в Англии: именно те, кто причиняет наибольшее зло, как раз и стремят-

ся к наибольшему благу... Милосердие порождает множество всяких зол... Безнравственно использовать частную собственность, дабы залечивать злостные язвы общества, основанного на частной собственности⁵.

Его цинизм, безусловно, чрезмерен. Но благотворительность в большинстве развитых экономик редко превышает 1–2% ВВП, а это меньше, чем социальная помощь, финансируемая из собранных налогов, или милостыня в более традиционных обществах.

Капитализм уничтожает то, что по-настоящему ценно

Вторая группа аргументов, направленных против капитализма, которая снова и снова использовалась со времен Луи Блана, критикует капитализм за то, что именно он выдвигает в качестве ценности, ставя материальное и деньги выше людей. Система, гонящаяся за доступной для обмена ценностью, должна обесценивать все остальное, а значит, игнорировать или даже уничтожать большую часть того, что по-настоящему ценно, от красоты до истины. В результате капиталистическая дорога в рай оказывается вымощена подобиями ада, от ярко описанного Фридрихом Энгельсом Манчестера середины XIX в., наскоро сбитого без мысли о чем-нибудь другом, кроме прибыли, до охваченных болезнями и преступностью районов лондонского Ист-Энда или Парижа. Даже если такие города, в которых люди собираются для обмена, хорошо функционируют, они, как правило, поощряют порок и обесценивают ценности: например, в Лондоне на заре коммерческой эпохи в одной популярной пьесе можно было услышать предупреждение о том, что «в городе нет приюта для Совести или Любви»⁶, и всегда существовал троп, утверждающий, что самые важные вещи — те, что нельзя купить в городе.

5. Oscar Wilde, *The Soul of Man Under Socialism* (London: Penguin, 2001); Оскар Уайльд. «Душа человека при социализме» в: Уайльд О. *Избранные произведения*: в 2 т. Т. 2. М.: Республика, 1993. С. 345.

6. *The Three Ladies of London, 1583*, quoted in Lawrence James, *The Middle Class: A History*, 77.

Последовательная острая критика стремления капитализма уничтожить то, что по-настоящему ценно, опирается на глубинное антиматериалистическое течение, присутствующее во всех мировых религиях. Библия полна заповедей, направленных против богатства, от замечания о том, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай, до предупреждения о том, что деньги — корень всех зол. Снова и снова Библия и Коран говорят об искушении, сбивающем людей с пути истинного, а в исламском мире есть такая традиция: захватчики, пришедшие из пустыни, очищают города от грехов. Ограничения на ростовщичество в исламе и христианстве сдерживали искушение уничтожать и эксплуатировать. В Коране ростовщичество называется «людьми, которых Дьявол лишил разума своим прикосновением». Большинство запретов на практике так или иначе обходились, когда у религиозных лидеров обнаруживались общие интересы с торговцами и банкирами. Однако время от времени религия снова заявляла о себе, предлагая свои идеи о том, как следует управлять экономикой (обычно раздражая тех, кто проводил жизнь на фабрике или в торговле). Основатель теологии освобождения Густаво Гутьеррес, например, полагал, что экономическое развитие и теологическое возрождение были связаны. «Мы переходим, — писал он, — от теологии, которая слишком сосредоточивалась на Боге, расположенном вне мира, к теологии Бога, который присутствует в мире»⁷. История означала «все большее раскрытие человеческого лица Бога», что значило освобождение от несправедливости и нищеты капитализма и создание новой экономики, основанной на совсем иных принципах, свободных от подчинения и зависимости. Освобождение, иными словами, было гораздо более предпочтительной целью, чем просто развитие и экономический рост.

Буддизм никогда не относился так враждебно к торговле, как христианство и ислам, возможно, потому, что многие из его первых приверженцев принадлежали к торговому сословию. Но буддистское учение гласило, что единствен-

7. Gustavo Gutiérrez, *Teología de la liberación: perspectivas* (Lima, Peru: Centro de Estudios y Publicaciones, 1971).

ный способ избежать страданий — уничтожить желание. Алчность, вместе с ненавистью и самообманом, была одним из трех зол, которым нужно сопротивляться, чтобы вести праведную жизнь, а в последние годы буддийские тексты предложили не только личные, но и общественные альтернативы капитализму. Самый известный пример — книга Э. Ф. Шумахера «Малое прекрасно», которая утверждает, что «поскольку потребление лишь средство обеспечить человеческое благополучие, то целью должно быть достижение максимума благополучия при минимуме потребления... Чем меньше нужды в тяжелом труде, тем больше сил остается для искусства и творчества... Вместе с тем современная экономика в качестве единственной цели всякой экономической деятельности рассматривает потребление»⁸. Так буддизм стал еще одним источником, помогающим разоблачать иллюзии капитализма и его стремление разрушать не только природу, но и ту часть человеческого естества, которая теснее всего связывает нас с природой.

Далее, существует такое явление, как растрата богатств — расточительность богатейших людей, владеющих десятком домами, двадцатью спортивными автомобилями или двумя тысячами пар обуви. У системы, которая так гордится своей эффективностью, есть странная особенность: ее величайшие успехи связаны со столь невероятным уровнем расточительности. Система, выросшая из протестантской неприязни к феодальному мотовству, увлечению пышными празднествами и роскошью, в конечном счете оказалась связана с грандиозной неумеренностью сверхбогачей XXI в., которые не задумываясь тратят миллионы на вечеринку или свадьбу, а бывает, что и на полет на частном самолете, когда надо попасть на конференцию по вопросам будущего окружающей среды.

Если природа — одна из жертв извращенного взгляда капитализма на ценность, другой такой жертвой становится локальное сообщество. Промышленный подъем повлек распад сельских общин и перемещение их членов в атомизированную нищету города: людей столкнули друг с другом в войне всех против всех. Конкуренция ценится выше,

8. E. F. Schumacher, *Small Is Beautiful*, new edition (UK: Vintage, 2011); Шумахер Э. *Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение*. М: ГУ—ВШЭ, 2012. С. 79–80.

чем сотрудничество. Отношения не имеют ценности, потому что их нельзя продавать и покупать (или, скорее, только тесть отношений может продаваться и покупаться на зарождающихся рынках консультантов или эскорта). Если мы относимся к другим людям, руководствуясь только соображениями максимизации нашей денежной выгоды, мы вскоре потеряем друзей, поскольку дружба, как и любовь, в некоторой степени зависит не от того, что она дает, но от обещания того, что она могла бы дать в разных обстоятельствах. Мы хотим иметь друзей и возлюбленных, которые будут рядом с нами, если что-то пойдет не так, и с подозрением относимся к друзьям «до первой беды», как и к друзьям, лишь подсчитывающим свои выгоды. Вместе с имуществом приходят недоверие и мелочность. Пол Пифф из Калифорнийского университета в Беркли⁹ в ряде проведенных экспериментов, в которых людям выдавались условные деньги, потом распределяемые ими, показал, что более богатые люди менее склонны жертвовать на благотворительность; так что даже тогда, когда людей заставляют думать, будто они богаче, чем на самом деле, их щедрость уменьшается: те, кто находился в самом низу, оказались на 44% щедрее при раздаче одного и того же объема условных денег, чем те, кто был наверху. Сострадательность богатых участников можно было повысить, показав им подходящие сообщения, вызывающие к их сочувствию. Но вывод Пиффа в том, что сострадание — это инструмент выживания бедных; наличие денег означает, что у вас может быть больше причин обижаться на других — либо потому, что они хотят заполучить часть ваших денег, либо потому, что они заставляют вас чувствовать вину.

Капитализм способствует бездумности

Отсюда следует третья группа критических замечаний. Если капитализм лишь некоторые вещи может считать ценными, следовательно, он бездумен, он враг культуры, разума и мудрости. Таков традиционный консервативный ответ рын-

9. P. K. Piff, M. W. Kraus, S. Côté, B. H. Cheng, and D. Keltner, «Having Less, Giving More: The Influence of Social Class on Prosocial Behaviour», *Journal of Personality and Social Psychology* (2010).

кам. Власть покупателей и продавцов отодвигает культуру в сторону. Вкусы большинства преобладают над вкусами меньшинства, желания множества невежд — над желаниями нескольких эстетов. На это жаловались многие поколений романтиков, аристократов и реформаторов, пытавшихся ответить на появление фабрик, мануфактур и железных дорог, а позднее — на массовую рекламу и средства массовой информации. Демократизация рынка означала отупение, фаст-фуд, ложный блеск и побрякушки, занявшие место мудрости и размышления. А рынки — это неизбежно шум, гам и энергичное давление, принуждающее покупать, тратить, занимать, то есть дух, противоположный духу храма, библиотеки или музея, а также мешающий покою, необходимо для рефлексии или глубокого размышления.

Такая критика выдвигалась во множестве разных форм. В своем романе «Сибилла» Дизраэли развил одну из них, изобразив Уодгейт, город в Черной стране, списанный с реального Уилленхолла в Стаффордшире, и продемонстрировав следствия массовой доступности новых продуктов:

По понедельникам и вторникам все население Уодгейта напивалось; люди всех сословий, возрастов и обоего пола; даже младенцы, которым пристало сосать грудь; им давали рюмочку «Годфриз кордиал». Вот оно — расслабление, возбуждение; если порока и было меньше, чем поначалу думали, мы не должны забывать, что малоковис и постоянное истощение сдерживают излишества. Скучная пища и тяжелый труд если и не совсем моралисты, то, по крайней мере, хорошая полиция. Другой полиции, чтобы проповедовать или контролировать, в Уодгейте нет. Не то чтобы люди были безнравственными, потому что безнравственность предполагает некое предумышление; или невеждами, ибо невежество относительно; но они были животными, лишенными сознания; их разум был пуст, а их худшие поступки — лишь толчком грубого или дикого инстинкта¹⁰.

Полтора столетия спустя нас беспокоят не столько дикие инстинкты, сколько влияние гораздо более обширных потоков информации на нашу способность думать. Пусть мы даже

10. Benjamin Disraeli, *Sybil: or the Two Nations* (New York: Oxford Paperbacks; new edition, November 26, 1998).

лучше осознаем изобилие доступных вариантов и возможностей, от которых мы отказались, но это осознание, вероятно, не слишком усилило нашу способность поглощать или использовать информацию, а поскольку бизнес все больше озабочен борьбой за скудные ресурсы внимания¹¹, широта достигается в ущерб глубине: как сказал нобелевский лауреат и эксперт по искусственному интеллекту Герберт Саймон, «богатство информации создает дефицит внимания».

Связанные с этими рассуждениями аргументы могут пойти еще дальше, как бывало и в прошлом. Они предупреждают, что капиталистическая система лишена морального смысла и, хуже того, сами ее механизмы подтачивают нравственное чувство. Капитализм не просто уничтожает то, что по-настоящему ценно. Он мешает людям заметить, что это происходит, блокирует те самые пути, которые общество может выбрать, чтобы проложить дорогу к иному социальному порядку. Справедливость тоже может быть слепой. Но ее слепота позволяет ей честно судить. Слепота капитализма, наоборот, исключает честность.

Таким образом, инвестор и трейдер намеренно культивируют моральную слепоту; они считают слабостью или недостаточным профессионализмом заботу о последствиях своих действий, четкое прописывание своих сделок. На рынке бездумность проявляется в распространенном оправдании, применяющемся продавцом негодных товаров: «Я просто отвечаю на имеющийся спрос, если не я, то это сделал кто-то другой». Этот аргумент, в равной мере привычный как для индустрии производства оружия, так и для продажи героина, едва ли не образец бездумности.

Капитализм не просто игнорирует разум, он его колонизирует, разрушая способность людей судить и думать, когда они приобретают привычку покупать и продавать, подсчитывать, но не размышлять. Он подталкивает людей к чрезмерному потреблению и заставляет влезать в долги (Уильям Коббет, английский журналист и политический активист, постоянно требовал от своих читателей, чтобы они спрашивали себя: «Могу ли я обойтись без этого?»). Капитализм

11. Thomas Davenport and John Beck, *The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business* (Boston: Harvard Business Review Press, 2001).

поощряет бездумную агрессию, а также аддиктивное поведение, вроде азартных игр. В этом смысле Интернет становится просто новейшей формой добровольного рабства. Басня Бернара Мандевиля о пчелах подкрепляет этот тезис: рынок работает, потому что мы становимся бездумными как стадо, превращаемся в автоматы. В пределах рынка бездумное поведение встречается сплошь и рядом. Инвесторов и трейдеров сравнивали с мальчишками-гонщиками на шоссе, которые осознают свою скорость только в сравнении с другими, едут все быстрее и быстрее, пока один из них не совершит ошибку и не произойдет страшная авария: это история, повторяющаяся снова и снова в пузырях и спекулятивной истерии, охватывающей рынки акций или жилья. Сэмюэл Тейлор Кольридж использовал удачную метафору лихорадки для описания этой рыночной динамики. Она хорошо передает то безумие, которое можно увидеть всякий раз, когда рынки идут на подъем: как заметил Чак Принс, исполнительный глава *Citigroup*, как раз незадолго до краха 2007 г., «когда музыка умолкает, ситуация осложняется, особенно в отношении ликвидности. Но пока музыка играет, вы должны вставать и идти танцевать. Мы еще танцуем»¹².

Бездумность рынков раскрывает свою собственную иррациональность в рамках организаций. Капитализм состоит из множества крупных организаций, которые хотят вызывать у своих работников и клиентов чувства лояльности и даже любви. Эти огромные бюрократии полны людей, которые пожертвовали свободой ради безопасности, сегодняшними радостями ради награды в будущем, своей собственной идентичностью ради причастности к более обширной корпоративной идентичности. Но идеология рынка отрицает преданность, да и вообще все то, что стоит на пути накопления.

В любой экономике есть части, в которых это противоречие не имеет значения. Различные секторы, где много стартапов и относительно молодых людей, не обремененных детьми и ипотекой, могут слиться с этим текучим миром, отрицающим долгосрочные привязанности, — миром, прославленным бизнес-литературой. Но большая часть эко-

12. Цит. по: Rajan, *Fault Lines*, p. 143; Раджан Р. *Линии разлома. Скрытые трещины, все еще угрожающие мировой экономике*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 265.

номики иная. Она зависит от преданности, заботы и — вы угадали — осмысленности. Вот почему так много фирм тратят усилия на создание своей собственной культуры, мифов и смысла. Ричард Сеннетт цитирует современного начальника, сказавшего, что в его фирме роль каждого ему не принадлежит и никто не имеет прав на будущее: «Прошлые заслуги не гарантируют работнику его место»¹³. Этот образ мысли вступает в противоречие с нашей природой. В любом другом институте, от семьи до клуба, от школы до политической партии, мы предполагаем, что прошлое каким-то образом влияет на будущее, что преданность важна: отрицать это — странное прославление бездумности.

Если капиталистическая организация может быть бездумной, то и инвесторы могут оказаться такими же. Макс Вебер считал склад ума инвестора неестественным: «Человек «по своей природе» не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег»¹⁴, а Карл Маркс писал о ловушке, в которую попадает сам капиталист, когда он:

безудержно понуждает человечество к производству ради производства... В этом своем качестве он разделяет с собирателем сокровищ абсолютную страсть к обогащению... [конкуренция] заставляет его постоянно расширять свой капитал для того, чтобы его сохранить, а расширять свой капитал он может лишь посредством прогрессирующего накопления¹⁵.

В своей самой чистой форме, как признавал Маркс, капитализм — это не просто или не в первую очередь система, при помощи которой люди богатеют. Скорее, капитал существует для того, чтобы порождать капитал, и он не должен изыматься из оборота. Любую прибыль следует реинвестировать, снова заставляя ее работать и производить. Соскочить с этого беличьего колеса — значит признать поражение. Такая привязанность ко всему неопределенному и ненадежному, которую можно встретить у многих практиков

13. Richard Sennett, *The Culture of the New Capitalism* (New Haven: Yale University Press, 2007), 6.

14. Weber, *The Protestant Ethic*, 16; Вебер. Избранное. С. 81.

15. Karl Marx, *Capital*, volume 1 (London: Penguin, 1991); Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 23. С. 605–606.

с Уолл-стрит или из лондонского Сити, — специфическая психологическая особенность, очевидно не слишком благоприятствующая личным отношениям или даже счастью¹⁶.

Мишенью еще одного, более нового течения в критике бездумности стала количественная организация мира: мысль, будто управлять можно только измеримыми вещами, приводит к огромному числу патологий, усугубляющихся, когда эту стратегию начинает имитировать государство. Полагаться только на цифры или на правила прибылей и убытков — значит намеренно игнорировать некоторые виды суждения: суждения о ценности, красоте или о достоинстве и справедливости. Это ведет к институционализации бездумности и механических решений в ущерб серьезному осмыслению. Тенденция к абстрактности и расширяющаяся пропасть между реальной экономикой продуктов питания, компьютеров, кинотеатров и парикмахерских и их виртуальными репрезентациями несут с собой серьезные риски. Современная экономика зависит от репрезентаций, но она может оказаться и их жертвой. Антрополог Карен Хо писала о том, как неоклассическая экономическая наука оказалась вовлечена в «сознательные попытки согласовать реальный мир с его виртуальным образом». Именно это «движение к большей абстракции и виртуальности» в экономической мысли и создает прескриптивную модель для реальности, то есть виртуальную реальность, которая одновременно сводит все к себе и подталкивает к односторонним решениям. Внутри бизнеса разукрупнение и аутсорсинг — инструменты, которые берут то, что раньше было длительными отношениями, превращает их в рыночные трансакции. Люди, принимающие решения критической важности, с меньшей вероятностью знают о том, что на самом деле происходит и как на самом деле чувствует себя служба, которой они якобы руководят. Вместо этого они оперируют опосредованными данными и опосредованными сообщениями — часто умными, но зачастую оказывающимися бестолковыми, когда мы замечаем, что цифры на экране сходятся в виртуальном мире, но больше не сходятся в реальном.

16. Роберт Хейлбронер особенно хорошо пишет о присущей капитализму тревоге: Robert Heilbroner, *The Nature and Logic of Capitalism* (New York: Norton, 1985).

История капитализма полна успешных инноваций в методах измерения, помогающих преодолеть разрыв между реальностью и репрезентацией. То, что имеет значение, измеримо, и, согласно стереотипам менеджериальных консультантов, всем, что нельзя измерить, нельзя управлять (этот принцип, надеюсь, они не применяют к своей собственной жизни). Но измерение — это всегда борьба, потому что ценность никогда не является объективной, ее необходимо извлечь из фактов. Макс Вебер полагает, что капитализм по определению зависит от «оценки и проверки возможностей получения прибыли», и она должна включать «оценку общих активов... в начале прибыльного дела и сравнение ее с подобной оценкой... в конце»¹⁷. Но цифры не объективны. Приток денег в лавку или на фабрику — это факты: но то, как они соотносятся с вложениями энергии или труда, относительным вкладом рабочего и лавочника, — нет. Ответы тут будут одновременно и технические — как организовывать счета таких сложных систем, как самолетостроительный завод, студия видеоигр или крупная розничная сеть вроде *Walmart*, — и политические, касающиеся конкурирующих друг с другом притязаний на вознаграждение, отражающих относительную способность каждого игрока выбирать, насколько просто ему выйти из игры и заняться бизнесом с кем-то еще.

Ненадежное измерение — это ахиллесова пята современной капиталистической экономики. *Standard and Poor's* печально прославились тем, что присвоили высокие рейтинги инвестиционным банкам как раз накануне их краха в 2008 г. Греческая экономика, казалось, процветала незадолго до того, как начался ее полный развал. Профессионалы, в чьи функции входят измерения, утверждают, что ставят на первое место трезвость, осмотрительность, предпочтение трудных и объективных задач, а аудиторы хвастаются тем, что они нейтральны, осторожны и не подвержены чужому влиянию (хотя некоторые из них с готовностью вступали в сговор с клиентами, чтобы раздуть показатели в их пользу). Осуществляемую ими фетишизацию количественных оценок часто критикуют как нечто антигуманное,

17. Max Weber, *Economy and Society* (Berkeley: University of California Press, 1956), 91.

форму слепоты. Но странным образом критике подвергается и противоположный феномен — тенденция к столь же бездумной переоценке и истерии. Капиталистическая система нуждается в оценочных инструментах, которые позволили бы взглянуть в будущее и судить о будущих доходах: бизнес-план, прогноз и сценарий являются примерами таких инструментов, а рынки фьючерсов пытаются назначать цены на будущие цены. Такие оценки стремятся к объективности, но капитализм, по природе, — культура оптимизма и надежды, которая постоянно воспаряет над реальностью, а потом падает в обязательных циклах излишеств и разочарования. Его врожденный оптимизм, естественно, связан с тем, как функционирует надежда: именно надежда заставляет работника работать, инвестора — инвестировать, менеджера — расширяться. Только представьте себе, как выглядел бы капитализм в фаталистической культуре. Оптимизм помогает людям стремиться и добиваться успеха: согласно одному знаменитому исследованию, если студенты демонстрируют признаки жизнерадостности при поступлении в колледж, то по ним можно предсказать их доход через 16 лет с учетом многих других переменных, включая доход родителей. Самые жизнерадостные дети обеспеченных родителей зарабатывали на 25 тысяч долларов в год больше, чем менее жизнерадостные¹⁸. Но институционализированный оптимизм обуславливает также и систематический крен в сторону преувеличения, раздутых цифр и необоснованной самоуверенности.

Этот оптимизм был неразрывным образом связан с экспансивным характером капитализма. Надежда — это надежда на увеличение вещей, прибылей и денег, но также на захват все новых сфер, идея того, что все что угодно может быть куплено и продано. Как предсказывал Карл Маркс, капитализм стремится освободиться от пут, а экспансия — часть его природы. В XIX в. капиталисты с одинаковым наслаждением покупали политиков, коллекции искусства, пейзажи и университеты. Современный капитализм обходится с корпоративным спонсорством, предметами роско-

18. E. Diener, C. Nickerson, R. E. Lucas, and E. Sandvik, «Dispositional Affect and Job Outcomes», *Social Indicators Research* 59 (2002): 229–259.

ши и старыми мастерами с той же легкостью, что и с программным обеспечением и космическими путешествиями. Его методы распространились на здравоохранение, управление землей и благотворительность (и даже на «филантропокапитализм», сюрреалистическую идею, будто богатые люди лучше всего могут решить проблемы бедности и неравенства)¹⁹. Финансовый сектор стал основным источником финансирования политических партий (с опорой на такие судебные решения, как решение Верховного суда США по делу *Superspac*, значительно облегчившее господство богатей в американской политике). В результате ценности и культурные знаки капитализма — головы, инкрустированные бриллиантами, корпоративное искусство, рекламные клипы, аватары или же щедрые налоговые льготы для венчурного капитала — вот то, что определяет нашу культуру. Но другой результат — неспадающая волна жалоб, указывающих на то, что именно эти вещи и есть антитеза истинной культуры и разумности.

Капитализм делает людей несчастными, а не счастливыми

Самая сильная моральная претензия капитализма — то, что он удовлетворяет человеческие потребности и нужды лучше любой другой альтернативы. Он соединяет желания с производственными мощностями и тем самым делает людей счастливыми. Приблизительно в 135 странах есть достаточно полные данные, охватывающие сорокалетний период. Во всех них ВВП на душу населения удвоился, продолжительность жизни поднялась вверх — от 59 лет в 1970 г. до 70 в 2010 г., прием в школу вырос с 55% всех детей дошкольного и школьного возраста до 70%. Пессимистический взгляд, в соответствии с которым мир катится в тартарары, заставляет игнорировать эти и другие показатели.

Но этому оптимистическому описанию противоречат давние жалобы на то, что погоня за доступной для обмена

19. Филантропокапитализм — пример идеи, верной как описание некоторого важного, но исключительного случая и при этом совершенно неверной в качестве обобщения.

ценностью, хотя и выступает как будто в качестве союзника стремления счастья, на самом деле не позволяет достичь последнего. Репрезентации ценности подрывают реальность. Капитализм обрекает работника на тяжелый механический труд, когда кормилец жертвует своей жизнью ради корпорации в надежде на повышение, которого так и не происходит. Потребитель попадает в ловушку растущего потребления, переходя от одного ожидания к другому, но никогда не получая полного удовлетворения, тогда как мелкий инвестор заточен в тюрьме своей мечты о том, что его акции внезапно взлетят и сделают его богатым безо всякого труда. Все они уязвимы для не очень явной, но повсеместной эпидемии современного мира, каковой является депрессия²⁰.

Однако, если взглянуть на этот вопрос с разных сторон, нет никаких сомнений в том, что капиталистическое процветание коррелирует с ростом счастья, с тем, что страны становятся счастливее, когда доход вырастает до 10 тысяч долларов на душу населения. Есть также некоторый прирост индивидуального счастья сверх этого уровня, совершенно точно — вплоть до 60 тысяч долларов, согласно недавним исследованиям, одно из которых было проведено в 2009 г. Институтом Гэллага среди американских граждан. После этой цифры увеличение количества денег не ведет к росту ощущения счастья, но улучшает заявленную удовлетворенность жизнью, потому что, предположительно, усиливает у человека чувство относительного преуспеяния²¹.

Этот успех всегда был двусмысленным. Британия XIX в., возможно, была самой передовой страной в мире с точки зрения индустриализации, но также считалось, что в ней очень высокий уровень самоубийств, и это заставляло многих критиков в континентальной Европе связывать его со слишком большой свободой и завышенными ожиданиями. С тех пор знания о счастье постоянно бросали вызов экономике, побуждая таких критиков, как Авнер Оффер, предупреждать, что «процветание порождает нетерпение, а нетерпение подрывает благополучие», или подталкивая

20. Alain Ehrenberg, *The Weariness of the Self: Diagnosing the History of Depression in the Contemporary Age* (Montreal: McGill-Queens University Press, 2008).

21. D. Kahneman and A. Deaton, «High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-being», *PNAS* 107 (8): 16:489–16: 493.

таких, как Франко Берарди, к утверждению, будто капитализм стал «машиной по производству несчастья», расширив пропасть между способностями мозга и растущим объемом информации и давлением, оказываемым на мозг²².

Ричард Истерлин — один из первых экономистов, которые стали изучать данные, указывающие на то, что экономический рост не всегда ведет к счастью. В недавнем исследовании этих данных Истерлин сообщил, что

[в] 16 развитых странах с динамическими рядами продолжительностью не менее 21 года не обнаруживается значимой связи между темпами экономического роста и повышением удовлетворенностью жизнью. В 7 странах, переживающих переход к рыночной экономике, с динамическими рядами продолжительностью по меньшей мере 14 лет, включающими в себя замеры до или непосредственно перед началом перехода, нет значимой связи между темпами экономического роста и увеличением удовлетворенности жизнью. В 13 развивающихся странах, относящихся к Азии, Африке и Латинской Америке, с динамическими рядами продолжительностью 10 лет (в среднем — 15 лет) нет значимой связи между темпами экономического роста и повышением субъективного ощущения благополучия. Если объединить данные для всех 36 вышеуказанных стран, значимой связи между темпами экономического роста и изменением в удовлетворенности жизнью не обнаруживается²³.

Другие результаты, как представляется, подтверждают эту картину с выравниванием, сопровождающим рост доходов²⁴.

Но это не настолько очевидные факты²⁵. Одна из причин выравнивания корреляции между счастьем и экономи-

22. Franco Berardi, *La fabbrica dell'infelicità. New economy e movimento del cognitariato* (Rome: Derive Approdi, 2001).

23. R. Easterlin and L. Angelescu, «Happiness and Growth the World Over: Time Series Evidence on the Happiness-Income Paradox», IZA Discussion Paper No. 4060, 2009.

24. Andrew Kohut, *Global Views on Life Satisfaction, National Conditions and the Global Economy* (Pew Global Attitudes Project, 2007); <http://pewglobal.org/files/pdf/1025.pdf>.

25. B. Stevenson and J. Wolfers, «Economic Growth and Subjective Well-being: Reassessing the Easterlin Paradox», *Brookings Papers on Economic Activity*, 2008, 1–87.

ческим богатством состоит в том, что каждое маргинальное увеличение дохода производит все меньшее и меньшее абсолютное увеличение счастья. Если разместить эти показатели на логарифмической шкале, будет наблюдаться почти точное соответствие между доходом и счастьем. Более детальный анализ подсказывает, почему получаются такие данные. В ходе мирового опроса Института Гэллапа людей спрашивают, какие эмоции они испытывали в предшествующий день. Люди в относительно богатых странах с большей вероятностью сообщают о себе, что они испытывали любовь и радость, и с меньшей — гнев, депрессию или скуку. Паттерны не особенно изменяются с течением времени, проявляя, однако, тенденцию к росту счастья (особым исключением являются США).

Итак, рост оказывает определенное воздействие на счастье. Но удивительно, насколько оно невелико. Хорошей иллюстрацией может служить кризис конца 2000-х гг. В Соединенном Королевстве в 2007 г. средний уровень удовлетворенности жизнью составлял 7,3; в 2008 г. цифра выросла до 7,5; она слегка упала до 7,4 в 2009 г. и снова вернулась к 7,5 в 2010 г., после самого острого спада экономической активности за несколько поколений и резкого скачка безработицы. В Соединенных Штатах ежедневный опрос Гэллапа зарегистрировал падение всего на 2% среди тех, кто сообщал, что был счастлив в предыдущий день (от 89 до 87) в течение 2008 г. С чем это связано? Каким образом спад мог сделать людей счастливее, даже пусть минимально? Возможно, людям пришлось проводить больше времени с друзьями или семьей, и им это очень понравилось; низкие процентные ставки заставляли большинство чувствовать себя преуспевающими; ожидания стали более реалистичными; или люди ощущали большую общность, чем во время наибольшего экономического процветания. Другой ответ заключается в том, что все оценки счастья обычно меняются крайне медленно; измерения несчастья, что может показаться странным, не движутся в тандеме с измерениями счастья и могут оказаться более чувствительными к переменам. Вероятность того, что безработные в США сообщат о беспокойстве в данный конкретный день, на 20% выше, чем у людей, имеющих работу, но вероятность, что

они сообщают о том, что счастливы, ниже лишь на 5%²⁶. Кризисы, как выясняется, значительно усиливают стресс и тревогу, в особенности если вы обременены долгами.

Еще один ответ состоит в том, что мы быстро возвращаемся к установленному уровню счастья даже после таких серьезных потрясений, как болезнь, нетрудоспособность или смерть супруга, что ставит под вопрос одновременно и политические действия, и обещания рынка²⁷. Кроме того, не исключено, что множество факторов, влияющих на счастье (например, генетика или детский опыт), не зависят от рынка²⁸. Какое-то влияние можно приобрести: физическая привлекательность у женщин и рост у мужчин коррелируют с заявленным счастьем и поддаются корректировке при помощи правильной косметики или обуви. Даже кровяное давление приблизительно коррелирует (повсеместно) со счастьем на уровне целых народов и в принципе поддается воздействию того, что мы покупаем и потребляем. Однако большая часть из того, что важнее всего для счастья, лежит вне досягаемости денег.

То, что капитализм делает людей несчастными, в лучшем случае недоказуемо. Но так же недоказуемо и утверждение, будто капитализм является надежным источником благополучия. Это странно, поскольку экономика построила высокое здание теории и анализа вокруг того, как выбор индивида работает на максимизацию полезности, которая изначально означала счастье. Покупая вещи на рынке, мы удовлетворяем наши потребности и желания, а потому становимся счастливыми. Так что труд — это средство, создающее возможность потребления, а потребление и означает счастье. Больше денег значит больше потребления, что должно означать счастье. Но не всегда. Южная Корея,

26. См.: www.gallup.com/poll/139604/worry-sadness-stress-increase-length-unemployment.aspx. Это исследование также показывает, что беспокойство выше у тех, кто дольше оставался без работы, тогда как счастье у давних безработных уменьшается лишь незначительно.

27. E. Diener, R. E. Lucas, and C. N. Scollon, «Beyond the Hedonic Treadmill: Revisions to the Adaptation Theory of Well-being», *American Psychologist* 61 (2006): 305–314.

28. N. Donovan and D. Halpern, *Life Satisfaction: The State of Knowledge and Implications for Government* (London: Cabinet Office, 2002).

восточноазиатское экономическое чудо, — хороший пример того, как капитализм может очевидным образом подточить благополучие. В 1950-х гг. она имела гораздо более низкий ВВП, чем Африка, но за последующие несколько десятилетий вырвалась вперед в ряды самых процветающих государств. ВВП на душу населения в Корее вырос с 800 долларов в 1970 г. до 19 тысяч долларов в 2008 г. Однако, по данным ОЭСР, уровень удовлетворенностью жизнью среди корейцев упал с 61,1 до 47,3% в период с 1990 по 2002 г.²⁹ Еще один пример — Египет: в конце 2010 г., как раз перед падением режима, всего 9% египтян считались преуспевающими, то есть меньше, чем в Палестине и Йемене, несмотря на 5%-й рост в тот год. Показатели упали в предшествующие годы для всех, кроме самых богатых, опять-таки несмотря на сильный экономический рост³⁰. Прогресс должен означать увеличение срока жизни, которая проживается богаче, с большим чувством самореализации. Однако, хотя деньги и потребление могут служить времени, они могут также и снижать его качество. Так, недавнее исследование показывает, что сама свобода и выбор, ассоциирующийся с развитыми рынками, могут оказаться антитезой счастью. При сравнении данных для многих стран выясняется, что экономическая свобода негативно коррелирует с удовлетворенностью жизнью (когда учтены другие факторы, такие как доход, здоровье и доверие)³¹.

В недавних исследованиях были учтены и микроданные, касающиеся отношений между рыночными экономиками и счастьем, и они, по-видимому, подтверждают, что по крайней мере некоторые аспекты потребительской культуры должны, скорее, понижать нашу удовлетворенность, обещая при этом обратное. Один из ведущих исследователей отношений между потреблением и счастьем приходит к выводу, что «люди, строго ориентированные на такие ценности,

29. См. речь корейского уполномоченного по статистике Инсилла И, с. 1–2, основанную на докладе ОЭСР 2005 г.: <http://www.oecd.org/dataoecd/56/29/44118771.pdf>.

30. Egypt: The Arithmetic of Revolution, March 2011, Abu Dhabi Gallup.

31. Это вывод см. в: J.J. Graafland and B. Compen, *Economic Freedom and Life Satisfaction: A Cross Country Analysis* (paper published by Tilburg University, Center for Economic Research, 2012).

как деньги, имущество, имидж и статус, сообщают о более низком субъективном благополучии»³². Симптом и причина переплетены между собой: зашедшие в тупик отношения и недовольство заставляют людей фокусироваться на материальных благах, которые потом понижают их способность заводить и поддерживать хорошие отношения. «Ориентация на материалистические ценности» развивается через «опыт, который вызывает чувства неуверенности и незащищенности перед социальными моделями, поощряющими материалистические ценности»³³. Если показать молодым людям очень привлекательных женщин, они дадут более негативную оценку другим женщинам. В одном исследовании 81 студент мужского пола, проживавших в общежитии, смотрели популярное телевизионное шоу, главными героинями которого были три поразительно привлекательные женщины, а потом их попросили оценить фотографии обычной женщины (описанной как потенциальная участница свидания, проводимого наугад с произвольным соседом по общежитию). Их оценки этой женщины оказались гораздо ниже, чем у контрольной группы, а в еще одном исследовании выяснилось, что мужчины, которым показывали фотографии физически привлекательных женщин, в дальнейшем испытывали бóльшую неудовлетворенность имеющимися у них гетеросексуальными связями.

Первоначальные впечатления от романтических партнеров — женщин, которые были для них доступны и могли ими заинтересоваться, — подверглись такому негативному воздействию, что мужчины не захотели даже пальцем пошевелить. Самооценка привлекательности тоже меняется. «Женщины, окруженные другими привлекательными женщинами, будь то живыми, из фильмов или на фотографиях, считают себя менее привлекательными и менее желанными в качестве партнера по браку». Это давление может сказываться даже на подростках, потому что реклама нацелена на девочек моложе 13 лет, убеждая их, что косметика и мода — самый легкий путь к популярности и счастью. Исследования

32. Tim Kasser, *The High Price of Materialism* (Cambridge, MA: MIT Press, 2003), 13.

33. Richard Ryan and Edward Deci, «Self-determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-being», *American Psychologist* 55 (2000): 68–78.

потребления показывают, что слишком большое внимание, уделяемое материальным ценностям и имуществу, негативно воздействует на психологическое благополучие³⁴. Влияние на самоуважение вполне очевидно. Но есть и более общее воздействие на отношение к жизни³⁵. Чем больше значения люди придают материальным предметам, тем больше рискуют почувствовать себя преданными, потому что новая мода, макияж или аромат едва ли дадут все, что обещают. Слишком большое внимание к материальным вещам может также оказаться помехой в других отношениях. Было проведено исследование эмпирических связей между просмотром телевизора, желаниями и благополучием у английских детей³⁶. Оно показало, что дети, которые больше времени проводят перед телевизором или компьютерным экраном, более материалистичны. Дети с большей склонностью к материализму обычно имеют более низкую самооценку, более негативное мнение о своих родителях, а дети, более негативно оценивающие родителей, как правило, больше ссорятся с ними и имеют более низкое мнение о самих себе³⁷.

Есть также очевидные связи между материализмом и антисоциальным поведением — это явления, взаимно поддерживающие друг друга. Дети, которые меньше общаются со своими родителями или получают от них негативный отклик, более склонны сосредоточиваться на деньгах³⁸. Позд-

34. D. Kanner and R. G. Soule, «Globalization, Corporate Culture, and Freedom» // Tim Kasser and A. Kasser, *Psychology and Consumer Culture: The Struggle for a Good Life in a Materialistic World* (Washington, DC: American Psychological Association, 2003), 49–67.

35. Juliet B. Schor, *Born to Buy: The Commercialised Child and the New Consumer Culture* (New York: Scribner, 2004).

36. Исследования среди подростков показывают это разлагающее воздействие массовой культуры. См.: Agnes Narin, Jo Ormond, and Paul Bottomley, *Watching, Wanting and Wellbeing: Exploring the Links: A Study of 9–13 Year Olds* (National Consumer Council, 2007).

37. Schor, *Born to Buy*; Moniek Buijzen and Patti M. Valkenburg, «The Effects of Television Advertising on Materialism, Parent-Child Conflict and Unhappiness: A Review of Research», *Applied Developmental Psychology* 24 (2003): 437–456; Moniek Buijzen and Patti M. Valkenburg, *The Unintended Effects of Television Advertising: A Parent-Child Survey*, *Communication Research*, 30 (SAGE Publications, 2003), 483–503.

38. G. Moore and R. Moschis, «The Impact of Family Communication on Adolescent Consumer Socialization», *Advances in Consumer Research* 11 (1984): 314–319.

нее они легче откликаются на призывы бизнеса. Большая часть рекламы зависит от создания неуверенности благодаря вертикальным социальным сравнениям, из-за которых стройные женщины чувствуют себя толстыми, красивые люди — уродами, а успешные — неадекватными³⁹.

При этом разные типы капитализма оказывают разное воздействие. Расходы на рекламу на душу населения в Соединенных Штатах были в 4 раза выше, чем в Европе, и в 2 раза выше, чем в Великобритании. Какое влияние это оказывает на настроение в обществе? Ведет ли это к более материалистической ориентации — к выбору тяжелого труда, чтобы заработать больше наличных денег, вместо того чтобы больше времени проводить с семьей или с друзьями? Похоже, что да. Приносит ли это потом разочарование в плане счастья? Опять-таки, похоже на то, если есть стремление компенсировать разочарование аддиктивным поведением. Роберт Фрэнк исследовал эти закономерности в Соединенных Штатах⁴⁰. Он попросил людей рассмотреть выбор между двумя мирами. Первый мир А — тот, в котором вы зарабатываете 10 тысяч долларов в год, а другие 200 тысяч. Другой мир В — тот, в котором вы зарабатываете 100 тысяч долларов в год, а другие 85 тысяч. Как выяснилось, большинство американцев выбирает мир В. Почему? Возможно, дело в зависти, но также это признание того, что, если кто-то богаче нас, разница может стать источником неудовлетворенности. Неудовлетворенность может побудить к упорному труду, а готовность к риску может завести в ловушку, в особенности в той среде, где медиа предлагают *Porche* и часы *Patek Phillipe*, роскошный отдых и спортивные машины. Г. Л. Менкен однажды определил богатого человека как того, кто зарабатывает на 100 долларов в год больше, чем его свояк⁴¹. То же самое давление,

39. Женщины, сталкивающиеся с рекламой духов, в которой фигурируют привлекательные стройные модели, начинают испытывать большую неудовлетворенность своей внешностью. Marsha Richins, «Social Comparison and the Idealised Images of Advertising», *Journal of Consumer Research* 18 (1991).

40. Robert Frank, «Why Living in a Rich Society Makes Us Feel Poor» (*New York Times Magazine*, October 2000); (<http://partners.nytimes.com/library/magazine/home/20001015mag-frank.html>, 2000).

41. Недавнее исследование подтвердило определение Менкена. Дэвид Ньюмарк и Эндрю Постлевайте изучили поведение большой выборки пар

заставляющее некоторых больше трудиться, других толкает на то, чтобы влезть в долги. Мы знаем, что счастье достигается не только благодаря обладанию вещами или зарабатыванию больших денег. Научиться быть счастливыми часто означает научиться поддерживать эмоциональные связи и объяснять другим свои потребности, научившись при этом самому удовлетворять потребности других. Однако капитализм часто поощряет нарциссическую озабоченность исключительно собой, что является одной из наименее вероятных дорог к счастью⁴².

Капитализм угрожает жизни

Пятое направление критики капитализма — самое сокрушительное из всех: капитализм здесь преподносится как враг всего живого. Безостановочная погоня за доступной для обмена ценностью сталкивает капитал с живым трудом. Маркс представлял его в виде вампира, как мертвый труд, питающийся живым трудом. Уильям Блейк изображал капитал в качестве провозвестника «мрачных фабрик сатаны». С этой точки зрения он подобен войне, силе танатоса, смерти, замаскированной под позитивную деятельность. Если капитал вышел на первое место, то это должно означать, что природа лишилась всех прав. Равно как и люди, которых стали рассматривать как одноразовый товар, покупаемый на время, а затем выбрасываемый. Неудивительно, что на ранних этапах западной индустриализации продолжи-

сестер-американок, у одной из которых не было работы. Анализируя все факторы, которые могли бы заставить сестру найти оплачиваемую работу, они выяснили, что самым мощным был относительный доход: вероятность того, что женщина из их выборки начнет искать оплачиваемую работу, была на 16–25% выше, если муж ее сестры зарабатывает больше, чем ее собственный. D. Neumark and A. Postlewaite, «Relative Income Concerns and the Rise in Married Women's Employment», *Journal of Public Economics*, Elsevier, vol. 70, no. 1 (October 1998): 157–183.

42. Суть вопроса может оказаться еще проще. Лорд Эктон однажды написал, что любой прогресс зависит от неудовлетворенности. Конечно, динамика капиталистической экономики зависит от неудовлетворенности, заставляющей работников работать, а потребителей — потреблять. Возможно, динамичное общество также зависит от нее и постоянно корректирует баланс между недостатком и избытком удовлетворения.

тельность жизни резко снизилась, а затем снова снизилась в наши дни в Китае, где самая драматическая индустриализация в истории сопровождалась отчетливым сокращением продолжительности жизни⁴³. Также и природа пала одной из первых жертв погони за прибылью, поскольку с безжалостным аппетитом капитализма можно сравнить лишь не менее хищнический аппетит коммунистического государства до того, как оно открыло рынки.

Идея, утверждающая, что капитализм — враг жизни, может показаться надуманной. Но просто сравните типичный рынок, например овощной или рыбный, с местами, наиболее типичными для капитализма. Рынки полны жизни, энергии, людей, так или иначе взаимодействующих друг с другом на равных, и такими они были тысячи лет, начиная от первых торжищ в городах вроде Иерихона или Урука. Даже помещение биржи обладает некоторыми из этих качеств. А теперь сравните это с образцовыми местами капитализма: штаб-квартирами крупных корпораций, центральными деловыми районами, городами, предназначенными для перемещения на автомобилях, и огромными фабриками, производящими наши потребительские товары. Все это может считаться противоположностью жизни — все здесь монотонное, холодное, бездушное, напрочь лишенное причуд и общительности живых мест. Их эстетика сливается с эстетикой тоталитаризма (штаб-квартиры таких компаний, как *Goldman Sachs*, с их интерьерами, наполненными почти исключительно грубым черным цветом, без деталей, без человеческого тепла, почему-то тоже намеренно создают тот же эффект, возведя уродство едва ли не в культ). Все эти места решили выставить напоказ культуру абстракции, которая отражает различие между капитализмом и рынками: капитал уютнее всего чувствует себя в холодном модернизме, с искусством, начисто лишенным репрезентации и уж тем более людей, и рекламой, намекающей на разные качества, но никогда целиком не описывающей, что именно продается и почему. Если рынки основаны на прямом взаимодействии и на человеческом общении, позволяющем от-

43. D. Lai, «Quantifying the Dynamics of the Chinese Labour Force: A Life Table Approach», *Social Indicators Research* 81 (2007): 171–180.

давать и брать, то капитал — нечто далекое и недостижимое, и это находит отражение и в его этике, и в его эстетике.

Это важно, потому что все мы можем сразу отличить живые места от неживых; и проблема капитализма с собственным образом, то есть как его видит общественность, связана с тем, что, хотя нам могут нравиться его продукты и их применение в нашей повседневной жизни, как система он противостоит многому из того, что нам дороже всего. Природа циклична, тогда как капитализм копит и запасает. Природа достигает гармонии через многообразие, тогда как архитектура капитализма часто почти намеренно враждебна красоте, создается из мрачных, похожих друг на друга башен и промышленных единиц, отрицающих любое разнообразие, благодаря которому столь привлекательны леса, сады или моря.

Предпринимались попытки примирить природу и капитализм. Идея устойчивого развития (sustainability) была впервые сформулирована Комиссией Брундтланд в 1987 г., которая определяла его как «развитие, отвечающее потребностям настоящего, но не наносящее ущерба способности будущих поколений удовлетворять свои собственные нужды». Не так давно экологические метафоры начали проникать в экономическую мысль, часто косвенно, через разнообразные версии теории сложности. Теории, описывающие капитализм, стали более походить на жизнь, их рыночные схемы сравнивались с природным миром, с аналогичным кодом степенных законов, случайности, хаоса и сложности. Ниже я расскажу, как экологические идеи используются для того, чтобы сделать производство менее расточительным, более цикличным и примирить его с природой. Но эта критика по-прежнему бьет в точку: капитализм в чистой форме абстрактен, а то, что является по-настоящему абстрактным, чем бы это ни было, легко может восстать против человека и природы.

Натуралистические заблуждения у критиков и защитников

Одна из самых странных особенностей, которую критика капитализма разделяет с его защитниками и апологетами, — стремление делать выводы из фактов, касающихся человеческой природы. Капитализм претендует на выражение

фундаментальной человеческой природы — стяжательской, эгоистической, продажной и материалистической. Хищничество — это, наверное, отвратительно, но естественно и неизбежно. Может, оценивать все в категориях денег — грубо, но это соответствует нашему алчному и расчетливому характеру. Может, потребители порой ведут себя неразумно, но они просто выражают свою свободу.

Возражение критиков на этот аргумент обладало аналогичной структурой. Они утверждали, что люди «по-настоящему» добры, альтруистичны, сострадательны, склонны к сотрудничеству и духовны. Если они жестоки или эгоистичны, это просто следствие неисправных социальных институтов или обращенной на них жестокости. Дайте им свободу, и они естественным путем обратятся к добру.

Из каждого аргумента следуют свои выводы. Первый, рассматривающий человеческую природу как состоящую только из эгоизма, требовал систем, полностью построенных на наказании и финансовых стимулах. Второй, основанный на альтруизме и великодушии, мог обойтись добровольным трудом и состраданием (даже налоги можно сделать добровольными). В одном случае собака съедает собаку, в другом — собака помогает собаке (удивительно, как редко то и другое случается с собаками).

Эти полностью противоположные послышки сегодня выглядят уже странными, столь же причудливыми, как некоторые из теологических аргументов далекого прошлого. Трудно поверить, что кто-то может совершенно серьезно принимать столь односторонние взгляды на человеческую природу, а затем выводить из них целую политическую и экономическую философию, когда мы знаем, что человеческая природа состоит из того и другого, да и вообще из многого чего еще. Оба взгляда отражают тоску по более простому миру, чем тот, который у нас есть, по миру более ясному и осмысленному. Сейчас мы лучше знаем, что эгоизм играет определенную, но не исключительную роль. Финансовые вознаграждения мотивируют некоторых людей на некоторое время, но не всех и не навсегда, а потакание финансовым мотивам может быть контрпродуктивным. Социальная психология пыталась лучше откалибровать качества человеческой природы, учитывая непростые уроки о балансе финансового вознаграждения и морального обя-

зательства, которые, кажется, лучше всего применимы для разных ролей⁴⁴.

Социальная психология еще не до конца сложившаяся наука. Но она планомерно вырабатывала более реалистичные взгляды на человеческую природу, на эвристику, используемую нами при принятии решений, на тенденциозность в восприятии и принятии решений. Ее самый здоровый инстинкт — наблюдать, а не предполагать. Что, судя по всему, ценят люди в своей жизни, в том, как они проживают ее? Вы можете посмотреть на то, как они тратят деньги, — этому методу предпочтение отдают экономисты. Но точно так же вы можете выяснить, где они проводят время или на что обращают свою любовь и внимание. Первый метод подчеркивает в качестве вопроса первостепенной важности жилье и питание, автомобили и одежду. Второй выводит на первый план мир семьи и друзей, энтузиазм и убеждения. Эта экономика времени и любви, как я покажу, сейчас, возможно, даже важнее, а в будущем станет еще важнее.

44. В одном из разделов моей книги «Искусство государственной стратегии» исследуется то, что известно о финансовых и иных мотивах государственных чиновников, поставщиков услуг и добровольцев (Geoff Mulgan, *The Art of Public Strategy*, Oxford: Oxford University Press, 2009; Малган Дж. *Искусство государственной стратегии*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011). Я очень интересуюсь многочисленными экспериментами, которые пытались прояснить эти вопросы, например контролируемые эксперименты, изучающими взаимодействие мотивов и действий. Так, в одном исследовании раздавались вознаграждения (мелкие, средние и крупные) участникам, которые должны были выполнять задачи, требовавшие внимания и воображения: вставлять фрагменты головоломок в пластиковую раму, запоминать последовательности чисел и кидать мячи в цель. Те, кому обещали и заплатили больше всего, вопреки возможным ожиданиям, выступили хуже всех: Dan Pink, *Drive: The Surprising Truth about What Motivates Us* (Edinburgh: Canongate Books Ltd., 2010); D. Mobbs, «Choking on the Money: Reward-Based Performance Decrements Are Associated with Midbrain Activity», *Psychological Science* (2009): 955–962. <http://www.fil.ion.ucl.ac.uk/~bseymour/papers/psychsci2009.pdf>. Потенциальное вредное влияние больших стимулов на результаты находит подтверждение и в нейронауке. Недавно опубликованная работа указывает на то, что крупные вознаграждения вызывают гиперактивацию базовых путей вознаграждения в стволе головного мозга, которая начинает мешать работе навыков более высокого уровня: David Marsden, *The Paradox of Performance Related Pay Systems: «Why Do We Keep Adopting Them in the Face of Evidence that they Fail to Motivate?»* <http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp0945.pdf>.

Если и можно вынести какой-то урок из двух столетий жарких споров, то он, конечно, будет состоять в том, что природа не фиксирована, но и не текуча. Мы можем найти закономерности, которые связывают нас с нашими эволюционными корнями, и нами часто движет голод — желание пищи, секса или славы. (Мне нравится ответ боксера, который так никогда и не добрался до верхней ступеньки пьедестала, но когда его спросили, чего бы он добился, если бы держался подальше от девушек и выпивки, сказал: «Да ведь я занимался этим только ради девушек и выпивки».) Но это лишь отдельные влечения; мы все время их подавляем, перенаправляем и сдерживаем, и все институты — от семьи до фирмы — в какой-то мере для этого и существуют. Монастырь, армия, школа и брак — все это институциональные средства формирования людей, и ни одно из них не принимает природу как данность. Наоборот, через поощрение, награду, наказание и влияние старших они лепят из человека нечто новое. В лучшем случае они усиливают лучшее в нашей природе, делают нас более творческими, сострадательными и усидчивыми. В худшем — они усиливают то, что есть в нас неприятного, делая нас более жестокими, злыми и жадными.

Разношерстная коалиция критиков на протяжении двух столетий посылала в сторону капитализма и капиталистов свирепые филиппики, а также бомбы и пули. Миллион копий и стрел был брошен в эту неумолимую силу, целые леса были изведены на памфлеты и газеты, и было проведено бесчисленное множество жарких демонстраций и жестких забастовок. Глядя из сегодняшнего дня, можно сказать, что они и проиграли, и выиграли. Проиграли, потому что капитализм выжил и даже добился триумфа. Но и выиграли, потому что с каждым шагом вперед ему приходилось меняться.

Антикапиталистические утопии и неутопии

ОДНА из самых знаменитых острот Оскара Уайльда утверждает, что «не стоит даже и смотреть на карту вселенной, в которую не включена Утопия. Эта карта лишена той единственной страны, куда человечество постоянно стремится. Причалив к этой стране и выйдя на берег, оно устремляет взгляды вдаль, высматривая другую, лучшую, и снова поднимает паруса». На протяжении всей истории капитализм проявлял сильнейший интерес к тому, что за ним последует, и утописты пытались изобразить в основном его преемников. Капитализм вырос так быстро, а в некоторых странах почти внезапно, перевернув жизни и убеждения с ног на голову, что казалось, будто его снова сменит нечто столь же радикально иное. Действительно ли система, перевернувшая мир, и сама будет перевернута?

Два столетия альтернативы, создаваемые провидцами, делали именно это — они переворачивали капитализм с ног на голову. Многие выявляли самые характерные черты капитализма и воображали их диаметрально противоположность. Так, если капитализм лишал рабочих всякой власти и полностью отдавал ее капиталистам, социализм и коммунизм поставят у руля рабочих. Советы рабочих будут управлять заводами. Прибыли будут получать люди, а не далекие инвесторы. Частную собственность утописты предлагали заменить общественной, деньги — обществом без денег, прибыли — отказом от них, а неподотчетность капитализма — новыми требованиями.

Как будет показано в главе 9, эта техника инверсии, переворачивания схемы отношений или власти, стала также и инструментом более практичных инноваций — превращения крестьян в банкиров, пациентов во врачей или студен-

тов в учителей. То же самое относится к не менее распространенному в утопиях методу расширения (когда берется какая-то идея и доводится до предела) или методу перевода (идея из одной сферы пересаживается в другую).

Пластичность капиталистической культуры сама по себе постоянно поощряла утопическое мышление, непрерывное измышление возможных миров. Однако огромное большинство воображаемых миров с капиталистической точки зрения являются бессмысленными и противоречат исходным положениям капитализма. Когда Артура Миллера спросили, чему именно посвящена его пьеса «Смерть коммивояжера» — опыту одного человека или Депрессии в целом, он ответил, что «рыба в море, а море в рыбе». Любая столь сложная и всепроникающая система, как капитализм, находится одновременно и внутри нас, и снаружи, а одна из задач утопии — вытащить рыбу из моря.

Одни утопии представляют собой полностью завершенные воображаемые общества, где «закрашена» каждая деталь, от одежды, которую носят люди, до точных законов. Другие утопии — практические эксперименты, часто широкомасштабные (например, американские коммюны XIX в., черпавшие вдохновение у Торо, или кибуцы в Израиле). Третьи утопии — творческие идеи, поначалу казавшиеся неосуществимыми на практике, но затем воплощавшиеся в жизни, во всяком случае иногда. Принципы, разрабатываемые политическими мыслителями от Джона Локка до Джона Ролза, которые надеялись, что несколько руководящих идей смогут породить если не утопию, то по крайней мере хорошее общество, относились именно к этому роду. Идея универсальных прав человека, выдвигавшаяся Рене Кассеном, конечно же, была утопической, но была закреплена в Декларации ООН; то же самое произошло с идеей Уэббса о бесплатном всеобщем здравоохранении, доступном для всех, которую в начале XX в. сочли невозможной, но 40 лет спустя воплотили на практике. Современные идеи, предлагающие, что за каждым человеком на планете должна быть закреплена фиксированная и равная доля углерода, сегодня, безусловно, кажутся утопическими, но завтра могут стать повседневной реальностью. Во всех таких идеях есть попытка связать отдельные составляющие, из которых можно вывести много разных

следствий. Все они облачают в конкретную форму ту радикальную идею, что будущее, а не только прошлое, может влиять на настоящее; что нас формируют не только знания, но и творческий дух. И все они — выражение того, что Эрнст Блох называл «принципом надежды», то есть импульса, который лежит в основе человеческой природы и иногда вдохновляет на поступки, а иногда их замещает.

В самых запоминающихся утопиях предлагаются логичные и последовательные альтернативы настоящему, новые общества, появляющиеся словно по приказу. Это устройства для создания того, что русские формалисты называли «остранением», помогающим нам разглядеть странное в настоящем. У истоков этой традиции, по-видимому, стояло «Государство» Платона, но в своей современной форме она началась с «Золотой книжечки, столь же полезной, сколь и забавной, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» Томаса Мора, написанной в 1516 г. и изображающей вымышленный остров в Атлантическом океане, — эта книга задала тон для всего жанра. Хотя она появилась задолго до современного капитализма, некоторые из тем, встречающиеся в более поздних антикапиталистических утопиях, можно найти и в ней. Она обещает создать систему без денег и собственности. Труд делится между всеми. Рабочий день — нормированный, и есть одна эксцентричная черта, часто связанная с утопиями: каждый должен ложиться спать не позднее восьми часов вечера. Самые страшные болезни общества, такие как бедность и нищета, искоренены. Утопия редко посылает своих граждан на войну, вместо этого набирая наемников среди своих воинственных соседей.

Традиция литературных утопий получила толчок во Франции до и после Революции. Наглядный пример из XVIII в. — Луи-Себастьян Мерсье. Выступая против излишеств и иерархии монархической Франции, он предложил утопическое устройство, в котором налоги зафиксированы на уровне 2% дохода, но гораздо больше средств приносят добровольные пожертвования, которым благоприятствует коллективизм граждан. Вместо пышных нарядов люди носят простую одежду, наслаждаясь пешеходными городами. Значительное место занимает государственное обеспечение, включающее поставку чистой воды и здравоохранение.

Несколько десятилетий спустя Клод-Анри де Сен-Симон описал утопию производства, в которой у праздных богачей и деятелей церкви отобрали власть, а основная форма экономики — мастерские. Наука (основа для «религии Ньютона») и промышленность вместе формируют общество. К несчастью, к праздным лицам он также отнес королевскую семью, за что и был арестован, а его планы по созданию Европейского союза оказались преждевременными. Но его точка зрения была плодом его времени, равно как и надежда на то, что наука сможет построить утопию, когда разум охватит собой все сущее. «Нелепейшее из верований относит золотой век к прошлому, — писал он, — но лишь будущее готовит его. Гиганты вернутся, но не гиганты по размеру, а гиганты мысли»¹. Хайек позднее с полным основанием назвал его идеи религией инженеров. Сен-Симон считал Французскую революцию упущенной возможностью расширить индустриализацию, поскольку она зашла в тупик законов и прав. И поэтому в его утопии общественные доходы изымаются у армии и полиции и инвестируются в производственную деятельность и общественные работы (отсюда «палата изобретений», разрабатывающая идеи, за которой надзирает «палата исполнения»). Мир казался пластичным — его можно было лепить при помощи разума и опыта, безошибочно направляя изменения на создание лучшего мира.

Более откровенный политический вариант можно найти в утопии Этьена Кабе об Икарии, предельной реализации земли воплощенного разума. Эта утопия обещала абсолютную чистоту и абсолютную симметрию, которые бы определялись законами, оговаривавшими вообще все — от еды до одежды, и в ней все граждане участвовали бы в управлении (равно как и в голосовании) при поддержке Департамента статистики, обеспечивающего их необходимыми фактами. «Икарийские общества» получили распространение в сообществах рабочих по всей Франции, а затем и в Соединенных Штатах, где подобные коммуны создавались в Техасе, Луизиане, Иллинойсе, Миссури, Айове и Калифорнии.

1. Gregory Claeys, *Cambridge Companion to Utopias* (Cambridge: Cambridge University Press, 2010), 13.

Франция во времена Революции на собственном опыте испытала, что означает податливость мира, и увидела, сколь многое можно изменить за очень короткий промежуток времени. Сохранение после Реставрации значительной части наполеоновских законодательных кодексов опровергло реакционные утверждения, гласившие, что реформа была бесполезной и противоестественной. Но Франция ощутила также, что у разума есть пределы: неудачные попытки законодательным путем ввести десятичасовой день, десятичасовую неделю и множество новых праздников и наград, — причем все эти новшества были проникнуты тем же духом, что и многие утопические романы, — показали, что не все является таким уж пластичным. Одного желанья мало, чтобы породить новый мир, и даже если он учрежден законом, это не гарантирует, что он приживется.

Английские варианты утопий, популярные в XIX в., больше тяготели к сельскому миру, чем к городскому, и имели откровенно ностальгический характер. Их видение мира после капитализма по духу было ближе к миру, существовавшему раньше. Одну из популярных утопий написал У. Г. Хадсон, нарисовав будущее, в котором города будут превращены в сельский рай, ремесла заменят промышленность, вырастут рыночные сады, которые заменят заводы и железнодорожные станции. Но самым влиятельным утопистом был Уильям Моррис, чьи «Вести ниоткуда» предсказывали будущий мир фольклорных праздников и ремесел, в котором жители разобрали железнодорожные рельсы и счастливо вернулись в средневековый Элем, где нет оплачиваемого труда. Не менее популярен был «Иерехон» Сэмюэла Батлера (*Erewhon* — анаграмма для «нигде», *nowhere*). Болезнь в нем считалась преступлением. Больных бросали в тюрьму, потому что они сами виноваты в своей болезни. Даже грустных людей заточали в тюрьму, поскольку печаль считалась признаком несчастья, а люди сами отвечали за поступки, которые принесли им несчастья. С другой стороны, с людьми, которые грабили и убивали, обходились достаточно мягко и отправляли в больницы на лечение. Любые машины в «Иерехоне» были под запретом, потому что, как предупреждал один философ, машины могут быстро развиваться и захватить мир.

Существуют тысячи других примеров еще более тщательно выстроенных миров со сводами законов, институтами

и лидерами. «Что делать?», роман Николая Чернышевского, опубликованный в России в 1863 г., и «Взгляд назад» Эдварда Беллами стали известнейшими бестселлерами. Эти плоды бескорыстного труда представляют собой уникальное проявление как надежды, так и разочарованности настоящим. Они следуют Шиллеру, который призвал соотечественников «смело воспарить над своим временем», чтобы «в зеркале забрезжил грядущий рассвет».

Капитализм, переживавший расцвет в XIX в., играл в этих утопиях двусмысленную роль. Чаще всего он был врагом, а не основой для построения чего-то нового. Необычность взглядов Карла Маркса заключалась в том, что он видел в капитализме необходимый этап прогресса, ключие скалы, которые нужно преодолеть, чтобы добраться до залитых солнцем вершин социализма. Если и искать утопическое течение в капитализме, то скорее в событиях, чем в книгах. Грядущее изобилие прославлялось на таких грандиозных праздниках роскоши, как Лондонская выставка 1851 г. с ее огромными стеклянными дворцами, выставка в Чикаго в 1893 г. с ее фосфоризирующими неоновыми огнями и 27 миллионами посетителей (и духом неистощимого оптимизма, лишь отчасти омраченным убийством мэра незадолго до закрытия экспозиции) или выставка в Париже в 1900 г. с 50 миллионами посетителей, кинематографом и эскалаторами. Каждая по-своему была утопической, и на каждой очередной этап экспансии изображался картинами общественного и семейного процветания, присутствием высокотехнологичных развлечений и транспорта. Но картины эти в основном сводились к вещам, к их накоплению, которое должно трансформировать жизнь.

Естественно, что, когда капитализм стал обещать, что утопии будут персональными, а не коллективными, и когда его воображение воспарило ввысь, пытаясь нарисовать весь мир, результаты оказались двусмысленными. Научная фантастика 1980-х гг. (например, киберпанк) в некоторых отношениях была сознательной экстраполяцией современного неолиберализма и капитализма — гламурного, индивидуалистического, раздираемого противоречиями, погруженного в бренды и виртуальную реальность, но при этом принимающего мир глобальных корпораций как нечто само собой разумеющееся. Конечно, она живописала интересный и вол-

нующий мир, но вряд ли большинство людей захотело бы в нем жить.

Слишком сильная вера в материальное и прогресс, основанный на технологиях, беспокоил стольких же людей, скольких и вдохновил, а у многих укрепил желание повернуть время вспять и вернуться к сельской идиллии общинной жизни на природе. В XIX в. аристократия, не меньше озадаченная капитализмом, чем рабочие, считала себя подходящим кандидатом для того, чтобы выписать эти идеалы, отобразившие эгалитаристскую трактовку их сельских имений. Князь Кропоткин писал о возвращении к общинной деревенской жизни, к миру без государства и выступал за взаимопомощь и ассоциацию, которые считались всеми живыми существами «лучшим оружием в борьбе за жизнь». Добровольное сотрудничество и обмен должны были заменить коррумпированный мир денег и власти. О том же писал Лев Толстой, пытавшийся создать маленький рай на своих землях в России и выступавший против насильственной революции и за нравственное преобразование, возрождение внутреннего человека, потому что, как гласило название одной из его книг, «Царство Божие внутри нас». Они представляли себе общество без промышленности и технологии, с более простым и честным равенством, основанным на духоподъемном труде ремесленника или крестьянина, а не на нищенской и унижительной работе на заводе.

Это была общая тема многих утопий. Они хотели, чтобы труд сохранился в качестве стержня повседневной жизни, но надеялись, что он больше не будет работой на других, не будет тяжким бременем, не будет превращаться в товар. Карл Маркс критиковал утопии, но писал об обществе, в котором мы будем охотиться утром, рыбачить во второй половине дня, ухаживать за скотом вечером и критиковать после обеда (хотя, как заметили феминистки, он так и не сказал, кто именно будет готовить обед). Этот новый век досуга, достигнутый благодаря чудесам автоматизированного производства, приведет нас к свободе фараонов, которая будет использоваться не для безделья, а для творческого труда. Труд при капитализме был отчужденным трудом: «деятельность выступает здесь как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как оскопление». Но в будущем труд будет заново воссоединен с нашей истинной сущностью и глубинны-

ми человеческими потребностями. И хотя были опасения, что недостаток конкуренции и труда «приведет к отуплению человека», Уильям Моррис считал, что ответом станет «само это слово [„искусство“], которое потеряло у нас старый смысл, так как искусство стало необходимым элементом работы каждого человека, занятого в производстве».

Чем больше капитализм в XX в. способствовал подъему бюрократии благодаря новой власти менеджеров, исследованиям времени и движений, а также разделению мысли и действия, которое проповедовал Фредерик Тейлор, тем сильнее был крен утопистов в противоположную сторону. Лучше всех эти опасения выразил Джеймс Бёрнем, объяснив, почему Генри Форд и Иосиф Сталин действовали в одном направлении, чтобы задуть человеческую свободу в мире, управляемом планировщиками и менеджерами, и неважно, исходило ли стремление к господству от капиталистических корпораций или коммунистических государственных органов. Их иерархии и даже их здания выглядели очень похоже. Десять тысяч лет назад сельское хозяйство поймало людей в ловушку тяжелого труда, когда общество охотников и собирателей потеряло свободу. Капитализм усилил подчинение, но, к счастью, он прокладывал и путь для подлинной свободы.

Если для некоторых эта свобода означала настоящий труд, честный, созидательный, но уже не отчужденный, то для других она означала избавление от труда. Пол Лафарг (зять Маркса) написал о «праве на лень», и многие другие тоже надеялись на то, что прогресс освободит нас от необходимости работать, а не навяжет новый вид труда.

В любом случае утопическая свобода обычно означала уменьшение количества связей друг с другом. Если капитализм создал железные дороги и телеграф, широкополосные сети и спутники, то в большинстве утопий, следующих за Томасом Мором, изображаются острова. Например, «Экотопия» Эрнста Калленбаха представляет окруженную блокадой новую страну, составленную из частей Калифорнии, Орегона и штата Вашингтон и нашедшую новый путь среди превратностей судьбы. Вымысел предсказывает реальность, потому что находящаяся в осаде Куба, лишившись нефти, была вынуждена культивировать сельское хозяйство в городских условиях, чтобы прокормиться, а затем

стала образцом для радикальной Америки, занятой озеленением своих городов.

Многие писатели либо сразу начинали с практики, либо пытались затем осуществить свои утопические концепции в жизни. Через сто лет после Томаса Мора Джерард Уинстенли и его товарищи отправились на холм Сент-Джордж, чтобы основать там утопию, радикально эгалитарную общину без иерархии или собственности, которая в итоге была уничтожена землевладельцами и армией. Но два столетия спустя условия для создания утопий улучшились. Движение город-сад, основанное Эбенизером Говардом, — один из лучших примеров, вдохновленных утопическим романом («Взгляд назад»). Предполагалось, что такие города будут закрытыми сообществами численностью около 30 тысяч человек, в которых будут объединены дома, мастерские и сельское хозяйство, расположенное на прилегающих к ним полях. Согласно взглядам Говарда, изложенным в работе «Завтра: мирный путь к реальной реформе» (1898), необходимо создать сеть таких городов-садов, которые все были бы городами-спутниками центрального города численностью примерно 50 тысяч жителей и были бы связаны друг с другом железной дорогой. При его жизни было построено два города — Лечворт-Гарден-Сити и Велвин-Гарден-Сити, оба в английском Хартфордшире. Кроме того, его идеи оказали большое влияние в Соединенных Штатах — от Вудборна в Бостоне до Джексон-Хайтс в Квинсе, а также и в более далеких краях — от аргентинского Сьюдад-Харден-Ломас-дель-Паломар до Колонель-Лайт-Гарденс в Аделаиде (Южная Австралия).

Когда мы бросаем взгляд в прошлое, поражает то, что многие утопии стали практическими начинаниями. У Уильяма Морриса были, возможно, слишком надуманные описания будущего, но он добился успеха как производитель тканей и обоев (и даже работал по заказу королевы Виктории). Движение искусств и ремесел начиналось как альтернатива капитализму, позволяющая создавать полезные продукты для людей (хотя в итоге оно стало производить их главным образом для богатых). Роберт Оуэн сочетал смелые размышления о будущем кооперации с владением одним из самых производительных и успешных мануфактурных предприятий в Европе — в Нью-Лэнарке возле Глазго. В лучших слу-

чаях утописты освободились от оков природы и в мыслях, и в поступках. Любопытно, что, хотя Карл Маркс остроумно разоблачал наивность одних утопистов, надеявшихся силой желаний породить новый мир, другими он восхищался и писал, что «в утопиях таких людей, как Фурье, Оуэн и других, есть предвосхищение и фантастическое изображение нового мира»².

Более современные утопии возвращаются ко многим из этих тем. Есть радикальные версии, как, например, «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова (1958), старательно и подробно описывающая гармоничное бесклассовое общество, в котором планировщики переделали мир, создав едва ли не пародию на городское зонирование (и где диссидентов отправляют для реабилитации на «остров забвения»). Чаще всего это более умеренные фантазии, более запутанные, но и более реалистичные: утопии порой помещаются в мир, в котором после апокалипсиса промышленная цивилизация пала, а люди собирают ее останки. И снова мы встречаем тоску по сотрудничеству, по сообществам не больше деревни и по осмысленному труду. А новейшие утопии служат зеркалом расточительству, изображая экологически устойчивый мир, в котором вещи используются повторно и заново пускаются в оборот, здания выглядят с высоты птичьего полета так же, как земля до того, как они были построены, а заводы сбрасывают питьевую воду.

Одно из лучших изображений будущего — роман Урсулы Ле Гуин «Обделенные», действие которого происходит на Анарресе, лунном спутнике планеты Уррас, где революционеры создали общество без правительства и авторитарных институтов принуждения. Язык местных жителей лишен притяжательных местоимений, о людях судят по их делам и по тому, что они делают для других, а не по тому, чем они владеют. Это бедное общество в материально скудной среде. Главный герой романа физик Шевек постепенно осознает, что революция, породившая его мир, впадает в застой и что там, где раньше их вообще не было, начинают складываться структуры власти. В итоге получается двусмысленная утопия, не претендующая на описание идеального общества.

2. Маркс К. Письмо Кугельману от 9 октября 1866 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 444.

Сегодня визионерские утопии можно встретить в анархистской и социалистической традициях, в движениях, связанных с Всемирным социальным форумом (его лозунг: «Другой мир возможен»), на периферии любых крупных религий, в радикальных субкультурах, окружающих Интернет, а в умеренной форме — в тысячах гражданских инициатив по всему свету. Их можно найти в хорошо проработанной философии таких движений, как «пермакультура», выступающая за холистский подход к фермерскому хозяйству. Различные варианты утопий можно обнаружить в субкультурах открытого программного обеспечения, которые ценят технологию в качестве проводника свободы и демократии, с подозрением относясь к любого рода концентрации власти, частной собственности или прибыли и делая героев из хакеров или киберпартизан (как это, например, демонстрирует Пиратская партия). Кризисные периоды приводят во все эти группы новых сторонников, ищущих смысл, способ понять хаос и неразбериху экономической системы, гордящейся слепотой невидимой руки.

Но их слабость, как и слабость большей части современной антикапиталистической литературы (например, текстов Дэвида Кортена, Уэнделла Берри, Алэна Липица или Майкла Альберта), в том, что они почти не объясняют, как их фантазии могут быть реализованы и как будут побеждены прочно утвердившиеся группы интересов. В таких книгах, как «Взгляд назад» и «Вести ниоткуда», утопии насаждаются властью примера, другие копируют то, что уже хорошо работает. В реальности изменения никогда не бывают настолько простыми. В результате эти фантазии парят в воздухе — привлекательные, самодостаточные, но без каких бы то ни было шансов на осуществление. Иногда они вдохновляют на конкретные поступки: так, в одном месте появляется программа по раздаче еды, в другом — органическая ферма, в третьем — сетевой кооператив, и в этом отношении они приближаются к современным аналогам Уильяма Морриса и других авторов, сочетавших утопическое мышление с практическим действием в малых масштабах. Но эти фантазии остаются маргинальными, находя скромные ниши в рыночной экономике, но не развиваясь до уровня настоящей угрозы капитализму. Им дана свобода быть кротами, рыть свои собственные ходы, но без власти формировать само поле.

Вероятно, подобное бессилие также определяется тем парадоксом, что все утопии — это личные фантазии, стремящиеся стать коллективными. Объединяющие их элементы — желание, чтобы все были сыты, имели жилье, были счастливы и свободны — это самые банальные желания, тогда как наиболее интересные и специфические их составляющие могут, напротив, именно смутить читателя. Каждая утопия должна создать публику, необходимую для ее создания, но когда такая публика будет создана, нет гарантии, что она выберет положенную утопию.

Как же тогда быть с утопиями и с их применением для осмысления мира после капитализма? Сам акт воображения, частью которого они являются, полезен: он предупреждает об опасностях постоянства, иллюзии застывания, которую создают все институты с их большими зданиями, уставами и ритуалами, кажущимися не подвластными времени. Священник и палеонтолог Пьер Тейяр де Шарден был прав, сказав, что «утопии... хотя и могут полетом своей фантазии вызвать у нас улыбку... наделены пониманием истинного величия человечества как особого феномена». Нам нужно напоминать о наших собственных надеждах, равно как и о пластичности нашего мира. Корень мудрости — неопределенность (вот почему святую Терезу канонизировали за ее сомнение). С психологической точки зрения легко попасть в сети неумолимых фаталистических сил, страха перед экологической или ядерной катастрофой, веры в то, что мы заложники рынка, которому не можем сопротивляться, потому что такова наша природа — стать заложником пессимистической уверенности в том, что любые попытки добиться прогресса обречены. Мы должны оберегать ту пластичность, которая возможна благодаря утопическому мышлению, и для поколения, воспитанного на компьютерных программах и играх вроде *Sim City*, где миры можно в буквальном смысле изобретать и перепрограммировать, она может оказаться более естественной.

Модерн позволяет воображать новые миры во всей их полноте: другие планеты с жизненными формами, основанными не на углероде, или смоделированные виртуальные миры, подчиняющиеся особым правилам порождения. На более повседневном уровне представление о возможных мирах открывает новые пути для мышления. Так, напри-

мер, разработка рабочего места или города без использования текста или письма привлекает внимание к визуальному языку, который может оказаться полезным для новых мигрантов или детей с ограниченной способностью к обучению. Изобретение города, в котором нет места для машин, может открыть новые пути для архитектурной мысли. Разработка целой образовательной программы на основе игр может дать совершенно новые представления о мотивации и обучении. Важно, чтобы экстремизм возможных миров приносил пользу, подпитываясь более прозаическими и постепенно складывающимися мирами повседневной практики. Физик Вольфганг Паули однажды сказал об одной слабой теории, что «она настолько плоха, что даже не является ложной», имея в виду то, что она определена столь неточно, что даже нельзя установить, истинная она или ложная. Хорошие теории не всегда правы, но они могут оказаться полезными. Утопии обычно ошибочны, но полезны своими ошибками.

Мышление с наибольшими провидческими способностями складывается там, где поэзия совпадает с прозой, красота идей — с их реализмом. Британский музыкант и композитор Брайен Ино достаточно верно написал, что «мы чувствуем сродство не только с прошлым, но и с будущим, которые не материализовались, и с другими вариантами настоящего, как мы подозреваем, параллельными тому, в котором мы согласились жить». В лучшем случае мы обращаемся к утопиям, чтобы они сделали то, что должны делать любые размышления о будущем, то есть «будоражить настоящее».

Но утопии сами по себе не являются хорошими инструментами для преобразования систем. Для этого они слишком чистые и, как правило, слишком завершенные. Лучшие человеческие творения рождаются и развиваются. Основной урок городского планирования состоит в том, что чем полнее сформированы планы для нового сообщества или жилого комплекса, чем подробнее спецификации и архитектурные образы, тем меньше вероятность, что сообщество добьется успеха. Эффективнее всего работают планы с пробелами, потому что они оставляют больше простора жителям для их завершения.

То же самое относится и к целым обществам. Критика, с которой два столетия назад выступил Сен-Симон,

по-прежнему в силе. Без ощущения динамики системы невозможно придумать или даже представиться себе то, что может возникнуть после. Многие здоровые изменения эволюционны и оставляют место для проб и ошибок. Нам нужны не утопии, то есть фантазии о «не-месте» (точное значение слова «утопия» в древнегреческом языке), а неотопии, новые места, эмбрионы будущего, готовые расти и приспосабливаться. Сначала, однако, мы должны понять динамику изменения, контексты, внутри которых мы действуем, изменяя или укрепляя системы.

Природа изменений:

как наша система становится иной

Буддизм был первой крупной системой мышления, признавшей текучесть и непостоянство вещей. Будда предупреждал об опасности чрезмерной привязанности, обреченной на разочарование и страдание. Он не видел внутренней ценности в постоянных переменах: просто так устроен мир.

Капитализм — само воплощение изменения и первая система, выступающая за перманентную революцию и приветствующая мысль, что «все застойное и косное исчезает» (нужно отдать должное Карлу Марксу за выявление этого определяющего качества капитализма, но многие другие удачно присвоили эту гипотезу и свыклись с нею). Постоянные поиски ценности требуют разрушения старого, безжалостной бесчувственности, необходимой, чтобы закрывать и останавливать все непродуктивное, а также культивирования жадного стремления находить новые вещи или идеи, которые могли бы создавать ценность.

Однако, хотя капитализм и развивавшаяся вокруг него экономика зациклены на ценности, им недостает теории, которая объяснила бы, как должен меняться он сам. Есть множество теорий относительно того, как традиционное общество могло стать капиталистическим или как можно ввести свободный рынок в коммунистической экономике, но экономическая наука не в состоянии объяснить, что может возникнуть после этого.

Это величайший парадокс интеллектуальной жизни капитализма. Его теоретики могут долго и увлекательно рассказывать о том, как изменение может произойти внутри рыночной экономики, когда поднимаются и падают фирмы, как рождаются и умирают технологии и системы производства. Если экстраполировать нынешние тенденции, нетруд-

но показать, что глобальная экономика в 2050 г. утроится, уровень жизни в Китае почти приблизится к Соединенным Штатам, а запасы капитала у него будут даже больше. Авторы более изощренных прогнозов также могут указать на менее очевидную динамику и закономерности, например, показав, что на ранних стадиях развития энергоэффективность падает, чтобы затем снова вырасти, или что рабочая сила в Китае (и, вероятно, его темпы роста) упадут после 2020 г.

Но теоретики капитализма и экономическая наука почти не умеют описывать капитализм как живую систему, объяснять то, как он может переживать нелинейные изменения. Его защитники предполагали, что он является конечной точкой эволюции. Единственным будущим, которое они могли себе представить, был более широкий и глубокий капитализм, то, что Фридрих Хайек называл «каталаксией», то есть полностью рыночная экономика, общество, где все превращено в товар, которым можно торговать.

Таким образом, понимание долгосрочной динамики было оставлено на долю критиков. Они приняли вызов с энтузиазмом и, проявляя немалую фантазию, стали рассказывать о многочисленных лопатах, которыми капитализм выроет себе могилу. Либералы (и в XIX в., и сегодня) склонны были считать, что мировая история состоит лишь из двух этапов: первобытного и прогрессивного, при этом последний характеризуется постоянно расширяющейся свободой при представительской демократии и расширением рынков. Радикалы, напротив, были склонны считать, что история состоит из трех этапов. Два из них были те же, что у либералов. Но всегда постулировался еще и третий этап, представлявший собой дальнейшее движение в сторону социализма, коммунизма или исчезновения государства. Считалось, что три этапа естественным путем вытекают один из другого, по аналогии с ростом человеческого тела и предсказуемыми стадиями органического развития. Подразумевалось (по крайней мере, в более жесткой трактовке, которую избрал Маркс), что у людей нет другого выбора, кроме как быть наблюдателями этих великих изменений: «Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет»¹, —

1. Letter from Marx to Pavel Vasilyevich Annenkov, 1846 // *Marx/Engels Collected Works*, volume 38 (New York: International Publishers, 1975), 95; Маркс К.

писал он. Они могут выбрать ускорение процесса перехода от одной стадии к другой, но не могут заставить историю свернуть с predeterminedного ей пути.

В классическом марксистском изложении решающая роль отводилась технологии. Ей суждено было стать двигателем перемен, приняв революционный характер благодаря противоречиям, которые должны были возникнуть между силами производства, технологиями, используемыми на заводах, и производственными отношениями, которые управляли властными отношениями владельцев заводов и рабочих. Технологические изменения будут постоянно повышать производительность рабочих, но производственные отношения гарантируют собственникам львиную долю прибыли, делая пролетариат еще более нищим и несчастным, пока ему не представится возможность взбунтоваться. В пересмотренных теориях XX в. решающим фактором становится усиление (а в некоторых описаниях и пролетаризация) работников, связанных со знанием. В обоих случаях капитализм сам породит своих могильщиков.

Кризисы будут повергать систему в хаос, а затем устанавливать новый порядок. Маркс предсказывал падение нормы прибыли, которая ввергнет капитализм в еще более тяжелый кризис. Он станет жертвой перепроизводства, его склады будут завалены нераспроданным товаром (и только полвека спустя капитализм действительно испытал страшный кризис перепроизводства, известный как Великая депрессия). Его идеал конкуренции уступит место обширным монополиям: опять-таки сбывшееся предсказание, которое нашло свое воплощение в таких фигурах, как Джон Рокфеллер, лоббировавший устранение «расточительной конкуренции» (хотя в то время антимонопольное законодательство уверенно сдерживало эксцессы монополий). Финансовый капитал поссорится с промышленным. Неравенство усилится (и снова все так и случилось, когда соотношение доходов между 20% самых богатых и 20% самых бедных выросло от 5:1 до 75:1). «Резервная армия» безработных, людей, которых не допускали к труду, чтобы «поощ-

Письмо П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 401.

рять остальных», сохраняя давление на заработную плату и условия труда, еще больше обозлилась.

В сравнении с другими прогнозами, которые, в общем-то, представляют собой не слишком высокую планку, прогнозы Маркса были не такими уж неточными. Но он неверно истолковал способность капитализма отвечать на угрозы и давление, как и то, насколько успешно он может способствовать расширению благосостояния, а также его росту. То, что такое распределение благосостояния было зачастую навязано ему бастующими рабочими или реформистскими правительствами, — один из парадоксов истории. Если бы капитализм был предоставлен самим капиталистам, от него, вероятно, не осталось бы и следа. Вместо этого капиталистов силой заставили заняться спасением самих себя.

Не утратили актуальности и многие глубинные составляющие марксовского описания перемен. Он указывал на то, что капитализм будет меняться именно из-за особой смеси прогрессивной власти и жестокости. Последняя приведет к столь сильному отчуждению рабочих, настолько лишит их идентичности и привязанностей, что они в конечном счете откроют и воплотят «истинную человечность через исторически навязанную социальную наготу»².

Вместо этого рабочие не только нашли идентичность, но и получили разумные зарплаты, а также право голоса и уважение. В результате марксизм был оттеснен на периферию, к протестным партиям или в умиротворенные академические дискуссии теоретического марксизма, слившегося с абстракциями теории литературы, став, как выразился философ Жак Деррида, призраком. Ведущие марксистские страны мира, Китай и Россия, стали завзятыми государственными капиталистами, отчасти потому, что сам марксизм породил такие мрачные отражения реальных рынков, как система блата в СССР³.

2. Эти слова о Марксе написал Эрнст Геллнер в предисловии к работе «Понятие национализма»: «Introduction» // *Notions of Nationalism*, ed. S. Perival (Budapest: Central European University Press, 1995).

3. Блат буквально означает протекцию: в теневой системе все обменивались друг с другом услугами («не иметь блата — это как не иметь гражданских прав, то же самое, что быть лишенным всех ваших прав»). Цит. по: G. Mak, *In Europe: Travels through the Twentieth Century* (UK: Harvill Secker, 2007), 450.

Динамическая нестабильность

Однако марксистский метод определения динамических нестабильностей, противоречий и конфликтов остается мощным инструментом для понимания изменений. Мы не можем подступить к идее мира после капитализма или даже эволюционировавшего капитализма, если сначала не укажем места, в которых общества и экономики проверяются на прочность, переживают травму или разрушаются.

Еще один фактор — демография. Согласно некоторым подходам, капиталистическая меритократия приведет к неуклонному ослаблению стимулов иметь детей, жертвуя доходом и удовольствием ради непрерывного труда семейной жизни. Отсюда резкое сокращение рождаемости по всей Европе и среди белых американцев, оказавшейся на уровне, который уже нельзя компенсировать. Также имеются ясные данные, указывающие на то, что темпы роста глобальной экономики снижаются с той же скоростью, что и число детей. Сокращение числа детей с пяти до двух, на которое в Великобритании ушло 130 лет (1800–1930 гг.), в Южной Корее произошло за 20 (1965–1985 гг.), а в других местах может пройти еще быстрее (в Иране количество детей в семье упало с 7 в 1984 г. до 1,5 в 2010 г.).

В какой-то момент соответствующий демографический дисбаланс угрожает подорвать договор между поколениями, от которого зависит любое общество или экономика, поскольку растущая группа пожилых людей будет требовать все больше от сокращающейся группы трудящейся молодежи. Этот спор снова возвращает нас к лакмусовой бумажке ответственности — к нормам сбережений. То, что эта норма упала почти до нуля, тогда как, для того чтобы справиться со старением, она должна приближаться к 30%, — яркий симптом капитализма, потерявшего способность защищать свое собственное будущее. По иронии судьбы Китай, несмотря на высокую норму сбережений, возможно, находится в еще большей опасности, поскольку политика одного ребенка превращает страну из молодой в старую быстрее, чем когда-либо прежде в человеческой истории. Политика одного ребенка могла гарантировать более сильную родительскую привязанность к ребенку, но в определенном смысле она по-

рождает обратный результат, когда сегодня молодые китайцы оказываются перед перспективой содержать не только двух своих родителей, но еще бабушку и дедушку.

Согласно уточненным прогнозам ООН 2008 г., темпы роста населения сокращаются и в конечном счете станут отрицательной величиной⁴, как это уже произошло в Японии и некоторых других странах. В этом случае население планеты вскоре начнет сокращаться⁵, радикально обратив вспять несколько столетий роста, так что, по основным прогнозам, в 2100 г. население планеты вернется к цифре менее 6 миллиардов. Никто не может с уверенностью сказать, как будет выглядеть экономика после долгого периода снижения численности населения, но есть все основания ожидать, что она будет стремиться избегать конфликтов, обид и давления, ищущая капитал, а не наращивая его.

Еще одно течение в критике подчеркивало уязвимость капитализма перед успехом. Невероятный рост производительности в промышленном производстве странным образом приводил к сокращению его доли в ВВП. Чем успешнее та или иная отрасль, тем меньше ее видно, по крайней мере с точки зрения статистики. Сектор, основанный на технологиях, цена которых каждый год сокращается в 2 раза, должна будет удвоить свои рынки, чтобы не потерять отвоеванное. Экономика, в которой полно вещей, удивительным образом понизила статус их производителей. Япония и Германия по-прежнему имеют производственные отрасли, которые составляют одну пятую их экономики. Но они являются исключениями среди развитых экономик. В большинстве из них производство сократилось, до 13% ВВП в Великобритании (по сравнению с 35% в 1960 г.), чуть опережающей Францию и Соединенные Штаты с их 12%. В результате подъема продуктивности в производственном секторе (при помощи аутсорсинга) экономики стали еще больше зависеть от сферы услуг, ко-

4. United Nations, *World Population Prospects: The 2008 Revision, Population Database*, New York: United Nations, 2009, available at <http://esa.un.org/unpp/>.

5. В основном это происходит в развивающихся странах, где, как и в развитых государствах, рождаемость предположительно падала в результате роста благосостояния, а также эмансипации женщин и получения ими социальной защиты.

торые по природе своей растут медленнее. В ней тоже бывают скачки продуктивности, а крупные инвестиции в телекоммуникации и логистику в 1990-х гг. привели к скачку продуктивности в розничной торговле (примером чего может быть *Walmart*)⁶ и в банковском деле (замена филиалов банкоматами). Но большая часть экономики услуг едва ли когда-нибудь сможет добиться радикальных прибылей, вроде тех, что были получены в информационной технологии и в промышленном производстве. Отсюда аргумент — в долгосрочной перспективе темпы роста обречены снижаться, и чем быстрее капитализм развивается, тем быстрее он отрезает свои собственные источники роста⁷.

Всему этому соответствует слабость в сфере потребления. Капитализм добился невероятных успехов в удовлетворении по крайней мере некоторых материальных нужд. В развитых экономиках голодающих и бездомных немного. Материальное изобилие и избыток стали проблемами: ожирение, алкоголизм, азартные игры и наркотическая зависимость — пороки процветания (хотя они обычно сильнее бьют по относительно бедным). Успешно удовлетворив материальные нужды людей, капитализм окажется в опасности, если затем они потеряют интерес к тяжелому труду и зарабатыванию денег, а вместо этого перейдут на консультационную работу в стиле нью-эйджа, пропуск лет в трудовом стаже в середине жизни и трехдневные выходные. Если люди пожертвуют деньгами ради времени, работой ради досуга, источники жизнеспособности системы иссякнут. Что может значить промышленная цивилизация без промышленности?

6. Одно время в 2000-х гг. было принято считать, что в значительной мере американское чудо продуктивности конца 1990-х можно связать с *Walmart*. К такому заключению пришла серия исследований, организованных *Goldman Sachs*. Последующие более детальные исследования показали, что большая часть изменений приходится на долю мелкой розничной торговли, в которой использовались те же методы, хотя более общая идея резкого роста продуктивности в сфере услуг сомнения не вызывает. Jack Triplett and Barry Bosworth, *Productivity in the US Services Sector: New Sources of Growth* (Washington, DC: Brookings Institution Press, 2003).

7. Вариант этого довода можно найти в работе: Tyler Cowen, *The Great Stagnation* (New York: Dutton Books, 2011), где утверждается, что все «легкодоступные плоды» современной индустрии уже «пожаты».

Еще в 1930 г. Джон Мейнард Кейнс рассмотрел эту возможность и предсказал следующее:

Я утверждаю, что при отсутствии больших войн и значительного роста населения экономическая проблема будет решена или по крайней мере близка к решению в течение ближайших ста лет. Это означает, что экономическая проблема не является — если мы бросим взгляд в будущее — неотъемлемой проблемой человечества⁸.

Экономическая проблема, которую он имел в виду, — это проблема материального удовлетворения; она и в самом деле была решена в большей части мира, где сейчас нет недостатка в пище, жилье и энергии для всех. Постоянная проблема — это вопрос о том, как жить, как наилучшим образом распорядиться дефицитным временем.

Это парадокс наиболее оптимистичных описаний будущего капитализма. Мейнстримные прогнозы предсказывают, что за следующие 40 лет доход Китая вырастет в 10 раз и даже в США и Европе доход на душу населения удвоится. Если это правильные прогнозы, актуальное сопротивление пресыщению и излишествам проявится еще ярче. Медленная еда, добровольная простота и органический образ жизни распространились от состоятельных меньшинств на более широкие слои населения, и уже есть признаки реакции против излишеств консюмеризма в Китае (подобно тому, как они появились в Японии у поколения большого послевоенного подъема). На это противоречие капитализм может ответить только истеричным инвестированием в создание новых нужд, подстегиваемых тревогами по поводу статуса, красоты или массы тела, что приведет к извращенному результату, делающему развитый капитализм более нездоровым в психологическом плане, чем его более бедные варианты. Опять-таки, поддержание такой стратегии выживания может стать слишком затратным, лекарство может оказаться хуже самой болезни.

Все описания саморазрушительных тенденций капитализма меркнут перед экологической критикой. Многие цивилизации прошлого — от первых городов Месопотамии

8. John Maynard Keynes, «Possibilities for our Grandchildren», // *Essays in Persuasion* (New York: Norton, 1963); Кейнс Д. М. Экономические возможности наших внуков // *Вопросы экономики*. 2009. № 6. С. 64.

до городов майя — разрушали окружающую среду, от которой зависели. Порой это происходит так медленно, что люди едва замечают, что им приходится все дальше ходить за пищей и водой. Поскольку они узники собственных ошибочных представлений, им трудно диагностировать свои проблемы, тем более что-то с ними сделать. А потом, когда будет уже слишком поздно, экологическая катастрофа наложится на какой-нибудь конфликт и поставит некогда гордую цивилизацию на грань выживания. Цивилизация майя, например, как сегодня считают, пала под действием ряда факторов, среди которых — перенаселенность, засуха и социальный конфликт.

В современных версиях этой истории свою роль играет и слепота: коммунизм пал, потому что не позволял ценам сказать экономическую правду, а капитализм падет, потому что не даст ценам сказать экологическую правду. Это сложная правда, потому что интенсивность углеводородных выбросов в мире снижается на 0,7% в год. Но если население растет примерно теми же темпами, а часто наблюдается и резкий рост ВВП, итоговый эффект — ускоренное истощение окружающей среды. «Всемирная сеть экологического следа», опираясь на работы Стокгольмского института окружающей среды, утверждает, что сейчас мы используем эквивалент 1,5 планеты. Возможно, мы обречены подобно нашим предшественникам, потому что наши институты, обладая когнитивной способностью понимать происходящее, не имеют возможности что-либо изменить, тогда как институтам, которые могут что-то изменить, не хватает когнитивных способностей, чтобы найти выход. Предшествующее поколение экологических критиков попало впросак: когда Римский клуб опубликовал свою знаменитую книгу «Пределы роста» (1972), утверждая, что мир скоро истощит все ресурсы, его критики показали, что он сильно недооценил влияние технологий и инноваций. Затем критики были реабилитированы, а экологический пессимизм преодолен. Но капитализм не сможет всегда, как Гудини, ускользать из ловушек, в которые он сам себя загоняет.

В этой динамике почти всегда повторяется то, с чем мы знакомы по миру природы. Эволюция может стать движущей силой гонки вооружений между хищниками и добычей. Но вскоре хищники приобретают тенденцию к само-

уничтожению. Если волки съедают слишком много овец, они останутся голодными, когда поголовье овец сократится (явление, математически выраженное в уравнениях Лотки–Вольтерра)⁹. Крупные хищники оказываются особо уязвимыми из-за исчезновения относительно крупной добычи (а как только снизится число хищников, «пищевой каскад» прокатится по всей экосистеме).

Сменяющие друг друга кризисы капитализма интерпретировались как кризисы сверхэксплуатации: слишком интенсивное использование пахотной земли ведет к песчаным бурям; слишком сильная эксплуатация рабочих — к бунтам; а слишком сильный упадок природы в конечном счете разрушает биосферу, от которой зависят наши жизни.

Однако, возможно, не слабее экологических аргументов и утверждения, что капитализм обречен на крах или распад также и в культурном отношении. Поколение назад американский социолог Дэниел Белл написал один из лучших и наиболее оригинальных диалектических анализов, по духу отвечавших методу Маркса. По мнению Белла, особенно выделяются «культурные противоречия капитализма»¹⁰. Капитализм опирается, утверждал он, на фундамент морального долга и на обязательства, которые он совсем не поддерживал. Он требует от людей, чтобы они много трудились, шли на жертвы, откладывали удовлетворение желаний и сберегали деньги, даже если не дождутся от этого выгоды. Но культура современного капитализма склонна разрушать именно эти традиционные нормы. Поощряя непрекращающееся внимание к собственному интересу, поддерживая стяжательство как суть человеческой природы и утверждая, что потребление отныне — самая надежная дорога к счастью, капитализм подорвал готовность тяжело трудиться, завещать наследство детям или избегать чрезмерного гедонизма, хотя все это были источники капиталистического успеха. Корпорация зависела от тяжелого труда и отложенного удовлетворения — армии людей, готовых мириться с тем, чтобы каждый день тянуть лямку в надежде

9. Более широкий обзор см. в: P. Barbosa and I. Castellanos, eds., *Ecology of Predator-Prey Interactions* (New York: Oxford University Press, 2004).

10. Daniel Bell, *The Cultural Contradictions of Capitalism* (New York: Basic Books, 1976).

на будущую награду, которые испытывали ощущение комфорта от стабильности и от порядка больших структур, дававших им крупицы уважения. Но капитализм ознаменовал начало культуры, которая ценила вечное сейчас — удовольствие и путь наименьшего сопротивления. Индивидуализм входил в противоречие с ответственностью, а демократия еще больше все усугубляла, поощряя нездоровое распространение ощущения, будто людям полагается благосостояние, а платить за него необязательно.

Дэниэл Белл имел в виду контркультуру 1960–1970-х гг., которую он считал безвкусной. Дети людей из корпораций 1950-х пристрастились к наркотиками, свободной любви и рок-музыке, а порой начинали заниматься нарциссическими поисками самих себя, благодаря которым надеялись обрести смысл (а вместо этого часто находили собственную весьма разочаровывающую личность). Во Франции в тот же период лидеры бизнеса и комментаторы были обеспокоены новой «аллергией на труд», которой оказалась поражена огромная часть молодежи. Через несколько лет после появления работы Белла еще более ярким примером стала Япония 1990-х гг.: подростки-лентяи преспокойно отвергли лояльную трудовую этику своих родителей, которая внесла такой большой вклад в создание экономического чуда. Они предпочли секулярный гедонизм манги и кроссовок, *Walkman*, а позднее *iPod*. Их стали называть «shin jin gui» — новой породой людей. Несколько иначе позднейшие поколения в Соединенных Штатах также подтвердили взгляды Белла — в поведении не столько хиппи, сколько среднего класса. В период 1950–1990-х гг. норма личных сбережений составляла в среднем 10,5%, а самым низким уровнем был 7,5%. Осмотрительность и ответственность означали жизнь по средствам и откладывание денег для ухода на пенсию или на обучение детей в колледже. Но к 2006 г. чистая норма сбережений стала отрицательной¹¹, что указывает на раздутые кредиты и на то, что население больше не способно контролировать свои траты.

Белл, однако, не исследовал некоторые из самых важных культурных противоречий капитализма. Снова и снова

11. По данным Министерства торговли США.

на протяжении всего прошлого столетия мощнейшие экономические институты высказывали беспокойство по поводу того, что вследствие процветания самые способные и образованные дезертировали, отвергали капиталистический труд ради занятий искусством или работы в государственном секторе или же полностью уходили с рынка из-за неловкости и стыда, которые вызвали у них роли, предлагаемые им этим рынком. В прошлые века аристократы считали торговлю и производство недостойным занятием, несовместимым с достоинством и самоуважением, но здесь к подобным выводам пришли сливки современной меритократии. Тревога достигла своего пика в 1960-х гг., когда Марвин Боуер, директор *McKinsey* и президент Гарвардской школы бизнеса, высказал мнение многих, пожаловавшись на «слабую привлекательность бизнеса для элит»¹².

Когда по западному миру прокатились стихийные забастовки, каждый смог увидеть бунтующих рабочих производственных линий, сравнив идеологию свободы в потреблении с реальностью подчинения на работе. Но их гнев гораздо больше, чем в предшествующие эпохи, находил отклик у их менеджеров, воспитанных на культуре грубова-того равенства, в которой демократия и самоопределение рассматривались как самоочевидные блага. Но внутри компании им полагалось вести себя деспотически. Капитализму снова не хватало логики.

Оглядываясь назад, интересно понять, что произошло. В некоторых случаях более жесткая рыночная дисциплина положила конец жалобам. Рабочим был дан выбор между тем, чтобы, наступив на горло собственной песне, вернуться к работе, и тем, чтобы присоединиться к очередям безработных, которые в 1970-х гг. стали длиннее. Бунт был непозволительной роскошью, когда, как сказал, по слухам, Фидель Кастро, единственное, что было хуже эксплуатации многонациональным капитализмом, так это отсутствие эксплуатации многонациональным капитализмом. Большая часть физического труда стала жестко контролироваться, проверяться и оговариваться, чему очень помогло новое поколе-

12. Цит. по: Luc Boltanski and Eve Chiapello, *The New Spirit of Capitalism* (London: Verso, 2007); Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

ние технологий, которые могли тщательно отслеживать производительность в реальном времени. Но на верхнем уровне рынка труда бизнес дал совершенно иной ответ. Элитным работникам когнитивного труда те же самые технологии предложили перспективу увеличения автономности и креативности. Реальность повседневной жизни в большом бизнесе могла оставаться такой же иерархической и бюрократической, как и раньше, но теперь по крайней мере существовала официальная вера, которую проповедовали фигуры вроде бизнес-автора Тома Петерса, изображавшие мир жизнерадостного освобождения, в котором индивид может безраздельно властвовать, находя полное выражение своим страстям. Жалобы предшествующих поколений несогласных абсорбировались и встраивались в новый гибрид, в котором изменение, текучесть и даже отсутствие гарантий считались достоинствами, все больше акцентировались внутренние, а не внешние мотивации труда¹³ вслед за предшествующим поколением психологов, работавших над тем, чтобы очеловечить рабочее место на заводе и в офисе¹⁴.

Согласно Беллу, моральное основание капитализму и большую часть мотивов, заставлявших тяжело трудиться и тянуть лямку в заводском цеху, страдать от корпоративной бюрократии и карьерных разочарований, давала религия. Но порой религия могла играть за обе стороны культурных противоречий. Экономическая система, уходившая корнями в тяжкий труд кальвинизма, рисковала в итоге остаться с идеалами консультантов по мотивации, дневного телевидения и церковных мегапастырей, ведь многие из этих бестселлеров из разряда «помоги себе сам» проповедовали привлекательную идею: вы можете получить все что угодно, если будете твердо верить и отрешитесь от любых сомнений. Визуализация возможностей ведет к их осуществлению и делает вас богатым. Самые радикальные проводники позитивного мышления брали элементы истины — например, то, что люди с оптимистическим складом характера

13. Работа Люка Болтански о новом духе капитализма детально показывает, как менеджерский язык ответил идеей нового духа на кризисы 1960–1970-х гг.

14. См.: Loren Baritz, *The Servants of Power: A History of the Use of Social Science in American Industry* (New York: Wiley, 1960).

добиваются большего, чем пессимисты, — и превращали их в культы, в которых ни в коем случае нельзя сомневаться. Такие индустрии фанатичной позитивности имеют странный побочный эффект, поскольку подразумевают, что любая неудача — вина индивида, результат недостатка веры. Но кроме этого они разрушают мотивацию, позволяющую не отступаться от тяжелого труда, который обычно является предпосылкой успеха в жизни или в работе.

Эта позитивность имеет особенно интригующее значение для капитализма. Капитализм по природе своей оптимистичен. Он обусловлен готовностью инвесторов вкладываться в вещи, которые будут работать, и миллионами вкладчиков, доверяющих незнакомцам больше, чем своим матрасам. Каждое крупное бизнес-предприятие и каждая новая технология зависят от «прыжка веры». По определению, не может быть полной уверенности в том, что что-то радикально новое добьется успеха. И поэтому капитализм институционализирует дух авантюризма, отправляясь на поиски новых земель, завоеваний и спрятанных богатств и восхищаясь теми, кому удастся их найти. Он добивается успеха, когда бьющий через край оптимизм преодолевает робкую осторожность. А когда оптимизм рассеивается, экономика застывает. Банкиры учатся говорить «нет». Капиталистический оптимизм — полная противоположность осторожности и трезвости. Есть опасность, что со временем он, подкрепившись массовой культурой, ослабит осторожность и трезвость, укорененные в повседневных добродетелях семьи.

Подобные культуры могут двигаться циклично — с периодами роскоши и лени, сменяемыми периодами, когда ценятся простота, подлинность и настоящая жизнь. Как выразился Джордж Оруэлл, мы стремимся избегать легкости, которой жаждем. Какая-то часть нас самих испытывает дискомфорт от комфорта, вероятно отбрасывая нас назад в те времена, когда избыточная легкость могла заставить нас потерять бдительность и пасть жертвой саблезубого тигра.

Многие циклические закономерности такого типа накладываются на более линейные закономерности экономического роста и технологического прогресса. Для наших целей, возможно, особенно важны те, что касаются творчества и хищничества. Им посвящено не так много теорий, но наблюдались они часто. Циклы креативности, по-видимому,

следуют вполне четкой закономерности. Они обычно включают в себя первую фазу открытости и возможностей, когда новые идеи переживают расцвет и всеми приветствуются. За этим следует этап рутинизации, на котором новые идеи осуществляются на практике и институционализируются. Через некоторое время начинается фаза разложения и стагнации. Наконец, после кризиса или потрясения система возвращается к открытости. Такой паттерн можно, например, найти в теории «продуктивных жизненных циклов»¹⁵. Связанная с этим модель встречается в работах К. С. Холинга, первопроходца исследований жизнестойкости. В экологических системах периоды внешней оптимизации (когда все находит свою нишу) обычно бывают неустойчивыми и сменяются периодами творческого разрушения с выделением лишней энергии, которые создают возможности для хищников и паразитов, а потом возвращаются к порядку.

Эти циклы созидания пересекаются с циклами хищничества. Экспансивная культура творческих периодов открывает больше возможностей для хищников, когда ограничения снимаются, что поддерживается духом либерализации и свободы. Но хищники часто заходят слишком далеко и считаются виноватыми, когда начинается кризис. Перусердствовав, они уничтожают свою добычу и в итоге вредят самим себе. Меры, принимаемые под давлением кризиса, обычно сдерживают их правилами и ограничениями. Эти закономерности много раз описывались и моделировались в мире природы, но их можно найти также и в истории. Многие историки выявляли разные циклы: когда государства слишком усердствуют и вводят слишком высокие налоги, подталкивая тем самым население к бунтам; когда элиты забирают слишком много, пока что-нибудь не дает сбой; когда крестьяне слишком интенсивно возделывают землю и в итоге получают пыльные бури.

В следующей главе я рассматриваю, как циклы созидания и хищничества могут пересекаться. Но сначала я обращаюсь к более обширному аппарату для осмысления перемен, в который могут быть вписаны и те и другие.

15. James Utterback and W.J. Abernathy, «A Dynamic Model of Product and Process Innovation», *Omega* 3, no. 6 (1975): 636–656.

Как изменить систему

В трилогии Тома Стоппарда «Берег утопии» Герцен советует своему сыну и публике плыть к берегу утопии, но не воображать, что можно найти истинный рай на земле. Я указал некоторые изобретательные утопии и идеи, которые могли стать альтернативой капитализму.

Я также описал некоторые из динамических особенностей капиталистических систем, которые постоянно вносят в них дисбаланс. Но могут ли эти свойства сложиться друг с другом, чтобы вызвать изменение в системе или изменение самой системы? Что заставляет все общество, а не только тех, кто находится в зонах эксперимента, решать, что ему следует двигаться дальше? Как побеждают разного рода хищников?

Такого рода перемены редки, но известны. Мы сразу же можем вспомнить переходы к демократии, от рыночной экономики к коммунизму, а затем от коммунизма в рыночной экономике. В каждом случае и хищнические элиты, и хищнические системы переживали трансформацию, а изменения сопровождалось очень яркими событиями: огромными толпами, собиравшимися на городских площадях; грандиозными речами, встречаемыми радостными эмоциями и страхом; водоворотом, который делал неизвестных людей знаменитостями, а знаменитостей повергал в забвение. Иные изменения осуществлялись постепенно: создание государств всеобщего благосостояния, обобществление здравоохранения, консюмеризм, приватизация и дерегуляция. А третьи все еще остаются частичными и потенциальными — например, переход к экономике замкнутого цикла.

Существует немало работ, посвященных тому, как происходят изменения, и многие пытались создать единую «теорию изменений». Есть веские причины того, почему мы хотим это знать. Без теории изменения наши усилия улучшить положение вещей могут оказаться тщетными — попытки изменить то, что изменить нельзя, сделать быстро то, что делается медленно, или, наоборот, сделать медленно то, что делается быстро, не могут не принести нам разочарование. Все хотели бы найти точку опоры, единый ключ к лю-

бым изменениям. Большинство работ, посвященных изменениям, любят фокусироваться на героическом лидере или какой-то панацее, из которых вытекает все остальное. Таким рычагом может быть технология (например, стремя или противозачаточная таблетка) или человек вроде Наполеона или Генри Форда. Но даже если подобные объяснения могут показаться убедительными, когда мы описываем изменения ретроспективно, они мало чем помогут тем, кто хочет добиться изменений. Как сказал Карл Поппер, «наиболее интересные аспекты исторического развития не повторяются... то, что мы можем предсказывать затмения, не дает оснований считать, что мы можем предсказывать революции»¹⁶.

И действительно, все попытки найти единую теорию изменений обречены на провал. Как показывают многие теории, описанные ранее в этой главе, изменения происходят разными путями в разных областях — от семей и потребления до правительств и технологий. Было бы удивительно, если бы у всех них была общая форма, тем более что люди учатся (по крайней мере, какое-то время — как сказал Гегель, «уроки истории заключаются в том, что люди ничего не извлекают из уроков истории»). Ритмы изменений очень разные, например, для медленно развивающихся, капиталоемких энергетических инфраструктур, политических конституций, сексуальных норм или моды. А поскольку изменения всегда предполагают конкуренцию и конфликт между новичками и ветеранами, а также между хищниками и добычей, то, что сработало в одной ситуации, может не сработать в другой.

То, что я здесь предлагаю, — не единая теория изменений. Это учитывающее множество различных аспектов описание, позволяющее нам лучше понять то, что придет после капитализма, которое я начинаю с двух простых вопросов: почему большую часть времени все остается без изменений и почему в какой-то момент вещи меняются?

16. Karl R. Popper, *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge* (London: Routledge, 1963), 341; Поппер К. *Предположения и опровержения. Рост научного знания*. М: АСТ, 2004. С. 564.

Четыре силы консерватизма

В большинстве систем изменения обычно скромные. При прочих равных условиях жизнь повторяется. В эволюции успешные мутации очень редки. Ритмы типичного дня, рутина сна, еды, путешествий или работы показывают, что для нас важны привычки, а дети наблюдают за повторением у родителей и копируют их. Люди креативны и любопытны, однако наше состояние по умолчанию — лень, и мы обычно ищем легких, а не тяжелых путей. Вот почему институты тоже строятся на повторениях и закономерностях, которые меняются через постепенное накопление: начальная школа, завод и магазин выживают, только адаптируясь, а не меняясь. Когда происходят изменения, мы обычно начинаем с отдельных шагов, а не с рывков. Инновации редко бывают радикальным «выходом за привычные рамки», хотя и могут казаться таковыми издали. Гораздо чаще они представляют собой сочетание накапливающихся мер.

Причиной являются не только недостаток воображения, лень или догма, хотя они тоже играют свою роль. Просто для инерции есть основания, которые должен понимать любой реформатор. Первая причина того, почему вещи стремятся не меняться и почему каждая хищническая система может сохраняться довольно долго, — это эффективность. Внутри системы, будь то индустрия, школа или город, со временем многие разрозненные элементы «оптимизировались» друг к другу: они притерлись и приспособились, подобно тому как люди прокладывают самые удобные тропинки через поля или парковки. Практические детали работы бизнеса, обучение профессиям и вознаграждения, которые эти профессии приносят, медленно меняющиеся формы организации семьи и миллион других способов формирования повседневной жизни — все это эволюционировало небольшими шажками, когда разные составляющие соединялись друг с другом. Это, безусловно, верно в отношении капитализма как формы жизни. Каждый из таких элементов, как идея личного кредита, массовая реклама, завод, представление о почасовой или годовой заработной плате, эволюционировал постепенно, прерывисто. Со временем люди все увереннее пользовались этими инструмен-

тами, но вместе с тем и сами инструменты становились все более полезными.

Любой новый подход, как бы хорошо он ни был проработан, может показаться совершенно неэффективным в сравнении с тонкими взаимосвязями наличной социальной или экономической системы. Когда в 1880-х гг. впервые появились автомобили, они были неэффективны почти по всем стандартам. Как способ передвижения из точки А в точку Б они были ненадежными и дорогими. В практическом контексте они оказывались еще более неэффективными — они совершенно противоречили экологии конюшен и лошадиных ярмарок, извозчиков и людей, вооруженных лопатами, чтобы убирать монументальные кучи лошадиного навоза. Только настойчивость изобретателей и автомобилистов, вдохновленных мечтой об автомобиле, помогла технологии продвинуться и достичь того состояния, когда она могла предложить эффективную альтернативу лошади и телеге.

Эти закономерности еще ярче проявляются в энергетике, жизненном токе промышленного капитализма. Энергетические системы медленно строятся и медленно меняются, потому что требуют соединения большого количества вещей. Нефтяная экономика нуждается не только в разведке нефтяных месторождений, нефтяных скважинах, перерабатывающих предприятиях и системах распределения, но и в машинах, работающих на нефти, и в навыках, позволяющих сделать работу нефти эффективной. Любая конкурирующая технология, сколь бы привлекательной она ни казалась, начинается с весьма ощутимых неудобств, потому что ей недостает этих дополняющих ее факторов.

Даже государственные сектора, крайне неэффективные во многих отношениях, выстраивают свою собственную логику: как военные базы в бывшем Советском Союзе, поддерживавшие местные экономики, или как обширные американские тюрьмы, построенные в 1980–1990-х гг. и делавшие то же самое. Чтобы та или иная система изменилась, требуется общее признание того, что она перестала быть эффективной и что все ее достоинства меркнут перед ее куда более значительными недостатками.

Вторая причина трудности перемен — влияние групп интересов. В любой успешной социальной или экономической системе большинство делают большие ставки на ста-

бильность. Хищники защищают свои привилегии, будучи искренне убеждены в том, что людям, за счет которых они живут, без них будет хуже (значительная доля верхнего 1% в любом обществе убеждена, что 99% извлекают выгоду из их успеха). Риски, связанные с изменениями, кажутся большими по сравнению с выгодами сохранения существующего порядка — и это в одинаковой степени относится как к фермерам, с тревогой вззирающим на новые способы ведения сельского хозяйства, так и к менеджерам, реагирующим на глобализацию, или государственным чиновникам, столкнувшимся с новой системой, при которой их труд будет оплачиваться в зависимости от качества. Многие инвестировали время и деньги в прошлые практики, от которых они не хотят отказываться или которые не хотят растаскивать по частям. В стабильных обществах самые острые конфликты заминали или улаживали при помощи компромиссов — еще одна причина бояться перемен, которые могут заставить их снова выйти наружу. Между тем группы интересов, являющиеся главными бенефициантами статус-кво, научились пользоваться системой в свое удовольствие и представлять себя незаменимыми. Капитализм смог закрепиться в обществах, когда уже сложившиеся мощные группы интересов увидели, что могут выиграть больше, чем проиграть, — например, когда землевладельцы XIX столетия стали производителями товаров или когда коммунистические чиновники конца XX в. поняли, что могут разбогатеть.

Третий фактор — это психика. Любая социальная система застывает в умах людей в форме допущений, ценностей и норм. Чем более эффективной кажется система, предоставляющая людям безопасность и процветание, которых они жаждут, тем сильнее укореняются ее характеристики и тем больше они становятся частью чувства идентичности этих людей¹⁷. Стабильность порождает инерцию, потому что кажется, что система указывает людям внутри нее, что делать и что считать правильным¹⁸. Как писал Йозеф Шумпетер,

17. Интересная недавняя книга, исследующая эту динамику: Michael Fairbanks and Stace Lindsay, *Plowing the Sea; Nurturing the Hidden Sources of Growth in the Developing World* (Boston: Harvard Business School, 1997).

18. См., например: Anne S. Huff and James O. Huff, *When Firms Change Direction* (Oxford: Oxford University Press, 2000).

«социальные структуры, социальные типы и взгляды, подобно монетам, не стираются быстро. Однажды возникнув, они могут существовать столетиями»¹⁹. Мы уже видели, как часто хищнические идеологии удерживались не только среди победителей, но и среди неудачников, соглашавшихся с тем, что нет ничего неестественного в том, что они бедны и беспомощны, тогда как другие — миллиардеры. Однако ментальности меняются, и одна из самых ярких историй индустриализации документально подтверждает, как они меняются, зачастую силой: чтобы люди сначала стали послушными и дисциплинированными работниками, а потом — активными потребителями. От них не отставали политики, поскольку задача правительства по большей части как раз и состоит в том, чтобы формировать мысли людей и их взгляды на то, что является благом и злом, законным и незаконным, справедливым и несправедливым, своим и чужим.

Четвертый фактор, препятствующий переменам, — отношения. Личные отношения между влиятельными людьми в системе создают дополнительный стабилизирующий фактор в форме социального капитала и взаимных обязательств. Реальные рыночные экономики приводят в действие сети связей и услуг, от гольф-клубов до саун, а также более явные взаимодействия. Точно так же работа правительства почти всегда основана на личных отношениях, которые могут оказаться важнее формальных организационных схем: эти сети услуг и долга могут быть крайне важны для обеспечения движения в стабильной системе, но они также, скорее всего, будут серьезно препятствовать радикальным переменам, которые приведут с собой новичков. Большинство предпочитает не раскачивать лодку и избегает репутации возмутителя спокойствия: если говорить то, что на самом деле думаешь, можно оказаться в социальной изоляции²⁰.

Все эти силы образуют огромные помехи для изменений, и всех их можно встретить в любой реальной капиталисти-

19. Joseph Schumpeter, *Capitalism, Socialism and Democracy* (London: Allen & Unwin, 1943); Шумпетер Й. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика, 1995. С. 44.

20. Любопытные наблюдения относительно этого феномена см. в: David Bohm, *On Dialogue* (London: Routledge, 2004).

ческой экономике. Несмотря на приверженность изменениям, которая вдохновляет предпринимательство, капиталистические экономики привязаны к стабильности. Они пытались оптимизировать организацию, к примеру, найма людей на работу или пенсионной системы в ходе длительного процесса взаимного приспособления. Мощные группы интересов консолидировали свои ставки в системе — и не только банкиры и другие получатели сверхприбылей, но и люди с пенсией или постоянной работой. Рынок стал попросту частью нашего образа мысли: само собой разумеется, что компания, терпящая убытки, должна уволить работников; само собой разумеется, что дороги в городе окружены рекламными щитами; естественно, что в вечерних новостях рассказывается, как изменился курс нашей национальной валюты, с точностью до долей процента. И личные отношения не дают рынкам распасться: как еще объяснить огромные инвестиции в конференции, общение лицом к лицу в мире, в котором технологии должны были бы сделать их устаревшими?

Вместе эти четыре силы объясняют, почему системы устроены так, как они устроены, и почему правила принимают такие формы, какие принимают. И поскольку идеи и интересы развиваются вместе, невозможно сказать, что правит миром: правят и те и другие, но только потому, что мобилизуют друг друга.

Магнетическая притягательность того, что есть, в противопоставлении тому, что может быть, помогает людям игнорировать или отвергать глубинные стратегические проблемы демографии, продуктивности или экологии. Как выразился немецкий философ Артур Шопенгауэр, новые истины поначалу игнорируют, затем оказывают им яростное сопротивление и только позднее начинают считать их самоочевидными. Действительно, изменения возможны, только когда люди меняются. (Пословица гласит: «Если не можешь изменить людей, поменяй людей».) Классический анализ изменений в науке, проведенный Томасом Куном и сделавшей более 40 лет назад популярной идею парадигмы, применим и к другим формам жизни. Кун показал, что даже во внешне рациональном мире науки лучшие теории не вытесняют худшие автоматически. Данных и фактов недостаточно. В самом деле, когда существующие теории терпят неудачу, есте-

ственная реакция — начать еще интенсивнее трудиться над тем, чтобы заставить теорию работать. Существующие теории должны потерпеть очевидный провал в широких масштабах, а их приверженцы вынуждены либо умереть, либо все бросить, прежде чем новая теория займет их место. Мы должны почувствовать себя голыми и незащищенными, прежде чем согласимся надеть незнакомую новую одежду.

Эта проблематичность перемен бросает вызов всем реформаторам. Именно по причине того, что в человеческих обществах так много взаимосвязанных элементов адаптируются друг к другу, любое радикальное изменение, скорее всего, приведет к ухудшению показателей в краткосрочной перспективе, даже если затем они вырвутся вперед в долгосрочной перспективе. Те, кому выгодно прекращение хищничества, могут сначала потерпеть убытки, прежде чем получат прибыль. Новым моделям требуется время, чтобы оптимизировать свои показатели и адаптироваться к окружающей их среде. Те, кто писал о переменах (от Йозефа Шумпетера в 1930-х гг. до Дональда Шона в 1970-х гг. и Амита Этциони и Клея Кристиансена в 1990-х гг.), подчеркивали этот тезис: реформаторы и новаторы должны не терять самообладания и держаться за своих сторонников в тяжелые переходные периоды, когда может показаться, что дела идут хуже, а не лучше.

Итак, как же вещи могут измениться? В обществах и экономиках постоянно происходят некоторые виды изменений. Современные капиталистические общества уникальны в том, что выделяют лишь скудные ресурсы на открытия — на научные разработки и исследования, искусство, исследование границ нового. Такие исследования всегда приводят к подрыву, которым сопровождаются инновации: например, к неудаче, сопровождающей большинство новых идей, к разрушению и утрате прежних навыков и рабочих мест, сопутствующим формированию других успешных навыков и рабочих мест, — подобно тому, как яблоко с дерева познания, съеденное Адамом, нарушило функционирование предшествующего оптимизированного общества. Но по-настоящему радикальные перемены происходят, только когда все четыре из важнейших помех изменениям устраняются или, говоря языком диалектики, натываются на противоречия, достаточно острые, чтобы разрушить их.

Что движет переменами?

Во-первых, что превращает эффективность в неэффективность? Мы уже рассматривали многие из динамических факторов, которые могут этому способствовать — от последствий демографии и производительности до воздействия нового знания. Причины могут быть внешними (усиливающаяся держава по ту сторону границы) или внутренними (истощение ресурсов).

Проблемы можно почувствовать на многих уровнях. В бизнесе лакмусовой бумажкой является прибыльность, редкие моменты по-настоящему систематических перемен отмечены драматическими разрывами между падающей рентабельностью ветеранов и огромными прибылями новичков, в особенности когда, подобно Дж. П. Моргану или Биллу Гейтсу, они привносят радикально новые модели производства, организованные в виде временных монополий. Для экономики в целом симптомы кризиса — медленный рост, падающие прибыли и финансовые неудачи. Это, в свою очередь, затрудняет сбор налогов государством и легитимацию им своих действий. Политическим партиям становится труднее завоевывать голоса избирателей. Замедление роста начинает затем обострять конфликты и нетерпимость. Европа 1930-х гг. и Соединенные Штаты 1970-х гг. могут послужить предупреждением: когда показатели системы ухудшаются, люди становятся злее, ищут козла отпущения и понимают, что должны ожесточеннее бороться за кусок уменьшающегося пирога.

Эти кризисы продуктивности также проявляются в личном стрессе, который испытывают миллионы, когда видят, как лелеемые ими ценности и нормы не находят подтверждения в опыте. Именно поэтому, хотя люди и научились отмахиваться от неприятных результатов и избегать «когнитивного диссонанса»²¹, — а обычно элиты стремятся контролировать табуированные идеи, — в какой-то момент они признают, что статус-кво не может сохраниться. Когда это

21. Leon Festinger, *A Theory of Cognitive Dissonance* (Evanston: Row, Peterson and Co., 1957); Фестингер Л. *Теория когнитивного диссонанса*. СПб.: Ювента, 1999.

происходит, каждая из сил, участвовавшая в поддержании стабильности, начинает разваливаться.

Кризисы эффективности — это неизменно кризисы интерпретации, и в периоды падения производительности одним из мест самой ожесточенной борьбы являются определение и категоризация эффективности. Самые радикальные перемены происходят не тогда, когда меняется материальная реальность, но когда меняются категории: в середине XIX в. экономический успех стал означать не только высокие цены для производителей, но и низкие цены для потребителей, когда интересы производителей стали считаться хищническими интересами, а не опорой общества. Позднее реформаторы оспорили идею о том, что важна только эффективность индивидуальных фирм, выступив за эффективность всей общественной сферы в целом, а также за необходимость вкладываться в государственное здравоохранение, школы и инфраструктуру: безжалостные владельцы фабрик стали считаться хищниками, подобно тому как ими считались землевладельцы за несколько поколений до этого. В 1833 г. британский парламент потратил на Королевские конюшни больше денег, чем на образование детей, но к 1880 г. посещение школы стало обязательным для 5–10-летних благодаря всеобщему согласию с тем, что улучшение образования жизненно важно для поддержания индустриальной экономики. В 1858 г. отвратительная вонь, исходившая из Темзы (известная как «Большая вонь»), заставила парламент и правительство приостановить свою деятельность, но также подтолкнула к созданию общественной системы водоснабжения и канализации. Сорок лет спустя во время англо-бурской войны половина добровольцев была сочтена непригодной для службы, а к началу Первой мировой это относилось уже к трети призывников, что обусловило создание системы всеобщего здравоохранения. Подобные сдвиги происходили и в конце XX в., когда общества и компании искали новые подходы к эффективности, которые бы учитывали экологические убытки, издержки от чрезмерного потребления или неспособность добиться счастья и благополучия и начали считать нефтяные компании расхитителями природы, а не опорой мобильного общества²².

22. Один из симптомов этого сдвига — волна инноваций, направленных не на производительность, а на пустую трату; примером может служить «ар-

Многие из этих конфликтов до сих пор не нашли разрешения. Например, следует ли рассматривать энергоэффективность с точки зрения единиц продукции из расчета на каждый доллар, с точки зрения устойчивости или с точки зрения энергии, полученной за каждую единицу вложенной энергии? Ископаемое топливо обычно дает соотношения от 20:1 до 100:1 по этому критерию, тогда как солнечная энергия ближе к 10. В мире, озабоченном энергетической безопасностью и изменением климата, экологическая неэффективность имеет большее значение; в возможном мире, в котором снова достаточно газа и нефти, или в мире, который не беспокоится о далеком будущем, важнее может оказаться экономическая неэффективность.

Когда эффективность, как бы ее ни определять, падает, может включиться вторая консервативная сила, поскольку люди прекращают верить в то, что статус-кво защищает их интересы. В хорошие времена хищники богаты не только деньгами, но и друзьями, ищущими их покровительства. Когда дела плохи, они начинают походить на парий. Группы, находящиеся на периферии, такие как добровольные организации, профессиональные союзы, малый бизнес и профессии, играющие роль флюгера, в какие-то периоды могут быть полностью кооптированы во власть, а другие, наоборот, исключены из нее. Слабая власть становится сильной, когда социальные сети мобилизуют многих, позволяя социальным движениям охватывать, обходить или поглощать реакции сильной власти²³. Такие сдвиги будут происходить быстрее, когда есть очевидные, легко идентифицируемые победители; и наоборот, как указывал Макиавелли, перемены достигаются с большим трудом, когда проигравшие сконцентриро-

хитектор-активист» Тедди Круз, который использует «отходы» из Сан-Диего как материал для строительства домов, оздоровительных клиник и других зданий в Тихуане, превращая заброшенные и неиспользуемые пространства в густонаселенных городских кварталах в пригодные для жизни и работы среды. Другой наглядный пример — восстановление фабрики «Вестергаз» группой *ReUse* в Амстердаме, трансформация старой, брошенной железнодорожной эстакады в Нью-Йорке в городской парк Хай-Лайн.

23. Я писал об этом в работе: Geoff Mulgan, «The Power of the Weak» // *New Times*, ed. M. Jacques and Stuart Hall (London: Lawrence and Wishart, 1989), где предсказывал наступление эры более активной сетевой власти.

ваны, а победители рассеяны²⁴. В любом случае, когда эффективность падает, группы заинтересованных лиц, идущие на подъем, набирают уверенность, тогда как те, кто переживают упадок, начинают раздражаться.

То же самое происходит, когда усиливаются споры о смысле и понимании, третья консервативная сила, и когда люди изменяют свое мнение. Как сказал Эрик Вейль, «революции случаются, когда человек недоволен своим недовольством». Когда фатализм и смирение рассеиваются, критики выходят на первый план и пытаются изменить состояние умов: в частности, молодежь, маргиналы, честолюбцы и недовольные начинают выступать за радикальные перемены и открыто бросать вызов своим старшим товарищам, которые, будучи лучше всего социализированы при существующем статус-кво, с трудом могут представить себе, как могло бы быть иначе²⁵. На этом этапе художники, писатели, поэты могут выйти на первый план, используя истории, образы и метафоры, чтобы помочь людям освободиться от прошлого, тогда как другие только сильнее цепляются за фиксированные точки своей идентичности, отвечая на когнитивную текучесть окружающего мира еще более ожесточенным утверждением своей национальности, религии или ценности. Это хорошо сформулировал историк искусства Т. Дж. Кларк:

Искусство ведет поиски на стыке вещей, на рубеже понимания, поэтому его излюбленные модусы — ирония, отрицание, «каменное лицо», имитация неведения или невинности. Оно предпочитает незавершенное: систематически нестабильное, семантически неоформленное. Оно производит и смакует расхождение между тем, что оно показывает, и тем, как оно это делает, поскольку величайшая мудрость — знать, что вещи — эти картины, в которых не все сходится²⁶.

Искусство чувствует себя как дома в периоды перемен, но менее уютно в наступающие поздние периоды консолидации. Но именно в такие времена оно выполняет функцию

24. Donald Schon, *Beyond the Stable State* (New York: Norton, 1973).

25. H. Gardner, *Changing Minds: The Art and Science of Changing Our Own and Other People's Minds* (Boston: Harvard Business School Press, 2006).

26. T. J. Clark, *The Painting of Modern Life: Paris in the Art of Manet and His Followers* (New York: Knopf, 1984).

освобождения, показывая хищников в их истинном свете и публично свидетельствуя о личных чувствах. И это времена, когда люди испытывают желание протереть глаза и избавиться от пыли, которую история в них швырнула.

Институтам труднее избавиться от пыли. Периоды систематического кризиса особенно трудны для правительств, чьи привычки подчеркивают порядок, конформность и игру по правилам. Люди, процветавшие благодаря системе и находящиеся на вершине бюрократических или политических иерархий, подчас замечают эти недостатки последними. Все более изощренные теории могут объяснять, почему необходимо спасать статус-кво или почему достаточно будет лишь скромных реформ. В сентябре 1929 г. председатель Нью-Йоркской биржи произнес печально знаменитую фразу: «Очевидно, что мы проходим через те экономические циклы, которые нам известны», а 80 лет спустя его коллеги догнали его по степени близорукости. Такие периоды, когда старые системы в кризисе, а новые еще недостаточно сильны, чтобы родиться, могут продолжаться годами, и тогда правительства реагируют лихорадочными мерами по заделыванию трещин. То же самое относится к большому бизнесу. Порок прошлых лавров в том, что он предоставляет лидерам свободу снова и снова совершать ошибки (одно из определений власти — способность сделать так, чтобы ошибки сходили с рук). История колоссальных провалов, например компаний *General Motors* или *Citicorp*, характеризуется весьма сложной разновидностью близорукости, ведь те, кто принимает решения, оказались заложниками прошлых успехов.

Но когда эффективность, интересы и психические категории меняются, социальный капитал, скрепляющий систему, тоже обычно высвобождается, и люди отстраняются от прежних обязательств и отношений и находят новых партнеров и союзников²⁷. Несколько индивидов, находя-

27. Это происходит и в микро- и в макромасштабах, и сейчас появляется возможность моделировать эту блуждающую динамику изменений, показывая, как люди с разной степенью внушаемости и конформности смотрят, как на изменения реагируют другие, и выбирают момент, чтобы присоединиться, так что иногда первопроходцы остаются в меньшинстве, а маргинальные взгляды порой внезапно превращаются в мейнстримные.

щихся на стыке множества сетей, внезапно могут стать авторитетными арбитрами, указывая легко внушаемому большинству, куда ветер дует. Как именно сложатся фрагменты калейдоскопа, зависит как от тактики, так и от стратегии, как от личных качеств лидеров, так и от больших исторических сил. Искрой могут послужить проявления жестокости или оскорбленное достоинство (полицейское насилие). Но в конечном счете важна власть организации: есть ли организации, способные сделать все возможное для изменения умов и отношений, сконцентрировать их и выиграть решающие битвы, укрепить доверие своих сторонников, когда ситуация кажется тяжелой, а затем сделать рывок вперед, найдя прорехи в обороне врага²⁸.

В прошлом переломные моменты наступали, когда бунтовщики захватывали силы принуждения (армию и полицию) или средства коммуникации (телевизионные станции). Сегодня центры власти рассредоточены сильнее, образуя зону вокруг политики, медиа и финансов.

Таким образом, все четыре консервативные силы могут стать силами изменения, а когда они станут таковыми, материальные факторы и идеи будут развиваться в связке друг с другом. Большинство объяснений долгосрочных изменений фокусируется на одном или на другом. Начиная с Гегеля, некоторые искали идеи, реализующиеся в мире, трансформирующие то, как люди думают, видят и действуют, например идеи прав человека, естественного договора или трансгуманизма. После Маркса стало преобладать материалистическое объяснение, а именно падение прибылей и перепроизводство или уменьшение энергетических запасов и климатическое давление — факторы, дававшие случайный толчок к изменениям в структурах власти. Но в одиночку оба вида объяснений терпят неудачу. Материальные факторы становятся силами изменения только тогда, когда их правильно интерпретируют. Плохой урожай, низкий рост, высокий уровень преступности и климатическая нестабильность могут истолковываться как просто невезение

28. Этот анализ опирается на различные исследования протестной политики, а также на более старые теории «мобилизации ресурсов» социальных движений, которые пытались объяснить, почему даже люди, разделяющие обиду, как правило, ничего не предпринимают.

или неизбежность, а не как симптомы фундаментальных недостатков. Некоторые общества выживают долгое время, отрицая эти слабости, если власть имущие уверены, что перемены ухудшат ситуацию, а те, кто лишен власти, неспособны сконцентрировать свои мысли и сплотить свои силы. В самом деле, почти каждый кризис может быть истолкован в том духе, что статус-кво нуждается в более энергичном укреплении, а не в разрушении (и всегда, когда экономика оказывается в кризисе, начинаются споры о том, что является решением — больше капитализма и меньше налогов и регулирования или наоборот).

Но любой, стремящийся ускорить перемены и ослабить хищническую власть, должен работать в четырех направлениях: выявлять неэффективность и недостатки; разъединять группы интересов и помогать людям заново формулировать свои интересы; менять настроение в умах, те рамки, через которые люди видят или думают; наконец, поддерживать отношения и дружеские связи, которые станут опорой альтернативных вариантов. Самые успешные социальные движения делают все это, а не просто полагаются на силу аргументов и идей.

Институционализация изменений

Сегодня мы ожидаем, что правительства должны выступать институтом экономических перемен. Подлинный консерватизм был изгнан из экономической политики. Государства вкладывают значительную долю ВВП в новое знание, чтобы ускорить появление новых индустрий и фирм. Они поддерживают институты для передачи технологий, субсидируют компании, чтобы те внедряли новые технологии, и финансируют демонстрационные площадки. Большинство предпочитает ориентироваться на будущее, а не смотреть в прошлое (даже если отрасли прошлого больше всего нуждаются в поддержке и субсидиях).

В социальной и политической областях этому можно найти мало аналогов. Социальные исследования и разработки финансируются очень скромно, если вообще финансируются. Они ведутся вопреки официальным системам, а не благодаря им. Но были некоторые исключения, политические

лидеры, считавшие за честь проводить социальные эксперименты и инициативы. Один из них — Франклин Делано Рузвельт, который в мае 1932 г., в самый разгар кризиса, заявил, что

страна нуждается и, если я не ошибаюсь в оценке ее настроения, требует дерзкого, упрямого эксперимента. Здравый смысл учит брать какой-либо метод и проверять его. Если он провалится, честно признавать это и пробовать другой. Но самое главное — что-то пробовать²⁹.

Но это полная противоположность позиции, занимаемой большинством государств. Они уютно чувствуют себя с планами, программами и стратегиями, а не с испытаниями и пилотными запусками. Как будет показано в главе 8, хотя в обществе и в государствах по всему миру разбросан ряд институтов, ориентированных на инновации, они относительно слабы и редко сохраняются долго. Из-за давления времени государствам трудно экспериментировать: демократия в ее современной форме может быть врагом демократического эксперимента. Мэр или премьер-министр с четырехлетним сроком пребывания в должности едва ли будет терпеливо возиться с экспериментом, которому требуется два года для запуска и еще два года, чтобы разогнаться. Отсюда соблазн либо избегать риска, либо действовать быстро, проводится ли эксперимент с целым городом или страной в попытке реализовать смелые планы реформ, набрасываемых в спешке.

Порой выбора не может быть. Но гораздо чаще общественным интересам лучше служат осторожные эксперименты и постепенное изменение, которое строится на успехе. Организация такого рода изменений стала одним из важнейших, хотя и редких, навыков современного правительства. Начинать нужно с хорошего диагноза, понимания реальных причин проблем (а не их симптомов) и пристального наблюдения за повседневной жизнью — за тем, как люди на своем опыте сталкиваются с такими вещами, как больницы или полиция. (Это трудно, потому что, как сказал еще Кейнс, меньше всего правительство любит быть хорошо ос-

29. Из речи, произнесенной в Университете Оглторпа.

ведомленным, ведь это сильно усложняет процесс принятия решений.) Организация перемен требует к тому же инструментов для увеличения числа вариантов выбора, позволяющих государственным служащим, бизнесу или гражданскому обществу придумывать или открывать множество конкурирующих друг с другом решений, — от людей, добивающихся успеха вопреки всему, людей с позитивными отклонениями от нормы³⁰ до иконоборцев и предпринимателей. (И снова это особенно тяжело дается правительствам, потому что все это по определению непредсказуемо.) Успешные изменения требуют методов для проверки того, какие идеи действительно работают, и, наконец, для возвращения тех, которые действуют. Одни элементы этого процесса крайне рациональны, как, например, рандомизированные контрольные испытания и законодательная деятельность, позволяющая распространять новые модели. Другие — чисто творческие, по духу близкие замечанию джазового саксофониста Джона Колтрейна о том, что «вот оно вдохновение, нужно его лишь поймать». Но правительственная бюрократия не слишком хорошо приспособлена для инноваций — они слишком запутанные и рискованные. Ее инстинктивная реакция на потребность в инновациях — командовать ими или создавать множество должностей, в названии которых фигурирует слово «инновация». Более удачная мера — поддерживать посредников, которые могут работать с совершенно иной культурой, чем у государственной бюрократии, и идти на большие риски. Вот почему научные инновации выводятся в специальные обособленные органы: министрам и руководителям отделов не приходится бояться, что с них потребуют отчет за провалившиеся эксперименты.

Далеко идущие инновации всегда включают в себя союз между низами и верхами, пчелами и деревьями, в котором пчелы — это не имеющие власти группы и индивиды, полные идей, а деревья — крупные институты, у которых есть власть и деньги, но идей мало. Революции, идущие только снизу или сверху, встречаются гораздо реже, чем творческие аль-

30. David R. Marsh, Dirk G. Schroeder, Kirk A. Dearden, Jerry Sternin, and Monique Sternin, «The Power of Positive Deviance», *British Medical Journal* 329 (2004): 1177–1179.

яны между группами с доступом к власти и деньгам и аутсайдерами, полными энергии и страсти³¹. Это относится как к политической революции, так и к радикальным социальным инициативам и экономическим переменам³²; и любому обществу, которое хочет институционализировать способность к изменениям, нужны посредники, связывающие пчел и деревья, то, что внутри, с тем, что снаружи. Подобное связывание инсайдеров с аутсайдерами происходит еще и в местах, которые великий историк городов Питер Холл именовал *milieux*, «средами»³³, а музыкант Брайен Ино называл *scenius*, коллективной формой гения, в котором новые идеи вырастают через смелое смешение взаимного восхищения, конкуренции и критики, часто сосредоточенное в ведущих городах. Такие вещи можно было встретить в Эдинбурге XVIII в., Лондоне XIX в. и в Калифорнии XX столетия, а также в отдельных местах по всему свету. Эти среды должны быть открытыми, но не слишком, опираться на определенные дисциплины, такие как архитектура или дизайн, но не слишком жестко, и их должны поддерживать умные клиенты и патроны. Способность придумывать новое оказывается весьма социальной деятельностью, в равной мере зависящей как от газет и журналов, мест встречи и веб-сайтов, так и от индивидуального воображения³⁴. Великие индустрии XIX в. покоились на «технологической общественной сфере» клубов, ученых обществ и ассоциаций, в которых изобретатели и инженеры делились идеями; и сегодня можно было найти их близкие подобия в таких областях, как компьютерная отрасль

31. Снова и снова движущей силой революций становился фрустрированный средний класс, который больше не мог терпеть политический и экономический порядок, не дававший ему никакого выхода.

32. Творчество Чарльза Тилли дает наиболее полную картину практической динамики изменений и трансформации, и в частности роли политических и других предпринимателей.

33. Peter Hall, *Cities in Civilisation* (New York: Pantheon, first ed., 1998).

34. Некоторые характеристики этих креативных мест, городов, стоящих на переднем крае перемен, см. в моей книге, основанной на моих отношениях с сетью креативных городов в 1990-х гг.: Geoff Mulgan, *Connexity* (Boston: Harvard Business Press, 1997). Необходимый аппарат для понимания того, почему процветают креативные места и группы, см. в: Mihaly Csikszentmihalyi, *Creativity: Flow and the Psychology of Discovery and Invention*, (New York: Harper Perennial, 1997); Чиксентмихайи М. *Креативность. Поток и психология открытий и изобретений*. М.: Карьера Пресс, 2013.

или солнечная энергетика. Общества, которые в настоящее время могут поддерживать такого рода коллективное творческое начало (от медленной еды до быстрых знакомств), скорее всего, будут адаптироваться быстрее, потому что создали пространство, в котором можно изобретать и тестировать будущее. Для тех, кто неуютно себя чувствует в присутствии живых альтернатив, изменения, вероятнее всего, окажутся более неприятными, затратными и болезненными.

Предприниматели играют критическую роль в претворении идей в жизнь, и не только предприниматели в бизнесе, но и любого рода предприниматели, ищущие сторонников, ресурсы и приверженность, будь то кампания, политическая партия или религия. Ими могут оказаться как предприниматели, выступающие против капитализма, так и предприниматели внутри самого капитализма. В любом случае они процветают за счет областей неудачи, точек трения и напряжения, мест, в которых капитализм больше не работает. В бизнесе это пространства пустой траты, неудовлетворенных желаний, неосуществленных возможностей, которые можно эксплуатировать с применением нового знания или технологии. Это места, в которых производительность или прибыль стоят на месте, а потребители испытывают неудовлетворенность или просто скучают. За пределами бизнеса это пространства, в которых мы видим заброшенные места и инертных людей.

Для организации перемен можно использовать сложные технологии — такие, как краудсорсинг в Интернете и призы и премии, которые поощряют публику делиться своими идеями³⁵, а также более изощренные приемы, мобилизующие сообщества специалистов для совершенствования и отработки идей³⁶. Но это также могут быть и чрезвычайно простые технологии. Столетие назад британский Королевский флот организовывал «краудсорсинг» десятков тысяч идей всего лишь с помощью бумаги и почтовой

35. См. две брошюры, которые я написал вместе с Джитиндером Коли для Центра американского прогресса: «Капитальные идеи» и «Измеряя новые высоты», сделав обзор методов, используемых правительствами для повышения креативности. Обе брошюры опубликованы Центром американского прогресса и Фондом Янга в 2010 г.

36. Хороший современный пример — kaggle (www.kaggle.com), предлагающий призы программистам и статистикам за улучшение своих предсказательных моделей.

службы³⁷. В Индии *Shodh Yatra*, организованная *HoneyBee Network*, использует пешие походы как инструмент изменения. За одну неделю путешественники (фермеры, ученые и ученые) проходят сотни километров по сельской Индии, чтобы выявить и распространить решения локальных проблем, в том числе тех, что связаны с сохранением ресурсов, органическим сельским хозяйством, биологическим разнообразием, а также здоровьем и питанием. Днем путешественники идут через сельские земли — обычно в сопровождении местных фермеров и сельскохозяйственных рабочих, которые обсуждают и размышляют вместе с ними над своими сельскохозяйственными практиками. Вечером участники похода останавливаются в деревнях и устраивают встречи с местными жителями, чтобы поделиться идеями и знаниями об инновациях в других частях Индии. Используются также призы, например, в соревнованиях по биологическому многообразию, конкурсы рецептов и праздники в честь творческих жителей деревни. Прогулки в группах остаются удивительно мощным инструментом и в высокоразвитых обществах: то, что вы вместе видите и открываете, может вас быстро изменить, а ваши товарищи могут побудить вас не подавлять воображение, если оно уже загорелось.

В принципе, существует бесконечное число направлений, в которых могут развиваться социальные системы. Но история показывает, что в ключевые моменты эволюция крайне избирательна. Лишь небольшое число моделей оказываются устойчивыми, поскольку они сходятся с господствующими технологиями и ценностями. Вот почему перемены часто выглядят как прерывистое равновесие или как вытаскивание медузы при помощи резиновой ленты, когда медленные шажки перемежаются внезапными прорывами, открывающими новые взаимосвязи и системные достоинства. Что определяет успех того или другого? Существует бесчисленное количество факторов, но технологиям суждено было стать одним из решающих, а потому в следующей главе я обращусь к роли технологии в социальных изменениях и потенциально в создании нового мира после капитализма.

37. «Карудсорсинг» проводился Советом по изобретениям и исследованиям Королевского флота. См.: Jon Agar, *Science in the Twentieth Century and Beyond* (Cambridge, Polity Press, 2012), 95.

Творческие и хищнические технологии

ОСНОВНАЯ доля экономического роста — и прогресса человечества — обусловлена новыми знаниями и их применением. Легитимность капитализма в большой мере опирается на его связь с пришествием новых вещей, сделавших жизнь легче и приятнее: реактивных самолетов и холодильников, мобильных телефонов и видеоигр. Если капитализм на своем более раннем этапе был озабочен мобилизацией капитала, то сегодня он все больше озабочен тем, как мобилизовать, организовать и направить новые знания. Но как это сделать? И как гарантировать то, что новые знания действительно будут создавать нечто ценное и способное по-настоящему улучшить нашу жизнь?

Почти каждая сторона человеческой жизни формировалась в ходе постепенного овладения технологиями. Наши предки наблюдали за явлениями природы (такими, как огонь, свет, движение или электричество), а затем находили способы воспроизвести, направить или усилить их. Большая часть этих наблюдений и изобретений далека от коммерции: открытие гравитации, кровообращения или электричества не было мотивировано коммерческой выгодой. Но современный капитализм рос в тесной связи с технологией, а культура Англии XVIII в. сблизила практические искусства, производство и науку в применении паровой энергии, электричества, химии и коммуникаций.

Хороший пример — первая в мире современная лаборатория, основанная сэром Джоном Лоу в Ротамстеде (Хартфордшир, Англия) в 1843 г. Лоу создал первую в мире фабрику по производству искусственных удобрений. Вместе со своим партнером Джозефом Гилбертом он объединил систематические эксперименты по выявлению влияния на урожайность различных органических и неорганических удоб-

рений с деловой сметкой, позволявшей добиваться успеха. В наследство нам он оставил мир, способность которого прокормить себя увеличилась в несколько раз, и капитализм, который так искусно умеет внедрять, а затем быстро совершенствовать физические вещи, когда пытается найти нечто ценное. Самой своей историей капитализм оказался связан с оптимистическим взглядом на технологии и с материализмом, который считает, что мир состоит из вещей, а человеческие потребности в первую очередь материальны. Если многие из утопий XIX в. требовали приостановить изобретения, законсервировать заводы, а рельсы разобрать, то футурология капитализма была главным образом футурологией технологии, предполагающей избыток поставщиков — со все более умными гаджетами, сетями и имплантатами, превращающими все новые и новые области жизни в товар и в конечном счете стремящимися полностью заменить собой человеческий интеллект. Его утопии и дистопии были преимущественно о вещах, поэтому и стали называться научной фантастикой; утопии при этом подчеркивали, что технология даст множество новых чудес, дистопии — что создаст новые возможности для хищничества, в результате которого люди окажутся в рабстве у диктаторов или роботов. Многие мечты и кошмары научной фантастики позднее материализовались: боевые роботы-дроны, протезы, электронные приборы, уместающиеся в руке, и лазеры — все они проделали свой триумфальный путь из вымысла в жизнь. Сегодня тоже идет постоянный приток новых технологий, поддерживающих веру в способность капитализма решать свои собственные проблемы, от изменения климата до психических заболеваний. Согласно некоторым теориям, этот поток выйдет за пределы самого человечества и сделает скачок в век вездесущего интеллекта. Рей Курцвейл, например, предсказал наступление грандиозного момента, когда на смену биологии придет технология, поскольку машинный интеллект пройдет точку невозврата, оторвавшись от несовершенного человеческого мозга («вознесение» для гиков)¹.

Инновации такого рода, если рассмотреть их с разных сторон, — средство против хищничества, и культура иннова-

1. Ray Kurzweil, *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology* (New York: Viking, 2005).

ций обычно предпочитает демократию автократии, новиков — ветеранам, молодежь — старикам. Многие компании и правительства заявляли, что выступают за все большие инновации, и любят, чтобы их считали сторонниками нового и противниками старого. Но минутное размышление показывает, что сама по себе поддержка инноваций не такая уж непротиворечивая позиция. Одни инновации являются бесспорным благом (пенициллин и телефон), другие — очевидным злом (концентрационные лагеря или нервно-паралитический газ). В области, первопроходцем которой стал Джон Лоу, некоторые продукты были со всех сторон хороши, другие же — полезны для одной группы и вредны для другой, например пестициды, убивавшие паразитов, но одновременно загрязнявшие воду. А некоторые изобретения были скорее хищническими, чем продуктивными, например генетически модифицированные семена-терминаторы, которые специально были выведены таким образом, чтобы они не могли размножаться и фермеру приходилось каждый год покупать новые семена.

Если попытаться занять нейтральную позицию и окинуть технологии широким взглядом, станет ясно, что некоторые инновации поддерживают хищничество, упрощая контроль, эксплуатацию или захват. Военные технологии или технологии наблюдения по самой своей природе противоречат духу золотого правила. Нет такой ракетной системы, энергетического оружия направленного действия или камеры видеонаблюдения, которые удовлетворяли бы правилу «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой»². Компьютерные вирусы — явные хищники, тайно крадущие данные вашей кредитной карты, нередко для поддержания преступных синдикатов. Новые области технологии не только создают новые модели хищничества, но и наделяют людей новыми силами. Яркий пример — «Интернет вещей» с его множеством датчиков. Почти любое ваше действие сегодня может генерировать данные, которые можно сопоставлять, анализировать и использовать в бизнесе без

2. Но даже военные технологии могут либо концентрировать власть, либо рассеивать ее. Гранатометы уравнивают шансы изощренных военных машин и бедной милиции, тогда как ядерное оружие по сути своей требует, чтобы им управляли системы больших государств.

вашего ведома или согласия. Камеры и датчики на машинах или рекламных щитах могут определять возраст, пол и этническую принадлежность людей, проходящих мимо, тогда как «счетчик взглядов» измеряет, сколько внимания пешеходы уделили рекламе. Вы волей-неволей генерируете для них данные и, возможно, нисколько не против, поскольку непосредственного вреда они вам не приносят. Но у вас что-то забирают без вашего разрешения и какой-либо выгоды для вас³. Еще более очевидный пример — индустрия слежения, яркими представителями которой являются такие компании, как *Amesys*, *Gamma*, *VASTech*, чьи технологии были обнаружены в Египте и Ливии после падения режимов; *SS8* и *Viper* создают вирусы, захватывающие компьютеры и смартфоны, записывая каждое действие, опять-таки, главным образом по заказу государства⁴. Фирмы типа *Huawei* продают сейчас по всему миру телекоммуникационную инфраструктуру, позволяющую государству осуществлять мониторинг интернет-трафика, — эта модель радикально отличается от надежд идеалистов на средство связи, которое поможет сдерживать Большого брата. Есть еще более изощренные технологии хищничества: эфирное телевидение вводит в искушение и рекламодателей, и диктаторов, заставляя их манипулировать своими зрителями, а игры сегодня обеспечивают новым набором для того, чтобы поглощать все внимание и доносить послания. Иные технологии, такие как мобильные телефоны, которые полезны только тогда, когда они есть у других, пероральные вакцины против желтой лихорадки с восстановлением регидрации или новые зерновые культуры, обогащенные витаминами, более очевидным образом удовлетворяют золотому правилу. Третьи технологии находятся где-то посередине, например автомобили, которые одновременно выгодны своим владельцам, но при этом они отбирают чистый воздух, место и тишину у людей, у которых их нет.

Есть также технологии хищничества, которые приносят пользу людям, но вред — природе. Ваша точка зрения

3. Эта конкретная технология была предоставлена французской фирмой измерения аудитории *Quividi*, созданной в Париже в 2006 г.

4. Обширные документальные свидетельства их деятельности были выложены на сайте *Wikileaks*.

на них зависит от того, насколько антропоцентрично ваше мировоззрение. На взгляд некоторых, масштабные разработки на суше или в океане — хищнические по своей природе (даже если не приводят к сомнительным смешанным результатам, слагающимся из переселений, злоупотреблений, а иногда и неожиданных крупных выплат туземному населению). Для других это просто большая удача, которой человечество пользуется благодаря своему эволюционному превосходству.

Оставив в стороне эти глобальные вопросы, повседневные дискуссии о технологии переходят к вопросам хищничества и власти. Повысит ли возможности индивида расширение доступа к данным? Нанесут ли генетически модифицированные сельскохозяйственные культуры вред другим фермерам? Верно ли, что силы, господствующие во Всемирной паутине, неподотчетны простым пользователям? Рыночная динамика неизбежно ставит все эти вопросы. Информационная технология даже больше, чем технологии прошлого, стремится порождать монополии. Даже если технологии монополиста не носят хищнического характера, его поведение часто оказывается именно хищническим, когда он вытесняет конкурентов и манипулирует стандартами.

Именно поэтому неразумно и почти наверняка нелогично выступать — безо всяких оговорок — в поддержку технологий или науки. Вместо этого нам стоит помогать хорошим инновациям, которые служат на благо человека. Но это требование оказывается более радикальной отправной точкой, чем можно было бы подумать. Большинство организованных инноваций в прошлом направлялось на защиту интересов государства, а не так давно еще и большого бизнеса. Для государств приоритетом был и остается государственный, а не общественный интерес; отсюда непропорционально большие вложения в военные технологии и технологии безопасности, в ракеты, а не в психологическое здоровье. У больших компаний также были смешанные мотивы: иногда — создавать больше более качественных лекарств и автомобилей, иногда — извлекать больше выгоды из общественного сектора, отдавая взамен немного.

Принято связывать капиталистические инновации с динамикой рынка, то есть с непрерывными поисками новых путей для удовлетворения потребностей и нужд — так

объясняют себе инновации большинство тех людей, которые сами являются активными участниками капиталистической системы. Но факты сходятся не до конца. Ни одна из крупных технологий, ассоциирующихся с современностью, не разрабатывалась без существенного участия государства: фармацевтика, компьютеры, Интернет, мобильный телефон и коммерческая авиация — все они процветают благодаря покровительству государства⁵. Точно так же капитализм не является таким уж очевидным партнером технологий. Бывали времена и места, где коммерция играла ведущую роль в создании новых технологий, а в настоящее время большая часть изобретений будущего находится в руках корпоративных лабораторий и дополнительных производств. Но также часто эту роль исполняли армия, бюрократия или даже монашеские ордена. Так было в IV в., когда в Антиохии изобрели искусственное уличное освещение, тысячу лет спустя, когда Джованни Ди Донди создал одни из первых механических часов, работая профессором в Падуе, и в XIX в., когда британское правительство финансировало разностную машину Чарльза Бэббиджа, а американский Конгресс финансировал экспериментальный телеграф Сэмюэля Морзе.

Даже сегодня в типичных странах ОЭСР государственные вложения в научные исследования и разработки приблизительно сопоставимы с частными инвестициями, большая же часть динамики, достигнутой в инновациях, обусловлена связями между секторами, а не только динамикой внутри частного сектора. То же самое верно и в отношении прошлого, поэтому выдающийся историк технологий Арнольд Пейси указывал, что наиболее творческими обществами, возможно, считались те, «в которых были активны и вели диалог друг с другом разные виды институтов», охватывающие разные сектора и профессии⁶.

Время, когда бизнес господствовал над технологией в чисто капиталистической версии, может оказаться довольно

5. B.-E. Lundvall, ed., *National Innovation Systems: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning* (London: Pinter, 1992). Это исчерпывающее описание тесно переплетающихся ролей государства, науки и бизнеса в инновациях.

6. Arnold Pacey, *Technology in World Civilisation* (London: Blackwell, 1990), 19.

коротким. Простую оценку этого времени можно вывести из рейтингов ста наиболее новаторских коммерческих продуктов, которые публиковались в американском журнале *R&D Magazine*. В 1975 г. 47 из 86 национальных инноваций была произведена компаниями из списка 500 компаний журнала *Fortune*, у 40 из которых не было внешнего партнера. К 2006 г. крупные фирмы производили только 6 из 88 инноваций и в основном имели партнеров. Пятьдесят инновационных продуктов были произведены исследователями из американских государственных лабораторий, университетов или государственных агентств. Двадцать пять поступили от частных фирм, из которых по меньшей мере 14 привлекали федеральное финансирование. Все, кроме 11 инноваций, в том или ином виде зависели от общественного финансирования⁷. Похожие закономерности можно было найти в других странах, когда шел рост темпов кооперации между фирмами и зависимости от государственного финансирования⁸. В глобальном плане многие из самых волнующих инновационных проектов также являются плодом сотрудничества, в том числе нового поколения частно-государственных партнерств, таких как «Международная инициатива по разработке вакцины против СПИДА» (IAVI), «Программа по разработке лекарств от малярии» или «Мировой союз по разработке лекарств от туберкулеза», которым государственные средства и деньги благотворителей гарантируют покупку больших партий лекарств, если они будут отвечать установленным стандартам.

Вероятно, еще удивительнее расхождение между растущими инвестициями в технологию и ухудшающимися результатами. Вопрос о том, действительно ли за последние несколько десятков лет произошло замедление процесса инноваций, остается открытым. Но в одних отраслях выгоды от инноваций сократились, и самым ярким примером тому служит фармацевтика. В других старые технологии сохра-

7. Fred Block and Matthew Keller, *Where Do Innovations Come From? Transformations in the U.S. National Innovation System, 1970–2006* (Washington, DC: Information Technology and Innovation Foundation, 2008).

8. Британское «Исследование инноваций» (2009) выяснило, что подавляющее большинство инновационных компаний участвуют в формальном сотрудничестве с другими компаниями.

нялись дольше, чем ожидалось: наглядный пример — автомобили, которые, по сути, не так уж и отличаются от своих предшественников столетней давности, или реактивные самолеты, основанные на технологиях 1960-х гг., переживших «Конкорд». В 1970 г. американский Конгресс пообещал, что рак будет побежден через 6 лет, но 40 лет спустя никто уже не ждет скорой победы. А во многих областях новые результаты, похоже, требуют больших инвестиций и большего труда, чем в прошлом⁹. С каждым десятилетием все больше научной и технологической работы ведется командами, а не индивидами, и шансы молодых ученых совершить прорыв уменьшаются (темп прироста научных статей составляет приблизительно 5,5% в год, что указывает на соответствующее сокращение доли актуального знания, которое кто-либо может освоить)¹⁰.

Длинные волны перемен

Джон Кеннет Гэлбрейт однажды сказал, что единственная функция экономических прогнозов — представить астрологию в респектабельном свете. Но долгосрочные прогнозы были не настолько неточными, как краткосрочные. Существуют некоторые устойчивые закономерности, которые можно найти, будь то в долгосрочной природе экономического роста, меняющемся составе экономики или составе профессий. Столетие назад были предприняты первые попытки построить теорию экономического и технологического изменения, которая могла бы осмыслить эти закономерности. Русский экономист Николай Кондратьев предложил длинные циклы продолжительностью 50 лет, в которых за периодами экспансии, подпитываемыми новыми технологиями и несущими с собой низкие процентные ставки и рост цен,

9. Интересна недавняя работа Бенджамина Джонса о замедлении инноваций включает в себя: «The Burden of Knowledge and the Death of „Renaissance Man“»: Is Innovation Getting Harder, *NBER Working Papers* 11360, National Bureau of Economic Research, Inc. Более популярный подход к похожим вопросам можно найти в: Tyler Cowen, *The Great Stagnation*.

10. Benjamin Jones, «As Science Evolves...» http://www.kellogg.northwestern.edu/faculty/jones-ben/html/As_Science_Evolves.pdf.

следуют периоды стагнации, когда возможности для инвестирования иссякают. Его модель выступает параллелью многим другим описаниям творческих циклов, отражающих жизненные циклы: все начинается с периода открытости и экспериментирования, затем происходит формализация, за нею следуют развитие и рост, а уж потом наступит стагнация. Эти закономерности, судя по всему, отражают нечто реальное: как выразился историк Эрик Хобсбаум, они «убедили многих историков и даже некоторых экономистов, что в этом, несомненно, что-то есть, даже если мы не знаем, что именно»¹¹. Но почти каждый их момент оспаривается: когда именно реализуются циклы, становятся ли они короче, почему они вообще есть и полезны ли они для предсказаний или только для ретроспективного понимания. Ортодоксальных экономистов так и не удалось убедить. (Аллен Мелцер, профессор Университета Карнеги–Меллон, заметил в 1991 г., что «в макроэкономике немного представлений, в которых серьезные экономисты едины друг с другом, но сомнения в существовании кондратьевских циклов — одно из них».) Сталина ему тоже не удалось убедить: тот казнил Кондратьева. Но Йозеф Шумпетер в своей, вероятно, самой выдающейся работе «Теория экономических циклов», построенной на идеях Кондратьева, показывает, что капитализм следовал регулярному ритму, в котором концентрация технологических достижений, ведущих к всплеску инноваций, в свою очередь, приводила к появлению новых индустрий. Другие пытались связать экономические волны с более глубокими закономерностями успешных революций в физике; новое знание каждый раз делает возможным новые отрасли, которые затем сметают старые, вызывая спад и массовую безработицу, в особенности когда этапы инноваций в области продуктов сменялись этапами, на которых прибыли росли главным образом благодаря инновациям в области процессов¹². Новые отрасли стремятся к превращению в олигополии (вспомните *General Motors* или *General Electric* в 1920-х гг.

11. Eric Hobsbawm, *Age of Extremes: The Short Twentieth Century 1914–1991* (London: Abacus, 1999), 87; Хобсбаум Э. *Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991)*. М.: Изд-во «Независимая газета», 2004. С. 99.

12. См., например: Edward Lewis, *Scientific Revolutions & Economic Depressions*, опубликовано в сети в 1999 г. <http://sciencejunk.org/>.

или *Intel* и *Google* сегодня), а их успех в повышении производительности за короткие сроки грозит обернуться катастрофой для работников со старыми навыками из старых отраслей, что также снижает потребительский спрос¹³. То есть самые захватывающие периоды развития потенциально наиболее опасны в социальном отношении.

Большинство авторов соглашается с приблизительной периодизацией, состоящей из пяти циклов: исходная промышленная революция в 1770-х гг.; век пара и железных дорог в 1830-х гг.; век стали, электричества и тяжелого машиностроения в конце XIX столетия; эпоха нефти, автомобилей и массового производства в начале XX столетия; наконец, эпоха информации и телекоммуникаций после 1970-х гг. Согласно этой точке зрения, мы сейчас находимся в поворотной точке «пятого кондратьевского цикла», в которой вклад компьютеров и сетей начинает сходить на нет, так что можно ожидать начала другой волны, возможно подпитываемой чистыми технологиями с низкими выбросами углекислоты и геномикой¹⁴.

На формирование этих волн сильное влияние оказывает то, что Ричард Липси называл «универсальными технологиями», которые действительно трансформируют все вокруг себя¹⁵. Они приобретают фундаментальную значимость для многих областей жизни, как компьютеры или автомобили. Иногда это становится ясно сразу, как в случае железных дорог, которые в 1830–1870-х гг. вызвали резкий подъем производительности труда — рост составил 0,14% в год¹⁶. Чаше

13. Сайт www.Longwavegroup.com собрал множество материалов по этим теориям.

14. Этот раздел опирается, в частности, на школу мысли, которую в 1980–1990-х гг. представляли Кристофер Фриман, Карлотта Перес и Люк Соэт в новаторской серии книг и статей о технологических, экономических и социальных изменениях (большая часть работы осуществлялась в Исследовательском отделе политики науки Суссекского университета в Великобритании, <http://www.sussex.ac.uk/spru/>).

15. Richard G. Lipsey, Kenneth I. Carlaw, and Clifford T. Beker, *Economic Transformations, General Purpose Technologies and Long-Term Economic Growth* (Oxford: Oxford University Press, 2005).

16. N. Crafts and T. Leunig (2005), «The historical significance of transport for economic growth and productivity»; <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/http://www.dft.gov.uk/about/strategy/transportstrategy/>.

их потенциал сразу не виден. Письменность была изобретена, чтобы вести торговые записи; паровые двигатели начинали свою жизнь, выкачивая воду из английских шахт; компьютеры были придуманы, чтобы помочь противоздушным установкам точнее попадать в цель.

Лишь постепенно становился понятен более широкий потенциал этих технологий. Другие технологии казались не менее перспективными, например лазеры, использовавшиеся для считывания штрихкода, для компакт-дисков, хирургии или резки алмазов, но в конечном счете так и не внесшие вклад в масштабные культурные или институциональные изменения¹⁷.

Существует множество споров о том, есть ли вообще смысл говорить об универсальных технологиях. Технологии изготовления хлопка, например, достигли взрывного роста (с 2,6% ВВП Британии в 1770 г. до 17% в 1801 г.), с величиной которого ничто никогда так и не смогло сравниться: но мир был изменен не только технологиями, но также моделями организации труда и умонастроениями. В последнее время организационные принципы Интернета (язык HTML, URL и т. д.) якобы были не менее важны, чем стоящие за ними технологии.

В любом случае, в силу особенностей самой проблемы, нелегко судить, какие из инноваций окажутся решающими в формировании будущего экономики и общества, и так же трудно решить, какие инновации поддерживать, а потому многие правительства в прошлом ошибались, делая большие ставки на то, что казалось стопроцентным образцом по-настоящему трансформативной технологии. Примером может служить *Minitel* во Франции (предшественник Интернета) или миссия *Apollo* в Соединенных Штатах.

История подсказывает, что неразумно просто поддерживать технологии, а лучше создавать условия, в которых с ними можно играть, поскольку то, как технологии трансформируют мир вокруг себя, уже творческий процесс, спо-

17. Nathan Rosenberg, *Inside the Black Box* (Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1982); Richard Nelson and Sidney Winter, *An Evolutionary Theory of Economic Change* (Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1985); Toby Huff, *The Rise of Early Modern Science* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993).

соб как представлять, так и применять вещи. Как писал Брайен Артур в своем блестящем обзоре технологических изменений,

инновация — не совсем парад изобретений с их последующим внедрением: появление и внедрение компьютеров, каналов или ДНК-микрочипов. Это постоянное переформулирование или перераспределение старых задач — бухгалтерского учета, транспортировки или медицинской диагностики — внутри миров новых возможностей¹⁸.

Для этого необходимо, чтобы группы интересов, обладающие властью, не блокировали инновации. Инновация всегда носит подрывной, беспокойный характер, в особенности если включает в себя «перераспределение», и многие делают все, что только могут, лишь бы задушить новые идеи в зародыше. Джоэль Мокир рассказывает, что швейцарские печатники успешно лоббировали законы, запрещавшие усовершенствованные печатные станки, и точно так же голландские гильдии противились новым достижениям в судостроении, а французские бумагоделы жгли машины, которые бы ускорили производство бумажной массы. Их последователи сегодня так же страстно желают оттеснить или уничтожить тех, кто бросает вызов, — достаточно, например, взглянуть на реакцию музыкальной индустрии на компанию *Napster*.

Государство играет важную роль, поскольку в состоянии помешать могущественным ветеранам раздавить новичков, даже если оно не может, например, знать, какой именно гибрид «когно-, инфо-, нано- и био-» технологий будет наиболее продуктивным. В лучшем случае правительства защищают пространство для творчества и дополнительных инноваций, которые необходимы для полной реализации ценности трансформирующих технологий. Такая установка на открытость не только для индивидуальных технологий, но также идей и новых образов жизни, которые они могут породить, непросто дается государственной бюрократии, привыкшей к планам и целям. Но она также противоречит заметному во многих текстах о будущем капитализма

18. W. Brian Arthur, *The Nature of Technology: What It Is and How It Evolves* (New York: Free Press, 2009), 85.

желанию не ставить под вопрос тот взгляд на технологии, который утверждает, что они рождаются в лабораториях, а потом попадают в общество, будь то индивидуальные летательные устройства (jetpacks) или протезы конечностей. Напротив, как мы отмечали, технологии развиваются вместе с обществами, их окружающими. Автомобиль позволил жить в пригородах и делать покупки в супермаркетах, а это, в свою очередь, повлияло на дизайн автомобилей. Радио задумывалось как технология двусторонней коммуникации и только путем проб и ошибок стало средством массового вещания. Электричество потребовало целого ряда дополнительных инноваций, от бытовых приборов до регуляторов, чтобы можно было осуществить его потенциал, и на это ушло много десятилетий. Контейнерная технология радикально изменила грузовой транспорт, но прижилась только после нескольких фальстартов, а затем потребовала новых правил и трудовых практик (а зачастую и совершенно новых портов), чтобы полностью реализовать свой потенциал. Мобильные приложения появились только спустя некоторое время после того, как мобильные устройства получили повсеместное распространение, а затем потребовали от людей изменить свои привычки, а от провайдеров — применить совершенно новые бизнес-модели. Каждая инновация включает в себя иной образ мысли и видения, а также иной образ действий. Они требуют времени. Но как только они освоены, они оказываются крайне выгодны.

Форму технологии и тем более форму общества определяет взаимодействие технологического потенциала и актуального желания. Так, радио отвечало желаниям создать связи внутри совершенно новых промышленных городских обществ, но если бы оно было изобретено двумя столетиями ранее, оно могло бы использоваться в качестве военной технологии или для распространения слова Божьего (подобно тому, как коммунистические режимы использовали радио для пропаганды). В предшествующую эпоху китайские буддисты играли особенно важную роль в развитии технологий, от мостов, сделанных из железных цепей (строительство и ремонт мостов было религиозной обязанностью), до печатных книг (чтобы распространять образ Будды). Все это могло бы развиваться совершенно иначе, если бы за эти дела отвечали милитаристы или инвестиционные банкиры.

Эта история совместной эволюции включает в себя и творческое начало, и хищничество. Любая новая технология становится потенциальным инструментом и того и другого. Фабрика позволила переселять работников в моноотраслевые или монозаводские города, чтобы их было легче эксплуатировать. Нефтяное бурение, телеграфы и железные дороги породили новые виды дисбаланса власти и контроля, открыв при этом новые продуктивные возможности. Этот двойственный характер технологического потенциала, одновременно хищнический и продуктивный, еще ярче проявился с появлением целой серии коммуникационных технологий, большинство из которых было родом из военной индустрии. Авторы, в 1950–1960-х гг. интересовавшиеся кабелями и компьютерами, могли представлять их либо как вредоносный инструмент Большого брата — государств и корпораций, либо как освободительную силу. Обе интерпретации были верны, и в последующие десятилетия информационная экономика произвела как новые иерархии, от автоматизированных полей сражений Пентагона до *Microsoft*, так и свободные горизонтальные сети. Иными словами, она сделала возможными и системы защиты доступа, и хакеров, так что любое описание, выделяющее только одну сторону, ошибочно.

По мере своего распространения технологии становились все более полезными как для службы людям, так и для хищничества. Серии данных за длительные промежутки времени показывают, что технологии улучшают свои показатели частично благодаря времени, а частично благодаря растущему масштабу производства. Это так называемая кривая обучения, которая возникает, если делать нечто все больше и больше: чем больше мы что-то делаем, тем лучше у нас это получается и с тем меньшими затратами. Эти закономерности в первом приближении являются степенными законами, хотя некоторые технологии, включая телекоммуникации, шли по более скоростному маршруту, демонстрируя экспоненциальный прогресс — в соответствии с законом Мура и законом Меткалфа¹⁹. Но они стали полезнее

19. Закон Мура первоначально гласил, что число транзисторов, которые можно будет разместить в интегральной схеме, каждый год удваивается (иногда при этом называют 2 года или 18 месяцев, а закон применяют

и благодаря переменам, происходившим вокруг них, когда технологии стали вызывать к жизни дополняющие их инновации, а также новые идеи и представления о жизни вообще и способах решения проблем, встречающихся в жизни. Двигатель внутреннего сгорания можно было использовать для многих вещей, но лишь в особом потребительском обществе автомобиль мог стать господствующим механизмом, расширяя свое взаимодействие со смежными социальными инновациями: городом, состоящим из пригородов, которые зависят от автомобиля; покупками, организованными с прицелом на супермаркеты, которые сами устроены так, чтобы приезжать в них на машине; автошколами, обучающими людей избегать столкновения с другими автомобилистами; дорожной разметкой и правилами, определяющими поведение на дороге. Технология сама по себе — это только потенциал. Она обретает ценность лишь благодаря использованию и постоянным реакциям на это использование.

Прошло более столетия с тех пор, как электромобиль *La Jamais Contente* («Недовольная») стал первым транспортным средством, проехавшим со скоростью более 100 километров в час в Ашере (возле Парижа) в 1899 г. Но он не смог дать толчок применению и совершенствованию этой технологии в противоположность двигателю внутреннего сгорания. Другие инновации спотыкаются на социальных или психологических трудностях. Льюис Пол, изобретатель хлопкопрядильной фабрики в 1730–1740-х гг., в итоге потерпел неудачу вследствие проблем с дисциплиной, а не из-за технологии: были дни, когда на работу являлась лишь половина рабочих. Его преемники добились успеха не только потому, что поменяли технологию, но и потому, что изменили людей. Здесь мы снова видим, что технологии не распространяются линейно или лишь потому, что приносят пользу. Они получают распространение, когда меняются люди и когда вокруг них формируются целые системы.

Вероятно, самым влиятельным теоретиком связи между технологическими изменениями, экономикой и обществом в целом является венесуэльский экономист Карлота Перес,

и к вычислительным мощностям тоже). Закон Меткалфа утверждает, что полезность сети пропорциональна квадрату пользователей системы (или подключенных устройств).

изучающая долгосрочные закономерности технологических изменений и их пересечение с социальными изменениями и финансовыми циклами, которые снова и снова повторяются в течение относительно короткой истории капитализма. Ее анализ — еще одна разновидность многочисленных теорий созидательных циклов, из-за которых открытые, динамичные области превращаются в рутинизированные, а затем застойные и упадочные. Необычно то, что она показывает, как циклы созидания могут соединяться с параллельными, но отличными от них, циклами хищничества.

В изложении Перес, основанном на работах Кондратьева и Шумпетера, циклы начинаются с возникновения новых технологий и инфраструктур, обещающих большое богатство. Они затем вызывают лихорадочные спекулятивные инвестиции, сопровождающиеся резким ростом акций и других цен, будь то лихорадка вокруг строительства каналов 1790-х, железнодорожная мания в 1830–1840-х, всплеск глобальных инфраструктур в 1870–1880-х и биотехнологий и Интернета в 1990–2000-х гг.

Во время этих фаз технологических излишеств финансы идут на подъем, и нормой становится политика *laissez-faire*. Кажется очевидным, что рынкам следует дать свободно расти, раз они вызывают столь бурный рост благосостояния. В такие периоды некоторые инвесторы и предприниматели очень быстро богатеют. Несдержанность на рынках может отражаться в несдержанности и попустительстве в личной морали — в блистающем мире праздников, знаменитостей и сплетен, за которым неотрывно следит и которому опосредованно переживает остальная часть публики. Предприниматели идут на невероятные риски и получают невероятные вознаграждения. Экономика представляется местом для легкой добычи, обещающим награды, не требующие тяжелого труда, и массу возможностей выкачивать прибыли. Но она также наделяет предпринимателей хищническим желанием найти новые возможности, которые играют созидательную роль в поисках новых способов применения технологий.

Затем бум оборачивается пузырем, и за ним следует впечатляющий крах. 1797, 1847, 1893, 1929 и 2008 гг. были одними из самых важных вех краха создаваемых ранее ценностей. Обрушение на бирже вызвало банкротство многих

прославившихся во время бума компаний, например банкротство большого числа железнодорожных фирм в XIX в. Иногда происходит обрушение валют и даже суверенный дефолт государств²⁰.

После всех этих катастроф и периодов неразберихи постепенно создается потенциал для новых технологий и инфраструктур. Но это происходит только тогда, когда появляются новые социальные, политические и экономические институты и правила, лучше приспособленные к особенностям новой экономики и лежащим в ее основе желаниям общества. Как только это происходит, в экономике снова может начаться рост, возобновится социальный прогресс, как это было в период «прекрасной эпохи» или послевоенного чуда.

Эти закономерности можно легко разглядеть в Великой депрессии и последующем за ней периоде. Перед кризисом 1929 г. уже имелись элементы новой экономики и нового общества, а перспективы новых технологий (таких, как автомобили и телефон) подстегивали спекулятивные пузыри 1920-х гг. Но их не понимали люди, находившиеся у власти, и они не были встроены в институты. Затем в 1930-е гг., по словам Перес, экономика превратилась из экономики, основанной на

стали, тяжелом электрическом оборудовании, крупных инженерных проектах (каналы, мосты, плотины, туннели) и тяжелой химии, связанной в основном с большими финансами... в систему массового производства, рассчитанную на потребителей и большой оборонный рынок. Необходимо было заняться радикальным управлением спроса и перераспределением доходов, и в решении этих задач наиболее важную экономическую роль играет, вероятно, государство»²¹.

Результатом стали подъем массового консьюмеризма и экономика, основанная на всеобщих инфраструктурах электричества, дорог и телекоммуникаций.

20. Наиболее увлекательный и подробный рассказ о прежних крахах см. в: Reinhart and Rogoff, *This Time Is Different*; Рейнхарт и Рогофф, *На этот раз все будет иначе*.

21. Carlota Perez, *Technological Revolutions and Financial Capital* (Cheltenham: Edward Elgar, 2002); Перес К. *Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания*. М.: Дело, 2011.

Эти закономерности становятся очевидными, только если обратиться к прошлому. В 1930-х гг. было неясно, какие институциональные инновации будут наиболее успешными. Фашизм, коммунизм и корпоративизм — все это были решения, конкурирующие друг с другом, и какое-то время они казались убедительным ответом на проблемы массовой безработицы и городского отчуждения. Кроме того, было неясно, какое из них лучше всего согласуется с желаниями общества, готовностью брать на себя обязательства и участвовать в общей жизни. История могла пойти совершенно иным путем. Политические и социальные модели фашизма и коммунизма неплохо отвечали особенностям новых технологий своего времени. Они наверняка были совместимы с телефоном (и был найден способ использования его в качестве инструмента слежки, а не только коммуникации). Определяющей чертой коммунизма стали новые источники энергии (то, что Ленин определил через формулу «Советская власть плюс электрификация...»). Эти социальные модели были в равной мере совместимы с идеями современного менеджмента, сыгравшего решающую роль в жизни компаний после Второй мировой войны, — настолько, что Джеймс Бернем в крайне влиятельной книге, опубликованной в 1940-е гг., предсказывал, что мир больше не будет делиться на левых и правых, поскольку им будут править менеджеры и менеджериализм²².

Однако и фашизм, и сталинизм — каждый по своему — перегнули палку (хотя СССР сумел создать сложные компьютеры и полететь в космос, имея ВВП, составлявший едва ли четверть от ВВП Соединенных Штатов, а потом несколько десятков лет, прежде чем развалился, демонстрировал приличный рост). Тогда как после Второй мировой войны в большинстве стран развитого мира образовалась новая модель развития с совершенно иными институтами и политической программой и столь разными составляющими, как пригороды и автодороги, государство всеобщего благосостояния и макроэкономическая политика, позднее ставшими основой для невероятного роста 1950–1960-х гг. Это была экономика,

22. James Burnham, *The Managerial Revolution: What Is Happening in the World* (New York: John Day Co., 1941).

основанная на низкой цене на нефть и на энергозатратных материалах (в особенности нефтехимии и синтетике), лидерами которой были гигантские производители нефти, химических продуктов, автомобилей и других долговременных товаров массового потребления. «Идеальным» типом организации производства на уровне завода был постоянный поток сборочной линии... «идеальным» типом компании — «корпорация», включавшая в себя отдел научных исследований и разработок и оперировавшая на олигопольных рынках, на которых важную роль играли реклама и маркетинг. Для этого требовалось большое число специалистов среднего уровня квалификации как среди рабочих, так и среди служащих... обширная инфраструктурная сеть автомобильных дорог, станций обслуживания, аэропортов, систем дистрибуции нефти и нефтепродуктов²³.

В свете того, что за ней последовало, Великая депрессия была одновременно и катастрофой, и важным катализатором реформы. Она помогла появлению новой экономики и политики всеобщего благосостояния в таких странах, как Новая Зеландия и Швеция, позднее получившей распространение по всему развитому миру. В Соединенных Штатах она привела к банковской реформе, «Новому курсу», системе социального обеспечения и страхования от безработицы (и то и другое при поддержке крупного бизнеса)²⁴, а позднее к закону о льготах демобилизующимся из армии. В Британии депрессия так же, как и война, привели к созданию в 1940-е гг. государства всеобщего благосостояния и Службы национального здравоохранения. Хищнические крайности удавалось сдерживать (в Соединенных Штатах ставки налога на предельный доход достигли пика в 91% в 1950-х, что побудило Кеннеди призвать к их снижению до 65%)²⁵, а в боль-

23. C. Freeman and C. Perez, «Structural Crisis of Adjustments, Business, Cycles and Investment Behaviour» // *Technical Change and Economic Theory*, ed. Dosi et al. (London: Printer Publishers, 1988), 60.

24. Как и в Европе, крупный бизнес мог разглядеть преимущества социализации риска: она обеспечивала более стабильное и эффективное общество и повышала относительные затраты для мелких фирм больше, чем для крупных.

25. Thomas Piketty and Emmanuel Saez, «How Progressive Is the U. S. Federal Tax System? A Historical and International Perspective», *Journal of Economic Perspectives* 21, no. 1 (Winter 2007): 3–24.

шинстве стран преобладал дух стремления к справедливости и равным шансам.

Оглядываясь назад, можно сказать, что новые идеи дали ответы на самые насущные вопросы эпохи: как достичь надежности в рыночной экономике (вопрос, на который ответило государство всеобщего благосостояния и пожизненная работа); как открыть возможности для женщин (на него ответило внедрение технологий в быту, а позднее более открытый рынок труда); как избежать экономической депрессии (ответом стали Бреттон-Вуддские соглашения, новые инструменты макроэкономического менеджмента и свободная торговля) и тоталитаризма (вопрос, ответ на который, по крайней мере в некоторых частях мира, дали демократия и новая доктрина всеобщих прав человека).

Ни один из этих ответов не был совершенно новым. Все существовали в качестве возможностей, и перспективные элементы уже присутствовали в некоторых местах и институтах. Но только после Второй мировой войны они обрели форму и превратились в правила для обществ и мировой системы.

Перес, как и другие сторонники теории циклов, указывает на повторяющиеся закономерности. Фазы предпринимательского энтузиазма сменялись фазами консолидации и олигополии. Отрасли становились более упорядоченными, продукты и услуги, которые они предоставляли, — более устоявшимися и надежными, при этом господствующее положение занимали всего несколько фирм. Бюрократия одерживала победу над авантюристами. Так было с голливудским кинопроизводством, телефонией и автомобилями в 1920-х гг., а затем с программным обеспечением и компьютерами 60 лет спустя. Такие компании, как *Apple* и *Amazon*, сегодня пытаются провести похожую консолидацию с использованием бизнес-моделей, вертикально интегрирующих и захватывающих клиентов. Для них — преимущества монополии, для их клиентов — преимущества стабильности.

Перес не предлагает исчерпывающего исследования политической экономии этих циклов, но ее работа показывает, как созидание и хищничество оказывают влияние друг на друга. В периоды подъема, а затем развития создаются избыточные доходы. Они оправдывают свободу творческих предпринимателей — с политикой *laissez-faire* и низкими на-

логами. Но те же самые свободы используются и хищниками, для того чтобы получать ренту. Иными словами, хищники пользуются успехами творцов. Общественность терпит то, что меньшинство получает огромные прибыли, потому что кажется, что и она в конечном счете получает от этого выгоду.

Затем рано или поздно наступает кризис, отчасти вызванный разнузданным поведением хищников. Прибыли и доходы резко падают. Общественность начинает более нетерпимо относиться к хищникам, которые, как считается, берут, ничего не отдавая взамен. Их излишества начинают считаться причиной кризиса и угрозой уровню жизни всех остальных. Снижается поступление капитала творцам. Правила ужесточаются, равно как и меры по перераспределению. Хищничество никуда не исчезает: оно просто принимает иные формы — больше связанные с крупными организациями, а не с рантье, и, как правило, с более очевидными компромиссами с общественным интересом. Но тогда появляется риск, что меры по сдерживанию хищничества могут стать помехой активным поискам новых возможностей, которыми заняты творческие предприниматели, внешне напоминающие своим поведением хищников.

Количество переменных, задействованных в любом из циклов такого рода, делает маловероятным их детальный прогноз или их развитие по установленному графику вроде того, что был предложен Кондратьевым. Но чем лучше мы понимаем такого рода циклы, тем больше у нас появляется возможностей избегать излишеств и ошибок, характерных для каждой стадии.

Научные системы

Решения, которые, как указывает Перес, развиваются в результате кризиса, с большой вероятностью затрагивают многие аспекты жизни. Чтобы добиться успеха, они должны предложить убедительные ответы на жизненные дилеммы в том виде, в каком они переживаются в данный момент: как быть счастливым, как продлить нашу жизнь, как уменьшить ущерб, наносимый окружающей среде, как остановить разбазаривание ресурсов, как поддерживать дружбу и усилить любовь.

В 1930–1940-х гг. главной заботой были мир и экономическая безопасность, уменьшение бремени домашнего труда и достижение хотя бы небольшой автономии и мобильности. Это, в свою очередь, повлияло на приоритеты науки и технологии. Несколько поколений спустя наши общества решили инвестировать от 50-й до 20-й части своих доходов в открытия (научные исследования и разработки составляют 2,6% ВВП в Соединенных Штатах, 3,3% в Японии и 4,5% в Израиле). Но приоритеты в расходах не так очевидно связаны с общественными приоритетами. Психическое здоровье по сравнению с физическим испытывает значительное недофинансирование. Война по-прежнему финансируется гораздо лучше, чем мир. А инновации, затрагивающие материальные вещи (нанотехнологии и фармацевтика, следующее поколение космических аппаратов и новые материалы), финансируются гораздо лучше, чем инновации в сфере услуг, не говоря уже о социальных идеях.

В этом отношении научные системы всего мира — прямые или косвенные потомки идей, рекомендованных в 1940-х гг. Ванневаром Бушем, который рассматривал науку в материальных категориях. Буш был одним из создателей совершенно нового вида стратегии (и позднее прославился, когда его идея «мемекса» материализовалась 50 лет спустя в виде Интернета). Он руководил Агентством по научным исследованиям и развитию, которое занималось в Соединенных Штатах оборонными исследованиями, включая Манхэттенский проект по созданию атомной бомбы. В 1945 г., когда война как раз подходила к концу, вдохновленный успехом Манхэттенского проекта и работой Национального комитета по авионавтике (НАКА, предшественник НАСА) Буш подготовил для президента доклад под названием «Наука: бесконечный фронт». В докладе акцент делался на систематические вложения в технологию в мирное время: «Новые продукты и технологии не рождаются полностью сформированными. Они основаны на новых принципах и новых концепциях, которые, в свою очередь, тщательно разрабатываются в наиболее абстрактных из областей науки». Буш рекомендовал новому Национальному научному фонду направлять фундаментальные исследования и значительный поток государственных средств на технологии. Он выступал за предоставление молодым ученым не только денег,

но и свободы заниматься собственными идеями — по контрасту с иерархическими европейскими университетами, в которых главной задачей было обслуживание старых профессоров и восхищение ими. И он помог создать более прочные институционализированные каналы между научными исследованиями, изобретениями и их внедрением²⁶.

До начала XX в. изобретениями занимались в основном любители: Маркони, Белл, Дэмлер и Эдисон работали в домашних лабораториях. Но такие фирмы, как *Dupont*, показали, сколь многого можно добиться благодаря систематическим инвестициям. Буш предполагал, что его идеи должны поднять всю систему — от университетов до бизнеса — на новый уровень деятельности. В последующие полвека его планы достигли феноменального успеха и вокруг них возникла экосистема институтов, от венчурного капитала и передачи технологий до университетских лабораторий и комментаторов. Фредерик Терман с электроинженерного факультета Стэнфордского университета превратил идею Буша в то, что стало Кремниевой долиной, воспользовавшись рецептом, сочетавшим в себе щедрые оборонные контракты, культуру технологического творчества и активное отпочковывание компаний от университетов. Соединенные Штаты создали большинство новых мировых технологий (хотя и не всегда использовали их лучшим образом), так что другим странам пришлось поднапрячься, чтобы их догнать. Систематизация инноваций многим могла не нравиться — Шумпетер жаловался на то, что

технологический прогресс все больше становится делом коллективов высококвалифицированных специалистов, которые выдают то, что требуется, и заставляют результаты работать предсказуемым образом. Романтика прежних коммерческих

26. Теперь это поддерживается «Руководством Фраскати», библией политики в области научных исследований и разработок, которая предполагает, что они состоят из фундаментальных исследований, направленных на получение знаний независимо от возможностей их применения; прикладных исследований, в которых знания приобретают специфические практические цели, и экспериментальных разработок, которые опираются на научные исследования для производства новых продуктов, процессов и систем. Frascati Manual: Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development, http://www.oecd.org/document/6/0,3343,en_2649_34451_33828550_1_1_1_1,00.html.

авантюр уходит в прошлое, поскольку многое из того, что прежде могло дать лишь гениальное озарение, сегодня можно получить в результате строгих расчетов²⁷.

И все же этот метод работал, и, глядя с высоты сегодняшнего дня, с которой видно намного лучше, можно сказать, что систематическое применение общих ресурсов для поиска знаний оказалось весьма прозорливым подходом. Столь же прозорливое решение — поощрять инновации в самих инновациях, от экспертного рецензирования в рамках Национального научного фонда (NSF) до более экспериментальных методов Агентства по перспективным исследованиям (ARPA), которое нанимало выдающихся личностей и предоставляло им значительную свободу в решениях касательно финансирования тех или иных проектов, а также собирало вокруг отдельных проблем сообщества ученых из разных университетов, небольших стартапов и крупных компаний. Мудрыми оказались и некоторые из крупных стратегических ставок: Национальные институты здравоохранения финансировали начальные этапы развития генетики и молекулярной биологии, и именно государственные фонды поддерживали и «Стратегическую компьютерную инициативу» в 1980-х гг., и *Sematech*, инициативу крупных корпораций, направленную на сохранение лидерства США в области микропроцессоров.

Всегда существовали критики этой крайне интервенционистской установки, которая, по мнению некоторых, сформировала самое серьезное «научно-производственное государство» в мире. Милтон Фридман в своей влиятельной книге «Свобода выбирать» не нашел оправданий для государственного финансирования научных исследований через Национальный научный фонд. Но критиков заставляла молчать высшая цель, стоявшая за этим финансированием. В течение всего периода холодной войны и после нее США чувствовали, что ведут борьбу, которая может стать смертельной, а технология сыграет решающую роль в определении победителя (этот взгляд разделял и СССР). Этим об-

27. Joseph Schumpeter, *Capitalism, Socialism and Democracy* (London: Routledge: 1943), 132; Шумпетер Й. *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика, 1995. С. 184.

ширные инвестиции в технологию оправдывались больше, чем какой-либо коммерческой или экономической логикой. Ценность самой жизни и выживание оказались важнее денежных доходов.

Другие страны испытывали давление иного рода, а вопросы, на которые им нужно было ответить, были связаны со спецификой их времени и места: но и для них экономическая логика была лишь ограниченной частью истории²⁸. Были периоды, когда всем хотелось иметь свою Кремниевую долину и платили консультантам за то, чтобы те помогли создать Кремниевые долины в Израиле (так называемые Кремниевые вади), Шотландии или Швеции. Большинство из них потерпели провал. Успешные стратегии в итоге оказались весьма отличными друг от друга отчасти потому, что различались вопросы, на которые они отвечали. Израиль, Тайвань, Финляндия, Дания, Сингапур, Южная Корея — все они сформировали системы, отвечавшие их культуре и их особенностям. Израиль, тратящий на научные исследования и разработки самую большую долю ВВП, создал множество инкубаторов в государственном секторе, а затем передал их (вместе с финансированием 90% расходов на развитие технологии) компаниям в обмен на роялти от будущих доходов. Финляндия сформировала свою стратегию, отчасти по необходимости, вокруг конкретной ситуации в одной фирме, *Nokia*, которая продолжала вкладывать значительные средства в исследования даже в самый разгар кризиса начала 1990-х гг. Тайвань завоевал лидирующую позицию в области полупроводников благодаря согласованной промышленной стратегии, мощному государственному органу по ее внедрению (Исследовательский институт промышленной технологии (ITRI) был основан в 1970-х гг., а к 1990-м гг. его доля составляла 0,3% ВВП) и суперсовременному научному парку в Синьчжу, а также динамичным университетам.

Однако, возможно, самая интересная черта этого списка новых моделей — это то, что у каждой были свои причины уделять такое внимание технологии, зачастую как у США

28. См., например: Lundvall, *National Innovation Systems*; Tudor Rickards, *Stimulating Innovation: A Systems Approach* (London: Pinter, 1985); J. Gershuny, *Social Innovation and the Division of Labour* (Oxford: Oxford University Press, 1983); M. Nijhoff, *The Political Economy of Innovation* (The Hague: Kingston, 1984).

в 1940-х гг., в равной мере связанные как с экономикой, так и с геополитикой. Для Израиля это был вопрос выживания в окружении густонаселенных арабских государств, для Тайваня — вопрос выживания рядом с Китаем, для Финляндии — потребность выбраться из тени Советского Союза и, более того, освободиться от последствий экономического краха. В Сингапуре такой причиной была параноя богатого города-государства, окруженного более бедными и более крупными соседями, а также возросшая тревога, связанная с тем, что его собственная рождаемость упала настолько, что ее уже нельзя было восстановить. В случае Южной Кореи это было напряжение, которое она испытывала из-за неудачного расположения между Японией и Китаем и рядом с Северной Кореей — страной, стратегия которой оказалась непредсказуемо агрессивной. Каждая страна искала движущую силу, ключ к ускорению экономического роста, но, помимо этого, ответ на то, что она считала своей самой насущной потребностью. И в каждом случае страх оправдывал щедрое государственное финансирование и стимулировал обостренное восприятие общей цели.

Мы можем извлечь множество уроков из этих примеров. Одни из них — значение необходимости или стимула. В прошлом технологии развивались быстрее, когда был стимул или когда «достижения одного общества стимулировали людей в других местах делать другие, но родственные изобретения»²⁹. Так, когда европейцы услышали о порохе, изобретенном в Китае, это послужило стимулом для изобретения пушки; когда японские производители узнали о транзисторах, изобретенных в Соединенных Штатах, они изобрели новые поколения потребительских продуктов. В последнее время то же самое происходило с гибридными автомобилями и возобновляемой энергией, а также с городами, имеющими беспроводной и широкополосный Интернет. Четко сформулированные проблемы могут породить больше инноваций, чем неопределенные, а необходимость может действительно стать матерью изобретения.

Другой урок касается модернизации финансов. Леонардо да Винчи смог изобрести вертолеты (для развлечения, а не для транспортировки), потому что у него были покровители,

29. Pacey, *Technology in World Civilisation*, vii.

готовые и способные его финансировать. Открытие знаний должно оплачиваться в университетах или в исследовательских лабораториях. Вот почему вряд ли есть что-то удивительное в том, что компании, больше остальных вкладывающие в инновации, производят наиболее инновационные продукты и растут быстрее всех. Но рынки капитала с недоверием относятся к инновациям: они слишком ненадежны и деструктивны. Быстрый оборот акций настраивает против финансирования долгосрочных инноваций, и даже инвесторы, достаточно глубоко понимающие технологии, чтобы судить об их будущих перспективах, окажутся уязвимы, если их краткосрочные показатели будут отставать от показателей всех остальных. Это и оправдывает участие государства в рисках: субсидии, налоговые льготы, сотрудничество в научных исследованиях и разработках или государственные закупки, которыми компании вознаграждаются за инновации.

Государства также больше узнали о важности навыков. Знания и идеи не парят в воздухе: чтобы обрести ценность, они должны применяться на практике и адаптироваться. Одно из интересных открытий, сделанных в исследовании инноваций, заключается в том, что воздействие расходов на исследования определяется не самими исследованиями, а, скорее, аспирантами, которые затем идут работать в бизнес. Развитые технологии рождаются не непосредственно из знания, которое было бы легкодоступно повсюду, но из подлинного мастерства: тонкого, порой молчаливого понимания того, как работают вещи, особенно если они работают вместе. Умельцы и мастера играют ничуть не меньшую роль, чем изобретатели³⁰. Носители такого мастерства обычно сосредоточиваются в определенных местах, организациях и сетях. Несомненно, именно так выглядела ситуация в Англии XVIII в., которая выделялась тем, что давала инженерам³¹ статус, вознаграждение и деньги, а также тем, что на каждом этапе индустриальной революции:

30. Это важный посыл работ Ральфа Мейзензала и Джоэля Мокира, посвященных промышленной революции, во время которой такие умельцы, как Ричард Робертс из Манчестера, превратили просто перспективные изобретения, вроде прядильной машины, в мощные и эффективные.

31. Joel Mokyr, *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress* (Oxford: Oxford University Press, 1990).

даже самый простой слесарь-сборщик... как правило, обладал приличными знаниями арифметики, кое-что знал о геометрии, топографии и измерениях, а в некоторых случаях был вполне подкован в практической математике. Он также мог рассчитывать скорость, силу и мощность машин, мог начертить план или сечение³².

Из этого следует, что самыми успешными в следующие несколько десятилетий могут стать те места, которые не только чтут изобретателей, но также располагают сосредоточением необходимых навыков, например, в области нейронауки или заботы о себе, синтетической биологии или авиакосмической отрасли с низкими выбросами углерода. Хороший пример — Израиль: преимущество в аксиоматической теории множеств подхлестнуло развитие его необыкновенно успешной телекоммуникационной индустрии. Инженеры *Google*, исследующие пределы поиска, поставщики продуктов по уходу за детьми из Эмилии-Романьи или английские производители болидов Формулы-1, равно как и дизайнеры моды и создатели компьютерных игр, — это все примеры подлинного мастерства. Недавнее исследование iPhone 4 проясняет этот тезис: лишь небольшая доля ценности приходится на сборку частей и компонентов, и даже их производство составляет только четверть создаваемой ценности: большую ее часть забирает себе *Apple*, что отражает одновременно и инвестиции компании, предшествовавшие производству, и ценность бренда, который она использует, чтобы эффективно соединять элементы³³. Это, в свою очередь, стало результатом сконцентрированных в географическом и организационном плане дизайнерского мастерства (*Apple* редко становилась первопроходцем новых технологий) и навыков логистики в сочетании с необычно эффективными и исключительными бизнес-моделями (такими как *iTunes*).

Эти глубокие резервуары навыков, каждый из которых по-своему связывается с требовательными потребителями, затем должны стимулироваться более широким периферийным зрением. Правительства регулярно заказывают футуро-

32. David Landes, *The Wealth and Poverty of Nations* (New York: Norton, 1998), 296.

33. OECD, «Global Value Chains», 2011.

логические исследования, чтобы выяснить, как технологии распространяться в их общества, трансформируя в ходе этого процесса жизнь. В финском парламенте есть даже комитет по будущему. Эти прогнозы стали важной рамкой для масштабного анализа и фантазий. Консалтинговые фирмы часто публикуют комплексные обзоры будущих трендов, чтобы помочь с их маркетингом. Но, вероятно, еще важнее упражнения по изобретению возможных миров, созидательному утопизму, который встречается в литературе, кино и играх не реже, чем в сухих отчетах футурологов.

Линейный взгляд на инновации как на поток, берущий свое начало в фундаментальной науке, был в какой-то мере отвергнут. Часто успеха добиваются те технологии, которые подключаются к надеждам и желаниям, захватывая воображение инвесторов и потребителей. В ажиотаже бума доткомов и аналогичного бума инвестиций в биотехнологии и экологические технологии сочетались шоу-бизнес и серьезный бизнес, играя и на страхе отставания, и на рациональной оценке того, что именно может принести прибыль. Крупные инвестиции Германии в солнечную энергетику (которые благодаря стимулирующим тарифам могут в конечном итоге принести больше выгоды Китаю, чем Германии) подталкивались как силой идеи, так и бизнес-планами. Все большая значимость «седовласой экономики», удовлетворяющей потребности людей пожилого возраста не только в заботе и здоровье, но и в опыте и смысле, также касается как вещей, так и идей, соединяя новые концепции (например, активной старости) и общественные потребности с новыми технологиями — такими, как гимнастика для ума, устройства для мониторинга и протезирование.

Какая часть всего этого является по своей сути капиталистической? Только та часть инноваций, которая может создать нечто ценное для жизни, способна предсказуемо создать денежные выгоды, но большая доля ценности инноваций выходит за их пределы. Некоторые технологии быстро находят свое место на рынке. Мир, страдающий из-за затруднений с водой в проблемных местах и в сложные периоды, будет подталкивать к радикальным инновациям в области сохранения и обработки воды и к щедрым наградам за лучшие идеи. Существующие системы персонализированного здравоохранения — готовое поле для ге-

нетических тестов. Пищевая геномика и лечебное питание, вполне вероятно, найдут заинтересованных покупателей, желающих с каждым приемом пищи укреплять свое здоровье. Создание стокилометровых солнечных электростанций в пустынях Марокко, а также строительство ветряных станций в Центральном Китае хорошо согласуются с высокими ценами на нефть и тревогами по поводу экологии. Одноэлектронные процессоры, использующие графеновые нанотехнологии, могли бы найти применение в миллионах электронных устройств.

Но другие технологии с трудом находят себе место: например, умные энергосистемы и счетчики, которые в принципе рациональны, но не так легко согласуются с желаниями и корпоративными стимулами, за исключением тех мест, где строятся совершенно новые города; или, например, видеофоны, впервые выпущенные на рынок в 1960-х гг., но получившие распространение десятки лет спустя, или смарт-карты, которые были предметом постоянных экспериментов начиная с 1980-х гг. Некоторые технологии могут идеально работать с технической точки зрения (как, например, такси без водителя), но спотыкаются об отношение людей и законодательство (поезда без машинистов уже ходят в Копенгагене, но этого недостаточно, чтобы успокоить страхи общественности). Некоторые технологии могут удовлетворять лишь нужды не слишком платежеспособных людей — например, сетки от комаров, покрытые инсектицидами, или лекарства от малярии.

Пожалуй, самым большим вызовом для людей, ответственных за формирование и управление инновационными системами, является расширяющийся разрыв между лидерами технологической инновации, продающими все больше вещей, автомобилей, мобильных устройств и ноутбодов, и тем, чего в действительности хотят люди, настоятельными вопросами, которые они задают себе о своей жизни. Технологические системы, основанные на материалистической экономике и материалистическом взгляде на то, как происходят изменения, с трудом адаптируются к экономике, в которой ценности порождаются не только вещами, но и в меньшей степени отношениями. Этот сдвиг — не следствие технологий, хотя они ему и способствуют (в особенности, конечно, социальные медиа). Скорее, этот сдвиг — следствие

стадии развития, то есть закономерностей спроса и предложения, на которые технологии являются в лучшем случае частичным ответом.

Это важно потому, что наука должна себя легитимировать — должна убеждать избирателей и налогоплательщиков в своих достоинствах. В прошлом государства могли сделать приоритетом собственные нужды — в первую очередь совершенствование вооружений и разведку. Или же они могли вступать в альянсы с крупным бизнесом и делать приоритетом его потребности. Но постепенно в системы науки проникла демократия, и вскоре мы можем увидеть более очевидные механизмы привлечения общественности к установлению приоритетов научных исследований и инноваций, с непосредственной мобилизацией их надежд и страхов как факторов, формирующих направление перемен.

Одна из отличительных особенностей цивилизованного общества — это то, что оно предоставляет свободные ресурсы для открытий, исследований и экспериментов, будь то в искусстве, науке или обществе. Но зрелые инновационные системы должны идти дальше, согласовывая цели и средства. Для этого требуется сочетание трех вещей: во-первых, осознание нужд и устремлений людей — и наибольших вызовов, с которыми они должны справиться, чтобы добиться успеха и выжить; во-вторых, способность лучших и наиболее творческих умов, мобилизуемых на поиски ответов; в-третьих, система претворения найденных ими идей в практику. Такого рода сочетания весьма редки. Даже когда общества понимают, в каких инновациях они больше всего нуждаются, их творческие ресурсы слишком часто отвлекаются на властные интересы или на тривиальные задачи. И все же такого рода сочетание наверняка будет одной из величайших задач этого столетия и признаком по-настоящему умного общества.

Как технология следует за идеями

Если технология в самом деле становится более восприимчивой к нуждам общества, чем к нуждам государства и бизнеса, ее влияние частично будет опосредовано идеями. Хотя технологии иногда напоминают «богов из машины», приходящих извне, чтобы изменить нашу жизнь к лучшему или

к худшему³⁴, более точное описание показывает, что технологиям, от паровозов и сталелитейных заводов до микропроцессоров, часто предшествовали новые способы мысли и новые типы мировоззрения. Технологии не меняют общество, они — одновременно и продукт общества нового типа, и средство его воплощения в реальности. Так, например, часы развивались вместе с новыми способами осмысления порядка времени, которые в течение многих столетий прокладывали путь к тому, чтобы рабочие начали отмечаться, приходя и уходя с работы. Точно так же Всемирная паутина эволюционировала вместе с технологическими фантазиями, восходящими к Г. Уэллсу и предложенному Ванневаром Бушем «Мемексу», так что миллионы людей были знакомы с идеей глобальной сети задолго до того, как она получила воплощение.

Фрэнсис Бэкон развил некоторые из новых способов видения, которые стали неотъемлемой частью капитализма и его способности искать и эксплуатировать все ценное, задолго до того, как эти способы видеть воплотились в машинах. Самым важным из них был метод разбивки проблемы на составляющие с ее последующим восстановлением в целостном виде. Это был метод, использовавшийся пионерами военной муштры, родоначальниками статистики и пионерами заводского производства³⁵. Позднее эти методы стали частью мышления капитализма с его изучением времени и движения, механизацией и автоматизацией всего на свете. А позднее они превратились в организационный принцип для лэптопов и автомобилей, автоматизированных портов и больниц.

Если кто-то хочет формировать будущее, скорее всего, это можно будет сделать как при помощи идей, которые порождают технологии, так и через сами эти технологии. Самые разные идеи сосредоточены сейчас на острие идейных и технологических возможностей, только-только обозна-

34. Хороший пример: Kevin Kelly, *What Technology Wants* (New York: Viking, 2010).

35. Мориц Оранский разработал процедуры муштры для своих солдат, чтобы они все вместе могли действовать как хорошо смазанная машина. Уильям Петти пошел по его стопам при разработке методов сбора и анализа статистики, а Льюис Пол и другие наблюдали за жестами женщин, которые пряли, чтобы потом заменить их машинами.

чающихся на заре сетевой экономики с низкими выбросами углерода: идеи цикличности и повторного использования, самоменеджмента и персонализации, простоты и замкнутых петель, сетей и самоорганизации. Многие из них являются едва ли не противоположностью того, о чем говорил Фрэнсис Бэкон. Все они указывают на будущую экономику, которая не столь активно расхищает другие системы.

Некоторые области технологического прогресса могут резонировать с глубинными желаниями, например с движением к «трансгуманизму» или к синтетической биологии. XIX век вызвал переход от природных химикатов к синтезированным, а сегодня мы наблюдаем еще более ускорившееся развитие синтезированных форм жизни, и некоторые из них могут заменить человеческое тело или соединиться с ним. Трансгуманизм поднимает крайне важные вопросы справедливости и морали, но он отвечает на стремление к жизни и, вполне вероятно, станет приоритетом для инновационных систем отдельных государств³⁶. То же самое относится к науке о мозге: быстро развивающееся знание о том, как работает мозг, пересекается с желанием людей стать счастливее, умнее и общительнее и, по-видимому, приведет к появлению новых продуктов и услуг, многие из которых окажутся столь же сложными с этической точки зрения, как и те, что связаны с трансгуманизмом.

Другие области технологического развития, возможно, потерпят провал, потому что не смогут предложить убедительного объяснения того, почему они так важны. Так, космические путешествия и освоение космоса никогда не могли полностью убедить общественность и политиков в том, что они вернут крупные инвестиции, необходимые для того, чтобы сделать нечто большее, чем шаттлы, спутники и изредка запускаемые беспилотные аппараты, исследующие вселенную.

Важный тезис состоит в том, что идеи играют решающую роль на каждой стадии. Значимые технологии получают распространение только тогда, когда пробуждают желание, достаточное, чтобы убедить ученых посвятить им свою

36. John Gray, *The Immortalization Commission* (London: Allen Lane, 2011) — замечательный рассказ о предпринимавшихся попытках продления жизни.

жизнь, инвесторов — вкладываться, правительства — субсидировать, потребителей — тратить. Для этого недостаточно одной лишь пользы (удивительно много технологий оказалось бесполезными в начале своих дней). Они должны быть еще и осмысленными, захватывать воображение. И поэтому в следующей главе я обращаюсь к тому, какими могут быть самые важные идеи, способные вдохнуть жизнь в капиталистическое развитие на его следующей фазе.

Подъем экономики, основанной на отношениях и поддержке

Только в отношениях с другим
я свободен.

*Дитрих Бонхоффер. Творение
и грехопадение (1959)*

БОЛЕЕ 40 лет технологические прогнозы и футурология подчеркивали растущее значение информации и знания, и моя карьера во многом определялась этим движением идей и практики одновременно¹. Мысль о том, что значительный сектор экономики «дематериализовался», сейчас является общим местом; и, согласно большинству прогнозов, в будущем экономика будет состоять из еще менее материальных элементов — потоков данных и знания: в каждый предмет будут встроены передатчики, предметы будут разговаривать друг с другом, подобно общающимся друг с другом людям. В конечном счете, согласно некоторым взглядам, каждая часть тела человека может получить свой URL, идентичность в киберпространстве. Вполне вероятно, что благодаря дальнейшему прогрессу в обработке данных реальный и виртуальный миры станут более интегрированными, так что подростки будут устраивать вечеринки на экранах во всю стену в своих спальнях, а здания, автомобили

1. Я помогал разрабатывать некоторые из первых в мире экономических стратегий, сфокусированных на креативных и культурных индустриях (я участвовал в написании культурной стратегии для Лондона в 1985–1986 гг., а затем работал со многими городами по всему миру, которые хотели выработать стратегии для культурных индустрий, — от Сингапура и Шанхая до Хельсинки и Барселоны), а также над политикой и разработкой нормативов для телекоммуникаций. Моя диссертация, завершенная в 1990 г., касалась в первую очередь экономики сетей и зарождавшегося Интернета. В каждом случае я был малой частью сдвига от материальной экономики к имматериальной.

и поезда окажутся покрыты слоями данных, изображений и звуков.

Но здесь я хочу остановиться на менее известной истории. Крупнейшими секторами следующей стадии капитализма будут не информация и телекоммуникации или производство компьютеров. Рассказы о волнах успешных технологий, прокатывающихся по экономике и повседневной жизни, имеют отношение к делу, но лишь отчасти. Данные последних двух десятилетий говорят о совершенно ином, и данные последующих двух десятилетий, скорее всего, подтвердят эти новые выводы. Парадокс в том, что блистательная способность капиталистической экономики повышать производительность означает, что экономическое значение материальных технологий должно понижаться. Чем они успешнее, тем меньше их доля в числе рабочих мест или в ВВП.

И поэтому мы наблюдаем зарождение экономики, больше основанной на отношениях, чем на товарах; на том, что делается, а не на имуществе; на обслуживании, а не на производстве. Идеи, которыми вдохновляется эта растущая экономика, касаются услуг, эмпатии и эмоционального интеллекта, голоса потребителя, вещей, которые должны быть с людьми, а не просто забираться у одних и предоставляться другим. Создаваемые в результате сервисы будут опираться на сложные сети коммуникации и потоки информации. Но акцент на одной только инфраструктуре не улавливает сути, так же как не улавливали ее в 1900-х гг., когда видели только электросети, а не массовые потребительские товары, которые стали возможны благодаря им. Как и прежде, повседневное применение технологий будет более социальным, теснее связанным с любовью и дружбой, чем представляли себе ее изобретатели².

Эксперты один за другим предсказывали, что технология заменит общение между людьми, но они ошибались. В каждой творческой индустрии, вопреки ожиданиям, потрепле-

2. См.: Geoff Mulgan, *Communication and Control: Networks and the New Economies of Communication* (Cambridge: Polity, 1991). Я рассматриваю многие изобретения — от телефона до *Minitel*, которые использовались прежде всего для социальных интеракций, хотя их изобретатели, инженеры и защитники предполагали для них совсем иное использование, например в образовании и для развлечения. Та же самая закономерность повторилась с SMS, социальными сетями, Twitter и мобильными телефонами.

ние электронных форм росло вместе с потреблением непосредственного живого опыта. Сегодняшние подростки идут на концерты на стадион, а не только слушают музыку через *iTunes*, их родители ходят на спортивные матчи, а не только смотрят их повторы по кабельному телевидению. Похоже, что чем больше мы потребляем тот или иной продукт в удаленном режиме, тем больше мы ценим непосредственный опыт, подобно тому как чем больше мы путешествуем виртуально, тем больше путешествуем и физически. Питер Друкер предсказывает, что к 2020 г. «большие университетские кампусы станут анахронизмом», и вполне вероятно, что он ошибается, причем по тем же самым причинам.

То, что движет этими изменениями, в меньшей степени связано с технологиями и в большей — с нуждами и потребностями: в перенасыщенной материальной экономике нам не нужно еще больше вещей. Нам нужны товарищество, дружба, любовь и забота. Мы нуждаемся в улучшении окружающей среды, более здоровом теле и духе, и эти потребности становятся экономическими фактами, отрывая технологии от концепций их собственных изобретателей или инвесторов и направляя их к подлинным желаниям людей. Автомобиль, телефон и электричество оказали воздействие благодаря тому, что захватили воображение людей, указали на возможность свободы, пообещав беззаботность и общение, а это, в свою очередь, подстегнуло их технологическое развитие. То же самое можно сказать о таких технологиях, как мобильный телефон, *Twitter* и SMS, которые разошлись быстрее, чем те технологии, чье быстрое распространение предсказывали эксперты (например, интегральные цифровые системы связи).

По крайней мере, в богатых частях мира материальные нужды большинства людей удовлетворены; у подавляющего большинства есть пища (зачастую ее слишком много), крыша над головой, достаточно энергии, чтобы обогреть жилище, есть во что одеться и обуться. Имеются, конечно, значительные зоны материальной бедности даже в самых богатых странах³. Но удовлетворение материальных нужд

3. См.: «Sinking and Swimming: Understanding Britain's Unmet Needs», The Young Foundation (2009), где приводится подробный анализ меняющихся паттернов материальных и психологических нужд в одной раз-

больше не является неотложной задачей, каковой она была когда-то. Есть множество новых продуктов, которые мы можем купить. Неудивительно, что во многих верхних эшелонах рынка теперь акцентируется меньшее, а не на большее количество, стройность, простота и достоинства продуктов, рассчитанных на долгое использование.

Выведение отношений на первый план — само по себе не новость. Многие идеи, повлиявшие на изучение человеческих ресурсов и на маркетинг, были призваны преодолеть недостатки отношений обмена, основанного на рынке и деньгах. Но это всегда был отвлекающий маневр.

В некоторых областях это по-прежнему может казаться отвлекающим маневром. В среднесрочной перспективе товарная экономика имеет мощный импульс роста. По прогнозам, ожидается, что к 2050 г. Индия будет иметь 350 миллионов действующих автомобилей; Китай — 500 миллионов. Следует ожидать, что вырастет еще несколько поколений, жаждущих вещей, от плазменных панелей до айпадов. Но в долгосрочной перспективе экономика, выстроенная вокруг вещей, этот водопад все более умных и одноразовых продуктов будет замещаться экономикой, основанной на отношениях и заботе. Как только наши материальные нужды будут удовлетворены, именно отношения станут для нас самым главным: выяснится, что одиноким быть хуже, чем пропустить очередную прибавку к зарплате; хуже не иметь никого, к кому можно было бы обратиться за утешением и поддержкой, чем купить очередной гаджет.

Таким образом, мы видим, как одни новые индустрии вырастают вокруг опыта, а другие — вокруг отношений. Некоторые из них незаконны и потому никак не измеряются, обслуживая потребности в сексе или в наркотиках. Одни крайне эксклюзивны, подобно услугам консультанта, руководящего движением богачей по их сложным жизням, а другие доступны для всех, подобно переживающим подъем индустриям знакомства или эскорта или веб-сайтам, обещающим вам воссоединение со старыми друзьями или построение родового древа. Социолог-феминистка Арли

витой стране. В докладе показывается, что нехватка топлива, жилья, одежды и обуви за последние десятилетия резко снизилась, но на первый план выступили другие виды дефицита.

Хокшильд назвала некоторые из них «коммерциализацией близости», но это, возможно, слишком резкое выражение. Конечно, коммерция предлагает близость, но она заполняет пустоту, нашу потребность в других людях, а не коррумпирует нечто уже существующее.

Если мы пойдем дальше и спросим, какие части экономики переживают рост и выглядят лучше всего приспособленными для роста, ответ указывает на отчетливую переменную. Поражает не рост использования технологий облачного хранения и обработки данных или генной терапии, но, скорее, переход от экономики, состоящей из вещей, из производства, продажи и потребления, к экономике, основанной на отношениях, обслуживании и заботе. Это, возможно, трудно разглядеть в хаотическом изобилии маркетинговых и бизнес-новостей. Как всегда, более старые модели консолидируются с появлением новых. Современный капитализм вырос вокруг массового производства — заводских производств *Ford* и *Toyota*, *Boeing* и позднее *Microsoft*, и динамика этих идей еще не затухла. В силу этой динамики все так же берутся эксклюзивные продукты, а потом становятся общедоступными, но в то же время она продолжает играть с персонализацией того, что некогда было стандартизированным, хотя и в рамках тесных ограничений и на жестко контролируемых платформах: *Amazon*, *eBay*, *Apple* — основные имена этой экономики. Они подняли на новый уровень некоторые из ключевых элементов экономического успеха в XX веке, пожиная плоды обширных экономик, пользовавшихся эффектами массового производства, применяя жесткий централизованный контроль и очень четкие спецификации, а также максимально разбивая рынки на сегменты.

Но вряд ли они станут предвестниками нового, точнее, они могут указать на инфраструктуру будущего, хотя и не на ту деятельность, которая будет осуществляться внутри этой инфраструктуры. Причины отчасти связаны с описанной ранее динамикой. Чудо производительности капиталистического производства вело к уменьшению вклада в ВВП одной отрасли промышленности за другой, хотя и резко повышало капитализацию индивидуальных компаний. Парадоксальное сочетание быстрого прогресса и быстрого сжатия наблюдалось в сельском хозяйстве, через несколько поколений — в сталелитейной отрасли, а позже,

в ускоренной форме, в случае микропроцессоров. Производство остается важнейшим источником богатства, но оно обречено на упадок не только с точки зрения доли занятости, но и как доля ВВП вследствие успешного повышения продуктивности. То же самое может относиться и к поисковым системам, сайтам розничной торговли и играм. Их рыночная капитализация может быть огромной, но они могут посылать ложный сигнал о том, в какую сторону движется экономика. Напротив, услуги, скорее всего, будут расти, и по иронии судьбы чем меньше у них успехов в достижении прироста продуктивности, тем больше будет расти их доля в ВВП и в занятости.

Несомненно, именно это и происходило в последние годы. Почти весь прирост рабочих мест в Европейском союзе в недавнее время обуславливался сферой услуг⁴, и то же самое относится и к США. С точки зрения будущего, отрасли, поставляющие такие вещи, как забота, здоровье, любовь или удовольствия, связанные с туризмом, кажутся хорошо подготовленными к росту. Они образуют часть экономики отношений, в которой ценность больше связана с качеством отношений, чем с потреблением вещей. Частный врач, терапевт и консультант, лавочник или парикмахер, который берет дороже, но вас знает лучше, — все они превращают отношения в ценность. Но в индустриальную эпоху это были маргинальные сектора, вытесненные масштабной экономикой массового производства и розничной торговли.

Здоровье, уход и экономика отношений

В развитых экономиках уже сейчас в образовании и здравоохранении занято больше людей, чем в производстве. Здравоохранение было вторым по важности источником новых рабочих мест в США в последние десятилетия, а расходы на здравоохранение увеличились с менее чем 5% ВВП в 1960 г. до 17% ВВП в настоящее время. Общепринятое

4. 7,8% роста рабочих мест в Европейском союзе приходится на сферу услуг (из общих 8,1% роста часов работы в период 1995–2005 гг.). См.: Charles Roxburgh and Jan Mischle, *European Growth and Renewal: The Path from Crisis to Recovery* (McKinsey Global Institute, 2011).

мнение (которое повторяет Бюджетный комитет Конгресса, равно как и большинство исследователей) связывает этот долгосрочный рост расходов с «появлением, внедрением и широким распространением новых медицинских технологий и услуг»⁵. Но это объяснение больше запутывает, чем проясняет. Большая часть расходов связана не с отдельными технологиями, тем более не с лечением, но с монотонным, трудоемким и непрерывным уходом за пациентами с диабетом или с болезнями сердца. Другие, порой смертельные болезни, как, например, рак и СПИД, стали теперь хроническими заболеваниями, которые можно лечить в течение длительного периода времени.

Бюджетный комитет Конгресса периодически выпускает прогнозы по расходам на здравоохранение в ближайшие 75 лет. Текущие прогнозы предсказывают, что общие расходы США на медицину вырастут от 16% ВВП в 2007 г. до 25% в 2025 г., 37% в 2050 и 49% в 2082 гг. Последняя цифра может показаться шуткой или эпатажем. Но в ней есть доля истины. В других странах, по прогнозам, тоже ожидается непрерывный рост расходов: в Европейском союзе старение, как предсказывается, заставит государственные расходы вырасти на 4% в период 2004–2050 гг.⁶, тогда как в Китае ожидается еще больший рост. Один из факторов — наличие новых знаний, другой — меняющийся спрос. В Великобритании, например, вероятность того, что 80-летнему пациенту сделают операцию по удалению катаракты или коронарное шунтирование, выросла по сравнению с 1990 г. в 2 раза.

Старение — не единственный фактор, вызывающий эти перемены. Организованная правительством Великобритании панельная дискуссия показала, что одним только ожирением страдает большинство мужчин и женщин, а оно косвенно может стоить почти половины нынешнего бюджета

5. Healthcare Economist, «CBO Health Care Expenditure Forecasts»; <http://health-careeconomist.com/2009/08/26/cbo-health-care-expenditure-forecasts> 2009.

6. Например, по некоторым оценкам, покупательная способность людей старше 60 лет в Германии к 2050 г. вырастет более чем на 40%. Economic Policy Committee and European Commission, «The Impact of Ageing on Public Expenditure: Projections for the EU25 Member States on Pensions, Health Care, Long-term Care, Education and Unemployment Transfers (2004–2050)», European Economy, Special Report, No. 1/2006 (НПЕСС, 2006).

на здравоохранение. Поколение бездельников, присосавшихся к социальным сетям с подросткового возраста, может, как опасается правительство, обратить вспять тенденции роста продолжительности жизни, если это приведет к ухудшению психического и физического здоровья.

В определенной мере этот спрос на уход может быть связан с объективными проблемами. Но другая доля того же спроса является результатом роста осознанности и ожиданий. Несколько десятилетий объективного улучшения состояния здоровья совпадали с фактом роста заботы о здоровье, когда «беспокойные здоровые» стали такой же важной составляющей давления на здравоохранение, как и больные. Здоровье — часть большой зарождающейся индустрии, в широком смысле занятой благополучием (и физическим, и психологическим) и включающей в себя многие услуги, задача которых — сделать так, чтобы мы стали более благополучными и оставались в этом состоянии, при помощи спортивных залов и салонов массажа, оздоровительных продуктов питания и анализов. То, что экономисты называют «положительной эластичностью спроса», создает веские основания для ожидания роста расходов на эти услуги. При наличии выбора более богатые слои населения обычно хотят тратить большую долю своего дохода на такие услуги, как здравоохранение и образование. Кроме того, при наличии выбора более состоятельные потребители готовы платить за более персонализированную систему обслуживания, которая обращается с ними как с личностью, а не как с еще одним потребителем⁷.

Плохо то, что данные по странам ОЭСР показывают приблизительно обратную корреляцию между расходами на здоровье и смертностью и приблизительно обратную корреляцию между ростом расходов на здоровье и сокращением смертности (эти корреляции остаются в силе, даже если исключить США). Это признаки системы, остро нуждающейся в радикальных инновациях.

7. Rijkers Braun et al., Directorate-General for Research, Socio-economic Sciences and Humanities: Special Issue on Healthcare — Healthy Ageing and the Future of Public Healthcare Systems, EUR 24044 EN, November 2009, ISBN 978-92-79-13120-2, DOI 10.2777/47289, ISSN 1018-5593; http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/efmn-special-issue-on-healthcare_en.pdf.

Некоторые улучшения могут обеспечиваться ревизией существующих институтов — например, стимулируя больницы применять те же методы, что и в больницах Нараяна Хрудалая в Индии, которые сочетают интенсивное измерение результатов, узкую специализацию и коллегиальную оценку, получая гораздо более высокие результаты с гораздо меньшими затратами. Но в конечном счете врач в больнице или семейный врач, средняя школа или университет, скорее всего, не смогут удержать свои лидирующие позиции в предоставлении медицинских услуг или образования, точно так же как супермаркет или сеть предприятий быстрого питания вряд ли останутся основной формой розничной торговли или общественного питания. Наоборот, мы можем увидеть, как рядом со старыми формами появляются радикально новые модели, использующие новые возможности, такие, например, как широкий доступ к информации, личным данным о состоянии здоровья или персонализированное резюме, автоматически подключающееся к базам данных образовательных институтов.

Самые перспективные методы либо организуют знание интенсивнее, либо мобилизуют способность общества дополнять возможности докторов и медсестер. Отели для пациентов в Швеции указывают путь к созданию больницы иного рода: находясь рядом с настоящим медицинским учреждением, они создают для пациента приятную обстановку и предоставляют дополнительную койку для супруга или родственника; хотя они требуют больших капитальных затрат, они также достигают лучших клинических результатов с меньшими общими затратами, мобилизуя социальные способности (любовь и заботу семьи) для помощи в лечении. Когда каждый дом будет наполнен относительно дешевыми устройствами для слежения за кровяным давлением или другими жизненными показателями, а также будет иметь высокоскоростное видеоподключение к учебным курсам по самопомощи или к образовательным играм, станут возможны совершенно иные виды услуг. Портативные устройства смогут сравнивать показатели состояния здоровья (например, уровень глюкозы в крови) с ожидаемыми параметрами и предупреждать в случае появления отклонений. Наручные браслеты смогут отслеживать пульс, движение и закономерности сна. Сам уход будет организован по те-

лефону, через электронную почту или через видеоклиники, опирающиеся на врачей-специалистов и медсестер, а также на поддержку других людей, страдающих от похожих заболеваний, а потому будет не слишком зависеть от врачей-терапевтов, травмпунктов и скорой помощи. Все эти меры получают наибольшую отдачу, если превратят не только пациентов, но и их супругов и родственников из просто пассивных реципиентов в активных менеджеров по уходу.

В определенном отношении давление, требующее изменений, будет связано с потребностью экономить деньги⁸. Чтобы стимулировать продуктивность, скорее всего, будут применяться некоторые инструменты, используемые в сфере услуг: разбивка «маршрута услуги» на модульные элементы, а затем их рекомбинирование с использованием Интернета и других технологий. Специалисты могут находиться в клинике и колл-центре, сфокусированном на одном заболевании, например диабете или рассеянном склерозе. Здесь мы снова сталкиваемся с некоторыми мотивами капитализма XX в. — эффектами масштаба, концентрацией и сегментированием, но теперь уже соединенными с идеями XXI в. о сетях, взаимной поддержке и разделении времени.

Финансы тоже могут быть перестроены так, чтобы способствовать появлению большего числа услуг, завязанных на отношения. Организации медицинского страхования могут подталкивать своих клиентов к изменению диеты или посещению спортивного зала (например, сокращая их взносы, когда клиенты демонстрируют улучшение индекса массы тела); муниципалитеты — поощрять владельцев социального жилья, которые поддерживают пожилых людей на дому, уменьшая тем самым нагрузку на дома престарелых и больницы; а работодатели — получать льготы, если будут готовы мириться с легкими психическими расстройствами своих сотрудников. Во всех этих случаях инструмен-

8. Огромные затраты, связанные с неотложной помощью, должны также подстегнуть инновации, которые могли бы избавить от ненужных затрат. Как только ценность можно будет измерить и управлять ею с превентивной целью, станет возможным целый ряд новых бизнес-моделей. Обзор новой сферы «превентивного инвестирования» см. в: *Social Impact Investment: The Challenge and Opportunity of Social Impact Bonds*, Young Foundation, London, April 2011.

ты, раскрывающие долгосрочные закономерности затрат и выгод, позволят выявить новые возможности для превентивных инвестиций.

Здоровье и уход уже являются ведущими секторами этой развивающейся экономики услуг, и они еще больше выиграют от притока новых продуктов, от «умной» беременности и анализов на гепатит до автоматических дозаторов инсулина. Некоторые много обещают, но мало дают. Антидепрессанты, как выяснилось, оказывают незначительное (или вообще никакого) воздействие на умеренную депрессию (плацебо справляются с ней ничуть не хуже), хотя это и не привело к снижению спроса на них⁹. Но многие из наиболее интересных инноваций сочетают в себе технологию с гораздо более мощной сетью поддержки. Широкомасштабные примеры демонстрируют неправительственные организации, поддерживающие самоменеджмент и взаимовыручку, например через «Программы пациентов-экспертов», обучение по Интернету или интернет-группу взаимной поддержки для шведских диабетиков, включающую в себя 200 тысяч членов. Группа «Такие же пациенты, как я» (*Patients like Me*) объединяет 150 тысяч пациентов, которые делятся опытом и занимаются сбором данных (которые затем продаются в анонимной форме фармацевтическим компаниям и регулирующим органам). Тысячи мобильных приложений в *Apple Store* — еще один симптом спроса на новые методы организации медицины. Примеры небольшого масштаба, объединяющие лучшие технологии с социальной поддержкой, включают канадский *Tuze*, который организует в Интернете социальную сеть для помощи одиноким пожилым людям, позволяя друзьям, членам семьи и профессионалам координировать свои усилия по уходу, напоминать о предписаниях врача и определять, кто придет приготовить еду и кто ходит за покупками. Это очень простая технология объединения, которая при этом предполагает лишь небольшой денежный обмен или вообще обходится без денег¹⁰.

9. См., напр.: J. Moncrief and I. Hirsch, «Efficacy of Anti-depressants in Adults», *British Medical Journal* 331 (2005): 155–157.

10. Другой интересный пример — американский *Elderplan*, небольшая медицинская организация, побуждающая своих более здоровых членов забо-

Роботы со временем могут стать частью этой комбинации, автоматизируя рутинную деятельность, чтобы освободить людей для других видов деятельности, которые действительно создают «реляционные ценности», то есть ценности, обусловленные отношениями. *Care-o-bot*, разработанный Институтом Фраунгофера в Германии, мог бы стать полезным помощником пожилых больных людей, которые не могут выходить из дома (с другой стороны, Южная Корея собирается поставлять роботов для обучения детей в детских садах, один робот — для английского, другой — для гимнастики и танцев).

Завершение жизни может оказаться особенно важной точкой сосредоточения инноваций. По отдельным оценкам, в Соединенных Штатах 50% расходов на медицину приходится на три последних недели жизни, но часто это не сильно улучшает состояние пациента в его последние предсмертные дни, как и состояние его семьи и друзей. Большинство людей умирают в больницах, обвязанные трубками и накаченные лекарствами. Однако большинство предпочло бы умереть дома и иметь больше возможностей контролировать, когда и как они это сделают. Движение по созданию хосписов развивалось в Британии в 1950–1960-х гг. в качестве одного из возможных ответов и сделало приоритетом паллиативный, а не клинический уход. Движение за легализацию добровольной эвтаназии опиралось на ту же неудовлетворенность системами, в которых смерть стала настолько механистической и антигуманной, что отношения, которые наиболее важны в момент смерти, оказались отодвинуты в сторону.

Огромные суммы вкладываются в медицинские исследования и разработки, и на то есть веские причины. Однако менее 0,5% этих исследований обращены к поведенческим и социальным факторам, которые объясняют более 50% смертей (и большая часть из этих 0,5% делает акцент на по-

тяться о других. Принцип состоит в том, что более молодые пожилые люди накапливают кредиты, а потом обналичивают их, когда становятся старше и больше нуждаются в помощи, и это заставляет участников сети брать на себя обязательства, а также дает возможность воспользоваться поддержкой, которую она предоставляет. Эта идея обсуждалась многие десятилетия: *Elderplan* — практический путь для ее реализации.

слушании — на том, чтобы пациенты принимали свои лекарства). На горизонте возникает совсем иной вид экономики здравоохранения, но менеджмент финансирования инноваций только-только начинает к нему принаравливаться.

Зеленая экономика

Медицина и здоровье имеют много общего с другими важными источниками новых рабочих мест и благосостояния, отраслями, которые обобщенно называют «зелеными». Они также включают множество передовых технологий, и «чистые» технологии волнуют венчурных капиталистов и инвесторов-меценатов примерно так же, как 20 лет назад их будоражили биотехнологии. Энергоэффективные лампочки, гибридные автомобили и биоразлагаемые чистящие средства становятся мейнстримом наряду с краской на водной основе, черепицей для крыши, отражающей солнечный свет, когда жарко, и биоразлагаемыми пестицидами. К биомимикрии серьезно относятся в дизайне, заимствующем методы из природного мира и применяющем их к материалам и объектам. Такие страны, как Южная Корея, полностью пересмотрели свои экономические стратегии, сделав приоритетами экологизацию таких отраслей, как автомобилестроение и производство стали.

Но было бы ошибкой рассматривать зеленую экономику только как новую волну высокотехнологических продуктов, выброшенных на рынки. Большая доля деятельности в зеленых отраслях включает в себя довольно рутинные технологии для выполнения повторяющихся задач и зачастую больше напоминает услуги. Один из примеров — сбор и переработка отходов для повторного использования, другой — крупные ветряные станции на суше и на море. Переоборудование старых домов — одна из ключевых технологий для сокращения выбросов углекислого газа в больших городах — технологически тривиальная, но крайне непростая с точки зрения эффективной организации задача (хотя потребитель может получить от этого существенные экономические выгоды, люди, как правило, стараются избегать лишних хлопот). То же самое может быть верно в случае городского садоводства и огородничества, а также различных

движений, стремящихся изменить то, как мы изготавливаем и потребляем пищу, заменив экзотический импорт из далеких мест продуктами местного производства, соответствующими смене сезонов. Большинство таких продуктов трудоемки в производстве, и все они требуют постоянной заботы и внимания.

Эти сдвиги в формах производства зеркально отражаются в потреблении. Разовые акты покупки устройств, одежды и автомобилей по-прежнему господствуют в массовой рекламе. Но богатые общества извлекли урок из разочарований шопинга: рост дохода и увеличение количества вещей — ненадежный источник благосостояния. Вот почему мы видим постоянные инновации, возникающие на периферии потребления: продукты и услуги, заставляющие потребителя прилагать больше усилий (такие, как приготовление сложных блюд или опасные виды спорта), потребительские товары, пытающиеся воспитывать ценности экологии или справедливой торговли; и продукты, которые пытаются культивировать у своих покупателей чувство принадлежности к определенному клубу.

До сих пор я описывал отдельные новые модели и идеи. Но новые города, строящиеся по всему миру, должны с нуля переосмыслить способы организации школ, библиотек, парков или медицинского обслуживания. В некоторых наблюдается подъем технологий. Южнокорейский город Нью-Сонгдо нацелен на то, чтобы стать первым городом с мягкой, а не жесткой архитектурой, с камерами и средовыми технологиями, вплетенными в физическую ткань городских огней и стен, что представляет собой шаг вперед по сравнению с такими городами, как Шеньчжэнь с его миллионами камер наружного наблюдения. О людях там думают в последнюю очередь. Другие города сознательно выбрали экологическое направление: например, Хаммарбю Шёстад в Стокгольме (Швеция), Фаубан во Фрайбурге (Германия), Масдар в Абу-Даби (ОАЭ) или экогород, строящийся в Тяньцзине (Китай). Их цель — стать образцами низких углеродных выбросов, и для достижения этой цели они в значительной мере отказались от автомобилей. В некоторых случаях, как, например, в Фаубане, есть строгие правила поведения — огромная разница с либертарианскими утопиями недавних лет — и почти ничего не осталось от де-

монстративного потребления больших городских девелоперских проектов 1990–2000-х гг. Согласно их концепции, в будущем должно быть много места для гражданской активности при поддержке волонтеров, взаимовыручки, искусства и субсидируемых талонов на питание. Эти проекты можно критиковать за разрыв между медийным шумом и реальностью и за недостаточное привлечение общественности к их разработке. Но они предлагают серьезные ответы на серьезные вопросы.

В них воплощен такой взгляд на будущие экономические изменения, который предполагает, что они будут направляться в сторону экономики, в которой товары потеряли свое господство, а ненужное потребление сократилось. Все экогорода все больше сокращают энергопотребление. На 20 самых крупных городов мира приходится 75% энергопотребления; внутри них 40% энергопотребления приходится на здания, а обычные здания используют только 40% времени. Так что есть большие возможности для значительного сокращения потребления энергии не только благодаря улучшенным материалам, изоляции и мониторингу, но также при помощи новых способов организации труда, объединяющих офисных работников из нескольких компаний, чтобы они вместе пользовались помещениями и коммунальными удобствами, а также больше работали дома или в дороге. Тяга к сокращению необязательного потребления ресурсов поощряется также новым использованием старых зданий, которое пришло на смену их автоматическому сносу и строительству современных (на всемирной выставке «Экспо-2010» в Шанхае, крупнейшей демонстрации экономической мощи Китая, организаторы руководствовались принципом использования исторических зданий складов), а также повышением уровня повторного употребления, будь то бумага, стекло, пластика или металлы.

Экономика, которая носит более «круговой» характер (если воспользоваться выражением, предложенным китайским президентом Ху Цзиньтао на XVI съезде Коммунистической партии Китая), будет восприниматься совсем не так, как экономика, основанная на товарах и потреблении. Она может оказаться более трудоемкой и, конечно же, потребует больше труда со стороны индивида. При этом круговая экономика станет, скорее всего, более локальной. Если про-

изойдет рост цен на энергию и уголь, экономическая логика торговли на далекие расстояния может быть обращена вспять. Те устройства, которые придут на смену сегодняшним 3D-принтерам и фаблабам, возможно, позволят нам производить вещи в ближайшем окружении. Энергия, вероятно, снова будет вырабатываться в местных генераторах, работающих на анаэробных отходах, а не транспортироваться нефтяными танкерами и перевозиться на огромные расстояния от станций, сжигающих уголь. Автомобили можно выдавать для краткосрочной аренды в системах общественного транспорта (как это уже делается с велосипедами в таких городах, как Париж и Лондон), так что они перестанут считаться частным имуществом (*Hiriko* в Бильбао собирается стать первым в мире примером системы общественного транспорта на основе электромобилей). Пищу снова могут начать выращивать в парках, резервуарах, на крышах и балконах: моделью стала Гавана, которой в ответ на американскую блокаду потребовалось выращивать 80% продовольствия, что подтолкнуло многих городских жителей задаться вопросом, а не лучше ли для них будет жить в городах с большим уровнем самодостаточности или даже в «съедобных» городах — с парками, полными плодоносящих деревьев, ореховых кустов и питательных листьев. Этот проект локализованного производства может показаться иррациональным и неэффективным, если смотреть на него с точки зрения современного экономического анализа; однако он отвечает не только более важным императивам, связанным с изменением климата, но и устремлениям людей (кто бы мог подумать, что сбор даров природы станет городской модой?).

Итоговый результат различных возможностей, обрисованных выше, состоит в том, что и в случае здоровья, и в случае окружающей среды можно разглядеть новую экономику, принимающую форму, существенно отличающуюся от идей футурологов, которые видели лишь «железо» (*hardware*) и людей, адаптировавшихся к этому «железу». Такая экономика — ответ на потребности и проблемы, равно как и на технологические возможности. Подобно другим частям современной экономики, она крайне зависима от данных и обширных сетей и, по крайней мере, частично от науки. Но ее ценность идет от отношений — это ценность

заботы или поддержки, а не ценность, обосновываемая товарами, которые производят, потребляют, а потом выбрасывают. И здоровье, и окружающая среда приводят к стиранию границ между производством и потреблением — как в любых близких отношениях, потребители или пользователи также что-то производят и отдают, например осуществляя селекцию отходов, продавая энергию своих домов обратно в сеть или справляясь с хроническим заболеванием.

Обе эти области, здравоохранение и зеленая экономика, усиливают (в том числе по указанным причинам) роль домохозяйства как места экономической деятельности. Оно всегда было экономически значимым, но раньше рассматривалось вне рамок экономики, как нечто слишком сложное и неуправляемое, чтобы его можно было серьезно анализировать или влиять на него. На более ранних стадиях капитализма его явная функция заключалась в том, что это было место потребления, которое обеспечивало спрос на трудосберегающие электробытовые устройства и брендовые товары, тогда как его незаметная роль — поставлять последующие поколения компетентных или послушных работников.

Демографические изменения и налоговый кризис означают то, что государственная политика должна снова обратить свой взгляд на домохозяйство. Интерес к изменениям в поведении направлен в основном на то, как люди ведут себя в частном пространстве своего собственного дома — например, помогая детям в подготовке домашнего задания или сокращая энергопотребление. Это же привело к инновациям в политике, таким как партнерства с приемными семьями, которые обеспечивают активной поддержкой молодых матерей в бедных районах, чтобы улучшить шансы их детей; «зеленые» консьержи, помогающие улицам или жилым комплексам сокращать потребление энергии, взаимный уход за пожилыми, когда они помогают друг другу, — все это связано с ценностью в рамках домохозяйства. Такая экономика становится более личной, поскольку любой вид отношений или поддержки требует подгонки под очень разные потребности индивидов. Она предполагает более активную обратную связь и тяготеет к тому, чтобы фокусироваться не только на продаже вещей, но также на переходах (например, этапах жизни, переходах из раннего детства во взрослую жизнь или периоде от выхода на пенсию

к старости) и маршрутизации услуги (будь то движение пациента через систему здравоохранения или пассажира через аэропорт)¹¹.

Переосмысление этих маршрутов может стать богатым источником творчества. Часто радикальные инновации меняют то, что социологи называют «сценарием», управляющим поведением. Примером из частного сектора может быть подъем предприятий быстрого питания, который создал новый сценарий для потребления пищи. Если традиционный ресторанный сценарий требовал от клиента выбрать, что он желает, затем его обслуживал официант, клиент съедал заказанный обед, а потом платил за него, значит, самообслуживание/фастфуд и соответствующий сценарий требуют, чтобы посетители выбирали, платили, относили заказ на свой столик, ели, а затем убирали за собой. Многие инновации стремятся выстроить такой же новый сценарий — от персонализированного обучения в школе и самоуправляемой медицины до сценариев, которые побуждают жителей брать на себя больше ответственности за чистоту на своих улицах, и именно эти сценарии сыграют решающую роль в будущем приросте продуктивности как в сфере общественных услуг, так и в сфере услуг частных.

Такое внимание к домохозяйству может привести к революционным последствиям. Оно указывает, что больше всего в современной экономике (по крайней мере, людьми, если не рынками) ценятся уже не вещи, но время или, точнее, качество времени в том виде, в каком его проживают. Современная экономическая наука почти всегда относилась к времени как к чему-то неважному¹². Перенос деятельности из домохозяйства в платную экономику был однозначно выгоден для ВВП, даже если польза для благополучия чело-

11. Похожие положения выдвинули Джим Максим и Шошанна Зубофф, когда писали о расцвете «экономики поддержки»: James Maxmin and Shoshanna Zuboff, *The Support Economy: Why Corporations Are Failing Individuals and the Next Episode of Capitalism* (New York: Viking, 2002).

12. Одним из исключений является Гэри Беккер наряду с сильным течением в феминистской экономике. Но большая часть традиционной экономической науки, включая экономику труда, попросту игнорирует неоплачиваемый труд.

века была не столь однозначной. Возвращение домохозяйства в центр внимания, напротив, заставит экономическую науку вступить в более тесный контакт с ценностями, потому что домохозяйство — это место заботы, любви и доверия, а также их полных противоположностей — насилия, ненависти и манипулирования.

Эта новая экономика по своей природе не является чем-то несовместимым с капитализмом. Хорошо знакомые инструменты рыночного проектирования могут использоваться для поддержки новых бизнес-моделей: например, снятие регулирующих барьеров, разделение монополий или устранение профессиональных ограничений для торговли. Все это может способствовать распространению хорошо известных идей об эффектах масштаба, концентрации и стандартизации в новых областях услуг. Швеция, например, уже обогнала США по продуктивности розничной торговли благодаря таким фирмам, как *ИКЕА*. Бытовые услуги (такие, как услуги сантехника и строителей, уход за детьми и престарелыми), кажется, уже созрели для подъема коммерческих брендов, а некоторые области производства перестраиваются под предоставление услуг: продажа «безопасного пробега», а не шин (как это делает *Michelin*); сдача в аренду, а не продажа коврового покрытия (как делает *Interface*) и даже сдача в аренду, а не продажа воздушного пространства (как *Rolls Royce* сделал со своей программой обслуживания самолетных двигателей «Мощность на час»).

Но какие-то элементы этой зарождающейся экономики могут вступить в конфликт с капиталистической разобщенностью, из-за которой собственники не чувствуют себя привязанными к клиентам и преобладает торговля наличным товаром. Силы рынка могут подорвать хрупкую экологию систем: ложная конкуренция между школами может увеличить социальные разделения; слишком сильная конкуренция в здравоохранении способна лишить стимулов делиться знаниями и информацией. Новые платформы, позволяющие людям использовать незадействованные способности друг друга, могут иметь большой смысл с точки зрения ценности, важной для жизни, но незначительный — с денежной точки зрения. Хороший пример — *Buzzcar*, позволяющий людям арендовать машины других граждан, равно как и *Etsy*, создающий место для торговли предметами рукоде-

лия. Оба они предполагают более низкие в денежном эквиваленте обмены, чем их традиционные аналоги *Avis* и *Hertz*. Может показаться, что резкий переход от покупки спальных мест в сетях международных отелей к бронированию их на сайтах вроде «*Couch surfing*» ведет к сокращению мирового ВВП¹³. Но самим людям эти альтернативы приносят больше пользы за меньшую цену, и они частично применяют капиталистическую логику поисков, а затем и мобилизации ресурсов, используемых не в полном объеме.

Неудивительно, что эти сектора экономики увязывают ценность (*value*) с ценностями (*values*). Современный капитализм в последние десятилетия XX в. присвоил себе язык религии, правда с некоторым легкомыслием. Заявления о миссии, разговоры о видении и мировоззрении, пристальное внимание к ценностям — все это превратилось в корпоративные клише. Фирмы, которые хотят заработать в экологических индустриях, поняли, что им придется продемонстрировать не только коммерческую сметку, но и честность своих намерений. Относительно немного откровенно коммерческих фирм добились успеха в здравоохранении, что связано в основном с недостатком доверия к ним. На наиболее открытых рынках (например, на рынке медицинских услуг США) коммерческие организации, как правило, проигрывают обществам взаимного страхования, фондам или государственным организациям: обычно им труднее мобилизовать доверие, обмен знаниями и информацией, а также выстроить этос заботы, который ищет клиент. Согласно данным *Rand Corporation*, ветераны, проходившие лечение в военных госпиталях, которые наиболее далеки от соображений прибыли, «получали, несомненно, лучший уход по всем показателям, включая мониторинг, диагностику, лечение и последующее наблюдение». Фонд *Kaiser Permanente* считается образцовым поставщиком медицинских услуг населению. *Medicare* тратит на управление, наверное, одну шестую затрат частных страховщиков. Образование тоже оказалось сложной областью для коммерческих организаций. Подобно тому как коммерчески ориентированные

13. Конечно, более значительное использование совместных потребительских платформ высвобождает средства потребителей для других целей.

врачи склонны прописывать ненужные лечебные процедуры, так и коммерчески ориентированные преподаватели сталкиваются с соблазном выдавать дипломы, не подкрепленные реальными знаниями и навыками учащихся¹⁴.

«Гражданизация»

Экономика отношений, как представляется, больше гармонирует с экономикой кооперативов, благотворительных фондов, социальных предприятий и организаций взаимного страхования, чем с беспощадной погоней за максимизацией прибылей. Такие социальные организации могут связать своих пользователей и клиентов обязательствами внутри структур управления, как членов или партнеров, и им проще, чем коммерческим фирмам, сделать своим приоритетом ценности. Там, где есть серьезная асимметрия в знании, а значит, и большой риск хищничества (как почти во всем здравоохранения и образования), они дают некоторые гарантии того, что интересы клиентов не будут подчинены погоне за прибылью. Они также могут воспользоваться «другой невидимой рукой» щедрости. Это делает возможными совершенно иные модели услуг: например, автобусное сообщение, позволяющее отдаленным городам и деревням не потерять связь с внешним миром и при этом сочетающее оплачиваемый труд с трудом волонтеров; или школы, в которых нанятые учителя работают наравне с учителями-волонтерами.

Хотя труд волонтеров был слепым пятном для экономики, он играет значительную роль в создании ценностей, важных для жизни. В любой момент 20% населения мира могут сказать, что они жертвовали своим свободным временем в текущий месяц, 30% — что давали деньги, а 45% — что

14. Один комментатор, говоря об образовательной системе США (будучи крупной фигурой в финансовом секторе, он предупреждал о надвигающемся кризисе на субстандартных рынках в 2000-х), описывал риски плохого качества образования и эксплуатации студентов, поддерживаемые ошибочной политикой государства, в результате которой «правительство, студенты и налогоплательщики несут все риски, а коммерческая индустрия забирает себе все награды», http://www.nypost.com/p/news/opinion/opedcolumnists/subprime_goes_to_college_FeiheNJfGYtoSwmtl5etJP.

помогали незнакомым людям¹⁵. Но выигрывают не только те, кто получает помощь: есть подтверждения воздействия дара на благосостояние, а на национальном уровне видна ощутимая связь между раздачей денег и признанием себя счастливыми (коэффициент 0,69 в сравнении с 0,58 для связи между ВВП и счастьем).

Гражданская экономика, сочетающая в себе денежные и неденежные мотивы и результаты, имеет очень старые корни, но у нее есть и новое значение. Первый фонд взаимного страхования был учрежден в Италии в XIII в., некоторые из религиозных орденов изобрели новые финансовые услуги для бедных, а также формы «социальных инвестиций», которые и сегодня не потеряли своей актуальности в различных банках, связанных с католической церковью. В некоторых странах гражданские общества выросли из кризисов: английские законы о благотворительности, например, впервые введенные в 1601 г., были ответом на растущее обнищание и развал общественных инфраструктур, а позднее современная гражданская экономика росла в качестве противовеса торговому капитализму, в ответ на неравенство, ухудшение здоровья и человеческие несчастья, которые он с собой нес, — она позволила мобилизовать как альтруизм, так и личный интерес, заботу друг о друге и любовь, равно как и материальные интересы. В XIX в. граждане первых индустриализированных стран зависели от социального сектора для финансирования таких услуг, как страхование, схемы сбережения или деньги на покупку дома, а также от кооперативов, обеспечивавших всем — от продуктовых лавок до похорон. Выросла сильная и гордая гражданская экономика, включавшая и то, что столетием позже будут называть микрокредитом, а сегодня к ней относятся крупные кооперативы в Испании и в Италии¹⁶, строительные общества в Великобритании и благотворительные организации при церквях в Германии, финансируемые на десятину от дохода. Но в XX в. большие государства и большие правитель-

15. *The World Giving Index*, Charities Aid Foundation, London, 2009.

16. Существует 7 тыс. кооперативов, предоставляющих медицинские услуги, услуги по уходу и устройству на работу, в которых насчитывается 244 тыс. человек в штате и 35 тыс. волонтеров, в 25 тыс. кооперативах в Испании занято более 300 тыс. человек.

ства часто вытесняли организации, находившиеся в общественной собственности, поскольку социальную помощь и пенсии стали предоставлять правительства, а бизнес начал поставлять финансовые продукты в больших масштабах и порой за меньшую цену, чем их некоммерческие предшественники.

К концу XX в. исследование в 26 странах, по которым имелись данные, показало, что на некоммерческие организации приходится всего 6,8% рабочей силы, не занятой в сельском хозяйстве¹⁷. Их относительно небольшая доля отражает неспособность жить в экономической среде, основанной на нефти, крупномасштабном промышленном производстве и глобализированных финансах. Она также отражает присущие им слабости. Гражданские организации могут быть и патерналистскими, и неэффективными. Если они маленькие, то могут быть слишком дилетантскими, если большие — слишком бюрократизированными. Наглядный пример — Британское строительное общество: основанное Ричардом Кетли, хозяином *Golden Cross Inn*, в Бирмингеме в 1775 г., оно поощряло членов делать ежемесячные взносы в общий денежный фонд, который затем использовался для финансирования осуществляемого членами общества строительства домов, которые, в свою очередь, становились залогом для будущего финансирования. К началу XX в. существовало уже почти 2 тысячи таких обществ, насчитывавших 620 тысяч членов. Но к концу столетия большие общества мало чем отличались от коммерческих банков, предлагав-

17. L. M. Salamon, M. Haddock, W. S. Sokolowski, and H. Tice, *Measuring Civil Society and Volunteering: Initial Findings from Implementation of the UN Handbook on Nonprofit Institutions* (John Hopkins University, Center for Civil Society Studies, 2007), Working Paper No. 23. По оценкам Европейского союза, 11 млн человек работают в социальной (в широком смысле этого слова) экономике, а в Соединенных Штатах в середине 2000-х в одних только благотворительных организациях было занято около 10 млн оплачиваемых работников и до 5 млн волонтеров, работавших по схеме, эквивалентной полному рабочему дню, что составляло около 10% всей рабочей силы: L. M. Salamon and W. S. Sokolowski, *Employment in America's Charities: A Profile*, Nonprofit Employment Bulletin, 26 (Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 2006); http://www.ccss.jhu.edu/pdfs/NED_Bulletins/National/NED_Bulletin26_EmplyinAmericasCharities_2006.pdf.

ших похожий продукт, и никто особенно не сопротивлялся, когда многие из них были приватизированы (неудачно)¹⁸.

Все гражданские организации испытывают трудности, когда нужно увеличить масштаб деятельности; и хотя существует несколько очень крупных неправительственных организаций, таких как Красный Крест, *Grameen* или *Caritas* в Германии, в которой занято около 400 тысяч человек, подавляющее большинство НПО — небольшие, главным образом потому, что большие масштабы могут подрывать ценность, верность и близость. Когда организации расширяются, они обычно стремятся делать это так, чтобы поддерживать небольшие действующие подразделения, создавая федеральные структуры, объединяющие сотни местных филиалов, или структуры в виде ячеек, такие как «Анонимные алкоголики» либо многие церкви.

Укрупнение также сдерживается различием в ценностях. Одна из первых благотворительных организаций в Англии была учреждена для того, чтобы собирать хворост для сжигания ведьм; столетие назад другая раздавала сигареты раненым солдатам. Ассоциации, представляющие автомобилистов, отличаются взглядами, которые полностью противоположны взглядам «зеленых», и любое здоровое гражданское общество в равной мере является как какофонией взаимных разногласий, так и гармонией общих убеждений. Но несмотря ни на что, наилучшим образом организованные части гражданского общества отличаются последовательной тенденциозностью, согласующейся с культурой XXI в.: обычно они верят в справедливость, совместное действие, а не в действие во имя чего-то или для чего-то. Они ценят активизм, а не пассивность, взаимность, а не иерархию, и они согласны с замечанием Ибсена, сказавшего, что «сообщество подобно кораблю, каждый должен быть готов стать у руля». Они опираются на секулярные идеи равенства и свободы, однако очень часто тесно

18. Результатом стала череда приватизаций, большая часть которых окончилась катастрофически — перегибами и банкротствами, в результате чего снова стали выдвигаться требования о возвращении к форме взаимного страхования. Однако плохо управляемые совместные строительные общества оказались так же уязвимы для банкротства, как и алчные коммерческие фирмы.

переплетаются с верой и настойчивостью религии как социальной и экономической силой. Подходящая здесь метафора — «гранит» из Гватемалы: каждый может внести свою песчинку в социальное изменение.

Энциклика Папы Бенедикта XVI *Caritas in Veritate* недавно объяснила, почему для уравнивания чистой коммерции требуется сильное гражданское общество. В ней подчеркивалась роль любви, истины и дара в развитии человека, как и то, что «первейший капитал, который нужно сохранять, — это человек». Снижение безработицы должно стать приоритетом любого общества, и любая здоровая экономика нуждается в том, чтобы наряду с продажей большая роль отводилась и дарению: «Чем больше мы прилагаем усилий для того, чтобы обеспечить общее благо, соответствующее реальным нуждам наших ближних, тем действеннее мы их любим».

Никакая тенденция не гарантирует, что мировые благотворительные организации, взаимное страхование и социальные предприятия будут расти, а не сокращать свою долю в экономике. Тот факт, что гражданское общество сильно в секторах, которые, скорее всего, будут расти по иным причинам, многих заставляет ожидать, что будет расти и их доля в ВВП. В Великобритании, например, более 30 тысяч общественных организаций уже имеют контракты по предоставлению услуг Национальной системе здравоохранения. Некоторые правительства стимулируют этот рост, отдавая на подряд все большую долю общественных услуг¹⁹. Бизнес-школы сообщают о высоком проценте студентов MBA, которые хотят больше узнать о социальном предпринимательстве и найти карьерные возможности, позволяющие как зарабатывать деньги, так и делать добро. Наблюдался заметный рост глобальных общественных организаций, предоставляющих гуманитарную помощь, сопровождение кампаний или экспертизу специалистов. Один из вариантов будущего предполагает постоянную экспансию социальной

19. Они также ввели законодательство для создания новых юридических форм (например, «компания общественного блага» в Великобритании и *L3C* в Соединенных Штатах), которые упрощают получение капитала и инвестиций в гражданском обществе.

экономики, опирающуюся на растущие инвестиции²⁰. Однако возможно и то, что коммерческий дух будет продолжать захватывать все новые рынки, первопроходцами которых стали общественные организации и социальные предприятия, как это уже произошло в таких разных областях, как органические продукты питания и социальные сети.

Но даже если доля гражданской экономики в ВВП не достигнет 20 или 30%, вполне вероятно, что она будет влиять на другие сектора. Большая часть бизнеса сейчас пытается применять для самоорганизации некоторые навыки волонтерских организаций, делая акцент на верности, взаимности и ценностях. Одни лучше себя чувствуют с реляционными контрактами и организационными моделями, которые предоставляют ценным сотрудникам больше доверия и автономности. Другие ждут роста в «проектной экономике» с ее временными организационными структурами, объединяющей сотрудников и использующей некоторые привычки гражданского общества, но только в коммерческих целях. В этой экономике авторитет меньше зависит от статуса и больше от репутации, а отчетность идет в сторону и вниз, а не только вверх²¹. Бизнес уже борется за то, чтобы активнее включать пользователей в дизайн сервисов и формирование знания вокруг услуг и систем, например диабетиков, первопроходцев энергоэффективности, энтузиастов новых пищевых продуктов или спортивных фанатов, то есть стремится выглядеть как общественные организации.

В энергетике, коммунальных услугах и финансах бизнес сталкивается с сильным давлением, заставляющим демонстрировать свой социальный послужной список, и большинство признает, что регулирование рынка осуществляется гражданским обществом в той же мере, что и государством с законодателями. Долгое время это относилось

20. См.: J. Defourny and M. Nyssens, *Social Enterprise in Europe: Recent Trends and Developments*, *Social Enterprise Journal* 4, no. 3 (2008), and J. Defourny and M. Nyssens, «Conceptions of Social Enterprise in Europe and the United States: Convergences and Divergences», paper presented at the Eighth ISTR International Conference and Second EMES-ISTR European Conference, Barcelona, July 9–12, 2008. See also Robin Murray, Geoff Mulgan, and Julie Caulier, *Social Venturing* (London: Young Foundation/NESTA 2009).

21. Charles Heckscher and Paul S. Adler, *The Firm as a Collaborative Community* (Oxford: Oxford University Press, 2006).

к здравоохранению и безопасности или закону о безработице. Но гражданское общество также действует и напрямую — как инвестор и фактор, влияющий на инвесторов, используя свои весьма существенные активы. Оно организует своими действиями потребление, воздействует на потребителей, чтобы они использовали экологичные продукты, продукты питания местного производства и товары, соответствующие честной торговле. И оно пытается изменить климат, в котором имеет место корпоративное управление, продавливая свои аргументы через медиа и политику, а также на ежегодных собраниях и лоббируя их у акционеров.

Иными словами, гражданское общество активно в качестве того, кто обеспечивает, организует кампании, влияет и организует. Это часть экономики, которая одновременно является докапиталистической, представляя собой отголосок работы монастыря или сельских ремесленников, и посткапиталистической, указывающей на сложные взаимодействия через сети. То, что мы должны предвосхитить, — не столько количественный рост, сколько более широкий процесс «гражданизации»: формирование более «гражданского» (в плане ценностей, методов и организационных форм) бизнеса и в то же время «гражданизации» государств, перенимающих некоторые инструменты и обычаи гражданского общества.

Социальным инновациям еще предстоит найти своего Ванневару Буша, заложившего основу большей части современной американской системы инноваций, порождающих оборудование и технологии. Но есть скромные исключения, указывающие на более мощные институты с улучшенным финансированием, которые возникнут в 2020–2030-х гг., — это фонды общественного инвестирования, такие как *Sitra* и *Tekes*, *Fundacion Chile* в Чили и *iz Education Innovation Fund* в Соединенных Штатах. Есть специализированные банки, например *Banca Etica* и *Banca Prossima* в Италии и «Капитал большого общества» в Великобритании. Также появилось новое поколение политических лидеров, преданных идее инноваций, включая Майкла Блумберга в Нью-Йорке, Пак Вон Суна в Сеуле. Оказываемая ими поддержка питает охватывающую весь мир и постоянно растущую область посредников, которые учатся все успешнее находить и выращивать наиболее перспективные социальные инновации, используя

многочисленные техники открытой инновации²². К ним относятся центры с государственным финансированием, такие как несколько сотен «живых лабораторий», группы, входящие в правительство, как, например, *Mindlab* (часть датского правительства, имеющая несколько разных подразделений) или команда *Kaiser Permanente*, использующая специальные методы по внедрению инноваций в здравоохранении. Агентства по инновациям включают в себя *Nesta* в Великобритании, *Vinnova* в Швеции и располагающийся в Гарварде Институт по совершенствованию здравоохранения, существуют и новые инновационные университеты, например Университет Аалто в Финляндии, запущенный в 2009 г. в результате слияния Технического университета, Бизнес-школы и Школы искусств и дизайна. *MaRS* в Торонто соединяет университет, больницу и бизнес-инкубатор с инвестиционным фондом по социальным инновациям. В более радикальном варианте новые онлайн-платформы пытаются соединить открытое совместное проектирование проблем, нуждающихся в инновациях, с открытым совместным проектированием их возможных решений: методы инновации по принципу «от многих многим»²³.

У всех этих процессов весьма скромные масштабы. Но им помогают изменения в мышлении. Внутри бизнеса социальные инновации перестают быть маргинальным аспектом корпоративной социальной ответственности, который призван защитить корпоративную репутацию. Вместо этого, говоря словами недавнего доклада ОЭСР, компании сейчас «осознают, что глобальные вызовы (например, изменение климата, обеспечение чистой водой, эпидемии и социальные нужды) образуют огромный новый рынок. Создавая новые, более ответственные и устойчивые решения, компании могут также создавать новые возможности для бизнеса»²⁴. Новые единицы измерения разрабатываются для того,

22. H. Chesbrough, *Innovation Intermediaries, Enabling Open Innovation* (Boston: Harvard Business School Press, 2006).

23. Растущую литературу по социальным инновациям можно найти в многочисленных докладах *NESTA* и *Young Foundation*, а также: F. Westley, B. Zimmerman, and M. Patton, *Getting to Maybe: How the World Is Changed* (Toronto: Random House Canada, 2006).

24. FORA et al., *The New Nature of Innovation — report for the OECD*, 2009.

чтобы передать масштабы нетехнологической инновации: так, Индекс инноваций измеряет не только традиционные научные исследования и разработки, но и дополнительные инвестиции для коммерциализации идей, а также дизайн, обучение новым навыкам и авторское право. Было показано, что самая большая доля ВВП, направляемая на инновации, у Финляндии, где она составляет 14,6% рыночной добавленной стоимости, по сравнению с 2,7% ВВП, инвестируемыми в научные исследования и разработки, согласно традиционным оценкам²⁵. Бизнес-конференция по будущей политике в области инноваций в 2009 г. рекомендовала председателю Европейской комиссии «сосредоточить действия ЕС вокруг насущных социальных проблем, финансировать венчурные фонды и фонды по социальным инновациям, стимулировать крупномасштабные инновации в сообществах...»; и многие из ее рекомендаций были применены на практике.

Эта тяга к трансформации природы инноваций зеркально отражается в инновациях в финансовом секторе. Некоторые попытались упрочить связи между теми, кто предоставляет финансы, и теми, кто ими пользуется, бросив открытый вызов тенденции к умножению степеней разделенности. Например, *Kiva* связывает индивидуальных инвесторов с социально значимыми проектами по всему миру и с самого момента своего создания собрала средства у более чем 700 тысяч кредиторов (люди со всего света дают по 25 долларов и больше на конкретный проект). К концу 2000-х гг. 240 тысяч социальных предпринимателей получили поддержку в виде микрокредитов приблизительно на 100 миллионов долларов²⁶. Совершенно иной пример, который также иллюстрирует коммерческое участие в социальных инновациях, — это *M-PESA*, использующая мобильные телефоны для банковских услуг. У этой компании сейчас более 12 миллионов подписчиков в Кении и 11 тысяч агентов по всей стране, и она уже получает распространение в странах развитого мира.

25. <http://Nestainnovation.ning.com/>.

26. E. Schonfeld, «Four Years After Founding, Kiva Hits \$100 Million in Microloans», Techcrunch, 2009; <http://www.techcrunch.com/2009/11/01/four-years-after-founding-kiva-hits-100-million-in-microloans/>.

Измерение социальной ценности

Подъем социальной экономики сделал необходимым приспособить инструменты капитализма по измерению и инвестированию к совершенно иным средам, в которых ценность связана с отношениями в той же мере, что и абстрагирована в виде денег и товаров. Инновационные идеи можно рассматривать так, как будто они занимают континуум: на одном конце инновации они производят только частную, денежную ценность, которую легко выразить через права собственности, а на другом конце — только ценность, связанную с непосредственной жизнью, которую очень трудно передать, и социально признанные формы живой ценности, которые иногда называют социальной ценностью. Между ними находится множество идей и инициатив, производящих денежные ценности и погруженных в жизнь.

В принципе государственные ресурсы должны субсидировать социальную доходность инвестиций, но не частные доходы; и там, где проекты создают и социальную, и частную ценность, требуются гибридные модели финансирования, эксплицитно определяющие рентабельность, которой следует достичь, уровни риска и потенциальные возможности различных игроков получить будущие доходы. Но традиционно финансы были разделены между финансированием грантов, с одной стороны, и финансированием кредитов и займов, с другой. Если заглянуть в будущее, для финансирования этих областей деятельности могут появиться новые инвестиционные рынки, институты или даже классы активов, предлагающие инвесторам сочетание финансовых и социальных доходов с предоставлением государственных ресурсов либо через прямые субсидии, либо через налоговые льготы.

Но барьер, мешающий их работе, — это отсутствие надежных измерений социальной ценности или надежной информации о том, что именно работает: предположительная отдача от моделей для обучения бывших заключенных, моделей обучения скучающих подростков или ухода за больными престарелыми людьми. Без данных и анализа банкиры едва ли могут оценить риски, а потенциальные покупатели услуг не имеют достаточных оснований для ис-

пользования этих новых услуг. Сотрудничество *Cochrane* и *Campbell* (которые собирают глобальные факты) и проекты, подобные «Вики-прогрессу» (*Wikiprogess*) ОЭСР по благосостоянию, частично отвечают на этот вопрос, соединяя глобальные данные по формальным испытаниям и пилотным проектам в легкодоступной форме. Британский Национальный институт здравоохранения и клинического мастерства — еще один мощный общественный орган, который оценивает рентабельность всего: от программ по прекращению курения до лекарств от рака. Однако в целом этот вид организации знания остается редким, и там, где он присутствует, он обычно тяготеет к формализованным исследовательским данным²⁷.

В отличие от инноваций XX в., которые измерялись буквально, через заводы и глобальные бренды, большинство социальных инноваций получает распространение благодаря органическому росту: через вдохновение и подражание с меньшим использованием филиальных сетей или лицензирования. Они растут благодаря созданию новых отношений и смыслов, равно как и пользе, которую приносят. Городские программы аренды велосипедов, волонтерские программы для паллиативного лечения, городской микрокредит, банковские услуги с использованием мобильной связи — со всем этим легко иметь дело, обходясь без оплаты лицензионных сборов. Каждая адаптация может улучшать модель, подобно тому как *Asa* усовершенствовалась благодаря элементам знаменитого *Grameen Bank* из Бангладеш, за-

27. Еще одно условие для более эффективного выращивания новых социальных моделей — создание более организованных рынков для результатов, которые вознаграждали бы поставщиков, если те добиваются ощутимых результатов, например снижения преступности или безработицы. Сейчас проводится много экспериментов с моделями такого рода, от оплаты по результатам до «Облигаций социального действия» в Великобритании и «Облигации как платы за успех» в Соединенных Штатах. Эти модели «превентивного инвестирования» пытаются превратить будущую экономию, которую получит государство, в валюту: так, если тот или иной сервис демонстрирует, что со временем он сможет сократить количество пациентов в больнице, число заключенных или число подростков, живущих на пособие, он получит долю тех средств, которые будут сэкономлены. См.: *Social Impact Investment: The Challenge and Opportunity of Social Impact Bonds*, опубликовано the Young Foundation, London, April 2011.

нимавшегося микрокредитом и максимально упростившего бумажную работу, предоставляя менеджерам подробные руководства с предписаниями и перестав требовать от группы заемщиков гарантировать займы, предоставляемые каждому из ее членов. *Pratham* в Индии — еще один хороший пример, получивший распространение в широких масштабах. Первоначально его поддерживали ЮНИСЕФ и муниципалитет Мумбаи. Программа предоставляла образование совсем маленьким детям из трущоб, используя простую модель, работающую с крайне низкими затратами и без активов и распространявшуюся через мобилизацию сообществ, корпораций и филантропов (включая организации индийской диаспоры по всему миру). Теперь она действует в 21 штате, насчитывая свыше 20 миллионов учащихся, и сочетает в себе чувство социального движения с реальным доступом к благосостоянию и возможностям²⁸.

Эти примеры возникли за рамками государства и даже в конкуренции с ним. Другие были, наоборот, частично взяты у него, подобно проекту «Северная Карелия», запущенному в регионе Финляндии, страдающем от высокого уровня заболеваний сердца. В 1972–1995 гг. уровень смертности от этих заболеваний упал на 68%. Этот проект помогал людям изменить свою диету, больше заниматься физическими упражнениями и бросить курить. В частности, большая физическая нагрузка через упражнения позволила сократить кровяное давление, а использование растительного масла вместо сливочного помогло на 17% снизить уровень холестерина в 1972–1997 гг. Это стало возможно только благодаря систематическому участию первичных медицинских учреждений и медсестер, а также благодаря сотрудничеству с пищевой промышленностью. Помогло и то, что проект был адресован всему сообществу, а не нескольким индивидам с высоким уровнем риска. Его целью было изменить всю среду с учетом заботы о здоровье, тем самым он подтвердил и опыт других мест, показывающий, что для того, чтобы сделать людей более здоровыми, нужно изменить контекст, в котором они живут, а не пытаться изменить их самих по себе. Такого рода примеры систематических изме-

28. См.: Geoff Mulgan and R. Murray, *The Open Book of Social Innovation* (London: Nesta/Young Foundation, 2010).

нений редки: их трудно изобрести, трудно внедрить, а еще труднее поддерживать. Но значение таких проблем, как ожирение или изменение климата, показывает, что интерес к более комплексным стратегиям такого рода едва ли будет уменьшаться²⁹.

Похожие уроки были извлечены и в области охраны окружающей среды.

Несмотря на всю популярность программ по изменению индивидуального поведения, пытающихся «побуждать» людей к лучшему поведению, выводы исследований и опыта говорят о том, что это слабые средства, эффективные только для маргинальных изменений поведения. Более фундаментальные сдвиги — например, в сторону образа жизни с сокращением выбросов углекислого газа или радикально иных подходов к рациону питания — зависят от сочетания изменения окружающей среды и изменения вознаграждений и наказаний, с которыми имеет дело тот или иной индивид³⁰.

29. Недавний пример широкомасштабных социальных инноваций в общественном секторе — «Sundhed», датский портал, посвященный здоровью, совместный проект местных и национальных правительственных органов, который соединяет в одном месте информацию о здоровье и медицинские услуги по Интернету. Пациенты могут найти там медицинскую информацию и советы, бронирование, заказ и продление рецептов, онлайн-консультации медицинских специалистов и доступ к личным медицинским картам. Врачи и медсестры могут получить доступ к графику приема пациентов, данным анализов, картам пациентов, спискам очередников в больницах и т.д. Ни один из этих элементов сам по себе не является таким уж революционным, но если их объединить, они могут преобразить здравоохранение. Оценки показывают, что почти треть пользователей, искавших информацию и консультировавшихся о своем здоровье через «Sundhed», решили отложить визит к терапевту или вовсе обойтись без него, что позволило сэкономить приблизительно 900 тыс. консультаций терапевтов каждый год. Введение электронных рецептов привело к ежегодной экономии более чем в 12 млн евро (сравните с 5 млн евро, которые уходят на поддержание этого портала). Предоставление пациентам более качественного доступа к медицинской информации и специалистам увеличило их способность заботиться о себе самостоятельно и одновременно повысило удовлетворенность системой. См.: <https://www.sundhed.dk/service/english/about-the-ehealth-portal/background>.

30. См. обзор случаев изменения поведения, который я подготовил для Министерства здравоохранения Великобритании в 2010 г.: http://www.dh.gov.uk/en/Publicationsandstatistics/Publications/PublicationsPolicyAndGuidance/DH_111696.

Что работает, а что нет — понять порой очень трудно. Чем ближе мы подходим к поведению человека, тем важнее детали. Одно исследование конца 2000-х гг., проведенное учеными из государственных университетов Калифорнии и Аризоны, иллюстрирует этот тезис. Его целью было изучение того, какие факторы влияют на использование энергии в домах. Ученые проследили, сколько электроэнергии потребляется в нескольких сотнях семей, а затем отправили в каждую записку, в которой их энергопотребление сравнивалось со средним по району, где жила семья. Неделю спустя семьи, потреблявшие значительно больше электроэнергии, чем в среднем, снизили свое потребление; но те, кто потреблял меньше, чем в среднем по району, наоборот, увеличили потребление, вероятно опасаясь, что их сочтут слишком жадными или отстающими от соседей. Здесь мы можем увидеть силу общественного влияния, как и то, что для воздействия на него требуется хитрость. Этим же объясняется, почему тысячи инновационных проектов по всему миру, пытающихся сократить выбросы углекислого газа, становятся столь захватывающим и непредсказуемым процессом открытий, проб и ошибок.

Большинство социальных инноваций, разработанных, чтобы улучшить окружающую среду или здравоохранение, были произведены при участии множества людей, и выиграли от них тоже многие. Их истории иногда рассказывают так, как будто у них был один автор (как это бывает и с научными открытиями). Но чаще их можно лучше понять как то, что возникает в результате действия команд и сетей, то есть не столько как роман, сколько как японскую традицию «связанных стихов», в которой каждый поэт добавляет свою часть к длинному стихотворению, или как талмудическую традицию толкования и толкования толкования. Для их создателей ценность определяется не потреблением, а вкладом других участников, тем, что может быть звеном цепи, а не ее концом, и технологии сегодня оказывают огромную помощь в усилиях по мобилизации множества умов, предлагающих свои решения.

Знание, используемое успешными новаторами, обычно приходит не из фундаментальной науки и даже в первую очередь не из социальных наук (хотя в будущем такое,

возможно, будет происходить чаще)³¹. Наоборот, большая часть знаний приобретается в ходе деятельности. Область социальных инноваций, столь важная для экономики, основанной на отношениях, может в результате быть ближе по духу к приведенному ниже описанию философской позиции прагматизма, философии Чарльза Пирса, Уильяма Джеймса и Джона Дьюи, чем к традиционной науке:

Прагматизм полагал, что идеи не ждут где-то там, пока их откроют, но являются инструментами, которые придумывают люди, чтобы иметь дело с миром, в котором оказались... Идеи производятся не индивидами — идеи социальные... Идеи не развиваются, согласно некоторой собственной внутренней логике, но полностью зависят, подобно зародышам, от человеческой деятельности и среды... а поскольку идеи — временный ответ на конкретные ситуации, их выживание зависит не от их неизменности, но от их способности к приспособлению³².

31. Социальная политика должна еще пройти долгий путь, чтобы хотя бы приблизиться к точности естественных наук и предложить фальсифицируемые гипотезы для проверки, даже если и существует мощное движение, выступающее за большую точность в измерениях и тестировании. Однако работа по разработке предметов тестирования больше похожа на бриколаж, чем на дедукцию, это ремесло, требующее инструментов и суждения, а не только данных и научных методов. Хороший обзор, написанный где-то поколение назад: Jerry A. Hausman and David A. Wise, eds., *Social Experimentation* (Chicago: University of Chicago Press, 1985). Более актуальный взгляд можно найти в: *Using Evidence to Improve Social Policy and Practice, Perspectives on How Research and Evidence Can Influence Decision Making*, edited by Ruth Puttick with an introduction by Geoff Mulgan (London: NESTA, 2011).

32. L. Menand, *The Metaphysical Club: A Story of Ideas in America* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2001), xi–xii.

Генеративные идеи капитализма

КАПИТАЛИЗМ распространялся как идея, форма жизни и мировоззрение. Самые горячие из его сторонников могли представить будущее только таким, где эта идея распространялась вширь и вглубь. Его яростные критики могли вообразить лишь его зеркальные противоположности. В этой главе я показываю, как некоторые из основополагающих идей капитализма могут сформировать развитие, выходящее за его пределы. Благодаря этим идеям капитализм становится сторонником жизни; и если их расширить, они помогут остановить его хищнические, разрушительные тенденции. Капиталистическое воображаемое — освободительное и разрушительное, прекрасное и уродливое одновременно. Мы должны поддержать красоту и прозорливость, борясь с уродством.

Рост

Рост — это важнейшее обещание капитализма: рост доходов, рост возможностей, материальный рост, когда дома становятся больше и появляется все больше вещей и продуктов потребления. Об экономике судят по тому, как она растет, и если рост дает сбой, правительства тоже спотыкаются. Ларри Саммерс, ученый-экономист, занимавший пост министра финансов в 1999–2001 гг., сказал, что правительство «не может принять и не примет никакого «ограничения скорости» на рост американской экономики. Задача экономической политики в том, чтобы экономика росла как можно быстрее, устойчивее, включая в себя максимальное число областей». Одно время рост также должен был стать инструментом, при помощи которого капитализм пыта-

лись обогнать: Никита Хрущев провозгласил, что рост промышленного и сельскохозяйственного производства — это таран, которым удастся сокрушить капиталистическую систему. Рост — это действительно самая примечательная особенность современного мира, и экономический рост сильно ассоциировался с ростом продолжительности жизни, образования и доступа к предметам первой необходимости, от пищи до энергии¹.

Противоположный взгляд в пику господству роста утверждает, что рост — это плохо: погоня за ним неизбежно означает разорение окружающей среды, истощение дефицитных ресурсов, пренебрежение жизнью и создание для людей ловушек, в которых они мечутся между надеждой и неудовлетворенностью. Лучше довольствоваться малым. Лучше поощрять устойчивую экономику.

Порой считается, что устойчивость означает экономику без роста. Некоторые очень обрадовались, когда Япония вошла в долгий период стагнации в 1990–2000-х гг. Это была, вероятно, новая модель устойчивости. Однако это не совсем так. Рост — не только какой-то особый фетиш капитализма. Он есть и в природе — рост растений, существ и экосистем делает природный мир тем, что он есть. Там, где нет роста, нет жизни. Проблема не в росте, но в тех его видах, которые порождает экономика, и в том, как она справляется с побочными эффектами роста, то есть с распадом, разрушением и умиранием. Альтернативный взгляд утверждает, что любая экономика должна расти, но разными путями. Стоит стремиться к тому, чтобы наша экономика «вбирала в себя» хороший бизнес и «вытесняла» плохой. Она должна расти качественно, но необязательно количественно: расти с точки зрения ценности продуктов и услуг, их пользы и смысла, а не благодаря использованию большего количества материи, энергии или вещей. Действительно, так можно определить по-настоящему успешную экономику: в ней

1. Для 135 стран с полными данными по показателям, охватывающим 40 лет и более: ВВП на душу населения удвоился, продолжительность жизни выросла с 59 лет в 1970 г. до 70 в 2010 г., запись в школу увеличилась от 55% от всех детей младшего и среднего школьного возраста до 70%. The 2010 Report — *The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development* (New York: UNDP, 2010).

весь рост — качественный и достигается за счет создания и усвоения нового знания, когда знание приходит на смену материи везде, где только можно (например, путем сокращения расходов). Она должна расти с точки зрения сложности, предлагая все более богатые и удовлетворяющие нас формы жизни и существования, а не только в силу увеличения количества вещей. С этой точки зрения нет внутренней причины, по которой экономика не должна расти на 2–3% в год, не нарушая никаких принципов устойчивости (удовлетворяя потребности настоящего, но при этом не ограничивая возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные нужды, если воспользоваться простым и ясным определением, предложенным Гро Харлем Брундтланд в классическом докладе 1980-х гг.). Темпы роста будут определяться в основном способностью экономики создавать и усваивать новое знание, способностью лучше делать вещи во всех областях жизни. Вложения материи, энергии и времени могут сокращаться.

Вполне возможно представить себе экономику, растущую в течение очень долгого времени, в основном благодаря высокой способности создавать и использовать новое знание. При таком сценарии те части экономики, которые больше всего зависят от энергии и материи (которые привносит физические ограничения экспоненциального роста), будут устойчиво сокращаться пропорционально ВВП, тогда как другие части будут расти.

С этой точки зрения рост экономики должен усвоить еще один урок, который нам преподает рост в мире природы. Она должна включать в себя и даже стимулировать циклы рождения и смерти; поощрять системы, в которых отходы одной формы жизни становятся топливом для другой; поощрять виды роста, которые способствуют не только расширению, но и углублению (как корни растения).

Экономика как дисциплина выросла, не имея инструментов для того, чтобы судить о качестве роста в противовес его количеству. Но теперь мы нуждаемся в том, чтобы точнее установить, какие виды роста являются продуктивными, дающими нам ценности, а какие — разрушающими их. Классическая и неоклассическая экономическая теория тяготеет к тому, чтобы рассматривать все блага как порождающие полезность. Но более строгий взгляд судит все блага

в соответствии с их балансом положительных и отрицательных воздействий на ценность (или положительных и отрицательных экстерналий, говоря языком экономистов). По меньшей мере четыре очень разных типа благ свалены в одну кучу в нынешних расчетах ВВП.

Первая категория включает в себя блага, которые становятся ценнее, если другие тоже их потребляют, — такие, как телефон и сетевые технологии. Из-за их «позитивных экстерналий» есть основания считать рост потребления таких благ более ценным для экономики, чем рост потребления иного рода. Здоровье может тоже быть отнесено к этому виду благ, для меня ценно, если другие люди не являются разносчиками опасных инфекционных заболеваний или если они воспитаны так, чтобы избегать вспышек насилия. Многие коммуникационные технологии создают большое количество косвенной ценности, их динамичное воздействие на рост в течение некоторых периодов отражает это особое качество. Например, в Соединенных Штатах, где весь информационный сектор составляет лишь около 8% ВВП, на него приходилась треть роста ВВП в 1995–2000-х гг.

На телекоммуникации приходилось всего 3%, но на пике бума доткомов они определяли уже четверть роста инвестиций во всей экономике в целом за счет оборудования и программного обеспечения. Общедоступное знание, «общий интеллект» Маркса, также создает позитивные экстерналии этого рода. И снова для меня или для вас ценно, что нас окружают знающие люди. Как именно эта дополнительная ценность должна измеряться, не совсем ясно; но поразительно видеть дисбаланс между тем, как рынки акций ценят большие сетевые компании (такие, как *Google* или *eBay*), и тем, как их деятельность отражается на ВВП.

Вторая категория охватывает более привычные товары, такие как одежда или банки консервированной фасоли. Потребляю я их или нет, это никак — ни плохо, ни хорошо — не отражается на других людях. Это виды товаров, вокруг которых формируется большая часть экономики. Их прибыльность может возрастать благодаря сокращению исходных вложений или увеличению их повторного использования или обработки. Но их внешние эффекты скромны.

В третьей категории товары, которые разрушают ценность для одних, создавая ее для других. К ним относятся авто-

мобили (создающие загрязнение, шум и неудобства для тех, у кого их нет), авиалинии (чей вклад в ухудшение ситуации с изменением климата непропорционально велик) и многие другие индустрии. Экономика признает, что они производят «негативные экстерналии». Она измеряет их, когда упражняется в анализе затрат и выгоды, и политики пытаются учесть их при помощи налогов и регулирования. Но в экономике признаются только самые очевидные и материальные экстерналии, и даже те, что признаются, не измеряются через ВВП, а также не фигурируют на счетах компаний.

Наконец, есть блага, сама ценность которых происходит от негативных экстерналий, создаваемых для других. В самом крайнем виде это оружие: подростки покупают ножи, страны создают ядерные ракеты, чтобы устроить друг друга. Их негативное воздействие на ценность, важную для жизни, — не неудачный побочный продукт, но их неотъемлемая часть. Где-то между третьей и четвертой категориями находится то, что Фред Хирш называл «позиционными благами», чья ценность определяется их эксклюзивностью; классические примеры — пышные особняки и тропические острова, предназначенные для эксклюзивного туризма, а также участие в лучших вечеринках, куда можно попасть только по особому списку, или членство в закрытых гольф-клубах. Дефицит таких благ может быть физическим, то есть благо дефицитно в некотором абсолютном или социально навязанном смысле (как, например, земля, используемая для удовольствия и личных развлечений), но он также может быть и социальным, то есть стать следствием перегруженности или столпотворения, вызванного чрезмерным использованием (как в случае привилегированного образования). В прошлом этими благами часто управляли правила. Только высокопоставленные гавайские вожди могли носить накидки из перьев, палаоа или китовые зубы с резьбой. В Китае до установления республики только император мог носить желтое. Теперь эти исключительные и исключаящие блага можно покупать на рынках, но по ценам, поддерживающим их исключительность. Их ценность — вопрос относительного положения. Если другие не завидуют их владельцам и не чувствуют неудовлетворенности из-за того, что у них их нет, они теряют денежную ценность. В результате рост расходов на позиционные блага едва ли будет увели-

чивать общее благосостояние и даже может его уменьшать². Как писал Фред Хирш, «это случай, когда вся толпа стоит на цыпочках и никому не становится лучше видно... Если все последуют этому примеру... каждый потратит больше ресурсов и останется в том же самом положении»³.

Диапазон этих четырех благ простирается от таких вещей, как сетевые технологии, которые создают ценности, важные для жизни и превышающие их рыночную стоимость, до тех, которые обычно разрушают все, что ценно для жизни. Очевидно, что эти весьма разные виды благ не могут просто так соединяться в единое понятие, называемое «ростом». Однако традиционные оценки ВВП не делают различий между ними. Они смешивают качество и количество, игнорируют и позитивные, и негативные экстерналии, не учитывая при этом истощение природных ресурсов или немонетизируемый труд.

ВВП разрабатывался как средство, помогающее правительствам в управлении экономикой. Он позволял суммировать производство и стал важнейшим инструментом макроэкономической политики после Второй мировой войны. Он позволял получать агрегированные показатели, и это было важно, потому что микроэкономика — это искусство подобных агрегированных вычислений. Любое правительство, занимающееся управлением экономикой, будет нуждаться в определенном показателе, аналогичном ВВП, который измеряет объем экономической деятельности и позволяет соотнести ее с оценками инвестиций, торговли или займов. Многие еще предстоит сделать для того, чтобы улучшить измерения ВВП, и ему лучше отображать природу современного производства (например, рассматривать производство в общественном секторе с точки зрения его ценности, а не только стоимости вложений, или отличать ту финансовую деятельность, которая приносит настоящую пользу, от той, которая ее не дает). Но нам также нужны инструменты, которые могут не только соединять, но и разъединять, чтобы мы смогли отличить желательный рост от не-

2. Подробное осуждение роли позиционных благ в современной экономике см.: <http://www.youngfoundation.org/our-work/research/themes/social-needs/positional-goods/positional-goods>.

3. Fred Hirsch, *Social Limits to Growth* (London: Psychology Press, 1995).

желательного. Монетизируемое измерение роста нуждается в дополнении другими идеями роста и благосостояния. За последние несколько лет мировая статистика усиленно работала над усовершенствованием измерения социального прогресса общества⁴. Во Франции в докладе Сена, Фитусси и Стиглица, подготовленном по заказу президента Саркози, предлагалось повлиять на ВВП таким образом, чтобы он точнее отражал истинную ценность экономики и других видов деятельности с измененным подходом к финансовым услугам. Признается, например, потребность в лучшем измерении продуктивности в общественном секторе, чтобы она учитывалась в цифрах ВВП. Чтобы американский ВВП лучше отражал благосостояние американских граждан, здравоохранение должно измеряться не по его высокой стоимости (около 17% ВВП), а, скорее, по тому, как оно сказывается на здоровье (примерно так же, как во многих обществах, тратящих меньше половины этой суммы)⁵. Авторы доклада также выступали за то, чтобы измерять не только экономическое благосостояние. Экологическое благосостояние можно измерять с точки зрения учета или истощения природных богатств, таких как металлы, добываемые из земли, или тропические леса. Социальное благосостояние отсылает к качеству и количеству социальных отношений, доверия и поддержки.

Этот вид социального благосостояния оказался таким же важным для человеческого счастья, как экономическое благосостояние; действительно, факты показывают, что качество отношений важнее, чем доход или потребление⁶. Все мы по своей жизни знаем, что богатство наших социальных отношений, зависящее от того, находятся ли с нами наша семья и друзья как в плохие, так и в хорошие времена, так же важно, как и наши материальные владения или заработки. Эти новые оценки являются частью большого сдвига во вни-

4. Geoff Mulgan, *New Measures, New Policies: The Democracy of Numbers* (London: Young Foundation, 2009).

5. J. Stiglitz, A. Sen, and J. Fitoussi, Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress (France, 2009).

6. Nicola Bacon, Marcia Brophy, Nina Mguni, Geoff Mulgan, and Anna Shandro, *The State of Happiness: Can Public Policy Shape People's Wellbeing and Resilience?* (London: Young Foundation, 2010).

мании и понимании: к многостороннему, а не одностороннему рассмотрению роста, которое заставляет нас нередко делать выбор того или иного рода.

Коллективный разум, кооперация и эмпатия

Ранее я описывал связь между капитализмом и свободой. Но капитализм также сильно ассоциировался с совокупной взаимозависимостью и тем, что я называю «связанностью» (connexity) — старым английским словом, означающим взаимосвязь. Она процветает, когда условия способствуют расширению кооперации, и сходит на нет при слишком ожесточенной конкуренции. К условиям, благоприятным для нее, относятся различные обязательства, описанные в главе 2: законы, привычка к доверию, ожидание непрерывного развития дел — благодаря им современная экономика состоит из крупных корпораций, в некоторых из которых заняты сотни тысяч людей. С юридической точки зрения корпорации считаются лицами; но их лучше понимать как инструменты широкомасштабной кооперации, которая прилежно работает над созданием чувства общей идентичности и общих обязательств. Когда, по британскому закону о компаниях 1862 г., для регистрации компании с ограниченной ответственностью достаточно стало подписи семи человек под соглашением об объединении, великий викторианский юрист А. В. Дэйси вполне резонно высказал опасения, что это скользкая дорожка к коллективизму (а ранее Адам Смит предупреждал, что любое отступление от правила, согласно которому владельцы должны являться и управляющими, приведет к «халатности и расточительности»). Но история оказалась не на их стороне, и индивидуалистическая модель собственности и ответственности была по большей части вытеснена крупными организациями.

Как исторический феномен, капитализм связан не только с гораздо большим движением товаров и денег, но и с ростом городов, плотности населения и интенсивности коммуникаций и между друзьями, и между врагами⁷. Города

7. К 2030-м годам 5 из 8 млрд людей в мире, скорее всего, будут жить в городах, 2 млрд из них — в больших городских трущобах на Среднем Во-

представляют собой кластеры специализированных навыков; они возвращают идеи, дают возможность производителям пожинать плоды экономии от масштаба, а местный спрос позволяет фирмам устанавливать цены выше маргинальной стоимости, обеспечивая себя прибылями для роста. Но тесные связи между капитализмом и урбанизацией также имеют отношение к культуре. Места, в которых люди сходятся, — места интенсивной социальности, и эта социальность — актив, который обеспечивает предпринимательство и инновации, разрушая барьеры между людьми.

Некоторым из выдающихся мыслителей это было ясно еще на заре капитализма. Джон Стюарт Милль представлял рыночную экономику как результат грандиозного выравнивания:

В прежнее время разные классы общества, различные местности, промыслы, ремесла — все это жило своей особой жизнью, составляло, так сказать, свои особые отдельные миры, а теперь все эти отдельные миры до значительной степени сливаются в один мир, теперь, сравнительно говоря, все читают, слышат, видят одно и то же, посещают одни и те же места, у всех одинаковые цели, одинаковые надежды и опасения, все имеют одинаковые права и вольности, одинаково ими пользуются, у всех одни и те же средства для их охранения⁸.

Несколькими десятилетиями ранее Адам Фергюсон, один из основателей шотландского Просвещения, в своем «Опыте истории гражданского общества» писал о длинной истории прогресса, внутри которой развивалась рыночная экономика, предполагая «не только индивидуальное развитие от детства до зрелости, но и развитие самого вида от дикости к цивилизации». И он, и Адам Смит считали, что функционирование рыночной экономики зависит от взаимного доверия между незнакомыми людьми и что она является средством обучения людей тому, как общаться с незнаком-

стоке, в Африке и Азии. U.S. Joint Forces Command, Center for Joint Futures: The Joint Operating Environment (JOE) 2008: <http://www.jfcom.mil/newslink/storyarchive/2008/JOE2008.pdf>.

8. Mill, *On Liberty* (London: Penguin Books, 1859); Милль Д. С. О свободе // *О Свободе. Антология мировой либеральной мысли (1 половина XX века)*. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 357.

цами. По словам Смита, «выражать свое сочувствие другим и забывать самого себя, ограничивать, насколько возможно, личный эгоизм и отдаваться снисходительной симпатии другим представляет высшую степень нравственного совершенства, на какую только способна человеческая природа»⁹. Таким образом, в идеальном обществе богатые будут вознаграждаться деньгами за свой труд и предприимчивость, но их жадность будет удерживаться в узде жадной уважения и гордостью гражданина.

Часть этой истории усвоения новых привычек Норберт Элиас описал в своей великой книге «О процессе цивилизации»¹⁰, показавшей, как люди научились сдерживать свои позывы к насилию, как на смену идеи «куртуазности» пришло понятие цивилизованности, лучше подходящее для «более плотной социальной жизни и более тесной взаимозависимости»¹¹. Цивилизованность имела важнейшее значение не только для повседневной жизни на людных городских улицах, она также требовалась для коммерции и торговли, зависящих от взаимодействия с незнакомцами, которое осуществлялось на справедливой основе — например, только при этом условии продукты в лавке могут продаваться по одной цене, независимо от того, принадлежат ли покупатели той же среде, что и лавочник, или нет¹².

Наиболее капиталистические города отличаются обычно большой терпимостью к странному и непонятному, а по краям массового рынка существуют экспериментальные рынки для каждого человеческого порока или надежды. Они так же, как правило, благосклонны к мигрантам, будь то Флоренция эпохи Возрождения или Лондон XIX в., и умеют сотрудничать, преодолевая границы. Большин-

9. Smith, *Theory of Moral Sentiments* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002); Смит А. *Теория нравственных чувств*. М.: Республика, 1997. С. 45.

10. Norbert Elias, *The Civilising Process: Volume 1, The History of Manners* (Oxford: Blackwell, 1969); Элиас Н. *О процессе цивилизации*. Т. I: Социогенетические и психогенетические исследования. Изменения в поведении. М.: Книга света, 2001.

11. R. Chartier, *On the Edge of the Cliff: History, Language and the Practices* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997).

12. E. Ikegami, *Bonds of Civility: Aesthetic Networks and the Political Origins of Japanese Culture* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005).

ство последних стартапов Кремниевой долины были полностью или частично созданы с участием эмигрантов — это Сергей Брин в *Google*, Пьер Омидьяр в *Ebay* и Винод Хосла в *Sun* (в период 1990–2005 гг. доля подобных высокотехнологичных компаний в США составляла 40%)¹³. Но, как показал Питер Холл, главный специалист по креативности в городах и экономиках, недостаточно было игнорировать мигрантов или эксцентриков: решающее значение имеет вопрос о том, могут ли существующие структуры интегрировать новичков и дать им доступ к капиталу и власти. Идеально работало сочетание добросердечного равнодушия и добросердечного гостеприимства. Самим новаторам нужно было «свободно соединяться» — «достаточно тесно, чтобы учиться на нюансах, но и на достаточной дистанции, чтобы порвать с традицией и привычками группы»¹⁴.

Позитивный результат взаимозависимости состоит в том, что она укрепляет способность достигать результатов, как и нашу способность думать и работать вместе, каковая является единственным весомым смыслом слова «развитие»¹⁵. Были значительно усилены коллективные когнитивные способности — способность видеть (все что угодно — от открытого космоса до атома), размышлять, судить и воображать, равно как и наши физические способности менять окружающую среду или изготавливать вещи¹⁶. При близком рас-

13. Отпечаток, который оставили на предпринимательстве в США эмигранты, документально засвидетельствован в работе: «American Made: The Impact of Immigrant Entrepreneurs and Professionals on US Competitiveness», from the National Venture Capital Association.

14. Charles Sabel, *Learning by Monitoring* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006).

15. См.: Ian Morris, *Why the West Rules for Now: The Patterns of History and What They Reveal About the Future* (New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2010) — здесь можно найти очень полезное определение социального развития.

16. Рассуждения о появлении единого глобального роевого разума или ноосферы Владимира Вернадского звучат, конечно, интригующе, но, к сожалению, нет никаких подтверждений того, что огромное количество интеракций, которые сделал возможными Интернет, переходит в качество (вопреки самоуверенным заявлениям, высказанным во многих недавних книгах). Толпы в равной мере способны как на мудрость, так и на глупость. Но мы больше узнаем о том, какая именно толпа оказывается умнее, а какая глупее, и коллективный ум, без сомнения, быстро развивается, даже если способности чувствовать, наблюдать, накап-

смотрении бросаются в глаза конкуренция и хаотическая динамика рыночных экономик. Если же смотреть издали, выделяются порядок и кооперация, которые превратили капитализм в одну из решающих в истории человечества сил социализации, понимания потребностей других людей, а также понимания того, заслуживают ли они доверия, как и в силу, позволяющую сдерживать побуждения и агрессию.

Эту удивительную истину можно встретить на каждом уровне. В недавнем исследовании коллективной природы капитализма были рассмотрены достижения аналитиков с Уолл-стрит. Был поставлен вопрос о том, кто именно — команда или индивид — вносит наибольший вклад в успех. В исследовании были сопоставлены карьеры более тысячи ведущих аналитиков в 78 инвестиционных банках, при этом особое внимание уделялось достижениям звезд в сравнении с обычными сотрудниками. Достижения аналитиков-звезд, переходивших из фирмы в фирму, рассматривались очень пристально на протяжении минимум пяти лет. То, что казалось уникальным личным навыком, фактически было навыками команды:

...точным, гладким соответствием навыков аналитика и ресурсов компании... Аналитик, уходивший из фирмы, в которой он (или она) добился звездного статуса, терял доступ к коллегам, товарищам по команде и внутренним связям, на установление которых уходили годы... Новые и неизвестные методы работы приходили на смену рутине, процедурам и системам, которые когда-то стали их второй натурой¹⁷.

Если это верно в сверхиндивидуалистичном мире Уолл-стрит, то еще больше это относится к другим частям экономики: капитализм добивается успеха, потому что укрепляет социальные связи.

Признание того, что капитализм основан на цивилизованности и равенстве, толерантности и общении не меньше, чем на законах и деньгах, открывает новые пути осмысления

ливать и обрабатывать работают лучше, чем способности мыслить или судить. См.: Geoff Mulgan et al., «Collective Intelligence», NESTA Draft Discussion Paper, 2011.

17. Boris Groysberg, *Chasing Stars: The Myth of Talent and the Portability of Performance* (Princeton: Princeton University Press, 2010).

будущего. Мы можем яснее представить его в виде сочетания кооперации и конкуренции; и мы можем видеть в нем как создателя цивилизованности, так и ее основного бенефицианта. Со временем мы, возможно, сможем судить об экономике не только по традиционным ресурсам (таким, как финансовый или человеческий капитал), но также по ее сложным способностям к кооперации: по тому, насколько хорошо люди умеют сотрудничать с незнакомыми людьми, насколько твердо установлены нормы, предотвращающие хищничество или злоупотребления, и насколько хорошо они умеют образовывать и поддерживать расширяющиеся сети.

Идеальные рынки и идеальные сообщества

Следующий комплекс идей, которые могут нам помочь представить мир за пределами капитализма, относится к совершенству. Мы видели, как важны были утопии для недавней истории человечества. Они позволяли продумывать то, что может доводить идеи и идеалы до логического завершения и определять, могут ли они согласовываться друг с другом. На протяжении всей современной истории новые сообщества снова и снова пытались начинать с чистого листа, оставив в прошлом коррупцию и крах обществ, из которых они родились, и вдохновляясь образами возможного. Средневековые монастыри, отцы-пилигримы, отправившиеся в Соединенные Штаты, коммуны, кооперативы и города-сады XIX в. — примеры, охватывающие самые разные масштабы, от великого до скромного.

У капитализма тоже были свои утопии. Адам Смит искал совершенства в рынках, которые были бы чисты и на которых желания покупателей встречались бы со стимулами продавцов, стремящихся зарабатывать деньги. Позднее экономисты отшлифовали его идеи настолько, что они стали идеально завершенной концепцией. Их лучшим представителем считается Леон Вальрас, придавший окончательную форму классической экономической теории, перенеся из физики в экономику идею равновесия и предложив в качестве методологического инструмента представление о совершенном равновесии, при котором никто не смог бы сделать более удачного выбора, отличного от того, что уже сделан.

Это совершенное равновесие было основано на идеальной конкуренции и опиралось на совершенную информированность. При нем нужды всех получают выражение, а затем преломляются рынком. Ну а потом посредством рынка они подсоединяются к продуктивному потенциалу экономики. Согласно этому взгляду, деньги становились валютой для любых желаний, от самых бытовых до экзотических, и делали все соизмеримым, управляемым и материально осязаемым. Этот взгляд, захватывающий своей простотой (хотя и сложный с математической точки зрения), согласуется, как можно подумать, с самой человеческой природой и задает перспективу автоматического механизма, находящегося в вечном движении.

В основе привлекательности этого взгляда — идея взаимности: каждому берущему соответствует дающий; каждой потребности — возможность ее удовлетворения. То есть мысль о том, что каждая сделка в конечном итоге честная. Это древняя идея. Вот, к примеру, изречение Людовика XIV, Короля-Солнца, образца монархической власти (но даже он стремится представить себя частью взаимного обмена): «Почтение и уважение, которые мы получаем от подданных, не бесплатный дар, но плата за справедливость и защиту, которые они ожидают от нас».

Мы видели, что критика, утверждавшая, что претензии капитализма на взаимность заслоняются закономерностями хищнических отношений, неравенством, лежащим под слоем внешнего равенства, слепотой к другим видам ценности или непросчитанным последствиям, вполне убедительна. Но через столетие Леона Вальраса можно представить себе совсем иной вид совершенства, некую конечную точку или, по крайней мере, идеал, способный стать мерилем для реальности. В этом свете капитализм выглядит не столько ошибкой, сколько шагом на пути эволюции — тем шагом, что содержит в себе ответ на собственные противоречия. Иными словами, я хотел бы сказать, что в идеале совершенства мы можем найти некую силу для изменения нашего мира к лучшему, как и поддержку для создания новых структур и новых решений.

Давайте представим себе не только совершенный рынок, но совершенное сообщество или общество. Оно обладает совершенной информацией — точным знанием своих

фактов и обстоятельств. Оно обладает совершенной коммуникацией, способностью делиться информацией, взглядами, надеждами и страхами со своими членами. Каждый может вступать в коммуникацию с любым другим, вдвоем, втроем, вдесятером или миллионами. Оно наделено совершенной способностью суждения, способностью использовать знание и информацию, чтобы выделять самые важные нужды и потребности. И давайте предположим, что в нем можно обмениваться многими вещами, от денег и предметов до услуг и даже любви. Представим также, что совершенство подразумевает равенство и настоящую взаимность. В этом обществе нет хищничества, насилия или хулиганства, и оно воплощает в себе золотое правило: мы должны поступать с другими так же, как хотели бы, чтобы они поступали с нами. Мы могли бы назвать это идеальной властью, при которой любое неравенство во власти является осознанно желаемым и избранным людьми, отказавшимися от власти, потому что они верят, что результат такого выбора для них более благоприятен.

Это стилизованная и абстрактная картина¹⁸. Но всем нам встречались ситуации, не столь далекие от этого идеала. Небольшие открытые группы друзей, которые делят задачи между собой, выполняя работу по очереди, — некоторое приближение к совершенному сообществу. С людьми, которых мы очень хорошо знаем, мы можем общаться и словом, и молчанием. Возможно, к тому же мы стремимся в любви. Кроме того, это похоже на самые счастливые и здоровые семьи: каждый исполняет свои обязанности, имеет возможность делиться плохим и хорошим и получать поддержку, которую дает взаимная эмпатия.

Эта картина имеет много общих черт с картиной совершенных рынков. Но очевидно и то, что она во многих аспектах от нее отличается. В ней много средств расчета, не толь-

18. Идея идеального сообщества — это инструмент для мышления, а не предписание; как и большинство людей, я ценю неприкосновенность частной жизни и границы, а потому считаю идею постоянной коммуникации и постоянного включения осознания пугающей. Я также ценю то, что границы и препятствия для коммуникации жизненно важны для креативности: чтобы думать, нам нужны тишина и свободное пространство.

ко денежных, позволяющих выразить потребности и нужды. Коммуникация в ней осуществляется по-разному, а не только в решении покупать или не покупать. И она рефлексивна, способна думать о себе, а не только думать по правилам системы.

Какие методы принятия решений и какие эвристики будет использовать такое сообщество? Посмотрите на группу людей вокруг вас, и не трудно будет представить, что именно потребуется. Потребуется умение работать с множеством когнитивных стилей и со многими способностями (к анализу, к наблюдению и суждению). Можно представить, что оно не будет стремиться ни к равенству голосов, ни к фиксированной иерархии, но, скорее, к непостоянному неравенству — больше слушать тех, у кого самая хорошая репутация, кем больше восхищаются или на кого больше всего полагаются. Мы уже можем видеть все это в мире Интернета: сила вашего голоса зависит от того, сколько людей хотят вас услышать. Они могут выслушать вас благодаря вашему авторитету или учености, но это не гарантировано. Можно также ожидать того, что совершенное сообщество будет признавать силу чувства: степень важности чего-то для вас влияет на то, как другие откликаются на ваши надежды или заботы.

В этом свете рынок оказывается лишь особым случаем коллективного принятия решений. Он использует бинарные решения (покупать или не покупать) и единственное средство расчета — деньги. Но более богатые человеческие сообщества преодолевают бинарные сообщения и могут работать с многообразием средств расчета — от денег до дружбы и любви.

Варианты этого совершенного сообщества можно найти во многих современных утопиях. Они могут быть строгими с философской точки зрения, как описание идеального коммуникативного действия у Юргена Хабермаса, или вымышленными, как многие научно-фантастические рассказы о телепатии и глобальном мозге. Но это все фантазии о расширенной способности общаться и обмениваться в масштабах, далеко превосходящих семью, местное сообщество и тесные ограничения монетарной экономики.

Мы можем вообразить, что это сообщество подтвердит открытия ученых конца XX в., показавших, что человек изначально склонен к условной кооперации в силу предрас-

положенности сотрудничать и наказывать моральным порицанием любого, кто нарушает нормы и правила или не вносит своего вклада. Мы также можем представить этот результат и как пример равновесия Нэша. Джон Нэш — один из теоретиков, которые лучше других раскрыли динамику групп. В его изложении группа игроков находится в равновесии Нэша, если каждый принимает наилучшее решение, которое он или она могут принять, учитывая решения остальных. Однако равновесие Нэша необязательно подразумевает наилучший совокупный выигрыш для всех игроков, во многих случаях все игроки могут улучшить свои выигрыши, если каким-то образом договорятся о стратегиях, отличных от равновесия Нэша (например, конкурирующие компании могут образовать картель, чтобы увеличить прибыли). Простая догадка, лежащая в основе идеи Нэша, заключается в том, что мы не можем предсказать результаты выборов многочисленных агентов, принимающих решения, если будем анализировать эти решения отдельно друг от друга. Вместо этого мы должны спросить, что бы сделал каждый игрок, учитывая решения, которые принимают другие¹⁹. Таким образом, его аргумент подводит нас к желанию узнать, какого рода коммуникация им потребуется, чтобы принимать решения, которые постоянно учитывают решения других (включая в конечном счете и то, что другие чувствуют, но не могут выразить).

Эти идеи могут влиять и на то, как мы относимся к собственности. В последние десятилетия XX в. выдвигались сильные аргументы против совместной собственности. Рассеяние собственности означало рассеяние ответственности. «Трагедия благ общего пользования» подсказывала, что эгоизм рано или поздно разрушит общинные земли, потому что у каждого есть стимул для неумеренного выпаса скота или вылова рыбы. Отсюда, казалось, следовал вывод, что права собственности позволят достичь лучших результатов, а потому были предприняты немалые усилия для того,

19. Идея равновесия Нэша использовалась для того, чтобы анализировать такие ситуации, как гонка вооружений, возможности сотрудничества людей с разными предпочтениями (например, в соответствии с определенными стандартами), а также для анализа транспортных потоков и аукционов.

чтобы внедрить их в столь разных областях, как частотный спектр и рыболовство. В некоторых случаях это, без сомнения, привело к более эффективному использованию дефицитных ресурсов. Но эмпирическое исследование ресурсов общего пользования показало, как многие сообщества управляют своими общими ресурсами (это, скорее, драма, а не вечная трагедия). Большинство тех, кто пользуется общими ресурсами, живут в деревнях и за много поколений научились, как следует обходиться с лесными или рыболовными угодьями. Сильные социальные структуры и отношения, как оказалось, способны справиться со сложными правилами и ограничениями: они, вероятно, ближе к совершенному сообществу с его изоцированной передачей схем и действий. Такое тонкое исследование показывает, что ресурсы общего пользования уязвимы как перед вторжением рынков, так и перед удаленной государственной бюрократией, которая не понимает систему организации на местах.

Полезность, которую можно извлечь из идеи совершенного сообщества, очень напоминает пользу от идеи совершенного рынка. Такая идея — инструмент осмысления. Мы можем посмотреть на любой реальный институт и спросить, как далеко он отклоняется от идеала: по количеству и качеству коммуникации, уровню равенства во власти. И мы можем придумать новые механизмы, которые бы нас к нему приблизили (такие, как краудсорсинг, краудфандинг и постоянная обратная связь), построить город, который бы видел, как его собственные решения отражаются на нем самом.

Это внутренний идеал современной культуры, непрерывно осмысляющей самое себя. Такой идеал сформировался благодаря капитализму. Но воображение последнего застыло в оцепенении, способствуя неразумию, а не осмысленности, узкому, а не широкому взгляду на взаимодействие между людьми, идеальному рынку, но не идеальному миру.

Максимизация друзей и отношений

Четвертая область, в которой капиталистическое воображаемое может быть расширено, — это отношения. С самого момента нашего рождения мы ищем друзей, которые бы нам помогали, и избегаем врагов, которые нанесут нам ущерб.

Поскольку мы зависимые и социальные существа, это поведение неотделимо от поисков пищи и крова. Мы живем и выживаем благодаря другим. Этот фундаментальный факт преобладает в детстве — тогда мы учимся считать закономерности поддержки и враждебности в тех, кто нас окружает, учимся менять союзников, заменять одну группу друзей другой. И этот процесс получает продолжение в жизни и любви — с супругами и друзьями. Вместе с любой привязанностью приходит риск — риск предательства и риск хищников, которые могут нас использовать.

Мы можем судить о степени любви и дружбы по тому, сколько мы отдаем и скольким жертвуем. Высшее выражение любви — ценить жизнь другого человека больше, чем свою собственную. Это любовь, к которой мы стремимся в романтических отношениях, и любовь, которой страны стремятся добиться от своих граждан. Но и для всех остальных, кто для нас важен, мы готовы пойти на некоторые жертвы — пожертвовать временем, деньгами или репутацией. Джордж Вэллант, профессор психиатрии в Гарварде, проводивший одни из наиболее интересных исследований жизненных паттернов, выяснил, что один из самых значимых факторов, определяющих продолжительность жизни, — возможность позвонить кому-нибудь в четыре часа утра и поделиться своими бедами (а самая важная сила — считает он — способность быть любимым).

На противоположном конце находятся ненависть и вражда, которые являются такой же частью жизни, как и любовь. Они выражаются в насилии и войне, в дискриминации и отвращении. И снова мы можем быть точными в моральном отношении. О степени нашей ненависти можно судить по тому, чем мы готовы пожертвовать, чтобы навредить другому человеку. Для этого могут быть веские основания, и тогда это называется альтруистическим наказанием, готовностью смириться с жертвой ради того, чтобы наказать нарушителя. Или же мотивы могут быть дурными: мелочная злоба, мстительность либо предрассудки.

Рынок располагается ровно посередине между двумя этими противоположностями. Это мир расчетливого равнодушия, товаров, цен и фактов. Его участники гордятся тем, что им все равно, избегают чувств, эмоций или привязанностей. Рынок (или, скорее, те, кто сильнее всего вовлечен

в рыночные транзакции) представляет себя так, будто в моральном отношении он стоит выше войны и ненависти, потому что не предполагает сильных эмоций и насилия, считая их анахронизмами. А иногда он даже считает себя более честным и более надежным, чем мир любви и дружбы. Здесь воображаемое капитализма уверено в своем хладнокровии. Инвестиционные банкиры и трейдеры гордятся расчетливостью, а не заботой. Они выглядят полной противоположностью любви, относясь ко всему с одинаковой отстраненностью, тогда как любовь обращается со своими объектами как с чем-то совершенно уникальным, как с «бесконечным частным различием», если воспользоваться фразой Гегеля. Когда нас любят, нам напоминают о том, какие мы на самом деле под нашими социальными масками²⁰. На рынке, напротив, нас ценят только за наши поверхностные качества — квалификацию, богатство и кредитоспособность.

Принято считать деньги и рынки врагами любви и дружбы. Роберт Элликсон, автор книги «Домохозяйство», справедливо отмечает, что «близкие люди, как правило, испытывают сильное отвращение к монетизированным транзакциям, в которые они могли бы вступать друг с другом»²¹. Большинство ученых считает, что рынки подрывают близость и наоборот. Если все продается и покупается, значит, по-настоящему больше ничто не ценится, не является священным: все, с чем мы остались, — лишь холодная прикладная рациональность. И наоборот, слишком сильные страсти создают угрозу для бизнеса. Секс — угроза для упорядоченного функционирования рабочего места, и его держат в узде при помощи запретов и норм.

Однако, несмотря на все это, рынок зависит от обоих полюсов — и от заботы, и от расчетливости. Мы уже рассматривали комплексную взаимозависимость бизнеса и войны (и в любом реальном бизнесе наличествует ожесточенное соперничество, стремление погубить врага). И в то же время бизнес стремится создать круг друзей, зажечь в сообществе

20. Niklas Luhmann, *Love: A Sketch* (Cambridge: Polity, 2010) остается едва ли не единственным серьезным анализом любви в современном обществе и того, почему ей уделялось столько внимания.

21. Robert Ellickson, *The Household: Informal Order Around the Hearth* (Princeton: Princeton University Press, 2008), 105.

искру теплоты и приверженности. Каждый продавец хочет убедить покупателей, что они его друзья. Это открытое послание большей части рекламы, говорящей о теплоте, надежности и заботе.

Критики капитализма были склонны считать эту особенность чистым цинизмом, привлечением лучшего в человеческой природе к тому, что приближается к самому худшему. Но это заблуждение. Ибо одно из великих достижений рыночной экономики заключается в том, что тысячи людей ведут себя так, как будто вы их друг, улыбаясь, обеспечивая вас вещами, заботясь о ваших потребностях. Улыбки и теплота могут быть искусственными и не иметь никакого отношения к дружбе, но они все равно лучше враждебности и равнодушия. Капитализм часто может ассоциироваться с не подчиняющейся никакому закону отчужденностью, и рынки действительно обращаются с людьми как с цифрами, покупая, продавая и избавляясь от человеческих ресурсов. Но рынки также удовлетворяют некоторые из наших потребностей в других людях.

Так, эту потребность явно удовлетворяет рабочее место. Большой процент людей теперь знакомится со своим основным партнером благодаря работе. Стефана Броудбент заметила, что современная коммуникация восстанавливает семейные и дружеские связи во время работы, а именно так все и было до индустриализации²². Товары и потребление тоже ведут в мир людей. Потребление больше не является альтернативой общению, но часто становится дорогой к нему. К этому сводилась гипотеза работы антрополога Мэри Дуглас о «мире товаров». Мы потребляем, чтобы послать сообщения, которые соединяют нас с другими людьми и создают сети отношений с друзьями. За деньги нельзя купить любовь, но, вероятно, они могут помочь вам приобрести компаньонов. Или, по крайней мере, открыть путь

22. Стефана Броудбент — антрополог, возглавляющий Лабораторию по адаптации пользователей при *Swisscom*, крупнейшем телекоммуникационном операторе Швейцарии. Ее работа показывает, что, как правило, абонент тратит 80% своего времени на общение всего с четырьмя людьми, что не работа вторгается в частную жизнь, а частное общение захватывает рабочее время и что мигранты — самые продвинутые пользователи коммуникационных технологий. См.: http://www.economist.com/node/9249302?story_id=9249302/.

в сеть знакомых, которые со временем могут стать настоящими друзьями.

Эту связь между потреблением и дружбой можно заметить в неожиданном месте — в закономерностях потребления алкоголя. Неправда, что бедные пьют больше всех, чтобы утопить свою тоску. Обычно чем вы богаче, тем больше вы пьете. Отчасти потому, что у вас больше денег. Но также потому, что вы имеете возможность больше общаться — устраивать больше вечеринок, обедов и приемов, топливом для которых является алкоголь. Именно при помощи денег, как и любви, мы находим и сохраняем друзей, потребление — смазка для всех наших интеракций с другими людьми, а товары, которые мы покупаем, служат для того, чтобы сигнализировать, кто мы и что для нас важно. Именно через потребление мы посылаем другим людям сигналы о том, что мы за люди, насколько мы щедры и надежны.

Приматы, как и мы, живут в мире, где дружба и родство — самые главные вещи, магниты в сети обязательств и отношений. Проводились обширные исследования сотен случаев поведения, связанного с утешением (которое весьма распространено среди обезьян), и выяснилось, что обезьяны делятся пищей именно с теми, кто недавно чистил им шерсть или поддерживал в схватках за власть²³. Дети также рано понимают, кто с ними, а кто против них. Школьная площадка — это мир, четко поделенный на друзей и врагов. Дружбу легче поддерживать, если у вас водятся лишние деньги, и дети тоже быстро узнают, что деньги могут помочь завести друзей (они также узнают, что если у вас их слишком много, другие могут на вас обидеться). То же самое применимо к демократии. Вокруг формальных структур парламентов и партий есть гражданское общество, которое незаметно встроено в повседневную жизнь. У его основания — наш круг друзей, но слои связей один за другим расширяют принципы дружбы до религии, нации и убеждений.

Антропологи и социологи всегда признавали, что материальная экономика опирается на экономику отношений. Эта экономика отношений не так уж отличается от материаль-

23. F. De Waal, *The Age of Empathy: Nature's Lessons for a Kinder Society* (New York: Crown, 2009).

ной экономики, которая считает себя местом максимизации полезности. Но если рассматривать ее через эту альтернативную оптику, становится ясно, что мы стремимся максимизировать не столько нашу полезность, сколько баланс действенной дружбы и действенной вражды. Это не совсем то же самое, что и максимизация ваших друзей по сравнению с врагами, как если бы тот факт, что у вас тысяча друзей на *Facebook*, мог надежно защитить вас от опасностей. Значение имеет действенность дружбы или вражды: всегда ли она у вас под рукой, доступна ли в разное время и достаточно ли соответствует тому, кем вы на самом деле являетесь. Это то, что я ранее описывал как социальное богатство: ценность имеющихся у нас социальных связей в той же самой мере важна для благополучия, что и экономическое благосостояние.

Для жизни нам нужны обширные сети друзей (и необходимо понимать парадокс дружбы — простая математика человеческих сетей означает, что у ваших друзей, скорее всего, больше друзей, чем в среднем у вас). И точно так же мы нуждаемся в интенсивной дружбе, нескольких людях, которые, как мы предполагаем, останутся нам верны, даже если мы будем плохо себя вести, кричать на них и злоупотреблять их доверием.

Все учатся культивировать дружбу или, по крайней мере, пытаются максимизировать перевес действенной дружбы над действенной враждой. Мы учимся этому еще до того, как учимся потреблять или обращаться с деньгами. Более того, мы рано узнаем, что многие моральные дилеммы связаны именно с этим аспектом повседневной жизни: смысл лояльности (кому вы должны быть лояльны и что оправдывает нарушение вами лояльности); смысл честности (когда разумно лгать); какие секреты хранить, а какими делиться.

История была связана в основном с созданием разрастающихся и расширяющихся сетей дружбы: религиозные связи позволяют вам доверять незнакомым людям, связи на мультинациональном предприятии позволяют людям вместе работать и делиться знаниями, национальные связи могут заставить солдат жертвовать жизнью друг ради друга. Все эти связи нагружены страхом и силой, но действительны только потому, что подключены к фундаментальной человеческой потребности иметь больше друзей, чем врагов.

Важность стремления человека к максимизации действенной дружбы хорошо объясняет ограничения капитализма и его динамики. Она объясняет как успехи в создании новых пространств для цивилизованности и взаимного доверия, так и обидчивые реакции на то, как она может их разрушить. Она также во многом объясняет привлекательность капитализма, которая не никогда не была связана исключительно с большим количеством вещей, но предлагала перспективу расширения дружбы и общения, будь то перспектива новых возлюбленных для молодых людей или новые товарищей на рабочем месте.

Как будет выглядеть экономика, которая максимизировала бы дружбу, а не потребление? Бизнес в ней был бы озабочен тем, создает ли он хорошие места для работы, которые побуждают людей сотрудничать и кооперироваться. Она могла бы вознаграждать работников с учетом обратной связи их коллег. Ее индустрии поощряли бы и организовывали дружбы, свидания, взаимодействия и встречи. И в ней бы измерялось социальное богатство, социальный капитал и объем социальных связей наряду с объемом производства или инвестиций в экономику.

Это, конечно, отчасти картина экономики XXI в., которая развивается, несмотря на воображаемое, отрицающее ее социальную природу. *Google* платит своему персоналу с учетом четко отлаженной обратной связи. Бизнес-предприятия предлагают клиентам возможность познакомиться с другими людьми. А социальные технологии делают возможной формальную организацию дружбы, ее относительного статуса и степеней доступа.

То, что дружба важна, не новость. Но то, в какой степени она важна, это как раз новость. Лучшее всего иммунитет против вирусной простуды развивается у тех детей, которым есть с кем обсудить свои проблемы²⁴. Эксперимент Дэвида Слоана Уилсона в Бингхэмтоне (штат Нью-Йорк), который оставил на улице конверты с адресами, а потом проследил, сколько из них были доставлены адресатам, показал, что ключевой фактор заключался в том, считали ли люди, что

24. Robert Ader, *Psychoneuroimmunology*, vol. 1 (New York: Academic Press, 2007).

у них много источников социальной поддержки. Другое недавнее исследование позволило проанализировать данные 148 ранее опубликованных многолетних исследований, в которых измерялась частотность взаимодействия с другими людьми и отслеживались данные по состоянию здоровья в течение, в среднем, семи с половиной лет. Из него явствует, что обширные дружеские связи почти на 50% повышают шансы на выживание (а поскольку информации о качестве, в противоположность количеству, этих отношений, не было, почти наверняка это заниженная оценка)²⁵. Причины такого сильного воздействия в некоторой степени очевидны — влияние утешающего прикосновения, поддержки, когда дела идут плохо, или людей, с которыми можно поделиться смыслами, весьма велико. Однако такие причины не присутствовали в воображаемом капитализме и в общепринятых версиях экономики.

В основе всего этого лежит идея взаимозависимости. Наше счастье не так просто отделить от счастья окружающих нас людей: супругов, друзей, детей и родителей. Джордж Акерлоф наверняка был прав, когда заметил, что «одна из главных составляющих счастья — это когда мы реализуем свои представления о том, как вести себя правильно»²⁶, а большая часть их размышлений о том, как вести себя правильно, зависит от того, что другие думают о занятиях и делах, их достойных. Проведенные регрессии показывают поразительную корреляцию между национальными уровнями счастья и уровнями социализации — долей населения, являющегося членом той или иной социальной организации. Эти корреляции гораздо сильнее, чем корреляции между ВВП и счастьем²⁷. Если сфокусироваться только на индивидуальных качествах, мы упускаем важнейший фактор, заключающийся

25. *Stayin' Alive: That's What Friends Are For* (Provo, UT: Brigham Young University Press, 2010); <http://news.byu.edu/archive/10-jul-relationships.aspx>.

26. G. A. Akerlof and R. J. Shiller, *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters* (Princeton: Princeton University Press, 2009), 25; Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма*. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. С. 47.

27. Stefano Bartolini, Ennio Bilancini, and Francesco Sarracino, «Are Happiness and Social Capital Related in the Long Run? Some World-Wide Evidence», представлено в рамках симпозиума Does Economic Growth Improve the Hu-

в том, что уровень вашего счастья зависит от того, как вы живете, а это, в свою очередь, зависит от того, в каком обществе вы живете. Хорошее общество культивирует дружбу и отношения, а потому придает им огромную важность, не считая заботу о частной жизни чем-то ничтожным.

Ценность, измерение и пустая трата

Следующая область, которую мы должны рассмотреть, — это пустая трата и ценность. Капитализм гордится своей эффективностью. Погоня за прибылью исключает разбазаривание материалов, энергии или времени. Но капитализм часто критиковали за то, что во имя эффективности разрушаются другие виды ценности. Природу приносят в жертву производству, семью — прибыли. Если одна реакция — перейти в нападение, разоблачая несправедливость системы, то другая состоит в том, чтобы использовать инструменты капитализма для определения и обозначения тех мест, в которых уничтожается ценность и порождаются пустые траты. В 1960-х гг. любимым инструментом был анализ издержек и выгод, претендовавший на работу с любым видом издержек и любым видом выгод, и он по-прежнему широко применяется, в особенности на транспорте (где часто требуется оценка окружающей среды) и в больших инвестиционных проектах (где он печально известен своей недооценкой затрат)²⁸. Экономика разработала множество методов монетизации социальной ценности путем опроса людей о том, сколько бы они заплатили за услугу или тот или иной результат («метод заявленных предпочтений»²⁹), или путем изучения вы-

man Lot? Reassessing the Easterlin Paradox, IX ISQOLS Conference, July 19–23, Florence, 2009.

28. Bent Flyvbjerg, Nils Bruzelius, and Werner Rothengatter, *Megaprojects and Risk: An Anatomy of Ambition* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003); Фливбьорг Б., Брузелиус Н., Ротенгаттер В. *Мегaproекты: история недо-строев, перерасходов и прочих рисков строительства*. М.: Вершина, 2005.
29. Она также пыталась определить оценки тех, кто не пользуется благами, через понятия «альтруистического использования» (знание о том, что кому-то другому это может понравиться), «опционального использования» (наличие возможности что-то сделать), «завещательного использования» (оставить что-то для будущего) и «пользы от существования»

бора, который люди реально совершают в похожих областях («метод раскрытых предпочтений»³⁰). Быстро развивающаяся область экологической экономики создала инструменты для изучения всего — от заболоченной местности до выбросов, соединяя методы раскрытых и заявленных предпочтений. Методы «оценки социального значения» используются с 1960-х гг. для того, чтобы определить все аспекты ценности, которая производится новой программой или политикой. Они направлены на оценку прямых затрат — например, программы лечения от наркотической зависимости, позволяя подсчитать вероятность ее успеха, ее возможное воздействие на уровень преступности, количество обращений в медицинские учреждения или социальные выплаты. Гражданское общество также попыталось поработать с идеей измерения «социальной рентабельности инвестиций». В здравоохранении есть оценки QALYS и DALY (продолжительность жизни с учетом качества жизни или инвалидности), в которых объектом измерений становятся не столько деньги, сколько жизнь. Австралийское бюро статистики сейчас оценивает неоплачиваемый труд на уровне около 48% ВВП³¹.

Эта распространенность увлечения измерениями может показаться странной патологией, использующей язык ценностей и денег там, где это неуместно. Многие количественные оценки легко критиковать за то, что они сваливают в одну кучу разные вещи, как и за то, что они обещают фальшивую точность там, где она невозможна. Но мы также можем считать их первыми, грубыми попытками распро-

(удовлетворение от того, что что-то существует, даже если вы лично этим не пользуетесь).

30. Метод «затрат на проезд» — один пример, где рассматривается время и расходы на проезд, на которые идут люди, чтобы посетить достопримечательность, как заместитель при оценке самой этой достопримечательности. Поскольку временные затраты и расходы на проезд увеличиваются в зависимости от расстояния, можно построить кривую «предельной готовности платить» для конкретной достопримечательности.
31. Хороший обзор дается в следующих книгах: С. J. Barrow, *Social Impact Assessment: An Introduction* (London: Arnold, 2000); H. Becker and F. Vanclay, *The International Handbook of SIA* (Cheltenham: Edward Elgar, 2003); H. A. Becker, *Social Impact Assessment: Method and Experience in Europe, North America and the Developing World* (London: UCL Press, 1997); Scholten, Nicholls, Olsen, and Galimidi, *SROI A Guide to Social Return on Investment* (Amstelveen, The Netherlands: Lenthe Publishers, 2006).

странить некоторые достоинства капитализма и на другие области. Среди этих достоинств — точность, использование данных там, где есть пустая трата средств, а также прояснение и разоблачение того, что могло остаться во тьме. Эти разнообразные методы могут изменить наш способ осмысления траты и ценности. Уже измерения углеродного следа и выбросов дали возможность совершенно иначе взглянуть на экономическую жизнь. Когда потоки материальных отходов становятся видимыми, трансформируется наше осмысление индустрий и наше понимание эффективности. Способы оценки растроченных впустую человеческих ресурсов разработаны гораздо хуже, но потенциально они могут создать совсем иное экономическое воображаемое, в котором в обязательном порядке будет измеряться воздействие экономической деятельности на психологический стресс и благополучие, а также эффект домино, который испытывает на себе семейная жизнь. Нетрудно представить, как министерство финансов в каждой стране будет использовать оценки социального воздействия наряду с оценками экономического и экологического воздействия (некоторые это уже делают). Точно так же нетрудно представить себе рынок акций и крупных инвесторов, которые бы отвечали на давление общества, публикуя расширенные отчеты, где представлена не только денежная, но и другие ценности.

Более полное осмысление пустых трат откроет и новые перспективы для осмысления потребления. Экономическая теория занималась продуктивностью изготовления вещей, подробно анализируя, как вложенная энергия, капитал и материалы превращаются в вещи, которые можно продать. Капитализм гордится — и не безосновательно — своей способностью увеличивать производительность. Однако эффективность потребления значит не меньше, чем эффективность производства. Одни потребители тратят деньги так, что это сильно отражается на благосостоянии, тогда как траты других на нем вообще не сказываются. В целом, богатые потребляют гораздо менее эффективно, чем бедные: долгое время считалось, что маргинальная выгода с каждого дополнительно потраченного доллара уменьшается по мере роста доходов. Но в данном случае неэффективность дорогостоящего потребления (например, владения несколькими домами, машинами или сотнями пар туфель), несомненно,

недооценивается. Экономика, подходящая для мира, лучше осознающего материальные и экологические ограничения, должна понимать продуктивность потребления (или «консумптивности») не менее строго, чем продуктивность в производстве вещей.

Предпринимательство по ту сторону бизнеса

Еще одна область, в которой мы можем увидеть идеи капитализма в движении, — это предпринимательство. В издании 1897 г. «Оксфордского словаря английского языка» предприниматель (*entrepreneur*) определялся еще как директор общественного музыкального учреждения. Только в более позднем издании понятие стало использоваться в его современном значении, когда издатели наконец признали, что контроль и управление капиталом и трудом в современной экономике могут оказаться столь трудными и расходящимися с прошлым опытом, что потребуются новый класс людей, а вместе с ним и новое слово, взятое из французского (всего столетие спустя Джордж Буш-младший заметил, что проблема французов в том, что у них даже нет слова для обозначения предпринимателя)³².

В последние десятилетия стал шире применяться взгляд Йозефа Шумпетера на то, как работает экономика. Он считает, что предприниматель — это решающий актер, ищущий возможности, замечающий нуждающиеся в услугах рынки или неиспользуемые активы, идущий на риск и пожинающий плоды. Подход Шумпетера по своему духу сильно отличается от большей части мейнстримной экономики. Он подчеркивает поиски неизвестного, того, что не определено и не измерено. На идеальных рынках с идеальной информацией предпринимателям нет места. Ведь предпринимательство выявляет трудности мира, его сопротивление предсказуемым планам, делает акцент на процессе обуче-

32. Францию часто изображают как страну, враждебную предпринимательству. Но, согласно самому надежному международному исследованию, в ней выше процент людей, заинтересованных в том, чтобы начать свой бизнес в последующие три года, чем в Соединенных Штатах, и выше доля тех, кто владеет или управляет только что созданным бизнесом. См.: Global Entrepreneurship Monitor — Global Report 2007.

ния, в котором мы сначала натываемся на что-то, а потом обходим препятствие.

Противоположный взгляд на предпринимательство (ассоциирующийся с работами Израэла Кирцнера)³³ рассматривает его не в качестве нарушителя равновесия, но как силу, которая, наоборот, его создает, используя информацию, позволяющую извлечь выгоду из дисбаланса, а затем привести экономику обратно к равновесию. В обоих случаях предпринимательство не является исключительной особенностью бизнеса. Есть несколько областей человеческой деятельности, где предпринимательство не является частью происходящих перемен. Шумпетер писал о предпринимательстве как в политике, так и в бизнесе (и сам короткое время был министром) и считал его универсальным феноменом, хотя и особенно проявившимся в капиталистической экономике. Людвиг фон Мизес писал, что предпринимательство «не является специфическим свойством особой группы или класса людей; оно присуще любой деятельности и обременяет любого действующего субъекта»³⁴.

Вот как Шумпетер описывает основные качества предпринимателя в любой области:

Невольно в душе того, кто задумывает сделать что-то новое, против зарождающегося плана восстают элементы обычного, традиционного. Помимо уже затраченных, требуются новые усилия воли, к тому же иного характера, чтобы среди повседневных трудов и забот выкроить место и время для концептуального обоснования и разработки новой комбинации... Подобная духовная раскрепощенность предполагает наличие сил и энергии, объем которых выходит далеко за пределы потребностей рядовых будней. Это качество представляет собой нечто своеобразное и по природе своей встречается редко³⁵.

33. Israel Kirzner, *Competition and Entrepreneurship* (Chicago: University of Chicago Press, 1973). Кирцнер И. *Конкуренция и предпринимательство*. М.: Социум, 2010.

34. Ludwig von Mises, *Human Action: A Treatise on Economics* (San Francisco: Fox & Wilkes, 1949), 252–253. Мизес Л. *Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории*. М.: Социум, 2012. С. 239.

35. Joseph Schumpeter, *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle* (New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1934); Шумпетер Й. *Теория экономического развития (Исследо-*

Может быть, и редкое качество, но не ограничивающееся исключительно бизнесом. В университетах некоторые академические ученые действуют как предприниматели, собирая команды, находя пробелы, доказывая превосходство своих идей и собирая все ресурсы, какие только могут найти, чтобы завоевать союзников. Основатели и создатели великих религий тоже этим занимались и часто соединяли предпринимательство с верой.

Идея делового предпринимательства со временем породила идею о том, что государство должно его поддерживать, и многие правительства стали предоставлять налоговые льготы, организовывать обучающие программы и праздники для поощрения предпринимательства. Социальное предпринимательство — более молодая идея, но оно тоже побуждает к разного рода поддержке, получаемой от правительств и фондов: призам, субсидиям, сетям и праздникам. Можно ли ему научиться? Заслуживает ли оно субсидий и налоговых льгот? Оправдывает ли оно устроенные праздники? Являются ли основатели новых фирм теми людьми, которые могут их взрастить? Здесь мы снова видим идею, обобщающую капитализм, причем на вполне теоретическом уровне.

В «Богатстве народов» Адама Смита описывается, как сочетание рынков, юридического аппарата и прав собственности превращает эгоистическую жадность миллионов индивидов в силу, способствующую всеобщему процветанию. Превосходство рыночного механизма в том, что он автоматический: связывая уже существующие мотивы и энергии, он избавляется от потребности в короле или командире, которые «управляли» бы экономикой. Вместо этого экономика сама собой управляет, вознаграждая и достижения, и инновации.

В XVIII в. Адам Смит не меньше прославился «Теорией нравственных чувств» — произведением совсем иного рода, в котором рассматривались «нравственные чувства» симпатии и сострадания, удерживающие общество от распада. Хотя он и не писал об этом, два направления его творчества можно соединить в идее, утверждающей, что все современные общества зависят не только от невидимой руки

вание предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. С. 182.

рынка, но и еще от одной невидимой руки: юридических и фискальных договоренностей, которые позволяют направить нравственные чувства, мотивы заботы, гражданскую энергию и социальные обязательства в практическую форму и тем самым на службу общему благу³⁶.

Во многих обществах эти договоренности слабы или не существуют. Большинству стран не хватает узаконенных форм для создания независимых некоммерческих организаций, если не благоприятных, то хотя бы честных налоговых правил для пожертвований или торговли; законов и политической обстановки, которая позволяла бы спорить, критиковать и устраивать кампании; и защиты от насилия или капризов бюрократии. Вот почему многие социальные предприниматели в большинстве регионов мира живут тяжело, в постоянной борьбе за выживание, им приходится успокаивать мощные группы интересов и недоверчивые государства.

В других странах эти базовые условия установились твердо. Право граждан на собрания и демонстрации, на организацию профсоюзов и политических партий сочетается с законами, упрощающими создание новых организаций, наем персонала, торговлю, сбор средств и инновации. И если рынки опираются на энергию и творческое начало предпринимателей, готовых рисковать деньгами и престижем, социальные изменения опираются на невидимую результативность десятков тысяч индивидов и небольших групп, выявляющих потребности и новаторские решения. Именно поэтому социальное предпринимательство в самом широком смысле оказывается такой же неотъемлемой частью современности, как и будущего, неся с собой иное воображаемое, частично принадлежащее капиталисту, частично социальному работнику, частично герою-индивидуалисту, частично слуге. Вместе с ним приходит неизбежное беспокойство, лучше всего описанное Георгом Зиммелем в его работе о природе жизни и ее процессов³⁷. Жизнь, как он пи-

36. Впервые я предложил вариант этого довода в: Geoff Mulgan and Charles Landry, *The Other Invisible Hand: Remaking Charity for the 21st Century* (London: Demos, 1995).

37. Georg Simmel, *The View of Life: Four Metaphysical Essays with Journal Aphorisms*, translated by A. Y. Andrews and Donald J. Levine; With an Introduction by Donald N. Levine and Daniel Silver (Chicago: University of Chicago Press, 2010).

сал, предполагает поток, свободу и творческое исследование новых комбинаций³⁸, однако она постоянно создает формы, а посредством этих форм организуется действие. Так, генетические мутации определяют форму тела и клетки, музыкальные эксперименты ведут к таким формам, как симфония или трехминутная поп-песня, а социальное действие приводит к созданию новых институтов. Однако формы по природе своей вступают в противоречие с созидательным духом жизни, они устоявшиеся, вечные, ограниченные правилами. Вот почему формы одновременно и выражают жизнь, и выступают против нее. Для новатора или предпринимателя это означает, что момент величайшего успеха и гордости, когда их идея становится предприятием или политикой, — это также момент тревоги, потому что тогда она перестает им принадлежать.

Время, а не деньги как цель экономической жизни

Определяющая идея капитализма — поиски ценности, которую можно обменять и монетизировать. Он делает деньги универсальным обменным эквивалентом жизни, и все и вся рассматривает через их призму. Однако деньги могут быть лишь средством, хотя скупец и принимает их за цель. Цель, для которой они являются средством, — некоторое улучшение жизни через улучшение мест для жизни, еды или одежды. Когда капитализм — средство для достижения этих целей, он процветает. Но когда он словно бы теряет эту цель из виду, чтобы подчинить жизнь деньгам, его легитимность становится сомнительной.

Для любого, кто живет рационально и мудро, качество жизни всегда будет более важной ценностью, чем деньги или потребление. Мы живем только раз, и каждый шаг в жизни — шаг навстречу смерти. Нас как потребителей может порой привлекать современный эквивалент погребаль-

38. J. Kao, *The Entrepreneurial Organisation* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1991), и *Jamming: The Art and Discipline of Business Creativity* (Harper Business, 1997) дают особенно удачное описание творческого аспекта инноваций.

ного инвентаря, но по сравнению с нашими предками нас не так легко одурачить его значимостью.

Если капитализм — в самом сердце системы реализации ценностей, доступных для обмена, ему на смену могут прийти системы реализации осмысленного времени, включая и время опыта жизни, и более продолжительные циклы биографического и экологического времени. Капитализм продемонстрировал контролируемый, поддающийся манипуляциям и легко подстраивающийся под желания людей мир. Зачастую это могло приводить к гордыне. Но в то же время он нес собой эффект освобождения, слияния с жизнью, потому что искал вещи и места, остававшиеся спящими, мертвыми и непризнанными, и пытался вдохнуть в них жизнь и сделать продуктивными. Точно такую же ментальность можно применить ко времени: искать, где и когда оно растрачивается попусту, лежит без дела, неудовлетворенное и непризнанное, а затем искать способы его оживить.

Если время становится первостепенным и самым ярким эквивалентом жизни, что из этого следует? Деньги — это замороженное время; капитал — замороженный труд. Все цифры капиталистической экономики — цифры во времени: дисконтируемые, прогнозируемые или проставленные. Капитализм создал новые инструменты осмысления времени и управления им, помимо астрономии и наблюдения за небесными телами, и он показал, что время не является данностью и не определяется судьбой. Тогда как же можно распространить техники и методы, охватывающие качество проживаемого времени? Есть несколько простых следствий, многие из которых уже можно увидеть своими глазами. Если времени будет уделяться столько же внимания, сколько сейчас уделяется деньгам, мы можем ожидать распространения временных счетов, банков времени, бирж времени, прав на время и временных кредитов, которые позволяют людям хранить время или обмениваться им с другими. Мы можем также ожидать, что еще больше прав будет привязано к времени — включая права на оплачиваемый и неоплачиваемый отпуск, права на время обучения, права на коррективную фиксированного графика рабочей недели. Можно ожидать появления образовательных институтов, помогающих людям использовать время более эффективно, школ жизни, а также школ по подготовке к труду и квалифициро-

ванных тренеров, указывающих людям, как им эффективнее использовать свое время. И это отнюдь не фантазии и не утопии. Все это уже существует, хотя и совершенно не в тех масштабах, как в случае эквивалента времени — денег.

Мы также должны ожидать, что экономика будет больше внимания уделять счастью и самореализации во времени: не только счастью, переживаемому в данный момент (которое ученые отслеживают, когда просят людей сообщать, что они сейчас чувствуют), но также счастьем или удовлетворением, которые мы испытываем задним числом, например от необычного отпуска или дружбы. Мы также можем уже разглядеть новые индустрии, вырастающие вокруг удовольствия и опыта: они охватывают все — от тщательно выстроенного переживания веселящей опасности до наркотиков и терапии или стимулирования частей мозга³⁹. Образовательные системы могут научить нас лучше понимать счастье во времени, научив нас лучше судить о пережитом и о том, что приносит нам наибольшее счастье⁴⁰.

Мы также можем ожидать большего внимания к продуктивности жизни за пределами работы. Данные показывают, что лишь небольшая часть нашего времени — около 25% бодрствования — сейчас отводится на оплачиваемый труд. В то же время мы проводим более трех четвертей взрослой жизни в «бесплатном труде», убираясь, стирая, приглядывая за детьми, собирая мебель из *ИКЕА*, подстригая газон, занимаясь на досуге игровыми видами спорта, шопингом, чтением, просмотром телевизора и т. д. Хотя уже сменилось два поколения бытовых приборов, облегчающих домашний труд, дом все равно остается местом, в котором у нас нет другого выбора, как тратить значительное время на поддержание порядка и тот или иной элементар-

39. Позитивная и негативная шкалы аффекта (PANAS) были разработаны Уотсоном, Кларком и Телледженом в связи с признанием того, что измерение счастья и несчастья по одной шкале не передает сложных отношений между разными эмоциями. D. Watson, L. A. Clark, and A. Tellegen, «Development and Validation of Brief Measures of Positive and Negative Affect: The PANAS Scale», *Journal of Personality and Social Psychology* 54 (1988): 1063–1070.

40. Daniel Kahneman, Peter P. Wakker, and Rakesh Sarin, «Back to Bentham? Explorations of Experienced Utility», *Quarterly Journal of Economics* 112, no. 2 (1997): 375–405.

ный уход за нами самими, нашими детьми, питомцами, домом или садом. Самые богатые отдают выполнение этих ролей подрядчикам, и многие люди даже со средним доходом платят другим, чтобы те убирались или сидели с их детьми. Но в долгосрочной перспективе примечательно то, как мало изменились эти цифры, и если данные верны, сегодня родители проводят со своими детьми даже больше времени, чем 40 лет назад. Само по себе наличие детей не делает родителей ни счастливее, ни несчастнее. Но сочетание генетического импульса и стремления к любви и самореализации, очевидно, воодушевляет людей на то, чтобы уделять время и энергию семейной жизни — больше, чем когда бы то ни было раньше.

Различные исследования показали, что половина ВВП развитых стран приходится на неоплачиваемый труд (хотя все эти попытки приписать денежную ценность времени страдают от множества теоретических и технических проблем), и они подтверждают утверждение феминисток, которые говорят, что такой труд должен учитываться в системе социального обеспечения. Экономист Гэри Беккер выбрал совершенно иной подход, превзойдя остальных экономистов в последовательном применении экономического метода к отличным от экономики областям, от брака до работы по дому, и использовал ставки заработной платы как «теневую цену» досуга. Дом был представлен как всего лишь фирма, место, где объединяются ресурсы для выпуска продукции, например блюд, подаваемых к столу. Странность этого взгляда в том, что он подразумевает, будто приготовление пищи делает вас счастливым ровно настолько, насколько вам нравится обед. Семейная жизнь сама по себе никогда не является благом, а только средством.

Похожим образом делалась попытка осмыслить динамику времени и инструментальный анализ. Исследования времени и движения были направлены на поиск пустых трат на заводе (при этом мало или вовсе не заботясь о благополучии рабочего). Не так давно понимание потоков стало применяться ко многим другим областям жизни. Такие фирмы, как *Toyota*, освоили методы потоков продуктов на своих заводах, а потом стали применять сходное мышление к медицинским учреждениям и пациентам, а также к аэропортам и пассажирам. В каждом случае целью было сокращение ненужных действий

и экономия времени людей. Мечта — сделать жизнь гладким, не требующим усилий движением по транспортным сетям, магазинам, школам и больницам, без пробок и очередей. Но странным образом большинство людей мечтает о чем-то совершенно противоположном этому — об осмысленном трении, возникающем в отношениях в реальной жизни, где другие настолько равнодушны, что спорят, не соглашаются, а порой и вовсе перестают делать то, что мы хотим.

Некоторые использовали денежные эквиваленты для оценки того, сколько стоит тратить на экономию времени. Анализ издержек и выгод присваивает ценность времени, которое можно сэкономить благодаря новому объезду, и использует примеры обмена людьми времени на деньги, чтобы получить оценки. В одном интересном сравнении выбора транспорта была предпринята попытка просчитать время, потраченное на зарабатывание денег на разные виды транспорта, и получить в итоге то, что было названо «действительными скоростями», измеряемыми в километрах в час. Автомобиль класса люкс получил 14,6 балла, автомобиль эконом-класса — 23,1, общественный транспорт — 21,3, а велосипед — 18,1⁴¹.

Предпринимались некоторые попытки откорректировать не только потраченное на поездку время, но и природу опыта — насколько можно расслабиться или, наоборот, испытать стресс, сидя на сиденье или стоя в очереди. Ясно, что учет времени отличается от учета на производстве, хотя бы потому, что наш опыт всегда существенно отличается. Но качество переживаемого времени может измеряться и сравниваться.

В этом свете выбор, перед которым оказывается любое общество, начинает выглядеть совершенно иначе. Если мы переведем какую-то деятельность из разряда оплачиваемой в неоплачиваемую, это будет выглядеть как снижение ВВП. Но это же может привести к увеличению объема счастья (представьте двух соседей, которые по очереди готовят друг для друга вместо того, чтобы по отдельности ходить в ресторан). Если новая услуга позволяет людям общаться с врачами через видеоконференцию, а не физически, это экономит их время, но не сказывается на ВВП (или мо-

41. <http://www.vtpi.org/tca/tca0502.pdf>.

жет означать снижение зарплаты врача). Таким образом, учет времени поможет подробнее расписать, сколько у людей времени, как они его используют и какое удовлетворение от этого испытывают. И он может выявить иные аспекты выбора, не те, что выявляет измерение денег.

Еще один яркий пример — использование оценок ожидаемой продолжительности жизни с поправкой на качество жизни (QALY) в здравоохранении, которые предсказывают количество дополнительных лет жизни, обеспечиваемых новым лекарством или лечением, с поправкой на то, будут ли эти годы прожиты без инвалидности. QALY на истраченный фунт (или DALY на доллар) становится самой важной единицей измерения эффективности здравоохранения и проверкой, которую должно пройти любое новое лекарство или услуга. Здесь важно то, что на равных вместе соединяются время и деньги, создавая удивительные результаты, включая мощную поддержку более простых и дешевых методов лечения, например программ по борьбе с курением или физических упражнений как средства борьбы с современной депрессией.

Национальный учет времени — недавно разработанный набор методов для «измерения, сравнения и анализа того, как люди тратят и проживают свое время — в разных странах, в разное историческое время или среди групп людей в данной стране в данное время». Эти методы еще не полны или не совсем устоялись, они не готовы заменить общенациональный учет денежных средств или выпуска продукции. Но данные, получаемые при помощи учета времени, приводят к новым догадкам, которые очевидным образом будут сказываться на том, как мы проживаем наши жизни и какой должна быть государственная политика. Подробная работа, посвященная тому, как люди используют свое время в Соединенных Штатах, показала, что многим будет лучше, если они станут меньше ездить на работу и больше времени проводить с друзьями и семьей, а также если переключатся при проведении своего досуга с пассивных его форм на более активные. В анализах такого рода мы видим контуры нового взгляда на мир, в котором качество времени будет так же важно, как количество дохода и денег.

Общество, внимательнее относящееся к времени, перевернет отношения между временем и деньгами, сложившие-

ся в современной экономике, основанной на современной экономической теории, для которой время — слуга денег, и его нужно подгонять, измерять и направлять так, чтобы увеличивать денежную прибыль. Тогда что произойдет, если перевернуть эти отношения и сделать деньги слугой нашего стремления к тому, чтобы времени было больше и оно было лучше?

На рынках будущее ценится меньше, чем настоящее, и процентные ставки, обычно устанавливаемые центральными банками, действительно сообщают нам, на сколько именно меньше. Они широко используются для жилья, займов, как ориентир для государственных инвестиций; относятся к времени и его неопределенности как к чему-то однородному и универсальному.

Однако если мы взглянем на то, как реальные институты и индивиды обращаются с отношениями между временем и ценностью, станут очевидны совершенно иные закономерности. Родители вкладываются в детей, не ожидая особой доходности от этих вложений (если они ее ожидают, то, скорее всего, будут разочарованы). Любой, кто чувствует себя частью сообщества, сочтет себя обязанным вносить вклад в общие проекты, например в строительство новой крыши у церкви, даже если он и не получит от этого особых выгод. У правительств тоже можно наблюдать очень разный подход к времени: системы образования вкладываются в детей независимо от ставок дисконтирования, а правительства вкладываются в оборонные проекты с крайне долгосрочными перспективами. В здравоохранении многие страны применяют к своим решениям очень низкую или нулевую ставку дисконтирования на том основании, что нельзя ставить сегодняшних молодых людей в невыгодное положение по отношению к старикам. При обсуждении климатических изменений велись яростные споры о том, какие ставки дисконтирования применять, — это опять-таки отчасти моральный спор о том, какой вес мы должны придавать выбору будущих поколений (спор, в который вносит свой вклад наблюдение, что если экономический рост продолжится, будущие поколения окажутся гораздо богаче нас, а это ставит вопрос о том, на какие жертвы мы должны пойти ради наших богатых наследников). Часто правительства — и фонды — ведут себя как опекуны или приказчики, которым поручили

сохранять или наращивать капитал, а не как строго рациональные потребители экономической теории, которые настоящее потребление всегда ценят больше, чем будущее.

Наше отношение ко времени отражает отношения с другими. Чем сильнее узы, связывающие нас с ними, тем ниже наши действительные ставки дисконтирования и тем сильнее мы ценим будущее. Деньги становятся слугой времени, будущего и наших обязательств, а не управляют ими. Это тонкий и глубокий аспект, отсутствующий в экономической науке, в ее капиталистическом понимании, но который все ярче проявляется, когда время занимает центральное место на сцене⁴².

Все кластеры идей, описанных в этой главе, — от новых идей, связанных с ростом и кооперацией, до дружбы, ценности и предпринимательства — пока еще молоды. В их распоряжении не было десятков или сотен лет, которые потребовались идеям капитализма для того, чтобы перейти от широких мазков к точным графикам, вписанным в теории и массивы данных, конкурирующие школы мысли и практики. Но соедините их вместе, и можно будет увидеть, как капитализм способен эволюционировать не только в царстве идей и воображения, но и в реальности.

42. Более полный анализ ставок дисконтирования, роли «экспоненциальных» и «гиперболических» ставок, а также того, почему их уровень отражает социальные структуры и силу социальных связей, см. в главе о ценности в: Малган Дж. *Искусство государственной стратегии*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Новые приспособления, или Как общества (иногда) совершают скачок

Сначала предполагалось, что все будет иначе —
сияющие нимбы хоры
ступени абстракции
но так и не удалось до конца отделить
душу от тела: души являлись в рай
то с каплей жира то с ниточкой мышцы
пришлось принять меры
зерно абсолюта смешать с малой толикой глины —

Збигнев Херберт. Репортаж из рая¹

В 1938 г. группа людей собралась в маленьком городе Сальтшёбаден в Швеции. Страна как раз достигла новых договоренностей, оказавшихся одними из самых успешных в ее истории, так как они заложили фундамент для многих десятилетий здорового роста, социального успеха и глобальных побед таких компаний, как *Volvo*, *IKEA* и *Ericsson*. В Сальтшёбадене представители бизнеса, правительства и профсоюзов согласились создать общество, в котором «нет богатых, а главное его богатство — забота». Прийти к этому соглашению было нелегко. В 1920-х гг. положение в Швеции осложнялось забастовками и высоким уровнем безработицы. Повсеместная классовая война создавала угрозу для будущего страны. Не надо было далеко ходить, чтобы увидеть, что произойдет, если конфликт усилится, — сразу за Балтийским морем была нацистская Германия, неподалеку на востоке — СССР, где были в самом разгаре жестокие репрессии. Люди, собравшиеся в Сальтшёбадене, усвоили общий урок современности: потрясения гораздо дороже обходятся обществам с глубокими социальными конфликтами и институтами, которые слишком слабы, чтобы управлять этими конфликтами. Наличие институтов, способных быстро создать консенсус в отношении действий, которые следует предпри-

1. Перевод Андрея Базилевского. Митин журнал. 1991. № 42.

нять, когда происходят потрясения, будь то финансовый кризис или война, имеет огромную важность. Сальтшёбаден не допускал государство к решению трудовых споров, но его дух стал неотъемлемой частью государства всеобщего благосостояния, сложившегося позднее, и этот дух стал означать консенсус, прагматический компромисс и доверие. В некоторых отношениях детали этого соглашения были не столь важны, как сам факт его достижения. Говорят, президенту Эйзенхауэру принадлежат следующие слова: «планы — ничто, самое главное — планирование», и именно им в результате должны были заняться партнеры по соглашению.

В истории других стран тоже были такие определяющие моменты. Нидерланды после Второй мировой войны приняли так называемую Польшдерную модель, дав каждой религиозной и социальной группе часть власти и, подобно Швеции, придерживаясь принципа консенсуса. Ее легитимность основывалась на памяти о том, что пережили Нидерланды ранее, когда разделения ничем не сдерживались. Приблизительно в это же время Германия получила новый режим, навязанный ей оккупационными державами, в котором конституция разделяла власть между регионами, а в экономике была институционализована роль свободных профсоюзов. Та часть бизнеса, которая слишком активно сотрудничала с нацистами, подверглась сокращению. Несколькими годами ранее в Соединенных Штатах Франклин Рузвельт принял «Новый курс», для которого был характерен сходный дух компромисса и сотрудничества: «Лучше периодические неудачи правительства, придерживающегося принципа ясности, — сказал он в своей второй речи по случаю выдвижения в президенты, — чем постоянные упущения правительства, скованного льдом равнодушия». А после Второй мировой войны Британия учредила собственный вариант такого режима с социальными гарантиями, государственной системой здравоохранения и реформой образовательной системой. Как выразился архитектор многих из этих реформ, сэр Уильям Беверидж, «революционный момент в мировой истории — время для революций, а не для того, чтобы латать дыры»².

2. http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/december/1/newsid_4696000/4696207.stm.

Сказанные в такие моменты слова говорят сами за себя. Эти моменты описываются как приспособления или урегулирование, что указывает на то, что общества пытаются создать для себя новый дом, в котором будут жить, условия, в которых они будут себя чувствовать более комфортно. Они вышли из кризиса и превратили проблемы в возможности. Каждая договоренность трансформировала суть капитализма и его восприятие. Каждая из них обеспечила большую защиту людей как работников и как потребителей и создала новые общие блага. Каждое такое приспособление было компромиссом в том смысле, что всем сторонам пришлось чем-то поступиться. И каждое приспособление создало не только новые правила и формальные роли, но и новый дух.

Самый поразительный пример — Новая Зеландия. После процветания 1920-х гг. страна пережила тяжелый удар в ходе Великой депрессии. Экспортные цены рухнули, доходы упали на 40% за три года. Фермеры с трудом могли выплачивать проценты по закладным, а безработица в городах резко пошла вверх. Недовольство переросло в бунты (мой двоюродный брат Джон Малган написал один из самых знаменитых новозеландских романов «Одиночество человека», рассказывающий о беспорядках и нищете, охвативших страну в начале 1930-х гг.). На волне кризиса в 1935 г. к власти пришло новое лейбористское правительство, пообещавшее, что каждый гражданин Новой Зеландии получит право на приличный уровень жизни. Оно руководствовалось принципом, согласно которому общество обязано защищать людей от неблагоприятных экономических обстоятельств, с которыми они не в состоянии справиться сами. Это правительство учредило государство всеобщего благосостояния и стало предоставлять бесплатные медицинские услуги, платить пенсии, а также предоставило льготы семьям, инвалидам и безработным. Подобные законодательные меры описывались как «величайшее политическое достижение в истории страны», подтвердив ее статус «мировой социальной лаборатории» (за несколько десятилетий до этого Новая Зеландия первой ввела всеобщее голосование)³. Первое государство всеобщего благосостояния, созданное для защиты новозе-

3. <http://www.nzhistory.net.nz/death-of-michael-joseph-savage>.

ландцев от «колыбели до могилы», сохраняло популярность, дав лейбористам возможность продержаться у власти 14 лет.

Подобно другим приспособлениям, новозеландский компромисс заложил основы нового общественного договора, укрепившего узы взаимных обязательств. Отчасти это реакция на угрозы. До Великой депрессии средние классы многих стран имели возможность покупать полисы, страховавшие их от самых больших рисков, с какими они могли столкнуться. Но страховой рынок рухнул вместе с рынками акций, облигаций и товаров, и нужда заставила средние классы вступать в коалиции ради общего благополучия.

Каждый компромисс также представлял триумф новых методов. В 1920-х гг. многие знаменитые экономисты полагали, что спасение от экономического кризиса напоминает методы лечения врачей XVIII в.: кровопускание или в данном случае сокращение расходов. Но при принятии этих приспособлений пришлось выучить противоположный урок о необходимости создания спроса и увеличения, а не сокращения расходов. Кроме того, каждое из этих приспособлений и компромиссов признавало широкий круг притязаний — бедняков, детей и пожилых людей, требовавших внимания и уважения к себе. В мире природы для борьбы с хищниками часто применяется «совместное нападение», когда группа более мелких и слабых животных или птиц объединяется вместе, чтобы защититься. Подобные приспособления — наш крупномасштабный человеческий аналог этого поведения.

Созданные в каждом случае приспособления действовали многие десятилетия. Но все они со временем начали устаревать. Приспособления, расширявшие роль государства, пострадали, когда государство и само становилось настоящим хищником или когда фрирайдеры пытались получить нечто даром. Чаще орудием разрушения приспособления становился долг после того, как у государств возникала иллюзорная уверенность в том, что они сами могут создавать нечто ценное, просто печатая деньги, а не при помощи наделенных истинной ценностью вещей. За первые три года пребывания у власти Михаила Горбачева долги Советского Союза выросли в 3 раза. Острый валютный кризис в Китае в 1978 г. подготовил переход к реформам Дэн Сяопина. Вскоре после этого почти иссякли денежные резервы Индии, что заставило ее прове-

сти ряд похожих реформ. Британии в середине 1970-х гг. пришлось просить помощи у МВФ, и вскоре она приняла идеи Маргарет Тэтчер о радикальном расширении рынков.

Эти урегулирования могут показаться циклическими, потому что за экспансией государства обычно следует его сжатие. Но в длительной исторической перспективе эти закономерности накапливаются. По словам Дани Родрика,

два последних столетия экономической истории могут быть истолкованы как непрерывающийся процесс обучения тому, как сделать капитализм более продуктивным, обеспечив его институциональными ингредиентами самоподдерживающейся рыночной экономики: меритократическими общественными бюрократиями, независимыми судебными органами, центральными банками, стабилизирующими бюджетную политику, антимонопольным законодательством и регулированием, финансовым контролем, социальным обеспечением, политической демократией⁴.

С 1945 г. большинство развитых экономик, от Европы до Восточной Азии, добавили к этому всеобщее образование, медицину для всех и государственное здравоохранение, а также более строгую политику в области охраны окружающей среды, для того чтобы сделать капитализм не только более продуктивным, но и более полезным и частным. Об успехе большинства развивающихся экономик можно судить не только по уровню их ВВП, но и по тому, что они могут на него купить: Таиланд, например, перешел к всеобщему здравоохранению в 2001 г., а Китай быстрыми темпами организует систему социального обеспечения и здравоохранения. Индонезия, как и Мексика с Бразилией, тоже движется в этом направлении, Индия гарантирует своему сельскому населению право на труд (до 100 дней в году) на проектах по созданию инфраструктуры.

Долгосрочные компромиссы встречаются редко, и их трудно достичь. Как правило, о них мечтают, но так ничего и не добиваются. Например, неуклюжие попытки найти новую модель делала Япония. Реставрация Мэйдзи и послевоенное чудо, последовавшее за ее поражением во Второй

4. Dani Rodrik, *One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth* (Princeton: Princeton University Press, 2007).

мировой войне, дали Японии возможность изобрести себя заново. Но позднее усилия по перестройке японской экономики и общества и перехода к новой стадии капитализма потерпели фиаско, подобно тому как при премьере Накасонэ потерпел фиаско Харуо Маэква с докладом, в котором он пытался дать обоснование более легкой, гибкой и менее иерархической модели, в конечном счете позволившей бы Японии наслаждаться плодами роста, а не только создавать их. Россия после 1989 г. приняла ряд новых экономических стратегий, которые на бумаге описывали радикальную рыночную трансформацию экономики, а на практике в основном игнорировались. Каждый раз, когда цены на нефть росли и в государственную казну текли деньги, давление, побуждавшее к проведению реформ, шло на убыль.

Условия для изменений необычны и даже неестественны; они зависят от кризиса и его общего понимания. Но они также зависят и от подготовки. Каждый из примеров успеха, описанных ранее, отчасти стал таковым, потому что многие годы проводилась тяжелая работа по определению элементов, из которых сложится новая договоренность. Вначале они могли казаться утопической фантазией, но все хорошие идеи поначалу бывают сырыми. Однако они прокладывали путь, и обычно в основе была догадка о том, что именно принесет успешный порядок: идея прав или свобод или определение того, каких именно рисков следует прежде всего избегать. История человечества напоминает на движение пьяного, так как люди учатся на своих успехах и неудачах, натываясь на стены, а затем пробираясь вперед, и редко следуют по прямой, однако встречаются моменты, когда на какое-то время становится почти возможно ясно разглядеть будущее.

Как выразился Джон Дьюи, каждый политический проект должен создать публику, которая сможет стать его автором. Из этого следуют противоречия и парадокс, который, как показал Жан-Жак Руссо, присущ любому по-настоящему демократическому изменению: мы хотим такую власть, которая уничтожила бы сама себя и передала бы свои полномочия народу⁵. В этом смысле каждое приспособление в конеч-

5. Законодательное учреждение лучшего общества, как писал Руссо, — «предприятие, превосходящее человеческие силы», требующее учреждения его «авторитетом, который есть ничто» («Общественный договор»).

ном счете приводит к разочарованию, поскольку власть никуда не девается. Но при этом делается большой шаг вперед.

Итак, какие разумные надежды мы можем питать? Представим, что кризис нашего времени проложит путь к новым приспособлениям, возможно, не в следующем году или даже не через десять лет. Но как они будут выглядеть? Какая подготовка потребуется? Какие новые общие институты и общие блага будут созданы? И какие вопросы они попытаются решить?

История создает множество возможностей, и сегодня возможны многие виды капитализма. Они включают в себя как новые мутации государственного капитализма, с ресурсами, принадлежащими суверенным фондам национального благосостояния, так и контркультурный капитализм с экологическими рабочими местами, как капитализм с множеством платежных средств, так и капитализм, создающий рынки для психологических состояний. Существует столько же пагубных, сколько и благоприятных возможностей, от возрождения милитаризма и автаркии до стигматизации меньшинств и углубления экологической катастрофы. Но уже сейчас можно разглядеть, как позитивные элементы объединяются в борьбе против спада. В почве настоящего всегда можно найти семена будущего. Это было верно и в 1900-х, и в 1940-х, когда творческие политические лидеры подхватывали и включали в свои программы идеи, витающие в воздухе или внедрявшиеся в небольших масштабах.

В данной главе меня интересует, как усилить продуктивную, обогащающую жизнь сторону капитализма и сдержать его хищническую, ограничивающую ее сторону, поддержать тех, кто создает, в противовес тем, кто берет. Во время кризиса 1930-х гг. ответы не только лежали в изменениях денежной и бюджетной политики, но оказались связаны с чем-то гораздо большим, и то же самое происходит сегодня. Борьба с бременем долгов и дисбалансом между различными частями мира — необходимое, но недостаточное условие для выхода из кризиса. Равно как и создание сильных транснацио-

Наш идеал — революционный лидер, который готов самоустраниться. То же самое может относиться и к бизнесу: идеальный создатель новой технологической эры не пытается превратить свой успех в новую устойчивую монополию.

нальных институтов для управления деньгами, углем или информацией в современном мире. Мы снова должны усилить и расширить созидательное начало — в производстве, в труде и потреблении, ограничив хищническое поведение. Усиление творческого начала предполагает сочетание инвестиций, давления и свобод. Сдерживание хищников — правила, законы и нормы; силу стыда, равно как и формальные санкции, как противостоящие силы, так и ограничения.

Каждая реальная договоренность будет иной, будет нести на себе отпечаток истории, культуры и обстоятельств, возникающая как из практики, так и из замыслов. Как выразился Роберто Мангабейра Унгер, мы переосмысливаем и переделаем наши продуктивные задачи в ходе их выполнения, используя «сходные мелкие вариации, оказавшиеся под рукой, чтобы произвести большие вариации, которых еще не существует»⁶. Это верно как для обществ в целом, так и для небольших проектов. Но урок прошлых приспособлений в том, что эволюция зачастую конвергентна; похожие приспособления могут возникать в совершенно разных обществах, частично благодаря природному сходству типов экономики, технологии, идей и ценностей, а частично по подсказке. И поэтому далее я обрисую некоторые потенциально конвергентные изменения — меняющийся взгляд на то, что такое благосостояние, как оно создается и как используется.

Мобилизация коллективного разума и творческого начала

В главе 10 я объяснял, почему нулевой рост так же малопривлекателен, как и рост, связанный с более высокими затратами и увеличением ущерба для окружающей среды. При альтернативном взгляде на рост, как я утверждал, он рассматривается как экспансия продуктивного потенциала, способности делать и изготавливать вещи, за которой стоят накопленные знания, и способности экономики и общества усваивать знания. Итак, первый приоритет — повысить

6. Roberto Unger, *The Self Awakened: Pragmatism Unbound* (Cambridge: Harvard University Press, 2007).

способность экономики к росту, не нанося при этом вреда запасам природного капитала или жизни семьи. Для этого необходимо резкое увеличение инвестиций в новое знание, его распространение и внедрение, внимательное отношение к реализации и усвоению идей и открытий. Материальные вещи — топливо, пища и предметы — по-прежнему будут считаться ценными. Но наше благосостояние все больше будет создаваться за счет того, что нематериально и что нельзя потрогать — знания, воплощенного в вещах, системах, практиках и людях.

Мысль о том, что знание и его применение имеют решающее значение для экономического роста, не нова. Пятьдесят лет шла работа над тем, чтобы разметить, измерить и понять динамику экономики, основанной на знании. Но институты лишь отчасти приспособились к этому сдвигу. Итак, что же нужно делать? Общество, культивирующее коллективный разум, должно одновременно сражаться на многих фронтах. Ранее я отмечал, что признаком зрелой инновационной системы является то, что она не только обеспечивает свободные ресурсы для творческого поиска, который ведут ученые или художники, но и идет дальше, добавляя к этому осознание настоятельных потребностей в инновациях, способностях большинства творческих людей и системы превращать идеи в жизнь. Подобная согласованность встречается очень редко. Но начинать следует с выделения большей доли ресурсов на новое знание. Многие страны уже приняли политику увеличения инвестиций в научные исследования и разработки и поощрения фирм, которые отпочковываются от университетов и растущих промышленных кластеров. По причинам, обсуждавшимся ранее, многие из этих планов принесут разочарование. Но главное — расширять, а не сужать работу: инвестировать в новые идеи в проектировании и в знания и науку, мобилизовать не только экспертов, но и простых граждан, создавать университеты нового типа, непосредственно занимающиеся творческим решением проблем. В стереотипном утверждении о том, что, хотя научные исследования — дорогое удовольствие, невежество обходится еще дороже, есть доля истины. Темпы открытий будут неизбежно варьироваться. Цифровые технологии продолжают порождать поток новых технологий. Науки о жизни, геномика и биотехнология, напротив, пока не смогли

сдержать своих обещаний. Но это вызвано тем, что недостаточно созрело знание, на котором они основываются. Если заглянуть на два или более десятков лет вперед, велика вероятность того, что новое понимание жизни и таких областей, как наука о мозге, трансформируют не только экономику, но и наш взгляд на мир.

Но увеличения объема научных исследований самого по себе недостаточно (рост расходов на научные исследования фактически совпал с падением производительности). Точно так же важен переход от исследований к полезным продуктам и услугам и инвестированию в навыки, необходимые для применения инноваций⁷. Один из образцов этой политики — Институт Фраунгофера в Германии; другие институты предлагают новую профессию защитников инноваций, которые занимались бы поиском перспективных идей и их реализацией на практике. Критический момент заключается в том, что без сознательной поддержки ценный потенциал многих идей может быть растрочен впустую.

Общество, сделавшее ставку на коллективный разум, также должно одновременно и расширять, и трансформировать свои образовательные институты. Университеты сильно выросли в размерах, но инновации в них внедряются крайне медленно. Есть некоторые исключения, такие как Университет Аалто в Финляндии, Открытый университет в Великобритании и его аналоги по всему миру, новые платформы, такие как *iTunes University* или *Peer 2 Peer University*, а также имеют место менее крупные инновации в старых университетах⁸. В данном случае востребованы и неискоренимый элитизм передовой науки, и открытая демократичность, свойственная другим инновациям (неслучайно, что большая часть наиболее успешных компаний последних лет была основана недоучившимися студентами). Лишь немногие могут заниматься созданием инноваций на передовом

7. Одно большое преимущество Соединенных Штатов: большие расходы на высшее образование — 3,3% ВВП в сравнении с 1,3% в Европейском союзе, но есть и другое преимущество, возможно, еще более важное, — это лучшее использование человеческого капитала.

8. Geoff Mulgan and Mary Abdo, «Innovation in Higher Education» // *Blue Skies: New Thinking about the Future of Higher Education*, ed. L. Coffat (London: Pearson Centre for Policy and Learning, 2011).

крае программирования или биологии, но зато многие могут их создавать в таких областях, как развитие услуг и организация труда. Крайне неравномерные паттерны создания патентов и стартапов в таких странах, как США и Великобритания, показывают, сколько талантов тратится впустую.

Школы по-прежнему играют роль поставщиков послушных работников для промышленности, которую они играли в XIX в., вместо того, чтобы воспитывать тягу к открытиям. Как сказал Роберто Мангабейра Унгер, детям с самого раннего возраста нужно давать «средства для борьбы с настоящим», показывающие, что оно не является твердым, неизменным законом. Подобно тому как они должны научиться писать и читать, они также должны научиться писать код и программировать, а также пользоваться программами, написанными другими. Для инноваций необязательно нужны странные или недоступные инструменты. Лишь небольшая часть инноваций по-настоящему «выходит за рамки», если только не смотреть на них с большого расстояния. Вблизи видно, что гораздо чаще их образует накопление шагов⁹, которые не так сложно понять при помощи практических проектов в школьном классе¹⁰.

Экономическая политика тоже должна приспособляться. Большинство департаментов и агентств, поддерживающих инновации, — продукты относительно далекого прошлого, 1940-х и 1960-х гг. Инновации осмысляются главным образом в категориях вложений (с целью увеличения доли ВВП, тратящегося на научные исследования), а не результатов или возможностей. Большая часть расходов на промышленность направляется в старые отрасли: субсидии, выделяемые сельскому хозяйству или автомобилестроению, банкам и сталелитейной промышленности, решают проблемы прошлого, а не будущего¹¹. В Сингапу-

9. См.: A. V. Markman and K. L. Wood, eds., *Tools for Innovation* (Oxford: Oxford University Press, 2009).

10. Это часть логики модели Studio School, которая сейчас воплощается в целой сети новых школ в Великобритании. См.: www.studioschooltrust.org.

11. «Отладим будущее» — это лозунг кампании, которую я помог проводить вместе с покойным Диого Васконселосом, чтобы побудить правительства в ответ на кризис 2009 г. увеличить инвестиции в инновации, а не оказывать экстренную помощь потерпевшим неудачу отраслям.

ре была проведена почти уникальная перестройка системы налоговых льгот для поддержки всей линейки инвестиций в инновации — от исследований до дизайна и человеческого капитала. В других местах налоговая система мало приспособлена для того, чтобы поддерживать инвестиции в знание, хотя и есть некоторые исключения. Канада, например, предлагает обширные налоговые льготы до 35% для научных исследований и разработок, а Нидерланды снижают ставки корпоративных налогов на прибыль от инноваций, например на роялти или продажу патентов. Применение всех этих политических инструментов затрудняется из-за отсутствия надежных способов измерения нематериальных инвестиций, не говоря уже о стимулах для их поддержки, и многие инвестиционные стимулы не делают различий между хищническим инвестированием и продуктивным.

Инновационные системы выглядят совершенно по-разному в разных областях — от существенно зависящих от науки сфер (таких, как новые материалы или фармацевтика) до дизайна, моды, розничной торговли или финансов, в которых знание больше напоминает ремесло¹². Как полвека назад указывал Фридрих Хайек, высокообразованные эксперты неизменно преувеличивают важность формального знания по сравнению с менее формальным, систематической науки — по сравнению с ремесленными навыками. Но им всем находится место, и в наилучших случаях просматривается четкая связь между новой идеей и ее полной реализацией, для которой могут потребоваться научные проекты, стартовое финансирование, венчурное или меценатское финансирование и организации, способные придать идее масштаб. В большинстве областей что-то застилает этот горизонт, и он не всегда четко просматривается, поэтому большую часть ресурсов захватывают наиболее мощные секторы и институты.

12. В серии эссе 1940-х гг. Хайек критиковал интеллектуалов за то, что они отдавали предпочтения тем видам знания, с которыми были лучше всего знакомы, — систематическому исследованию и науке — в противоположность менее систематическому знанию повседневной жизни: Friedrich A. Hayek, «The Use of Knowledge in Society», *American Economic Review* 35, no. 4 (1945): 519–530; фон Хайек Ф. Использование знания в обществе // Он же. *Индивидуализм и экономический порядок*. М.: Изограф, 2000. С. 89–101.

Как мы видели, финансы сильно отделились от инноваций, учитывая, что лишь 2% инвестиций в технологические инновации исходит от венчурного капитала в таких странах, как США и Великобритания. Урок последних десятилетий в том, что больше шансов найти инвестиции для той или иной инновации, когда в деле участвует инвестор с глубоким знанием данной области. Это неудивительно: решение о том, поддерживать ли новый материал или компьютерную программу, требует тонкого суждения, которое нелегко эмулировать при помощи стандартизированных средств оценки. Чем больше инвестиций накапливается в глобальных инвестиционных банках или фондах, тем меньше вероятность, что они окажутся у идущих на риски инноваторов. То же самое относится к общественным фондам. Крупные государственные фонды склонны избегать рисков, или же они часто оказываются под влиянием корпоративных интересов. DARPA — лишь одна удачная модель, и это редкое свойство — давать предприимчивым индивидам деньги и возможность прислушаться к своему внутреннему голосу. Чаше государственные агентства по инновациям организованы в соответствии с бюрократическими нормативами постановки задач, определения бюджетов и готовых позиций, на которые ищутся люди, что заставляет их позднее выбирать пусть наименьшего сопротивления. Лучше иметь беспорядочный, но динамичный пейзаж конкурирующих друг с другом предпринимательских инновационных фондов, чем аккуратно раскладывать все по полочкам, хорошо вписанным в органиграмму. Фонды нуждаются в минимальной измерительной шкале для того, чтобы суммировать риски и поддерживать реализацию новых идей в производстве. Но лучше иметь конкурирующие фонды, чем монополии; лучше поддерживать фонды с некоторой специализацией и глубиной знания, и крайне важно, чтобы эти фонды были относительно небольшими на случай провала. Это, однако, противоречит склонностям крупных финансовых структур и большого правительства, которые обычно создают забюрократизированные фонды, слишком большие, чтобы они могли потерпеть неудачу или принести интересные результаты.

В средах, имеющих ограниченный бюджет, за активные инвестиции в знание и инновации может выступать смелый политический лидер. Многие считают, что инновации уни-

чтожают, а не создают рабочие места. Отсюда вытекает необходимость показать, что инновации связаны не только с автоматизацией, но и с новыми сферами услуг — например, с уходом за пожилыми людьми или управлением отходами, которые останутся весьма трудоемкими.

Интеграция инноваций также очень важна для самих правительств: учитывая, что государственные расходы подвергаются сильному давлению и в сфере государственных услуг отсутствует рыночная конкуренция, любительский подход к инновациям может принести с собой большие затраты в форме стагнации продуктивности в государственном секторе. Лишь немногие правительства выделяют значительные средства, таланты и энергию на развитие творческого начала и отбор и распространение новых идей. Характер этих инновационных систем неизбежно окажется совершенно разным в областях, где доминируют профессии и формальное знание (таких, как медицина), и в областях, чья организация больше напоминает практическую сферу (например, управление дорожным движением). Но от большего внимания к фактам, более структурированного экспериментирования и больших инвестиций в быстрое обучение в культуре, где каждый государственный служащий следит за тем, какое влияние оказывает его деятельность, выиграют все.

Кроме того, в некоторых из наиболее важных областей придется иметь дело с более высоким уровнем сложности. Крупные государственные научные проекты, такие как Манхэттенский проект, изучение человеческого генома и ЦЕРН (Европейская организация по ядерным исследованиям, которая дала рождение Всемирной паутине), были необычайно сложными сами по себе. Но для решения некоторых важнейших проблем требуется соединить передовые естественные науки с социальными, а также привлечь людей. Это верно для таких проблем, как слабоумие или ожирение, и тем более в вопросах окружающей среды. Хороший пример — сложный проект по остановке эрозии Лёссового плато в Китае. Этот проект, отразившийся на жизни почти 90 миллионов людей, должен был соединить самые разные дисциплины, от сельского хозяйства до управления водными ресурсами, с социологией, экономикой и активным привлечением фермеров. В других случаях сотрудничество должно преодолевать национальные границы. Широко признает-

ся, что индивидуальные фирмы обычно недостаточно инвестируют в фундаментальные научные исследования, потому что им слишком сложно воспользоваться полученными знаниями. Но то же самое относится и к национальным правительствам. С чисто экономической точки зрения они, вероятно, получают больше доходов от инвестиций во внедрение технологий, полурыночных инноваций или прикладной науки, потому что результаты фундаментальной науки становятся доступными не только им, но и другим людям¹³. Чтобы мир мог адекватно справляться с действительно большими проблемами, такими как старение или климатические изменения, мы нуждаемся в глобальном сотрудничестве и глобальных усилиях по преодолению эгоистических поползновений.

Подходы к знанию становятся такими же многообразными, как и инновационные системы. Экономика дала новое определение знания как вида собственности, связанного четко определенными правами, за соблюдением которых следят суды и полиция. Знание считалось богатством в том же смысле, что земля или станки. В конце XX в. некоторые выступали за радикальную «приватизацию» знания в университетах и других местах, которая превратила бы прежде открытые исследования в частный контракты. Однако знание тоже разрывается между традиционными капиталистическими моделями и радикальными альтернативами. Десятилетие назад промышленная политика каждого государства придавала большое значение созданию и защите интеллектуальной собственности. На Китай и другие страны оказывалось интенсивное давление с целью заставить их соблюдать законы об интеллектуальной собственности. Университеты вынуждали скрывать и коммерциализировать идеи на том основании, что без финансовых стимулов невозможно ускорить развитие биотехнологий или следующего поколения искусственного интеллекта. Но вопреки ожиданиям лишь горстка университетов сумела по-настоя-

13. Есть обширные эконометрические данные о корреляции между расходами на научные исследования и разработки и ростом, но очень мало согласия относительно того, вызывают ли научные исследования экономический рост и не ощущаются ли их эффекты прежде всего через человеческий капитал, а не через ценность знания.

щему заработать на этой деятельности¹⁴. Аргументы в пользу постоянного IP выглядят слабее, когда мы больше узнаем о том, как часто инновации создают ценность через утечки технологий. А господствующие модели интеллектуальной собственности выглядят более пустыми, чем их аналоги в других областях, таких как земля, где собственность имеет множество форм и создает множество видов ответственности наряду с правами.

Между тем получили широкое распространение и совершенно иные модели. Большой процент программ, используемых в Интернете, составляют программы с открытым источником¹⁵. В Индии есть оригинальный проект «Открытие лекарств с открытыми исходными данными», финансируемый государством и направленный на создание онлайн-банка данных о бактериях туберкулеза. В бедных странах используется гибкое ценообразование применительно к лекарствам — это творческое решение проблемы отсутствия стимулов для инвестиций коммерческих фирм. *Creative Commons* быстро завоевывают популярность в культуре как альтернатива традиционному копирайту, а *Wikipedia* неожиданно стала символом посткапитализма. Интеллектуальная собственность по-прежнему остается крайне необходимой — и существенная часть инноваций ею защищена. Часто предлагаются хитроумные схемы для того, чтобы установить правильный баланс между частным вознаграждением и общественной выгодой¹⁶. Но все чаще оказывается, что правильность того или иного ответа зависит от времени или сектора и состояния технологии. Иногда может существовать общественная заинтересованность в том, чтобы обойти

-
14. Несколько университетов очень хорошо показали себя в этом плане. В середине 2000-х гг. доход, поступавший в самые успешные университеты США, составлял: 193 млн долл. для Калифорнийского университета, 157 млн — для Нью-Йоркского, 61 млн — для Стэнфорда, 60 млн — для Уэйк Фореста, 56 млн — для Миннесоты и 43 млн долл. — для Массачусетского технологического. Но для большинства университетов суммы были гораздо ниже. Для сравнения: самому успешному японскому университету удалось получить лицензионный доход всего 1.4 млн.
15. См.: Geoff Mulgan and Tom Steinberg, *Wide Open: The Potential of Open Source Solutions* (London: Young Foundation/Demos, 2006).
16. См., например: Michael Kremer, «Patent Buyouts: A Mechanism for Encouraging Innovation», *Quarterly Journal of Economics* 113, no. 4 (1998): 1137–1167.

права собственности — как это происходит с технологиями, решающими проблему изменения климата. А часто требуется, чтобы права собственности сосуществовали с радикально иными методами, которые дают вознаграждение в форме признания, а не только денег.

Будущие приспособления также должны поддерживать истину, которая призвана наивысшей ценностью в обществах, организованных вокруг информации или знания. Каждый из нас имеет право на свое мнение. Но у нас нет права на свои собственные факты. Функционирование современных обществ требует институтов, которые могли бы различать истину и ложь, хорошее и плохое знание, и мы не можем полагаться на веру в то, что толпа или коллективное знание сделают это за нас. Некоторые из этих институтов существуют при правительствах или являются их частью, как, например, Национальный институт здравоохранения и клинической квалификации в Великобритании¹⁷, который выносит публичные суждения о том, какие методы лечения эффективны и рентабельны, — модель, которую, кажется, следует внедрить и в других областях, таких как образование и уголовная юстиция. Другие институты уходят корнями в гражданское общество, как, например, специализированные аналитические центры, непрерывно комментирующие притязания правительства, и блогеры, критикующие эти притязания в прессе или в Интернете. Пока Интернет создавал возможности и для тех, кто искажает, и для тех, кто проясняет информацию (как говорится в старой поговорке, ложь уже облетела полсвета, пока правда только сапоги надевала). Но укрепленная экология истины так же важна для рынков, как и для многих других областей человеческой деятельности, поскольку без постоянного анализа, скептицизма и поправок ложные репрезентации могут вызвать хаос: радикально завышенные оценки компаний и схемы стимулирования, в результате которых им оказывается выгоднее вкладываться в лживый маркетинг, лоббирование и пиар, чем создавать полезные продукты. Мы должны надеяться на то, что хотя бы небольшая часть ре-

17. См.: «Using Evidence to Improve Social Policy and Practice, Perspectives on How Research and Evidence Can Influence Decision Making», edited by Ruth Puttick with an introduction by Geoff Mulgan (London: NESTA, 2011).

сурсов, циркулирующих в экономике знания, окажет сопротивление лжи и поддержит истину¹⁸.

Во всяком случае, некоторые из этих новых знаний будут получены из данных, а повсеместное распространение данных имеет то преимущество, что оно затрудняет хищническое поведение. В промышленности и торговле способность собирать и анализировать большие массивы данных в последние десятилетия способствовала радикальным изменениям в производстве и розничной торговле. На заводах в Японии сначала собирали данные среди работников на сборочной линии, а затем обсуждали их в квалифицированных кругах, включавших инженеров-конструкторов. Процедуры получения статистики открывают закономерности, не очевидные для тех, кто непосредственно участвует в процессе; похожие методы были с успехом перенесены в медицинское лечение пациентов в Соединенных Штатах¹⁹. Но, несмотря на улучшения в области сбора данных, они до сих пор не используются в достаточной мере²⁰. На более ранних этапах данные собирались и анализировались в основном в коммерческих целях: системы связи с клиентами собирали информацию о закономерностях покупок и предпочтений и пытались совершенствовать предложение. Но в новом «менеджменте отношений с продавцом», который позволяет гражданам самим контролировать личные данные и предоставлять их частным фирмам или государственным организациям тогда, когда это устраивает гражданина, потенциально существуют обратные отношения. Эти модели — отражение огромных баз данных, имеющихся у крупных компаний и государственных организаций. Сейчас они существуют в небольших проектах, которые предо-

18. Я предложил один из способов это сделать в: Geoff Mulgan and Tom Steinberg, *Wide Open: The Potential of Open Source Solutions* (London: Young Foundation/Demos, 2005).

19. Подробнее о техниках статистического производства см. в: Edward W. Deming, *Out of the Crisis: Quality, Productivity and Competitive Position* (Cambridge, MA: MIT Press, 1986); Edward W. Deming, *The New Economics for Industry, Government, Education*, 2nd ed. (Cambridge, MA: MIT Press, 2000).

20. Согласно *Economist*, только 17% бизнесов, которые они изучили, используют более 75% данных, которые собирают. По оценкам Мак-Кинзи, улучшение использования больших данных в здравоохранении может приносить ежегодно 300 млрд долл. дохода.

ставляют гражданам возможность самим контролировать личные данные, имеющиеся у этих компаний и органов, и самим выбирать, как себя вести и как действовать²¹. Они подсказывают, что в будущем личные данные можно будет мгновенно подключать к другим базам данных, так что резюме будет подтверждаться автоматически (например, базой данных университета, удостоверяющей диплом), или же данные о состоянии здоровья будут подтверждаться больницей или медицинской практикой. Они воплощают в себе принцип, согласно которому мы сами должны контролировать свои данные: это простая идея, но она радикально меняет многие из бизнес-моделей конца XX в. Параллельный принцип заключается в том, что любые данные об общественности должны быть открыты ей для использования и перекombинирования.

Видимо, очень скоро мы увидим учредительные цифровые съезды, которые установят новые правила, управляющие совершенно новым ландшафтом власти и знания. Тем временем ведутся активные эксперименты по применению некоторых разумных принципов на практике, показывающие, как граждане могут контролировать и формировать данные, которые больше всего важны для их жизни²². Мы также должны надеяться на быстрый прогресс систем по организации коллективного мышления, сочетающего открытые элементы с закрытыми. На это указывает многое — от уже имеющихся сложных систем по работе с корпоративными данными и знаниями до примеров вроде *Intellipedia*, «Википедии» американского разведывательного сообщества, в которой оно делится информацией. Это одна из многих возможных моделей для будущего, в котором целые области будут естественным образом делиться данными, информацией и суждениями на относительно открытых сайтах. В науке использование «больших данных» уже трансформирует создание и верификацию теорий: паттер-

21. См., например, проект *Mydex* в Великобритании (www.mydex.org).

22. Примеры включают лондонское хранилище данных, представленное муниципалитетом города, и другие, например, *Sunlight Labs* и *Social Innovation Camps*. Эффективность возрастает еще больше, когда есть доступ к внутренним данным, например, когда можно посмотреть, где лежат повторяющиеся снова и снова проблемы и требования.

ны в данных могут подсказывать те или иные гипотезы, которые можно проверять, используя уже имеющиеся наборы данных, а не путем новых экспериментов. Здравоохранение делает шаг вперед, сочетая клинические данные и руководство с системами, которыми управляет сам пациент, и с движением в сторону большей прозрачности в отношении статуса разных видов знания: от научно подтвержденного до экспериментального знания и советов других людей, столкнувшихся с теми же проблемами. Эти новые публичные платформы сыграют в XXI в. такую же решающую роль, как электричество и железные дороги в веке XIX²³, когда произойдет переход от накапливания данных через информацию и знания к более сложным задачам по поддержке суждения и мудрости.

В настоящее время те, кто занимается разумом, данными и знанием, пока еще остаются менее заметными и влиятельными в правительствах, фирмах и агентствах, чем те, кто занимается законами и деньгами. Отчасти это отражает медленный прогресс в практическом развитии этой сферы. Но любое приспособление, которое не перетягивает на свою сторону власть и престиж, обречено на неудачу. А приспособление, не акцентирующее роль государства как нарушителя покоя, направляющего ресурсы и энергию на новые идеи и возможности, обречет общества на застой.

Сделать капитал слугой, а не господином и распространять собственность и контроль

Второй приоритет — вкладывать больше капитала в развитие творческого начала и полезную деятельность. Инновации должны означать нечто большее, чем циркуляция, настоящая ценность должна быть больше бумажной. Капитал — это вид власти, но он нарушает многие из правил, на которых основывается хорошая власть. Мучительные эксперименты истории научили нас, что вероятность получить хорошую власть выше, если эта власть связана правилами:

23. Я полагаю, что все в конце концов окажутся в смешанной собственности и управлении, никогда полностью не попадая в государственный сектор, но и не оказываясь целиком вне его.

если она поддерживается в разделенном, а не сконцентрированном виде, если подчиняется внешним законам и если прозрачна. Принципы, имеющие такое важное значение для политической власти, применимы и к концентрации экономической власти. Нам необходима концентрация капитала так же, как необходима концентрация власти в руках государств. Но, как и правительствам, нам нужно, чтобы капитал был слугой, а не господином.

Большинство развитых экономик предлагает особые льготы, служащие интересам отдельных капиталистов, но не капитализму в целом: широкое распространение получили субсидии, налоговые льготы и специальные схемы страхования, и во всех этих случаях предпочтение отдается ветеранам с хорошими связями, а не новичкам. Многие из этих льгот обосновываются тем, что они поддерживают инновации, но на самом деле в долгосрочной перспективе большинство работает против инноваций. Любая заслуживающая доверия экономическая программа могла бы включить их замены на более простые и честные правила и налоговые кодексы.

Так же важны будут новые модели регулирования, которые учтут соперничество между хищничеством и творчеством на финансовых рынках; когда-то считалось, что регулирование может быть простым и неизменным. Но в динамических конкурентных контекстах регулирование вынуждено постоянно приспосабливаться к изменению хищнических стратегий. Рагурам Раджан заметил по поводу вредоносных последствий проводившегося в 1990-е и 2000-е гг. финансового моделирования, которым руководствовались и компании при разработке стратегий, и регулирующие органы: «моделирование, которое принимало «систему коммуникаций» как должное, сделало неизбежным выход этой системы из строя», но эту мысль можно применить еще шире. В рефлексивных системах, наполненных информацией, никакую систему коммуникаций нельзя принимать как должное²⁴.

24. Комментарий Раджана можно найти в: Raghuram Rajan, *Fault Lines: How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy* (Princeton: Princeton University Press, 2010); Раджан Р. *Линии разлома. Скрытые трещины, все еще угрожающие мировой экономике*. С. 219.

Но самая большая задача для обществ с высоким уровнем неравенства — расширение прав собственности и контроля за капиталом и достижение более справедливого распределения финансового капитала и сбережений, жилья и человеческого капитала. Либерализм традиционно признавал достоинства широкого распространения частной собственности. Мы серьезнее относимся к нашей ставке в обществе, если у нас объективно более серьезная ставка, и чем больше людей отвечают за вещи и за других людей, тем скорее мы начнем вести себя ответственно. Однако именно этого не хватает большим группам в большинстве богатых стран. Капитализм производит лишь небольшое число капиталистов. Позднее в этой главе я обращаюсь к вопросу о том, что можно сделать с самой большой концентрацией богатства. Для всех остальных вызов заключается в том, чтобы сделать обладание собственностью и осмысленным, и заметным. Личные счета на обучение, личные бюджеты и льготы, скорее всего, станут частью ответа на этот вызов. Равно как и механизмы сбережения, которые будут простыми, гибкими и в некоторых случаях будут подключаться к местным услугам. Одна странная особенность последней волны финансовых инноваций — это то, сколь малая их часть была направлена на удовлетворение потребностей относительно бедных людей: например, на инструменты, помогающие людям понять свои финансы и риски, или на финансовые продукты, приспособленные под их потребности, такие как закладные, допускающие периоды неплатежей.

Капитал также обязан стать частью новых приспособлений в совсем ином смысле. Одна из странностей современной экономики в том, что системы распределения капитала совершенно разошлись с реальной экономикой и с нормами открытости и подотчетности, которые мы ожидаем от других областей. Требования к владельцам капитала объяснять свои действия остаются весьма скромными, как на глобальном, так и на национальном или местном уровне.

К глобальному инвестиционному банку, размещающему деньги миллионов людей, предъявляется не больше требований, связанных с ответственностью перед этими людьми, чем к супермаркету, имеющему монополию в маленьком городе. Самый большой вызов для новых приспособлений — найти способ заставить капитал участвовать в разговоре

о выборе: о достоинствах и недостатках отдельных технологий, инвестиционных стратегий или практик найма. Излишний надзор может вызвать паралич; его недостаток — злоупотребления. Неизменным в данном случае будет стремление к равновесию (и невелика ценность резких переходов, как, например, когда бывший глава *General Electric* Джек Уэлч из главного защитника важности акционеров превращается в того, кто описывает ее как «глупейшую идею в мире»).

С 1980 г. доля тысячи крупнейших фирм ОЭСР в ВВП выросла с 31 до 72%, поэтому сейчас, как никогда, важно, как именно они отчитываются перед людьми. Экологический, социальный и правительственный мониторинг (ESG) предоставляет некоторые инструменты для выполнения этой задачи, обращая вспять тенденции, заставившие финансы переключить внимание с реальной долгосрочной ценности отдельных месторождений, заводского производства или идей на то, чтобы занять позиции, противоположные ценностям, — в хеджирование и игре на деньги при помощи крайне непрозрачных инструментов. Биржа Йоханнесбурга, например, уже требует у внесенных в реестр компаний сообщать свои показатели по экологическому, социальному и правительственному мониторингу, то же самое требуют некоторые пенсионные фонды.

Даже до кризиса предпринимались шаги, направленные на то, чтобы снова сделать капитал слугой реальной экономики. Они имели практическое оправдание в том, что рыночный риск тем выше, чем больше степеней разделения между ценами финансовых активов и лежащими за ними источниками ценности. Но были еще и моральные причины, поскольку чем больше степеней разделения, тем труднее рынкам предпринимать морально ответственные действия. Многие шаги в этом направлении могут рассматриваться как попытки усилить моральный голос и моральное чувство внутри капитализма. Они включают пока еще робкие меры, направленные на то, чтобы заставить пенсионные инвестиционные фонды отчитываться не только о прибылях, но и о социальных и экологических последствиях своих решений (например, через большие американские фонды, такие как *Calpers*, Калифорнийский пенсионный фонд, или консультационных менеджеров, вроде *Calvert*). Некоторые утверждали, что биржи акций должны следить за прозрач-

ностью и честностью своих инвесторов, чтобы те не стали инструментами отмыwania денег русских олигархов или латиноамериканских мафиозных баронов. Та же сама причина, в сочетании с желанием правительства не терять доходы, подтолкнула к принятию законодательных мер против налоговых офшоров. Наблюдался медленный, но устойчивый рост индустрии «социального инвестирования», объединяющей социальные, экологические и коммерческие цели. Кроме того, наблюдался столь же медленный, но устойчивый рост активизма акционеров, поскольку общественность начала осознавать, что она владеет теми самыми фирмами, на которые смотрит по телевизору. Среди политиков одним из последствий кризиса стало возвращение интереса к политическим программам, которые когда-то считались слишком радикальными, как, например, аналоги американского Закона о реинвестициях в местные сообщества, требовавшего от банков публиковать данные о том, кому они предоставляют свои кредиты, и соблюдать интересы всех общественных групп²⁵, создание новых банков для финансирования жилья инфраструктуры или инноваций, находящихся в государственной собственности, или аналоги налогов Джефффри Тобина, создававших трудности для краткосрочного движения капиталов.

Еще одна интригующая часть этой истории — рост капитала, находящегося в руках трастов и благотворительных организаций, которые теперь сталкиваются с дилеммой: использовать свои значительные активы только для того, чтобы давать ежегодные дивиденды или же отражать их значения. Билл Гейтс оказался на переднем крае этой дилеммы, когда критики указали на то, что обширные активы его фонда зачастую инвестировались так, что это противоречило заявленным им намерениям.

Простые принципы позволяют добиться многого. Так, принцип более четкой отчетности и прозрачности способствует тому, чтобы тем, кто принимает ключевые решения,

25. Вопреки некоторым заявлениям, Закон о реинвестициях в местные сообщества не имеет отношения к всплеску субстандартной ипотеки: большинство неэкономичных ипотечных займов, предоставлявшихся банками, которые затем обанкротились, не подпадало под действие этого закона.

приходилось отчитываться перед всеми звеньями инвестиционной цепочки. Принцип хороших стимулов направлен на то, чтобы фонды и инвесторы не только получали прибыли, но и несли общее бремя убытков, а это подразумевает, что нет рисков без принятия их последствий и нет стимулов, которые не находили бы зеркального отражения в негативных стимулах (значительный процент инвестиционных организаций сумел убедить своих учредителей позволить им зарабатывать прибыли, но не отвечать за убытки). Простые правила (например, требование того, что опционы на акции нужно держать по меньшей мере пять лет и публично оповещать об их исполнении) помогли бы изменить поведение. На макроуровне есть веские основания для большего плюрализма, который сделал бы систему более прочной, так что наряду с частными и зарегистрированными на бирже компаниями существовало бы больше взаимных и кооперативных финансовых институтов, организованных на совершенно иных началах. Займы по принципу «от равного равному» (*peer to peer lending*), краудфандинг и другие механизмы (такие как *CrowdCube*, *Kickstarter* и *Зора*), связывающие людей, у которых есть деньги, с людьми, которые в них нуждаются, уже показывают, что могут быть гораздо более эффективными или привлекательными, чем традиционные банки²⁶.

Примеры свидетельствуют, что уже сегодня мейнстримные финансы могут выглядеть как в будущем. Государственный пенсионный фонд Норвегии руководствуется этическими принципами, блокируя инвестиции, которые «могут содействовать неэтичным поступкам — таким, как нарушение фундаментальных гуманитарных принципов, серьезные нарушения прав человека, коррупция или нанесение тяжелого ущерба окружающей среде». Есть много этических банков, включая *Triodos Bank* и «Кооперативный банк» в Великобритании, *RSF Social Finance* в Соединенных Штатах, *GLS Bank* в Германии, *Alternative Bank* в Швейцарии, *Banca Popolare Etica* в Италии и *Citizens Bank* в Канаде, которые основаны на по-настоящему радикальных принципах²⁷. Индия

26. *Crowdcube* и *Kickstarter* собрали 10 млн долл., 150 млн фунтов было собрано системами взаимных займов *Зора* и другими в Великобритании.

27. *Banca Etica* в Италии, например, основывается на радикальных принципах: доступ к финансам во всех их формах — право человека; этически ори-

рассмотрела проект закона, заставляющего все компании тратить 2% прибылей на общественную деятельность и содержащего плохо скрываемую угрозу, что любые уклонившиеся компании не будут допускаться к государственным контрактам.

Для того чтобы сориентировать этих инвесторов, разрабатываются новые цифры и новые методы измерения. И снова уже есть примеры, хотя бы на ранней стадии развития, такие как различные меры, разрабатываемые «Всемирной инициативой по измерению воздействия инвестиций» (GIIN). Хотя они и остаются сравнительно маргинальными, но крепнут и растут в размерах, так что каждый из них становится выражением ценностей через цену.

По-видимому, параллельный сдвиг происходит и в государственном капитале. Цифры, преобладающие в дискуссиях о государственном долге, в лучшем случае вводят в заблуждение; в худшем — способствуют принятию плохих решений, которые сокращают инвестиции по сравнению с текущими расходами. Необходимо, чтобы правительства могли различать расходы и инвестиции (интерпретируя их вне узких рамок физических вещей). Долг, используемый для покрытия текущих расходов, должен рассматриваться совсем иначе, чем долг, идущий на финансирование инвестиций, которые в долгосрочной перспективе приведут к росту ВВП и налоговых поступлений. Правительства не в меньшей степени, чем рынки, должны ориентироваться на будущее.

Одна из более радикальных возможностей для новых приспособлений — серьезное изменение того, как органи-

ентированные финансы осознают неэкономические последствия экономических действий; эффективность и трезвость — составляющие этической ответственности; прибыль, производимая владением и обменом денег, должна поступать от деятельности, ориентированной на общее благополучие, и поровну распределяться между всеми лицами, вносящими свой вклад в ее реализацию; максимальная прозрачность всех операций — одно из основных условий любой этической финансовой деятельности; следует поощрять активное участие акционеров и клиентов в процессе принятия решений в компании; каждая организация, принимающая принципы этических финансов и следующая им, берет на себя обязательство руководствоваться этими принципами во всей своей деятельности.

зованы деньги. Сейчас делаются поразительные усилия по созданию общего языка для финансовых индустрий — с единой классификацией организаций, продуктов и закономерностей риска. Они направлены на улучшение общих стандартов в таких областях, как розничная торговля и сети, снижение барьеров на вход и повышение эффективности. Согласно более радикальным мнениям, необходимо усиливать роль государства. Государство сохраняет свою роль гаранта денег, и оно становится гарантом банков. Но оно способно на большее, если создаст опорные инфраструктуры как для платежей, так и для финансовых трансакций. Каждый гражданин может иметь государственный лицевой счет, который будет использоваться для уплаты налогов, штрафов и получения льгот. Когда будет выстроена такая инфраструктура, граждане смогут легко ее использовать для выплат друг другу. Кроме того, легче станет предоставлять гражданам кредиты, основываясь на потоках доходов в течение их жизни, что потенциально открывает радикально новые возможности для социального обеспечения. Правительствам уже приходится следить за доходами граждан в целях налогообложения, и большинство граждан имеет личные идентификаторы; можно сэкономить огромные средства, избавившись от дублирующей друг друга бюрократии в банках и других институтах, а также от атрибутов маркетинга, не создающих реальной выгоды для клиентов. Кроме того, можно будет резко сократить плату за финансовые услуги.

Дания уже создала такие лицевые счета. Индия с Программой личных идентификаторов могла бы стать одним из первопроходцев в этой области: цель этого проекта — дать каждому гражданину надежный идентификатор, который со временем может стать основой для государства всеобщего благосостояния нового типа, позволив производить выплаты по страховым полисам, по займам для микропредприятий и пенсионные выплаты.

Финансовое посредничество потенциально станет гораздо более эффективным. Однако не менее важно заставить финансовые институты извлекать прибыль из по-настоящему продуктивной деятельности, а не посредством чрезмерных накруток на относительно пассивные и простые операции с ипотечным кредитованием и банковскими счетами.

Немногим правительствам сегодня хватает уверенности в себе для того, чтобы хотя бы задуматься о возможности интеллектуального и политического контроля за банковской индустрией. Но денежная система — это по многим параметрам общественное благо, а правительства уже участвуют в обеспечении гарантий для банковской системы. Им следовало бы соревноваться друг с другом в создании, а не в извлечении ценности.

Поощрять переход к устойчивому, дружественному потреблению и объявить войну пустой тратой во всех ее формах

Третье место, в котором мы должны искать изменения, связано с потреблением, его регулированием, управлением им и его культурой. Потребление должно стать такой же важной областью инноваций и творчества, что и производство. Адам Смит писал о потреблении как о «единственной цели всякого производства»²⁸. Но что если потребление товаров оказывается лишь одним из многих видов экономического потребления и, возможно, даже не самым главным? В конце концов в прошлом о потреблении велось много споров. «Костры тщеславия» Савонаролы, на которых его последователи сжигали картины и дорогие наряды, подрывавшие веру и благочестие, были обостренной реакцией на пороки потребления. Когда в Рочдейле в Англии в 1834 г. открылась первая кооперативная лавка, в ее витринах было запрещено выставлять любые «броские предметы» из-за страха, что члены кооператива захотят иметь больше, чем могут себе позволить. Многие прошлые общества пытались сдерживать то, что считали неправильными видами потребления.

В странах с высоким долгом (включая Соединенные Штаты и Великобританию) тяжелые экономические трудности могут просто привести к снижению потребления и большей экономии. Обе страны придерживались модели роста, ко-

28. Adam Smith, *The Wealth of Nations* (London: Penguin, 2003), 660. Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М: Эксмо, 2009. С. 624.

торая зависела от кредита, поддерживавшего производство за счет сохранения непосильного уровня долга. Но даже в нужде можно сохранить достоинство и возможность выбора. Нормы сбережений по всему миру выросли, и существуют мощные движения за ограничение излишеств массового консьюмеризма: медленная еда, добровольное опрощение, многочисленные меры по борьбе с ожирением — это все симптомы резкого колебания в сторону того, чтобы рассматривать консьюмеризм не как невинное благо, а как злодея, который порой мешает благополучию человека. В 2006 г. в Сан-Паулу (Бразилия) мэр Джильберто Кассаб запретил все рекламные щиты. Некоторые политики и справа, и слева (например, Дэвид Кэмерон в Великобритании) выступали против «ядовитого капитализма», развращающего маленьких детей, и указывали на то, что поведение фирм, «впаривающих» детям игрушки или нездоровую еду, является разновидностью хищничества.

Неизбежно возникают новые вопросы. Один из них: так ли уж хорошо всегда иметь выбор? Как правило, для потребителей лучше иметь возможность выбирать поставщиков, и мы ассоциируем выбор со свободой. Но слишком большой выбор может оказывать парализующее воздействие, и в таких сложных областях, как выбор пенсионного плана или даже мобильного телефона, он может лишать возможностей в той же мере, в какой он их создает (исследование показало, что потребуется немало лет на то, чтобы изучить все опции мобильной связи). Вывод психологических исследований состоит в том, что на некоторых рынках люди должны иметь возможность выбирать степень собственного выбора, получая и упрощенную возможность выбирать настройки по умолчанию, и свободу совершать более персонализированный выбор, если они этого хотят.

Другую проблему можно сформулировать как вопрос об эффективности: что значит достаточно? Модели роста, разработанные в XX в., предполагали непрерывный рост потребления. Но когда чего-то слишком много, может возникнуть паралич, вот почему все богатые общества порождали движения за воздержание и эстетику простоты и минимализма²⁹.

29. Недавние книги мейнстримных экономистов исследуют эти вопросы, которые 10–20 лет обсуждались в основном в движении зеленых. Приме-

Платформы совместного потребления (collaborative consumption) предлагают способы такой его адаптации, которая позволяет поддерживать высокий уровень жизни, но с меньшими затратами и меньшим ущербом для окружающей среды. Хороший пример — домашняя дрель: как правило, она используется всего лишь 10–20 минут за весь срок службы, ее можно заимообразно взять у других лично или через специальные сайты. Еще один пример — автомобили, опять-таки используемые сравнительно небольшую часть времени в течение недели. Почему бы не воспользоваться Интернетом, чтобы дать людям возможность арендовать свои машины, как это делают такие организации, как *Liftshare* и *Buzzcar*, сдавать комнату в аренду (*AirBnB*) или приглашать чужих людей переночевать (*CouchSurfing*)³⁰?

Многие из споров о потреблении ведутся в быту и культуре. Но они оставляют свой отпечаток и на общественной политике. Уже вводились налоги и создавались регулирующие структуры в целях сокращения использования затратной упаковки и увеличения доли повторной переработки. Один из самых мощных рычагов изменения отношения к потреблению — дать каждому гражданину лицевой углеродный счет, разрешение на выбросы, отражающее способность биосферы справляться с нагрузкой, идущей от населения. Эти счета могли бы начинаться с больших цифр (и с политической точки зрения иначе никак нельзя). Но со временем они помогли бы сократить лишние авиаперелеты и ограничить незэкологичный образ жизни, по крайней мере они бы привлекли внимание к некоторым последствиям потребления, остающимся в противном случае просто невидимыми.

Сдвиг баланса экономики от продуктов и классических услуг к более реляционной экономике, основанной на сохранении, поддержании и заботе, был обусловлен влиянием множества факторов — потребителей и общественного

ры включают: Diane Coyle, *The Economics of Enough* (Princeton: Princeton University Press, 2010).

30. Эти и связанные с ними идеи были описаны в книге, которую я заказал в 1996 г. Уигаму Ровану, хотя потребовалось еще 10 лет, чтобы огромное множество сайтов начали в широких масштабах применять эти идеи на практике: Wingham Rowan, *Guaranteed Electronic Markets* (London: Demos, 1997).

мнения, регулирующих органов (например, при сокращении содержания соли и сахара в продуктах питания), законодателей (например, в оформлении права на то, чтобы вам предоставляли уход). Если заглянуть в будущее, можно увидеть, что часть давления будет идти сверху вниз: например, в случае продвижения обогащенных витаминами продуктов и улучшения рациона детей. Другая его часть будет по-прежнему идти снизу вверх по мере того, как потребители объединятся, чтобы утвердить свои взгляды, а в некоторых случаях и стать собственниками (по краям рынка растет субкультура клубов, в которые потребители вступают, чтобы совместно покупать своих собственных производителей). *Groupon* добился огромного, хотя и не лишнего изъяснов, успеха, позволив потребителям объединять покупательные способности. Другие примеры включают *Ebbsfleet United* в Англии и *Hapoel Kiryat Shalom* в Израиле, где фанаты объединяются на сайте, чтобы вкладчину покупать команды (или даже советовать, каких игроков выпустить на поле), подражая другим клубам, принадлежащим фанатам, таким как «Атлетико Бильбао» и «Барселона», которая занимает второе место среди самых богатых команд мира. Новые платформы для сотрудничества создаются вокруг гражданского действия или производства, как, например, сеть *Fever Friend* в Китае, интернет-сообщество, занимающееся обсуждением острых вопросов, от регулирования работы в шахтах до городской миграции, или *Ohmynews* в Южной Корее, предоставляющая онлайн-платформу для публикации десятков тысяч сообщений граждан и поощряющая читателей становиться авторами.

У правительств есть веские причины для поддержки совместных форм организации бизнеса: они могут оказаться более крепкими и побудить потребителей вести себя с большей ответственностью. Например, энергетической компании с совместной собственностью будет легче стимулировать сокращение потребления энергии, точно так же, как медицинская компания с совместной собственностью будет реже сталкиваться с конфликтами между своей заинтересованностью в продаже товаров и услуг и интересами своих пациентов. Такие конфликты все больше оказываются на виду, потому что социальные движения по всему миру переносят внимание с пагубного содержания продуктов на пагубные

способы их продвижения. Защита потребителей теперь означает защиту детей, а иногда и взрослых, от вредных или вызывающих стресс образов и сообщений. Интернет с его набором мер по борьбе с потоком порнографии, насилия, а также риском того, что хищники воспользуются юными и невинными, уже стал главным полем сражения.

Бизнес нуждается в способах передачи новых сообщений, чтобы информировать о новых продуктах и услугах. Но он стремится обосновать это способами, наносящими вред зрителям и читателям, подавляющее большинство которых иначе не стали бы покупать продукт. Возможно, свобода слова — это святыня, но право навязывать сообщения и забивать ментальный ландшафт людей, которые их не выбирали, — нет.

Потребление товаров нигде не прекратится. И едва ли уменьшится гламурный блеск и привлекательность вещей. Но повсюду должен измениться баланс между потреблением и сохранением, а также бытовое отношение к пустым тратам.

Построить производство по модели замкнутого цикла и вырастить экономику сохранения и поддержания

Изменения, связанные с тем, как вещи продаются, необходимо объединить с более радикальными сдвигами в мире производства. Более жесткие правила и ограничения производства могут парадоксальным образом способствовать творчеству и росту продуктивности.

Капитализм робко отходит от способов изготовления вещей, которые могут нанести бездумный вред природе. Эти сдвиги в основном стали результатом давления законов, оказываемого законами и правилами, хотя несколько компаний начали внедрять модель замкнутого цикла как более прибыльную практику.

Классическая модель производства брала затраты на материалы, труд и энергию и производила физический продукт, который потом выбрасывался. В ходе производства генерировались все больше отходов, которые во много раз превышали объем конечного продукта. Альтернати-

ва — более замкнутая петля производства, в которой детали телевизора или автомобиля по истечении срока их службы собирают и отправляют на переработку. Спустя почти 20 лет после того, как первопроходцы этой сферы выступили за «коэффициент четыре» — увеличение энергетической и материальной эффективности продукции в 4 раза, — язык «многооборотной экономики» (экономики замкнутого цикла) и чистых технологий, равно как и правила, требующие от компаний варьировать свое поведение, стал общепотребительным, хотя объемы отходов не сократились. Количество патентов на возобновляемые источники энергии, автомобили на гибридном топливе и энергосберегающие светильники и лампочки, биохимические топливные элементы и зеленый пластик росло в 2–3 раза быстрее, чем количество патентов в целом.

Этот переход к новым моделям производства предполагает сочетание налогового давления и регулирования, креативных инноваций со стороны самих фирм и давления со стороны потребителей. Есть множество примеров того, как это работает: более жесткие нормы в строительстве, чтобы стимулировать инновации в экологическом проектировании; более строгие нормы для автомобилей, чтобы улучшить характеристики двигателей, и более высокие стандарты безопасности для улучшения устройства систем. Такие инструменты регулирования, как льготные тарифы, могут создавать новые индустрии без риска быть ассоциированными с поддержкой отдельных технологий³¹. В принципе долгосрочная определенность должна значительно помочь инвестициям в новые виды инфраструктуры.

В бизнесе получают распространение новые организационные модели, увеличивающие стимулы для более замкнутых, эффективных моделей производства. Энергетические компании, химические компании проектируют, строят, финансируют и управляют, каждая по-своему беря на себя ответственность за жизненный цикл услуги и имея большие

31. Это не обходится даром — издержки потребителя растут. Вопрос в том, перевесит ли прирост продуктивности в долгосрочной перспективе эти издержки. Это также может принести пользу другим странам, подобно тому как стимулирующий тариф в Германии принес пользу китайским производителям.

стимулы на сокращения затрат на производство каждой единицы продукции. Государственное финансирование может направляться в фундаментальные научные исследования (например, применение нанотехнологий в экологических целях) или на премии. Например, ARPA-E в Соединенных Штатах финансирует призовые гранты для возобновляемой энергии, а *General Electric* выделила 200 миллионов долларов на призы за умную электросеть³².

В принципе они должны вносить свой вклад в достижение «разделения», чтобы экономический рост мог продолжаться без ухудшения воздействия на окружающую среду. Но на практике такого разделения оказалось достичь гораздо труднее — отчасти из-за эффекта рикошета, когда любой прирост эффективности высвобождает средства на приобретение еще большего количества вещей. Точно так же перенос деятельности из физического мира в виртуальный должен уменьшить воздействие на окружающую среду (хотя на серверы и хранилища данных уже приходится около 1% глобального потребления электричества, и эта цифра еще будет расти).

Но финансирование новых идей и технологий — это простое дело. Труднее работа по изменению сложившихся систем с крупными невозвратными вложениями в старые, углеродоемкие технологии. Успешные системные изменения будут предполагать тесное сотрудничество между самыми разными видами организаций. Даже повторная переработка такой простой вещи, как бумага, опирается на сложные элементы: правила и нормы, введенные правительствами, новые инфраструктуры по сбору бумаги и отделению ее от других отходов, а также на бытовые привычки людей, предприятия по переработке бумаги и налоговую систему, поощряющую использование переработанной бумаги вместо ее альтернатив.

Другой пример — переход на электромобили, что создаст еще больше трудностей. Переход требует инфраструктуры во всех городах, позволяющей людям быстро и легко заряжать свои автомобили; новых организационных моделей (скажем, возможности арендовать машину на короткую поездку в течение 20 минут или часа); производителей, ко-

32. См.: «Fostering Innovation for Green Growth», OECD, 2010.

торые могут выпускать такие машины в нужных объемах и по низкой цене; различных систем налогообложения и лицензирования и, потенциально, правил парковки, отдающих предпочтение электромобилям перед их работающими на бензине конкурентами.

Мы знаем некоторые характеристики следующего поколения инфраструктур, вырастающих рядом с автомобильными и железными дорогами и электросетями, которые сыграли столь важную роль в прошлом столетии. Скорее всего, они будут более распределенными, более умными и взаимосвязанными. Умные электросети смогут забирать энергию у домов и машин, а не только снабжать их ею, например, через подземные термальные источники или солнечную энергию и сеть высокопропускных коммуникационных путей. Они смогут одновременно поддерживать и опираться на «Интернет вещей», густой лес соединений датчиков и их данных, растущий в городах и вокруг них. Но умные сети тоже будут сталкиваться с проблемой преодоления накопленной эффективности старых моделей и зачастую будут требовать политических компромиссов, а не только инвестиций: договоренностей о первенстве, ценах и о честном доступе.

Пока неясно, какие регионы мира первыми применят экономику замкнутого цикла. Ее язык, возможно, получил более быстрое распространение в Азии, чем на Западе, а именно на этот регион сейчас приходится более 40% глобальных продаж мобильных телефонов и 35% продаж автомобилей. Возможно, что азиатские общества пройдут стадию товарного энтузиазма и преодолению его быстрее, чем это сделал Запад. Япония лидировала в мире по энергоэффективности поколение назад, и ей принадлежат многие из лучших патентов последних лет. Но в других частях Азии императив экономического роста может стать помехой новой политике. Даже больше, чем в других местах, государство будет неохотно пересматривать цены с тем, чтобы они вознаграждали консервацию. Экономисты в целом соглашались с тем, что материалы, энергия и земля должны облагаться большими налогами, чем доход или прибыли. Однако меры по смещению баланса всей экономики — непростая вещь: те самые индустрии, чье поведение должно меняться сильнее всего, будут иметь больше ресурсов и лучшие сети связей, чтобы пролоббировать отказ от перемен.

Рассматривать работу не только как средство, но и как цель (и игру как часть жизни)

Следующее место, в которое мы должны заглянуть в поисках новых приспособлений, — это мир труда, в котором приоритет — расширить доступ к труду, улучшить его качество и сделать трудовые контракты менее хищническими.

Существует множество разновидностей трудового опыта, а между ними наблюдаются огромные расхождения в оплате, чувстве удовлетворения и власти. Для многих работа по-прежнему ненадежна, неудовлетворительна и часто несправедлива. Однако труд, как и раньше, остается первостепенным средством признания и идентичности. Безработица наносит гораздо больший урон счастью, чем замороженная заработная плата, как по психологическим, так и по экономическим причинам. Бездействие и непризнанность редко приносят пользу. Поразительное подтверждение важности труда можно найти в данных по измерению счастья, которые собирает канадская статистическая служба: наблюдая за деятельностью людей в возрасте старше 65 лет, она выяснила, что больше, чем время, проведенное с друзьями, посещение ресторанов и кинотеатров, этим людям нравилась оплачиваемая работа. Больше досуга и меньше труда — это не утопия, как некогда считалось. Недавние данные из Великобритании подтверждают этот тезис. Те, кто работают более 46 часов в неделю, имеют почти такой же уровень удовлетворенностью жизнью, как и те, кто работает 31–45 часов, но немного выше и по уровню удовлетворения, и по уровню тревоги.

Многие общества еще ближе подошли к труду как обязательному условию для получения социальных льгот. И поэтому государство все чаще вынуждено гарантировать некоторое право на труд, в особенности если совокупный спрос остается слабым. Простые правила — например, принятое в Германии законодательное предписание компаниям распределять работу в период экономического спада — могут оказать большое воздействие так же, как и налоговые и регуляционные меры, упрощающие для компаний перекавалификацию персонала или инвестирование в период кризиса (как это произошло в Корее после 2008 г.). Это, конечно,

предпочтительнее больших государственных трудовых программ. Некоторые из параллельных денежных средств, упомянутых выше в этой главе, также помогают людям оставаться полезными членами общества.

Важность труда вообще и полезного труда на благо всех, скорее всего, как и раньше, будет оставаться объектом будущих приспособлений. Мы можем видеть расширение существующей политики, например требований того, чтобы крупные работодатели нанимали определенную долю людей с инвалидностью (или платили кому-то другому за то, что они это делают). Свою роль играют также инновации благодаря новым платформам, соединяющим предложение и спрос рабочей силы (таким, как *Slivers of Time* в Великобритании, *Kickstarter* или *TaskRabbit* в Соединенных Штатах — все они сокращают проблемы на рынке труда)³³, новым, еще не до конца оформившимся инициативам, например практике найма взрослых интернов или учеников, помогающей безработным переквалифицироваться, или мерам по радикальному упрощению создания рабочих мест на микропредприятиях³⁴.

В течение нескольких десятилетий политики стремились соединить людей, ищущих работу, и работодателей, ищущих персонал. Но если людям не хватает квалификации, а рабочие места — низкого качества, улучшение соединения — не панацея. Мы должны уделять больше внимания самому характеру работы. Работы должно быть не только больше, она должна быть лучше. Современный капитализм видел немало радикальных экспериментов по изменению условий трудового контракта. Очень богатые компании, такие как *Google*, давали своему штату время (один день в неделю) на то, чтобы заниматься своими собственными проектами, не имеющими прямого отношения к их работе. Компания *Whole Foods* вела политику «открытого учета», означавшую, что любой сотрудник мог узнать, сколько полу-

33. См.: D. T. Mortensen and C. A. Pissarides, «Job Creation and Job Destruction in the Theory of Unemployment», *Review of Economic Studies* 61, no. 3 (1994): 397.

34. Наглядный пример — простая система, позволяющая индивидуальному предпринимателю нанимать одного-единственного человека с открытием счета в собственном банке, чтобы улаживать все дела, связанные с налогами и соблюдением закона.

чает любой другой (вопреки утверждениям многих представителей социальных наук о том, что лучший способ вызвать неудовлетворенность у работника — сообщить ему, сколько получают другие). Компания также стремилась, чтобы разрыв между верхами и низами был незначительным благодаря коллективному принятию решений о найме. В Бразилии Рикардо Землер прославился тем, что персонал в его компаниях коллективно устанавливал уровень вознаграждения за труд. Известно, что компания *Gore Associates*, производитель материала *Gore-tex*, прилагает усилия к тому, чтобы на ее заводах количество персонала не превышало 150 работников, чтобы существовал минимум должностных наименований и иерархии, а о заработной плате договаривались коллективно. Процветали кооперативы, такие как группа *Mondragon* в Испании (которая насчитывает около 100 тысяч работников и размеры которой каждые 10 лет вырастали вдвое), и компании, находящиеся в собственности сотрудников, как *John Lewis* в Великобритании. В других секторах также наблюдалась долгосрочная тенденция к тому, что все больше людей желали, чтобы работа была целью, а не только средством, источником самореализации, а не только заработком, истраченного на потребление. Кроме того, наблюдался медленный, но верный рост числа фирм, частично находящихся в собственности у сотрудников, благодаря тому что появились некоторые подтверждения их рыночной эффективности.

Собственность на рабочее место несет с собой конфликты, включая вопрос о том, разумно ли связывать большую часть сбережений с рабочим местом. Есть также и конфликты вокруг понимания демократии на рабочем месте: идет ли речь о представительной демократии или о демократии участия, и как находить баланс между конфликтующими интересами различных групп (потребителями, семьями)? Экономика, построенная на непрерывной погоне за более высокой продуктивностью, требует, чтобы любая фирма периодически сокращала рабочие места, что в контексте демократии неизбежно влечет за собой трудности. Но существует явная потребность в новых правилах, определяющих трудовой контракт, и в большей сбалансированности между требованием гибкости и желанием людей заниматься осмысленным трудом. Два шага вперед, один шаг

назад — именно такого движения нам следует ожидать в демократиях по мере того, как идея о том, что работники при включении в иерархию компании обязаны отказаться от своей свободы и голоса, все больше становится анахронизмом. Труд, на который уходит большая часть часов бодрствования и который занимает столь важное место в идентичности многих людей, не может быть лишь средством на службе потребления.

Один из интересных аспектов этой проблемы в том, что чем больше работа становится целью, а не только средством, тем больше она приближается к игре. Великое культурное противоречие капитализма состояло в том, что он вынуждает людей быть добропорядочными пуританами в труде и гедонистами в потреблении. Расцвет креативных индустрий поддерживал идею о том, что работа может быть удовольствием. Парадоксальным образом лучшее потребление часто тоже походило на работу, принимая форму хобби и увлечений, требовавших усердия, умения и больших усилий.

Кажущееся противоречие можно решить, если распространить повсюду принцип игры. За это выступают такие теоретики, как, например, Пэт Кейн в его книге «Игровая этика». Такая политика поощряется во многих компьютерных фирмах и в потребительских услугах, которые пытаются сделать игру средством и целью: средством для более прибыльного бизнеса и целью для потребителей, готовых платить. Для детей, как мы сегодня знаем, игра является важной частью обучения. Коллаборативные игры, такие как *scratch.edu*, учат многим вещам, от доверия и общения до логики и стратегии. Это хорошо сформулировал Брайен Саттон-Смит, декан отделения игровых исследований в Университете Пенсильвании: «Противоположность игры — не работа, а депрессия. Играть — значит отыгрывать и быть своевольным, восторженным и увлеченным, как будто совершенно уверен в своих перспективах»³⁵.

Конечно, игра — это еще и противоположность потребления: она должна быть активной и захватывающей. Обычно она не потребляет вещи до конца — она возобновима. И она

35. Brian Sutton-Smith, *The Ambiguity of Play* (Cambridge: Harvard University Press, 1997).

восстанавливает нашу связь с жизнью. Наверняка именно поэтому в размышлениях о старости теперь уделяется такое внимание игре. Чем больше вы играете в старости, тем жизнерадостнее становитесь благодаря гимнастике для ума, головоломкам и таким видам спорта, как, например, гольф. У нас появляется все больше подтверждений того, что правильные игры могут остановить развитие старческого слабоумия.

У обществ, приветствующих игру, меньше возможностей для саморазрушения. Легкость и смирение защищают от гордыни. Усиление внимания к игре отчасти последовало за подъемом крупных индустрий, организованных вокруг нее. В некоторых из таких игр прославляется насилие, быстрые автомобили и война. Другие демонстрируют динамику создания городов или сообществ. Аналитик компьютерных игр Себастьян Детердинг полагает, что опыт большой игры создает возможности для «смысла, мастерства и автономии», и указывает на важность социальных игр, таких как *FrontierVille*, *Mafia Wars* и *Millionaire City*. Кроме того, игры создали новые виды экономики. Одним из ее первопроходцев стала *Second Life* с ее оплатой за собственность в киберпространстве. Другие игры расширили возможности микроплатежей и продажи виртуальной собственности.

Упоминание игры в контексте общественных приспособлений может показаться странным. Но есть важные связи. Игра зависит от безопасности: мы соревнуемся в игре, потому что не боремся за выживание. Игра учит автономии и сотрудничеству. Кроме того, игра, как и хорошая работа, заставляет нас острее ощущать жизнь.

Перестроить образование, здравоохранение и социальное обеспечение с учетом не только практических целей, но и отношений между людьми

В типичной развитой экономике здоровье, образование и социальное обеспечение вместе составляют от четверти до трети ВВП. Каждый из секторов до сих пор несет отпечаток той эпохи, когда он оформился в качестве ключевой части

материальной индустриальной экономики. Здесь я предполагаю, что каждый сектор может подвергнуться радикальному изменению, чтобы поддержать активное, а не пассивное участие и придать больше веса ценным аспектам отношений.

Самая главная претензия к существующей системе социального обеспечения состоит в том, что ради удовлетворения потребностей она ослабляет тягу к деятельности и созиданию и тем самым поддерживает паразитическую зависимость. Эта критика является отголоском идеи, впервые сформулированной 40 лет назад в исследованиях социолога Арона Антоновски, который показал, что у израильских женщин, выживших в концентрационных лагерях, развилась необычно высокая жизнестойкость, благодаря которой они лучше сохранили здоровье, чем их ровесницы. Он предположил, что стресс от пребывания в лагере укрепил в них способность не поддаваться болезням. «Оздоровительный» подход, который он позднее разработал, переносил внимание с причин заболевания на основу здоровья и рассматривал стресс не как источник трудностей, а как источник роста³⁶. «Чувство когерентности» — осмысленное представление о своем месте в мире, как он утверждал, одинаково ценно и для физического, и для психического здоровья, а оно часто включает в себя ощущение собственной нужности.

«Оздоровительная» идея касается не только здоровья. Она указывает путь к государству всеобщего благосостояния, которое занимается и усилением достоинств, и компенсацией недостатков, а также помощью людям в создании полезных рассказов о себе и своей жизни наравне с терапией или применением силы. В краткосрочной перспективе государство всеобщего благосостояния может уменьшиться ввиду урезания государственных расходов. Но в долгосрочной перспективе оно может эволюционировать, чтобы лучше поддерживать активную, творческую жизнь — здоровье в самом широком смысле, а не только защищать людей от рисков.

36. Aaron Antonovsky, *Unraveling the Mystery of Health: How People Manage Stress and Stay Well* (San Francisco: Jossey-Bass, 1987).

*Образование ради развития
сотрудничества и творческого начала*

Промышленная экономика покоилась на ремесленных навыках, таких как умение работать на токарном станке или компьютере, и на таких профессиях, как юриспруденция, бухгалтерия или медицина. Любая образовательная система проверяется тем, адекватно ли она готовит людей к труду, и ученые с интересом анализировали причинные связи между начальным, средним и высшим образованием и экономическим ростом. Образование считалось капиталом, и, по крайней мере в случае университетского образования, от молодежи требовали рассматривать его как инвестицию, на которую нужно потратиться сейчас, зато потом она окупится сполна.

Разнообразные умения и навыки, составляющие современную образовательную систему, незаметно развились, чтобы отвечать потребностям сложной экономики с тенденцией к специализации в таких областях, как законодательство об интеллектуальной собственности или судебная бухгалтерия, морская биология или нейронаука. Но с подъемом экономики, основанной на работе с людьми, а не с вещами, возникла необходимость в совершенно ином взгляде на эти умения и навыки. Не меньшее значение, чем знания или специальная компетенция, получила способность работать с другими людьми: испытывать эмпатию, понимать, убеждать или сотрудничать. Характер, первостепенная забота доиндустриальных образовательных систем, снова вышел на первый план отчасти благодаря исследованиям, указывающим на способность откладывать удовлетворение как ключ к будущему успеху³⁷. Умение управлять собой оказывается самым ценным даром, который может дать семья и школа, а для благополучия во взрослой жизни огромное значение играет культивирование осмысленности наравне с функциональными навыками, характера — наравне

37. Rick H. Hoyle and Erin K. Bradfield, *Measurement and Modelling of Self-Regulation: Is Standardization a Reasonable Goal?* Duke University, Manuscript prepared for the National Research Council Workshop on Advancing Social Science Theory: The Importance of Common Metrics, Washington, DC, February 25–26, 2010.

с компетенцией. Работы нобелевского лауреата экономиста Джеймса Хекмана показали, насколько успех на рабочем месте и в жизни зависит от некогнитивных навыков. Лучшие школы воспитывали их наряду со знанием математики или физики, то же самое делают элитные программы по развитию лидерских качеств. Но образовательные системы индустриальной эры обычно оттесняли эти навыки на периферию, оставляя за пределами измерения и анализа.

Если идеальная образовательная система, рассчитанная на традиционную капиталистическую экономику, поддерживала конкуренцию между детьми и навыки, необходимые для работы с вещами, то посткапиталистическая экономика, по-видимому, будет столько же внимания уделять кооперации и работе с людьми. Все мы рождаемся со способностью к сотрудничеству так же, как все мы (или почти все) рождаемся со способностью к пению или бегу. Но, как и в случае пения и бега, наши врожденные способности следует развивать и тренировать, если мы хотим уметь хорошо сотрудничать. Обучение сотрудничеству в школе перенесет акцент на проекты, в которых ученики работают друг с другом, решая задачи и создавая вещи. Организация совместной работы подростков, в ходе которой они будут засаживать участок, разводить рыбу, ремонтировать машину или программировать компьютерную игру, учит одновременно нескольким вещам: математике, грамотности и науке и навыкам человеческого взаимодействия. Для такого рода навыков практика — более удачная модель обучения, чем школьный класс (и поразительно, что более половины американских нобелевских лауреатов были студентами, аспирантами или молодыми коллегами других нобелевских лауреатов)³⁸. *Studio Schools*, в которых большая часть школьной программы изучается при помощи практических проектов, воплощают этот подход в Великобритании; *Citizen Schools* в Соединенных Штатах на более узкой основе делают то же самое, приглашая учителей-добровольцев для занятий после школы. Это обучение происходит в основном при личном контакте. Но технологии тоже могут здесь помочь: зачастую

38. Robert Kanigel, *Apprentice to Genius* (Baltimore: John Hopkins University Press), 1993.

Интернет благоприятствовал пассивному индивидуализму, а порой и нарциссизму. Но в своих лучших проявлениях социальные сети побуждают людей работать вместе (например, в коллективных играх), и некоторые считают, что совсем скоро школы начнут систематически проверять, насколько хорошо их учащиеся могут кооперироваться со своими товарищами в социальных сетях. Некоторые из этих навыков можно измерить, используя совместное решение задач, и в скором будущем они будут измеряться и сравниваться по разным странам, так что вскоре за него тоже будут выставляться оценки наряду со знакомыми оценками по математике или естественно-научным дисциплинам.

Благосостояние

Похожие соображения применимы и к благосостоянию. Когда в 1930–1940-х гг. были достигнуты последние великие договоренности, основным приоритетом считалось удовлетворение материальных нужд людей. Наиболее насущными проблемами были жилье, здравоохранение и денежная помощь безработным и старикам. Это были самые большие угрозы простым людям, исходившие от капиталистической системы. После травм Великой депрессии, а затем войны безопасность стала делом огромной важности. Политики, по-видимому, предполагали, что многие бедняки живут в сплоченных семьях и сообществах, которые могут обеспечивать и эмоциональную, и практическую поддержку в тяжелые времена. Работа на государство должна была застраховать людей от материальных рисков, работа на общество — помочь справиться с психологическими и психосоциальными рисками. Солидарность, лежавшая в основе государства всеобщего благосостояния, основывалась на общем понимании риска: для большинства населения это был риск потерять работу, заболеть и нуждаться в медицинском лечении или оказаться в старости без сбережений.

Шестьдесят лет спустя картина совсем иная. Некоторые люди до сих пор не имеют жилья, и классическая бедность никуда не делась. Мы так же, как и раньше, зависим от государства, которое должно защищать нас, если мы теряем работу или заболеваем. Но в более богатых странах лишь немногие по-настоящему голодают и лишь малое их

число в буквальном смысле не имеют крыши над головой. Десятилетия экономического роста создали общества, которые по меркам прошлого наслаждаются материальным изобилием; и они озабочены избыточным потреблением не в меньшей степени, чем недостаточным (будь то в форме ожирения, курения, злоупотребления алкоголем или азартных игр).

Однако в тот же самый период способность многих обществ удовлетворять психологические и психосоциальные нужды людей, кажется, уменьшилась. Буферы религии и семьи, помогавшие людям справляться с недостатками, начали разрушаться. Рост индивидуализма и откровенно меритократических обществ побудил людей стать более амбициозными, но при этом сделал более уязвимыми в случае неудачи — склонными к тому, чтобы винить себя, а не судьбу, если дела пошли плохо.

Возможно, что постепенно намечается новая основа для солидарности, поскольку нас связывают друг с другом новые общественные риски: риск одиночества и изоляции, психического заболевания, страх отстать. Эти риски пока еще не нашли отражения в политических приспособлениях или программах, и до них принципиально труднее добраться при помощи стандартных инструментов государственного обеспечения. Они зависят не столько от профессиональной помощи и услуг, сколько от возможностей мобилизовать поддержку друзей и соседей, а не только профессионалов.

В Соединенных Штатах доля людей, которые говорят, что им не с кем поговорить о важных вопросах, за 20 лет (с 1985 по 2004 г.) увеличилась с 10 до 20%³⁹. Одиночество и изоляция эндемичны и начинают рассматриваться не как вопрос везения или невезения, но как факторы, сказывающиеся на состоянии здоровья, подобно высокому давлению или курению. Современная биология и социальные науки подтвердили, до какой степени социальными животными мы являемся — такими, для которых от других за-

39. Lynn Smith-Lovin and Miller McPherson, «Social Isolation in America: Changes in Core Discussion Networks over Two Decades», *American Sociological Review* 71, no. 3 (2006): 353–375. Число тех, кого от социальной изоляции отделяет всего один друг, выросло с 25% в 1985 г. до 44% в 2004 г.

висят счастье, самоуважение, ценность и даже жизнь. Нет внутреннего противоречия между капитализмом и сообществом. Но эти связи не автоматические, их нужно возвращать и вознаграждать⁴⁰.

Жизнестойкость

Если экономическая политика пытается внедрить способность к инновациям и изменениям, то социальная политика должна заниматься способностью людей справляться с изменениями, поддерживая «оздоровительные» институты и среды. Японская пословица описывает жизнестойкость как способность «упасть семь раз и встать восемь». Жизнестойкость становится первоочередной целью в таких разных областях, как управление водными ресурсами, развитие локальных сообществ и антитеррористические меры. Экономика тоже перестает рассматривать оптимизацию в качестве рациональной цели, потому что оптимизация в какой-то момент может сделать организацию или систему хуже приспособленной к изменению обстоятельств. Тогда вопрос заключается в том, как усилить жизнестойкость компаний, людей и сообществ: что может помочь им лучше справляться с непредсказуемыми будущими потрясениями?

Жизнестойкость стала гораздо больше изучаться отчасти из-за эмпирических наблюдений огромных расхождений в способности людей и локальных сообществ справляться с угрозами. Одна из самых ранних попыток эмпирически измерить жизнестойкость была вызвана наблюдениями за жизнестойкостью, мужеством и храбростью, продемон-

40. Подобно тому как экономика становится более реляционной, таким же становится и государство, уделяющее больше внимания субъективным мерам и мельчайшим деталям того, как оно вступает в отношение с человеком и как поддерживает другие организации, занимающиеся отношениями.

В этом нашло отражение фундаментальное изменение роли государства, но оно лишь только началось и его трудно разглядеть за тем давлением на государственные расходы. Я гораздо подробнее рассмотрел последствия этого процесса для публичной политики в серии работ под заглавием «Реляционное государство», опубликованных *Young Foundation* (новое издание выходит в 2013 г.) и опирающихся на работу с рядом правительств по всему миру, включая Сингапур, Великобританию, Австралию и Гонконг.

стрированными Эрнестом Шеклтоном и его командой в Антарктике столетие назад⁴¹. В последнее время появилась большая литература, посвященная главным образом экосистемам и практическим целям предугадывания, смягчения и борьбы с угрозами. Параллельно складывалась литература, посвященная личной жизнестойкости⁴².

Эти исследования показывают, что жизнестойкость зависит⁴³ от способностей людей, их активов и уверенности, от отношения других людей, к которым они могут обратиться в трудную минуту, и от структурных условий — например, от того, создает ли экономика рабочие места в их городе⁴⁴. Жизнестойкость — не просто личное качество, это еще и социальное качество. Но оно больше похоже на мускул, который нужно упражнять, чем на денежные накопления в банке. Травмы могут оказывать разрушительное воздействие и на сообщества, и на индивидов, однако многие быстро встают на ноги. Хороший пример — вдовство и развод, вызывающие резкое ухудшение психологического состояния, но, как правило, несмотря на горе, этот спад длится только год или два, а потом удовлетворенность жизнью возвращается к прежнему уровню. Некоторых людей их опыт «закаляет», и они становятся сильнее благодаря невзгодам (вот почему защита детей от угроз может оказаться контрпродуктивной)⁴⁵. Но другие гибнут.

Каким образом приспособление может затронуть жизнестойкость? Мое предположение здесь состоит в том, чтобы обращаться к правительствам и сообществам не только за удовлетворением нужд, но также за тем, чтобы они помогли людям стать жизнестойкими и отвечать за себя

41. Kathryn M. Connor and Jonathan R. T. Davidson, «Development of a New Resilience Scale: The Connor-Davidson Resilience Scale», *Depression and Anxiety* 18, no. 2 (2003): 76–82.

42. M. Rutter, «Resilience in the Face of Adversity. Protective Factors and Resistance to Psychiatric Disorder», *British Journal of Psychiatry* 147 (1985): 598–611.

43. Этот подход намечен в работе «*Sinking and Swimming*», опубликованной *Young Foundation* в 2009 г., подробном количественном и качественном анализе меняющихся общественных потребностей.

44. D. Skuse, S. Reilly, and D. Wolke. «Psychosocial Adversity and Growth during Infancy», *European Journal of Clinical Nutrition* 48 (1994): Suppl 1: S113–S130.

45. B. Ballas and D. Dorling, «Measuring the Impact of Major Life Events upon Happiness», *International Journal of Epidemiology* 36 (2007): 1244.

и за окружающих. Это может означать новые подходы к школьному образованию (многие программы успешно учат психологической приспособляемости и устойчивости маленьких детей, а американская армия ввела комплексную программу во всех своих подразделениях). Это также отражается на здравоохранении (например, людей, которые проходят реабилитацию после сердечного приступа, можно учить справляться со своими мыслями и эмоциями, принимая во внимание тот факт, что, по некоторым данным, это может оказаться не менее важно для выздоровления, чем медицинское лечение)⁴⁶.

Государства всеобщего благосостояния, как правило, рассматривают людей как узлы потребностей и проблем, которые следует аккуратно классифицировать, а затем решать. Нам же нужны агентства, которые будут чаще обращаться к людям, заставят их чувствовать себя нужными и разглядят их возможности, а не ограничения.

Но важнее всего детали. Способность восстанавливаться и вставать на ноги после пережитых невзгод — не всегда здоровая вещь. Некоторые люди борются с потрясениями, становясь жестче, становясь, так сказать, более толстокожими⁴⁷. Слишком сильная озабоченность устранением рисков тоже может оказаться вредной: чрезмерный страх, равно как и чрезмерная невротичность или незаслуженно высокая самооценка, лишает способности действовать⁴⁸. Некоторые меры, которые, казалось, должны были бы усиливать жизнестойкость, могут возыметь обратный эффект — например, когда на подростков слишком рано возлагается большая ответственность или когда специальная помощь детям наркоманов навешивает на них ярлык, обостряя чувство отличия

46. Обзор большого количества последних исследований, посвященных связям между оптимизмом и настроением, с одной стороны, и показателями состояния здоровья, с другой, можно найти в: Michele M. Tugade, Barbara L. Fredrickson, and Lisa Feldman Barrett, «Psychological Resilience and Positive Emotional Granularity: Examining the Benefits of Positive Emotions on Coping and Health», *Journal of Personality* 72, no. 6 (2004): 1161–1190.

47. M. Waysman, J. Schwarzwald, and Z. Solomon, «Hardiness: An Examination of Its Relationship with Positive and Negative Long-term Changes Following Trauma», *Journal of Traumatic Stress* 14 (2001): 531–548.

48. S. Kidd and G. Shahar, «Resilience in Homeless Youth: The Key Role of Self-Esteem», *American Journal of Orthopsychiatry* 78, no. 2 (2008): 163–172.

от других⁴⁹. Но в самых разных областях мы должны теперь направлять внимание не только на статичные права и меры, но и на динамические способности к адаптации: упорство, устойчивость и умение расти благодаря невзгодам.

Поднять статус заботы

В XX в. забота была перенесена из дома и семьи в общественную сферу, став обязанностью социального государства, системы здравоохранения и домов престарелых. В стремительно стареющем XXI в. доля заботы в ВВП растет еще быстрее. Эти новые потребности удовлетворяет рыночная экономика, государство и повседневная поддержка, которую дают партнеры и члены семьи.

Однако во многих странах забота обеспечивается преимущественно женской рабочей силой с низким статусом и низким уровнем оплаты. Неформальный уход внутри семьи затрудняется тем, что матери, как и отцы, ходят на работу. Повсюду видны признаки болезненного разделения между работой и семьей, когда все большая доля работников, в особенности женщин, вынуждена одновременно заботиться о маленьких детях и стареющих родителях.

Сегодня мы располагаем множеством свидетельств того, насколько важную роль играет семья в воспитании навыков и отношений будущей рабочей силы. Капитализм по-прежнему гораздо теснее связан с домохозяйствами, чем принято считать: домашний бизнес составляет 60% мирового ВВП⁵⁰. Многие из областей, наиболее перспективных для роста занятости, находятся на периферии домохозяйства, в области медицины и ухода, заботы о детях и содержания дома. Но пока еще забота, независимо от того, является ли она платной или бесплатной услугой внутри дома, ценится недостаточно. Повсеместное распространение смартфонов и электронной почты позволило работе проникнуть в дом и досуг, но семью к рабочему месту, как правило, не допускают.

49. C. E. Cutrona and V. Cole, «Optimizing Support in the Natural Network» // *Social Support Measurement and Intervention: A Guide for Health and Social Scientists*, ed. S. Cohen, L. G. Underwood, and B. H. Gottlieb (Oxford: Oxford University Press, 2000), 278–308.

50. Цит. по: «Tomorrows' Owners, Stewardship of Tomorrows Company», London Tomorrows Company, 2008.

За несколько десятилетий постепенно сложилась новая архитектура прав и гибких подходов (от прерывания карьеры и права на декретный отпуск до сокращенного рабочего дня на период ухода), которая могла бы превратить работу из врага семьи в своего рода партнера. Но когда речь заходит о заботе, наблюдается разрыв между ценностью для жизни и денежной стоимостью, который, по всей видимости, будет еще больше расширяться. В худшем случае излишняя забота приобретает хищнический характер из-за хронических злоупотреблений во многих институтах не только в отношении детей, но и в отношении слабых стариков. Однако даже повседневная забота, полная благих намерений, нелегко сочетается с другими институтами, которые, кажется, не слишком для нее подходят.

Последующие вопросы касаются ставок оплаты и статуса, а также отношения к неоплачиваемому труду или его признанию. Сюда же относится вопрос о том, как по справедливости решить проблему лотереи последних лет жизни. Нужно ли объединять риски в единый пул? Сколько должны платить состоятельные люди? Сколько ожидать от супругов или детей? В случае любого нового приспособления придется искать ответы на эти вопросы, которые скажутся и на оплачиваемом, и на волонтерском труде в новых гибридных системах, складывающихся в экономику дара⁵¹. Почти наверняка в результате на заботу придется большая доля ВВП. Но пока неясно, как это будет организовано и как общества избавятся от дискомфорта и чувства вины, которые так часто сопровождают заботу о других.

Множественные системы обмена наряду с деньгами

Все это подводит нас к более широкому вопросу о том, как можно обменивать разные виды ценности. Рынок труда существует во времени: он покупает и хранит отрезки времени, 40-часовую рабочую неделю, год из 48 недель или одну

51. Avner Offer, *The Challenge of Affluence: Self-control and Well-being in the United States and Britain since 1950* (Oxford: Oxford University Press, 2006).

смену. Но это не система обмена временем. Параллельные деньги всегда сосуществовали с формальными деньгами и неоднократно возникали, когда формальный рынок сокращался, чтобы люди могли обмениваться временем на уборку, шитье или приготовление пищи. В киберпространстве есть деньги *Second Life* и кредиты игр со многими пользователями. Я уже упоминал некоторые из множества существующих единиц обмена, такие как немецкий талант, итальянский мистос, мексиканский тлалок, аргентинский кредит и HOURS в Итаке (США). Бруклин (штат Нью-Йорк) имеет свою «Взаимную программу для пожилых», позволяющую им платить 25% наценок во «временных долларах». Франция имеет местные системы обмена (SEL), Италия — «Банк времени».

Эти экономикки-близнецы существуют в одних из наиболее процветающих экономик⁵². По оценкам, сейчас по всему миру действует 2500 местных валют. Некоторые привязаны к существующим деньгам, другие представляют собой системы бартера, третьи используют в качестве валюты время. Одна из крупнейших схем — японская «валюта здравоохранения», или «Фуреай Киппу», созданная фондом *Sawayaka Welfare Foundation* в середине 1990-х, когда стало очевидно,

52. В Германии более 20 таких валют. Один пример — кимгауэр, который имеет хождение в Прин-ам-Кимзее в Баварии. Он продается за эквивалентное количество евро через местные благотворительные организации, которые получают 3% комиссионных, и принимается для оплаты в 600 местных предприятиях. В 2008 г. в денежном обороте находились 370 тысяч кримгауэров с годовым оборотом 3 млн. В Великобритании подобные инициативы были начаты *Transition Towns*, группой ориентированных на местные сообщества организаций, которые занимаются вопросами энергии и климатических изменений. Тонес-фунт в Девоне, льюис-фунт в Суссексе, брикстонский фунт в Лондоне и страуд-фунт в Глостершире. Как и немецкие валюты, брикстонский фунт предназначен для того, чтобы поддерживать местный бизнес и поощрять местную торговлю и производство. Один брикстонский фунт соответствует одному фунту стерлингов. Люди могут обменивать фунты стерлингов на брикстонские фунты в пунктах обмена, а затем использовать их в местных магазинах. Местные бизнес-предприятия могут затем решить, давать ли клиентам скидки за использование денег. *Spice* — еще одна модель, которая объединяет банк времени со школой или с жилищной организацией. См. обзор указанной области и предложения о том, как можно увеличить ее масштабы: Geoff Mulgan, *Twin Economies* (London: Demos, 1996).

что о растущем количестве стариков невозможно адекватно заботиться исключительно с помощью государственных средств. Помощь пожилым по дому или поход в магазин засчитывается как кредит, и имеются некоторые варианты: каждый час, отработанный сверх графика с девяти до пяти, дает кредит в полтора часа, а каждый час физического ухода за стариком засчитывается за два. Накопленные часы можно использовать самому или подарить друзьям и родственникам. В Японии сейчас действует около 300 местных валют, многие из них используют смарт-карты и предназначены для предоставления ухода. Поразительная черта этой схемы в том, что участники предпочитают услуги, за которые платят временными кредитами, услугам, за которые расплачиваются в йенах. На самом деле, это общая черта большинства этих валют: они создают не только нечто ценное, но и смысл, а их цель — укрепить обязательства людей по отношению друг к другу.

Совершенно иной пример — мера, принятая французским городом Нантом (чей мэр стал французским премьер-министром в 2012 г.), где была введена собственная виртуальная валюта «нанто» для осуществления платежей местными предприятиями. Эта мера была направлена на стимулирование торговли в период, когда экономика, основанная на евро, была вынуждена перейти к более жесткой денежной политике. Есть множество других примеров. Подобно тому как во время Второй мировой войны сигареты становились платежным средством в лагерях военнопленных, в Африке валютой для взаимных и рыночных обменов стало время мобильных звонков. Люди могут посылать друг другу предоплаченные минуты по мобильному телефону, используя *M-PESA* или *Me2U*, или же воспользоваться предоплаченной SIM-картой для транзакций друг с другом или покупки товаров на рынке. Совершенно иной пример — биткойн, сетевая валюта, основанная на математических свойствах рядов чисел с внутренними ограничениями; в данный момент такой валюты в обороте находится приблизительно 100 миллионов⁵³. Важность этих платформ для обмена

53. Преимущества этой валюты заключаются в том, она необратима, полностью анонимна и свободна от контроля со стороны банков или правительств. Эти преимущества, однако, делают ее особенно привлекатель-

в том, что они предлагают совершенно иной вид экономики, стоящий рядом, а иногда пересекающийся с экономикой денег. Некоторые из них могут оказаться особенно полезны для относительно локальных услуг и относительно трудоемких задач. Другие могут больше подойти для глобальных обменов.

В 1920-х гг. Ирвинг Фишер, великий американский экономист, был энтузиастом параллельных валют, в особенности когда депрессия привела к сокращению денежной экономики во многих городах во всей Америке. Он почти что убедил президента Рузвельта их поддержать. Интересно представить, насколько иначе выглядел бы наш мир, если бы ему удалось добиться успеха.

Сегодняшние примеры параллельных валют лишь намекают на возможное будущее, и они только начали использовать потенциал социальных сетевых технологий для организации обмена временем. Большинство локальных рынков рассматривает время как равноценное, хотя на рынках труда его оплата разнится. Кому-то это может казаться преимуществом, демократическим утверждением исходного равенства людей⁵⁴. Но это и ограничение, потому что, конечно, не у всех людей время ценится одинаково. Час прославленного повара стоит больше, чем час посредственного; час компетентного хирурга во много раз больше, чем час дилетанта.

Полностью оформившиеся временные счета вывели бы сферы, в которых можно обмениваться временем, за пределы самого времени, за пределы пространства и различных видов труда. Они также могли бы создать право на время для образования, отпуска по уходу за детьми или академического отпуска; право тех, кто ухаживает за другими, ради разнообразия поухаживать за собой. Они могли бы дать людям возможность давать в долг свое или одалживать время другим — например, передав свое право на отпуск другу или

ной для преступных организаций и слишком уязвимой для проблем волатильности, с которыми сталкивается любая валюта, не имеющая первичного управления.

54. Эдгар Кан, один из самых известных защитников временных кредитов в последние годы, полагает, что это равенство временных оценок — существенная черта прогрессивных банков времени, которая выделяет их как часть новой, прогрессивной экономики.

родственнику, которому понадобилось ухаживать за больным супругом⁵⁵. Даже если бы временные счета допускали дифференцированную оплату для разных людей, время в качестве платежного средства все равно казалось бы более демократичным, чем деньги, поскольку, в отличие от автомобилей или драгоценностей, его нельзя накапливать сверх индивидуальной потребности — так же, как нельзя забрать время с собой в могилу.

Утвердить норму, согласно которой богатство — это средство, а не цель

Самые горячие защитники капитализма утверждают, что всем управляет желание разбогатеть: тяжелый труд, изобретательность, творческое начало и готовность идти на риск — все это мотивировано универсальным желанием приобрести богатство. Это оправдывает неравенство и арсенал странных стимулов — от субсидий венчурному капиталу до низких налоговых ставок для частных акционеров. Лишившись перспективы неравного вознаграждения, система замрет, и ленивое большинство займется «безбилетничеством», паразитируя на тяжелом труде и предприимчивости других.

Но так ли это на самом деле? А если так, то до какой степени? Воздействие стимулов на готовность к тяжелому труду и изобретениям остается на удивление непроясненным и спорным вопросом. Конечно, экономика, в которой нет стимула к тому, чтобы богатеть, скорее всего, будет расти слабо. Если все ваши заработанные тяжелым трудом деньги забирает себе государство или ваша большая семья, то вы вполне можете предпочесть тихую жизнь. Как сказал Рональд Рейган, «говорят, что тяжелый труд еще никогда никому не вредил, но зачем так рисковать?».

Но даже самый ярый сторонник оплаты по труду или вознаграждений для предпринимателей согласится, что существует очень мало подтверждений корреляции между

55. Вивиана Зелизер приводит интересный пример маленькой фирмы, в которой возможность потратить таким образом время помогла сплотить трудовой коллектив. См.: Viviana Zelizer, *Economic Lives* (Princeton: Princeton University Press, 2011), 237.

предпринимательством и неравенством, идет ли речь об организациях или о целых обществах. Нет свидетельства какой-либо связи между неравенством и инновациями. Точно так же нет подтверждений корреляции между равенством и инновациями⁵⁶, хотя этот факт может просто отражать неадекватность. Доля женщин в американских патентах составляла 2% в начале 1980-х гг. — грубая мера крайне недостаточно используемого потенциала⁵⁷. А высокий уровень налогообложения может существовать в экономиках, полных духа предпринимательства. Швеция в 2010 г. была названа самой инновативной экономикой Европы, по оценкам самого авторитетного исследования, однако в ней одни из самых высоких налогов. Золотой век американской экономики в 1950-х гг. совпал с невероятно высокими предельными ставками налога.

Легко говорить, что обогащение мотивирует людей работать больше и идти на риск. Но нет доказательств того, что перспектива увеличения богатства с 10 миллионов до 100 миллионов долларов или до 1 миллиарда имеет большое значение или полезный стимулирующий эффект. Очень богатых людей могут подстегивать стать еще богаче другие богатые люди. Но не факт, что главную роль в данном случае играют именно деньги, а не статус. Более того, такого рода богатство приводит к хроническому разбазариванию ресурсов. Любой человек, у которого пять домов или десять автомобилей, обречен на расточительность, поскольку, скорее всего, его активы большую часть времени будут простаивать. Экономическая наука почти не обращала внимания на продуктивность в потреблении, на потребление как таковое; если бы обратила, это оказались бы примеры крайне низкой продуктивности.

56. Глядя на «индикаторы инноваций и предпринимательства, включая новые стартапы, рост электронной торговли, инвестиции в научные исследования и разработки и годовой рост ВВП... нельзя выявить никакой связи между этими индикаторами экономической активности и степенью равенства или неравенства в доходах в стране». Peter Saunders, *Beware False Prophets* (London: Policy Exchange, 2010), 61. Эта оценка опирается на исследование ОЭСР: *Measuring Entrepreneurship*, Paris, 2009.

57. См.: Autumn Stanley, *Mothers and Daughters of Invention* (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1995).

Не имея возможности водить пять машин одновременно, богатые могут тратиться на еще более изощренные виды потребления или подстегнуть рост цен на произведения искусства или антиквариат. У этой деятельности особенно негативные последствия, и она оказывает побочное воздействие на других людей, поскольку, как правило, приводит к росту цен на собственность или к накоплению позиционных товаров. Также неясно, действительно ли все, что хотят люди после того, как заработали первые несколько миллионов, — это купить десятый дом или двадцатую машину. В большинстве случаев они хотят признания.

Итак, как могут будущие приспособления справиться с крайним неравенством и чрезмерным богатством небольшого меньшинства? Решение, которое могло бы значительно сократить пустые траты, — установление порога на частное владение богатствами при свободе распоряжаться им частным образом. Иными словами, состояния, превышающие установленный уровень, будут облагаться значительным налогом, если только они не были размещены в фонде для благотворительных инвестиций. Признание будет поощряться, расточительность — нет. Кроме того, такое обращение с богатством больше отвечает золотому правилу. В определенных случаях мы благосклоннозираем на накопление богатства и признание тяжелого труда или таланта. Но никому не нравится наблюдать за расточительностью. Кроме того, это решение больше соответствует продуктивному духу капитализма, требующему, чтобы деньги были в обороте, а не лежали без дела.

Такой подход — включение богатства в жизнь — может породить новую эру меценатства в искусстве, технологических изобретениях и социальной благотворительности. Те, кто жертвует, будут по-прежнему пользоваться признанием — и статусом, который приходит вместе с активным занятием меценатством. Но вещи, за которые они заплатили, внесли бы нечто ценное в жизнь других.

Сильная сторона этого решения еще и в том, что оно сохраняет преимущество рынков капитала, которое заключается в их способности направлять большие денежные средства на наиболее продуктивные нужды. Капитал, находящийся в трастах и фондах, по-прежнему будет инвестироваться в продуктивную экономику. Но сократится ущерб,

связанный с теми видами накопления капитала, которые теснее всего ассоциируются с неравенством и расточительностью. Если такие меры будут вводиться в каждой стране по отдельности, они неизбежно приведут к скорейшему отъезду самых богатых их граждан. Но Соединенные Штаты или Европейский союз, как и Китай, могут сделать шаги в этом направлении, если будут варьировать ставки налогообложения. Легко забыть, что были успешные прецеденты, например 40%-й налог на наследство, введенный либеральным правительством Британии в начале XX в., чтобы раздробить аристократические поместья. Слабые и маргинальные экономики, возможно, не смогут позволить себе оттолкнуть наиболее богатых своих граждан, но у сильных экономик есть больше пространства для маневра, чем они могут себе представить.

Меры, которые имеют значение

Когда сэр Томас Мор написал свою книгу «Утопия», он придумал новое слово, происходившее от древнегреческого выражения, означающего «не-место». Но это также был намеренный омоним для Эутопии, места счастья. Прогресс должен означать больше счастья во всех его разных значениях, от удовольствия до удовлетворения жизнью, от самореализации до смысла, и часть будущих приспособлений должна включать в себя новые способы измерения прогресса общества, которые лучше отражали бы, насколько общество стало местом счастья. Некоторые государства уже ставят задачу проведения субъективных замеров, отойдя от материалистического заблуждения, согласно которому измерять можно только вещи. Эти субъективные измерения включают в себя страх преступности, а также отмеченный уровень преступности, удовлетворенность пациента и показатели состояния здоровья. Использование этих индикаторов заставляет иначе себя вести общественные органы. Больницам приходится уделять внимание нюансам переживаний пациента; полиции — нюансам социальной динамики и чувства безопасности. Измерения общности (чувствуют ли люди, что есть другие люди, к которым они могут обратиться) и влияния (чувствуют ли люди, что они могут влиять

на решения, которые их затрагивают) также способствуют смещению фокуса государственной политики и меняют методы ее работы.

Британское Агентство по национальной статистике с 2011 г. фиксирует ответы 200 тысяч человек на четыре вопроса о том, насколько они удовлетворены, тревожатся или чувствуют себя реализованными⁵⁸, что позволило создать крупный банк данных по корреляциям и причинам. Это также позволит дополнить многие из уже использующихся инструментов, такие как «Индекс развития человеческого потенциала» (HDI), канадский «Индекс благополучия», «Показатели жизни человека» в Японии и измерения «Валового национального счастья» в Бутане⁵⁹.

Большее внимание к счастью ускоряет понимание зачастую сложных отношений между экономическим ростом и благополучием (обсуждавшихся ранее). Одно важное следствие — привлечение внимания к неравенству. Самый сильный довод в пользу того, что экономический рост действительно влияет на счастье, ссылается на данные из Соединенных Штатов, показывающие, что хотя за последние десятилетия ВВП здесь вырос, доход типичной семьи оставался неизменным вследствие стремительно растущего неравенства. Иными словами, если бы богатство распределялось более равномерно, счастье бы увеличилось. Это также привлекает внимание к более мелким деталям повседневной жизни: физическому устройству городов и жилья, обеспеченности уходом или к тому, насколько хорошо дети научились жизнестойкости. Цифры имеют значение, потому что сообщают о том, что для нас важно. Я уже указывал на важ-

58. Британское национальное агентство статистики задавало респондентам следующие вопросы:

- Насколько вы удовлетворены своей сегодняшней жизнью в целом?
- Насколько счастливым вы себя чувствовали вчера в целом?
- Насколько сильную тревогу вы испытывали вчера в целом?

59. Касательно быстро развивающейся области методов измерения прогресса в обществе см.: M. Nussbaum and A. Sen, eds., *The Quality of Life* (Oxford: Clarendon Press); G. Esping-Anderson, «Social Indicator and Welfare Monitoring: Social Policy and Development Programme», United Nations Research Institute Development, 2000; R. Veenhoven, «Quality-of-life and Happiness: Not Quite the Same» // *Health and Quality-of-Life*, ed. G. DeGirolamo et al. (Rome: Il Pensiero Scientifico, 1998).

ность измерения социального богатства наряду с экологическим и экономическим доходом и богатством. Главная ценность такого рода индикаторов связана не столько с тем, как они суммируются, сколько с тем, как они разбиваются и как показывают сравнительное положение различных частей общества.

Кроме того, следует ожидать новых методов измерения ВВП, которые будут лучше справляться с определением ценности выпущенной продукции (например, в государственном секторе или в финансах); эти методы смогут охватить нематериальные вещи и знания и, что тоже крайне важно, передать меняющееся состояние природных активов.

Во время Великой депрессии у государства не было данных, в которых оно нуждалось, чтобы управлять экономикой. Осознание этого подтолкнуло к успешной разработке новых статистических методов, включая ВВП. Сегодня правительственным органам тоже недостает некоторых правильных данных для принятия решений. У них нет статистических инструментов для того, чтобы отличить продуктивные государственные расходы от непродуктивных; у них мало инструментов для измерения инвестиций в инновации и нематериальные области; им не хватает хорошего способа измерения жизнестойкости. Каждый из этих недостатков поправим, и есть первопроходцы, показывающие дорогу в будущее. Но пока еще велика вероятность того, что ошибочные цифры приведут к принятию ошибочных решений.

Культивировать вдумчивость одновременно как общественное и частное достоинство

Включение последней группы предложений в контекст политического урегулирования и приспособлений может показаться странным. Мы обычно считаем, что они касаются денег, прав и институтов. Но я хочу указать на менее заметный аспект, связывающий прочие аспекты, описанные ранее.

Система, которая поддерживает коллективный ум, теперь предоставляет большую обратную связь почти по каждому аспекту жизни (иногда даже чрезмерную) и будет предоставлять еще большую в будущем. Платформы для сотрудничества в управлении данными, информацией и знанием

теперь проникают в каждую сферу жизни. Вероятно, они разовьются из устройств простой агрегации в современной сети в отлаженные инструменты для обращения со сложными областями знаний и в конечном итоге в инструменты для поддержки изощренных суждений и мудрости. Нужно также надеяться на то, что они позволят осознать мета-вопросы, стоящие за потоками знаний. Ум — это не только мысль и обработка данных, не говоря уже об автоматизации. Он также предполагает размышления о самой мысли и целях, и это одинаково важно как для отдельных людей, так и для обществ.

Выше в этой главе я подчеркнул важность приведения в соответствие средств и целей, когда заходит речь о системах инноваций и знания. Не слишком разумно просто выступать за инновации, креативность или предпринимательство, поскольку мы знаем, что это ведет как к хорошему, так и к плохому, и к прогрессу, и к ущербу. Вдумчивое общество должно уметь размышлять о целях инноваций, не только об их средствах, этических аспектах нового знания (как бы ни было трудно их выявить на ранних этапах) и относительных притязаниях различных проблем и задач (и судить о том, на какие именно задачи стоит направить внимание самых ярких и творческих умов). Вдумчивое общество также должно уметь размышлять о том, как оно использует свое время, и о том, способствует ли оно благополучию и самореализации. Если вдумчивость важна, мы должны взглянуть на институты и задаться вопросом не только о том, какие из них прибыльны или имеют практическую эффективность, но также о том, какие ей благоприятствуют. Какие институты и время, проведенное в них, делают индивидов и локальные сообщества сильнее и лучше подготовленными, а какие, наоборот, ослабляют и делают более зависимыми? Какие институты видят мир таким, какой он есть, и помогают четче его разглядеть? А какие искажают или «оглуляют»?

Это радикальные вопросы, они неизбежно бросают вызов мощным институтам в прессе, политике и бизнесе, чья повседневная практика — враг вдумчивости. Кроме того, эти вопросы в основном игнорировались в дискурсе современного капитализма, утратившего богатство, вдохновлявшее Адама Смита и его современников. Они были также

исключены узким дискурсом публичной политики, представлявшим их так, словно они не имеют отношения к общественным дебатам, будучи вопросами частной жизни, а не общественного интереса.

Однако можно ожидать, что вдумчивость станет не только частным, но и общественным вопросом. Уже существуют программы обучения школьников медитации или оценке того, насколько пресса точна в передаче фактов. Те, кто занимается организацией здравоохранения, знают, как важно пропагандировать вдумчивое отношение к здоровью и поддержание связи между психическим и физическим здоровьем. Градостроители снова вернулись к идее о том, что наряду с центральными деловыми кварталами и оживленными окрестностями необходимо создавать пространства для успокоения и размышления. Также можно надеяться на то, что общества будут пропагандировать промежуточные зоны, молчание и размышление, чтобы противостоять рискам того, что в Индии называют «умом мартышки» — неспособности сконцентрироваться из-за нескончаемой болтовни никогда не выключаемых машин. Такие идеи, как, например, «Цифровой шабат», могут стать провозвестниками новых способов осмысления социального конструирования вдумчивости.

Вдумчивое общество также будет лучше осознавать горизонты своего мышления. Одномоментное, сжатое время глобального киберпространства, в котором все происходит одновременно и где наша имплицитная ставка дисконтирования уходит в бесконечность, может быть врагом вдумчивости. Напротив, нам нужно уделять больше внимания временным горизонтам экологии или климатическим изменениям, которые могут развиваться на протяжении десятилетий и даже столетий: «долгое сейчас» служит корректировкой «короткого сейчас» и показывает абсурдность высоких коэффициентов дисконтирования рыночного капитализма, которые, по сути дела, придают нулевую ценность всему, смотрит на одно-два поколения вперед. Это требует институтов с долгосрочным горизонтом, встроенным в их устройство и в их отчетность.

«Долгое сейчас» чуждо основному духу капитализма. В своей работе «Трактат о денежной реформе» (1923) Кейнс писал, что в долгосрочной перспективе все мы умрем, вы-

ражая взгляд, ограниченный одним поколением, что сегодня кажется странным (и не только из-за монетаристов-антикейнсианцев, которые заявляли, что Кейнс умер, а они и есть это его «рано или поздно»). Экономическая система, которая не может описывать и справляться с долгосрочными проектами, растягивающимися на многие поколения, лишена адекватности. Даже система, которая не может учесть интересы двадцатилетних, делающих сбережения, чтобы оплатить пенсию, на которую они будут жить 80 лет спустя, выглядит ущербной и непригодной.

Как складываются приспособления

Это некоторые из возможных элементов новых приспособлений, которые будут принимать в разных странах разные формы, но будут разделять двойную цель поддержки творческого начала и сдерживания хищничества. Как, когда и где именно это случится, предсказать невозможно. Химия, превращающая внешне стабильные, даже застойные общества в очаги бунта, пока еще очень слабо понята.

По-видимому, ясно, что в каждой из десяти областей изменений, описанных выше, я нарисовал нечто большее, чем программу для правительства. Вместо этого изменение должно возникнуть из взаимодействия направленной сверху вниз работы государства, горизонтальной конкуренции бизнес-предприятий и рынков и идущего снизу вверх давления граждан. Декретов и программ никогда не будет достаточно. В действительности, трансформирующие изменения зависят от общего чувства направления и от моральной необходимости, которая затрагивает все институты, а не только государство. Полезный образец первых шагов в этом направлении дает страна, которая больше всех пострадала от финансового кризиса 2008 г. Вскоре после того, как Исландия пережила драматический крах банковской системы, валюты и веры в себя, население впало в состояние шока. Многие люди каждую субботу приходили на площадь Аустурвуллер в центре Рейкьявика поговорить друг с другом, собираясь при помощи твиттера, фейсбука или просто услышав об этом от знакомых. Они не знали, что делать, но должны были делать хоть что-то. На некоторые из этих

встреч приходили министры, чтобы выслушать жалобы людей, которые понимали, что в течение многих лет будут расплачиваться за свои ошибки. Вскоре гнев «кухонной революции» был перенесен в Алтинги, национальный парламент, где собрались тысячи людей, стучавших в кастрюли и сковородки, требуя приостановить его деятельность, в результате чего они быстро сумели сбросить не только правительство, но и глав центрального банка и министерства, занимавшегося регулированием финансов. После последовавших за этим выборов новый премьер-министр Джоанна Сигурдардоттир заявила: «Люди призывают к изменению этики. Для этого они за нас голосовали». После этого была предпринята попытка повести разговор по-новому. Аналитический центр, «министерство идей», организовал в Рейкьявике первую Национальную ассамблею из 1200 граждан, случайным образом отобранных из национального регистра, и 300 гостей, включая кабинет министров и членов парламента, профсоюзы, представителей прессы и т. д. Они составляли 0,5% от населения, и в их задачи входило сформировать новое видение страны и представление о том, какой должна стать Исландия. Возможно, это была первая попытка краудсорсинга национального урегулирования. Ассамблея быстро достигла консенсуса по некоторым вопросам, поставив на первое место верность нравственным принципам, а после нее равноправие, уважение и справедливость. На огромном экране появилась проекция новых приоритетов страны — честности, равенства и любви⁶⁰. Появились новые инициативы — например, «Исландская инициатива современных медиа», единогласно принятое парламентское предложение сделать Исландию в 2010 г. безопасной зоной для информации и самовыражения.

Но за этим последовали болезненные дебаты о многочисленных причинах кризиса: не только о страшно раздутом банковском секторе, но и о целом ряде сомнительных практик, окружающих традиционную основу исландской экономики — рыболовство — и поощряемых некогда популярной системой квот. Возвращение Исландии к ценностям в качестве исходной точки, похоже, отражает всеобщую законо-

60. <http://thjodfundur2009.is/english/>.

мерность. Всякий раз, когда общество сбивается с пути в экономике, оно также чувствует, что потеряло и моральные ориентиры⁶¹. И наоборот, возвращение к экономическому росту должно сопровождаться моральным возрождением.

61. Восстановленный моральный консенсус в Исландии позволил при помощи жестких макроэкономических мер стабилизировать валюту и сократить долг. Через два года это убедило МВФ в том, что Исландия чудесным образом могла служить для других примером для подражания. Однако в обществе сохранялся раскол по некоторым фундаментальным вопросам — путь к выздоровлению не будет легким.

Перерастаи капитализм

В ОДНОЙ старой истории рассказывается о шамане, который говорил о себе, что в нем живут два медведя: один — жестокий, воинственный и сильный охотник, а другой — заботливый и сострадательный. Мальчик спрашивает, какой из них победит, и шаман отвечает: тот, которого я буду кормить.

Капитализм одержал победу, провалился, приспособился, снова победил и снова провалился, а затем сумел восстановиться в основном благодаря выборам, сделанным, чтобы его вскормить. Даже когда он садится на мель, большинство хочет лишь того, чтобы он продолжал двигаться. Экономическая система, господствующая в мировой экономике, проникла в нашу культуру, нашу политику и, возможно, даже в наши души, так что сегодня она представляется едва ли не природным явлением. Главные вызовы, брошенные капитализму, были преодолены, а критики охрипли, повторяя одни и те же доводы против него. Так что же дальше? И кто одержит победу — хищники или творцы?

Капиталистическая идея господствовала в истории модерна — и как нечто привлекательное, и благодаря вызываемому ею отвращению, но также из-за отвращения к системам, которые сложились вследствие отвращения к капитализму. Сильнейшая составляющая ее привлекательности заключается в обещании изобилия, то есть благосостояния самого разного уровня, которое ранее было доступно лишь очень немногим. Именно это привлекло людей Восточной Европы в 1989 г. — магазины, наполненные товарами, а не пустые полки. В Средневековье в бедности видели святость, однако современная капиталистическая экономика не испытывает любви к бедности и не уважает ее, она может лишь жалеть ее или пренебрегать ею.

Обещание изобилия было отражено в обещании открытого мира — в расширении уровня личной и географической мобильности. В отдельных профессиях, в отдельные времена и в отдельных городах эта перспектива всегда присутствовала, однако она оставалась исключением в обществах, в которых дети рождались, будучи привязанными к определенным кастам, ролям или гильдиям. В большинстве обществ традиционные обязательства предполагали, что если вы богатели, вы должны были делиться своим богатством с родственниками, а это уже несколько расхолаживало, не говоря об угрозе того, что ваше богатство может присвоить какой-нибудь задолжавший король или барон. Напротив, капитализм обещал мир, в котором личная свобода включала в себя и свободу игнорировать других.

Капитализм не был политической партией или программой. Но когда он сложился, он приобрел некоторые характеристики программы или манифеста. Теперь мы можем понять, что это была цепочка сделок, что, вероятно, вполне соответствует системе, основанной на торге. Одна из них обещала, что если общество отдаст власть на производстве капиталистам, совокупный выигрыш в благосостоянии перевесит ощущение беспомощности и тот факт, что капиталисты будут получать большую часть прибавочного продукта. Даже если все выиграют по-разному, все равно выиграют. Другая заключалась в обещании, что непрерывные эксперименты и инновации, предполагающие высокую частоту неудач, дадут возможность достичь таких выигрышей в производительности и благосостоянии, что позволят значительно компенсировать траты, обусловленные бесплодными повторами и провалами. А третья обещала, что значительные непроизводительные издержки, связанные с рыночной экономикой, страховщиками, бухгалтерами, юристами и посредниками, на долю которых, по некоторым оценкам, приходится более трети всех рабочих мест, также окупятся в силу огромного роста, который произойдет в экономике в том числе и благодаря им.

Это поразительные заявления, совершенно расходящиеся со средневековой или ренессансной ментальностью. Никто не стал бы делать вид, будто они общеприняты. Они не были самоочевидны и тем людям, которым, казалось, они наиболее близки, — инвесторам и трейдерам. Не были они очевид-

ны и Адаму Смиту или Давиду Рикардо, и ни тот, ни другой не понимали огромных задач по координации, связанных с современной экономикой, как и ее зависимости от науки и технологии. И при этом имели место динамичные сделки, которые предлагали движение с неопределенной конечной целью, без окончательно свершившейся утопии, наоборот, они предлагали бесконечный рост и беспредельное умножение желаний и способов их удовлетворения.

В предыдущих главах я показал, что именно те вещи, которые обуславливают величие общества, могут его разрушить, а потому из них следует вырасти. У всех обществ есть самоубийственные склонности: в монархии это склонность к чрезмерным военным расходам и долгам, в религии — склонность к такому лицемерию, что даже ее adeptам становится тошно. В капитализме склонность к самоубийству проявляется в стремлении к бездумным рискам и долгу, в избыточном оптимизме и ничем не сдерживаемой алчности. Как и в случае с хищными животными, слишком большой успех может оказаться контрпродуктивным. В мире животных проблема состоит в том, что исчезает жертва. На рынках же риск заключается в том, что извлечение слишком большой прибыли не позволяет производить достаточные инвестиции в будущее, а колонны, соединяющие основание живой стоимости со сложными башнями и турелями денежной стоимости, рушатся.

Многие критические аргументы, выдвинутые против капитализма, не стали достоянием прошлого, поскольку по-прежнему бьют в цель, выделяя его слабости. Его хищнические наклонности снова и снова сдерживались, но потом они неизменно проявлялись заново. Капитализм обладает определенной способностью устанавливать равновесие внутри самого себя, но ему недостает способности к более широкому равновесию, к сдерживанию своих собственных динамических дисбалансов. Вот почему общества находились в состоянии постоянного диалога, а иногда и борьбы с капитализмом, пытаясь сгладить его эксцессы, справиться с издержками, направить его продуктивные силы в нужное русло. Сегодня можно понять, что они были захвачены динамической борьбой, направленной на то, чтобы вырастить нужное им и не выращивать то, что было для них нежелательным.

Антикапиталистические революционеры мечтали о зеркальном мире, который был бы противоположностью того, что они видели вокруг себя, — миром без собственности, без денег, без неравенства и хищников. Эти утопии нужны нам, чтобы понять пластичность мира и чтобы нейтрализовать наше стремление видеть нечто вечное и естественное в том, что является всего лишь временным и случайным. Нам нужны радикальные идеи, бросающие вызов реальности: чтобы вообразить мир без пустой траты — сырья или людей, мир, уделяющий отношениям не меньше внимания, чем деньгам; чтобы помыслить время и счастье в качестве универсальных валют, мерила вещей; чтобы представить себе, как мы будем легко ступать по земле. Однако зеркальные миры не были реализованы. Их влияние обусловлено взаимодействием с миром, который они критикуют, а не тем, что они его собой заменили.

Итальянский политик и философ Антонио Грамши написал из своей тюремной камеры, что единственный способ, которым мы можем подтвердить социальные предсказания, заключается в коллективном действии, при помощи которого мы способны их осуществить. Воображаемое будущее в его различных вариантах служит поводом к действию; оно обещает открытые возможности, но не может гарантировать их, и любая такая псевдогарантия остается всего лишь видимостью¹. Как говорил один герой Клинта Иствуда, «если вам нужна гарантия, покупайте тостер»². Но если не использовать будущее в качестве шпоры для настоящего, нам грозит ничем не обоснованное заточение в прошлом, и мы можем так и не познать пределы возможного.

Революционеры считали, что лобовая атака способна ускорить переход от настоящего к будущему, от черного к белому, от ада к раю. Альтернативный способ — приближаться к проблемам по касательной³. Это метод поэта, и, возможно, сегодня мы предпочтем именно его, чтобы ра-

1. James P. Hawley, «Antonio Gramsci's Marxism: Class, State and Work», *Social Problems* 27, no. 5, Sociology of Political Knowledge Issue: Theoretical Inquiries, Critiques and Explications (June 1980), ornia Press, pp. 584–600.

2. «Новичок» (1990).

3. Греческий поэт Константинос Кавафис сказал, что лучше всего подходить к проблеме по касательной.

зобратся в проблемах, найти гибридные решения, альянсы противоположностей, компромиссы, не отличающиеся кристальной чистотой, и взять на карандаш стремление человеческого мозга к порядку, мешающее тем не слишком чистым компромиссам, которые могут сослужить нам лучшую службу.

На протяжении всей современной эпохи прогрессисты надеялись, что можно будет достигать взаимопонимания и любви во все больших масштабах и все более сложных формах, направляя эгоистические и хищнические амбиции в русло всеобщего блага. Два столетия модерна позволили увидеть в разуме и мудрости наиболее важные способности, которые могут быть у индивида, группы или общества, — способности, которые можно организовать лучше, чтобы миллионы голов достигли наибольшего для себя результата. Демократия, рынки и университеты, Интернет и новые семантические сети — все это инструменты организации разума, демонстрирующие разную успешность. На более поздних стадиях модерна удалось понять, что благосостояние и счастье являются самыми важными целями, на которые только может быть направлен разум. И они подтвердили, что именно отношения, а не вещи или абстракции являются источником того, что мы больше всего ценим.

Итак, какое же место приготовлено капитализму? Любой развитой экономике нужен капитал. Ей нужны запасы ценности; ей нужны деньги для финансирования своих крупных проектов, развития новых технологий и роста собственных предприятий. И ей нужны рынки, чтобы решать все эти задачи, поскольку они представляют собой лучшие механизмы по распределению денег среди конкурирующих задач, чем любые альтернативы рынку. Но, как мы выяснили, капитализм теперь уже не настолько хорошо выполняет эти функции. Он отделился от реальной экономики; капитал стал служить капиталу, а не ценности; а финансовые системы слишком часто становились хищниками. Результат — не просто очередной кризис экономики и чрезмерного риска. Это еще и кризис смысла и значений. Система, обещающая производительность, отдачу и устранение пустых трат, слишком часто провоцирует расточительность и презрение к потребителям. Нам нужны рынки капитала, которые накапливают деньги и могут разумно инвестировать их.

Но для этого должно остаться лишь немного степеней разделения; у игроков должны быть мотивы, координирующие их интересы с теми, которым они должны служить; а каждая часть системы нуждается в соразмерности, в верном балансе рисков и активов. А для всего этого нужны сдержки и противовесы: сильные медиа, сильные институты гражданского общества, которые могли бы проконтролировать, предупредить, а иногда и пристыдить. И если все эти вещи нужны правительствам, чтобы те оставались честными, не меньше нужны они и банкам с инвесторами.

В экономиках, которые успешно удовлетворяют нужды и желания людей, все же может оставаться много места для жесткой конкуренции и щедрого вознаграждения успешных предпринимателей и авантюристов. Однако таким экономикам не нужно избыточное хищничество, не нужны издержки секторов и фирм, чья первичная цель — отбирать ценность у других, а не создавать ее.

Выдвигаемые здесь аргументы предлагают иное будущее, отличное от традиционных описаний, в которых капитализм отбрасывается и замещается совершенно новым порядком. Они также ставят под вопрос общепринятую для большинства профессиональных экономических комментаторов и практиков историю, согласно которой капитализм будет еще долго продолжать вести свои дела точно так же, как раньше.

Также вероятно постепенная маргинализация капитала и капиталистической власти в их сегодняшних формах, осуществляющаяся по мере развития новых форм: концентрации капитала в социальных и экологических, а не только коммерческих целях; круговых систем производства; гражданской и социальной экономики; постоянно расширяющихся социальных отраслей, предлагающих медицинские услуги, заботу, образование и поддержку; содействия киберпространства и новых инструментов коллективного разума; домохозяйства, заново утверждающего себя в качестве места производства; миров параллельных обменных систем, коллаборативного потребления и временных счетов.

В 1990–2000-х гг. более половины выпускников Бизнес-школы Гарварда продолжали свои карьеры в сфере финансов, а во многих других странах лучшие, самые яркие из выпускников в областях физики и инженерии также шли

в финансы, поскольку их притягивали значительно большие заработки. В других отраслях и сферах остро ощущалась проблема «утечки» талантов, следовавших за деньгами. Сдвиг, который я описывал выше, можно оценить по числу лучших и самых талантливых, которые уходят в области, позволяющие создавать ценности для других граждан (например, в качестве изобретателей и производителей, сотрудников благотворительных организаций или государственных чиновников), а не в сферы, требующие нередко хищнической деятельности, создающей степени разделения между людьми и их деньгами.

Можно усмотреть аналогию в том, что происходило с монархиями и империями. Два столетия назад мир управлялся монархиями. Существовали и немногочисленные республики, например большие итальянские города или молодые Соединенные Штаты. Революционная волна, начавшаяся в Париже в 1789 г. и достигшая пика с казнью королевской семьи, спала. Многие ведущие мыслители пришли к выводу, что демократия представляет собой отклонение, эксперимент, опробованный, но провалившийся. Напротив, монархия просто обязана была добиться успеха, поскольку укоренена в природе человека: люди созданы так, чтобы жить в иерархиях, а общества должны делиться на слабых и сильных, причем ответственность отдается последним. Все остальное — это просто глупости, выдающие желаемое за действительное. Более того, любая попытка отдать власть народу в конечном счете приведет к кровопролитию. Только короли и императоры, служащие богу, могут гарантировать порядок.

Как мы сегодня знаем, все составляющие этого общепринятого тогда мнения были поставлены с ног на голову. И хотя монархия пронизывала все поры социальной жизни, начиная с законотворчества или награждения знаками отличия и заканчивая землевладением или военным делом, ее естественность оказалась ложной. Вскоре монархии были вытеснены на обочину и сохранились лишь в форме невзрачных анахронизмов, тогда как безграничное божественное право было заменено ограниченными и сугубо светскими полномочиями.

Рассуждать при помощи аналогий — рискованное занятие. Однако они могут помочь нашему воображению, не позволяя нам видеть в пластичных и временных социальных ин-

ститутах нечто обладающее постоянством. По крайней мере, мы можем представить, что судьба баронов и монархов современного капитализма не слишком отличается от того, что случилось с всемогущими властелинами предшествующей эпохи: их почитали и уважали все меньше и меньше, а со временем и вовсе отняли у них власть. Немногие готовы уверенно заявлять, что капитализм укоренен в человеческой природе, когда есть множество данных психологии (в том числе социальной), указывающих на то, что хотя приобретательство и жадность — часть нашей природы, не менее важными ее составляющими являются кооперация и забота. Также и превосходство частной фирмы не кажется сегодня столь же самоочевидным, как раньше: напротив, в некоторых совершенно отличающихся друг от друга областях мы узнаем о ценности плюрализма в экономической жизни, об эффективности и устойчивости моделей с совместным владением, которые открыто ставят те или иные политические и моральные цели, а не просто работают ради прибыли. Экономика какое-то время стремилась стать всеобщей наукой. Более реалистичный и скромный взгляд усматривает в ней собрание закономерностей, но без вечных законов; сложное искусство осмысления денег и ценности, но не науку, способную на слишком уж большое число предсказаний.

Мои доводы указывают на то, что господствующие формы современного капитализма будут замещены новыми формами, отражающими идеи, таящиеся в капитализме: изменившиеся концепции роста, как и концепции роли человеческих отношений; изменившиеся способы представления ценности. Нам следует ожидать, что они породят совершенно иные способы организации и сервиса — более открытые, больше ориентированные на отношения и укорененные в жизни, а также иную этику и эстетику. Некоторые очертания возможного будущего можно найти в любой развитой экономике, они являются семенами, ждущими подходящих условий, когда можно будет превратиться в мейнстрим. Такие условия — это условия как успеха, так и провала, и новые формы экономической жизни, скорее всего, будут распространяться как последствия роста, а не его отсутствия, материального изобилия, а не дефицита, даже если кризисы роста могут повлиять на их развитие. В таком качестве они могут раскрыться во многих возможных сценариях будущего — от *pax Sinica*

с Китаем в роли гегемона до более раздробленного глобального апартеида или мира, в котором старые державы Европы и Северной Америки возродятся как феникс.

Самые славные времена монархий были как раз перед тем, как они утратили свою власть. Некоторые потеряли ее внезапно. Другие же наблюдали за тем, как их сила постепенно слабеет, когда парламенты мало-помалу отбирали у них престиж и их функции, превращая их из основных институтов общества, притягивающих к себе как любовь, так и ненависть, в нечто маргинальное. Пока еще нельзя с уверенностью предсказать похожую участь для господствующих институтов капитализма. Но есть достаточные причины сомневаться в том, что они переживают свой полуденный расцвет. Возможно, сегодня мы наблюдаем то мгновение перед закатом, когда блеск солнца, которое вот-вот скроется за горизонтом, особенно величествен.

Если это так, их вскоре могут заместить изменившиеся взгляды на то, что представляет собой благосостояние, как оно создается и какую долю его объема следует использовать. Чтобы выяснить, что нас ждет, возможно, следует взглянуть вверх. Линия горизонта — простейший тест, позволяющий определить, что именно ценит общество и где контролируется его прибавочный продукт. Несколько столетий назад самыми величественными строениями в городах по всему миру были крепости, церкви и храмы, отражающие приоритеты обществ, управляемых военными и священниками. Затем на какое-то время их сменили дворцы. В XIX в. на короткий промежуток времени выше них взмыли гражданские здания, вокзалы и музеи. Но к концу XX в. самыми высокими зданиями стали банки, отличающиеся роскошнейшими атриумами и холлами. Центральные бизнес-районы высятся над всеми остальными частями городов, а их стеклянные башни излучают уверенное превосходство. Но что придет им на смену? Большие дворцы развлечений, казино или спортивные стадионы? Университеты и художественные галереи? Водонапорные башни, висячие сады и вертикальные фермы? Или, возможно (как во многих голливудских фильмах), биотехнологические империи? Никто не знает ответа. Но вообразить то, что могло бы заполнить небеса, — это один из способов оживить нашу способность видеть в системах, в которых мы существуем, жизнь и движение.

Научное издание

ДЖЕФФ МАЛГАН
САРАНЧА И ПЧЕЛА:
Хищники и творцы
в капитализме будущего

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Корректор Людмила Малова
Художник серии Валерий Коршунов
Верстка СЕРГЕЯ ЗИНОВЬЕВА

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

✻

Подписано в печать 22.10.2013 Тираж 1000 экз.
Формат 60×90/16. Гарнитура Баскервиль. Заказ №3846

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

Книги Издательства Института Гайдара

спрашивайте в магазинах

Библио-глобус. Мясницкая ул., д. 6/3, стр.1.

+7(495) 781-19-00

Фаланстер. М. Гнездниковский пер., 12/27.

+7(495) 629-88-21

Фаланстер на Винзаводе. 4-й Сыромятнический пер., 1, стр. 6.

+7(495) 926-30-42

Циолковский. Новая площадь, 3/4 (здание Политехнического музея) подъезд 7Д. +7(495) 628-64-42

Москва. ул. Тверская, 8, стр.1. +7(495) 629-64-83, 797-87-17

Московский Дом книги. ул. Новый Арбат, 8. +7(495) 789-35-91

Книжная лавка «У Кентавра» в РГГУ. ул. Чайнова, 15.

+7(499) 973-43-01

Книги в кафе «Bilingua». Кривоколенный пер., 10, стр.5.

+7(495) 623-66-83

Русское зарубежье. ул. Нижняя Радищевская, д. 2. +7(495) 915-10-47

Киоски «Академия» в РАНХиГС, пр-т Вернадского, 82.

+7(499) 270-29-78, 433-25-02

БукВышка, университетский книжный магазин (ВШЭ), ул.

Мясницкая, 20. +7(495) 628-29-60

Гнозис. Турчанинов пер., 4. +7(499) 255-77-57

Киоск «Гнозис». МГУ, 1-й Гуманитарный корпус

Киоск в Институте философии РАН. ул. Волхонка, 14

Dodo Magic Bookroom. ул. Таганская, 31/22

Jabberwocky Magic Bookroom. ул. Покровка, 47/24. +7(495) 917-59-44

Вестник. ул. Б. Серпуховская, 12/11. +7 (495) 236-43-62

Книжный клуб «36'6». +7 (495) 926-45-44

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Санкт-Петербургский Дом книги. Невский проспект, 28. +7 (812) 448-23-55

Порядок слов. наб. р. Фонтанки, 15. +7 (812) 310-50-36

Все свободны. Мойка, 28. +7 (911) 977-40-47

Магазин изд-ва СПбГУ. Менделеевская линия, 5.
+7 (812) 328-96-91, 329-24-70

Борхес. наб. Обводного канала, 60

ВОРОНЕЖ

Книжный клуб «Петровский». ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а

ТЦ «Петровский пассаж». +7 (473) 233-19-28

ЕКАТЕРИНБУРГ

Йозеф Кнехт. ул. 8 Марта, 7 (вход с набережной).
+7 (909) 015-79-68

Клейстер, книжная лавка при филиале Государственного центра современного искусства, ул. Добролюбова, 19а. +7 (343) 380-36-96

КИЕВ

Архе. Оранжевая ул., 3. +380 63 134 1893

НОВОСИБИРСК

КапиталЪ. ул. Максима Горького, 78. +7 (383) 223-69-73

Аристотель. <http://aristotelo8.blogspot.com/>

Собаچه сердце. ул. Каменская, 32. +7 (913) 480-20-30

ПЕРМЬ

Пиотровский. ул. Луначарского, 51а. +7 (342) 243-03-51

ПЕНЗА

ВПЕРЕПЛЕТЕ. ул. Московская, д.12. +7 (8412) 25-64-68

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Книжный салон «Интеллектуал». ул. Садовая, 55,
Дворец творчества детей и молодежи.
+7 (988) 565-14-35

САМАРА

Метида. пр-т Юных пионеров, д. 14б. +7 (846)269-17-17

в книжных сетях

Буквоед. <http://www.bookvoed.ru/>

Книжный лабиринт. <http://www.labyrinth-bookstore.ru/>

Новый книжный. <http://www.nk1.ru/>

Читай-город. <http://www.chitai-gorod.ru/>

заказывайте в интернет-магазинах

www.ozon.ru, www.labyrinth.ru, urait-book.ru,

www.books.ru, my-shop.ru, www.zone-x.ru,

www.biblion.ru, read.ru, goodreads.ru,

www.colibri.ru.

По вопросам оптовой закупки обращайтесь по адресу:

Москва, Проспект Вернадского, д. 82,

Издательский дом «Дело» РАНХиГС,

тел. 8 (495) 433-25-02, 433-25-10,

delo@anx.ru, com@anx.ru



Институт экономической политики
имени Егора Тимуровича Гайдара —
крупнейший российский
научно-исследовательский и учебно-
методический центр.

Институт экономической политики
был учрежден Академией народного
хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год
был известен как Институт экономики
переходного периода, бессменным
руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива
в соответствии с Указом Президента РФ
от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся
к исходному наименованию, и ему было
присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано
в 2010 году. Задачей издательства является
публикация отечественных и зарубежных
исследований в области экономических,
социальных и гуманитарных наук, трудов
классиков и современников.



Джефф Малган

САРАНЧА И ПЧЕЛА

Хищники и творцы в капитализме будущего

Джефф Малган написал важную книгу, которая отвечает на вопрос, как может измениться капитализм для того, чтобы создавать ценности, необходимые гражданам в XXI веке и высоко ценимые ими, вопрос, который лежит в основе многих нынешних экономических, социальных и духовных болезней. Его видение капитализма, который поддерживает и углубляет человеческие взаимоотношения, необычайно привлекательно и вполне осуществимо.

Энн-Мэри Слотер, профессор политических наук
Принстонского университета

Можем ли мы заменить хищническую часть капитализма чем-то созидательным и жизнеутверждающим? Эта книга показывает нам, что можем. При помощи смелого исторического взгляда Малган убедительно показывает, что общества сами могут выбирать свою собственную судьбу.

Ричард Лэйрд,
профессор экономики Лондонской школы экономики

Сегодня Джефф Малган — один из лучших теоретиков и практиков в области социальных инноваций. В «Саранче и пчеле» он предлагает проницательное объяснение современных рыночных экономик с точки зрения контраста между теми, кто создает, и теми, кто грабит. Он рассматривает идеи, институты и практики, которые могут обеспечить победу творцов над грабителями. Эта книга — руководство для визионеров-практиков, написанное одним из них.

Роберто Мангабейра Унгер, профессор права Гарвардского университета, в 2007–2009 гг. — министр по стратегическим вопросам правительства Бразилии

Джефф Малган оценивает созидательные и разрушительные способности капитализма, утверждая, что от этих противоположных сил невозможно избавиться; гениальность этой системы в том, что она не перестает развиваться. Многие читатели, включая меня, с ним не согласятся, но Малган необычайно чуток и часто провокативен; это зрелое выступление в защиту капитализма заслуживает широкого обсуждения.

Ричард Сеннет,
профессор социологии Лондонской школы экономики

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

ISBN 978-5-9325-5379-4



9 785935 553794